

Борис Дубин

Отношение к себе; отношения с другими; силы, которые скрепляют невидимое, но так или иначе осязаемое «мы» и которые заставляют нас это «мы», вместе со столь же невидимо и осязаемо противостоящим «они», молчаливо принимать за данность; тип и склад человека, который таким самопониманием создается и в таких взаимоотношениях воспроизводится,— все это можно коротко назвать антропологией нынешнего российского общества. Она и поддерживающие ее социальные формы (институты), собственно, и являются предметом социологии в точном смысле слова. Прочее оставим технологам.

Борис Дубин

Борис Дубин

**ЖИТЬ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ
СТОЛЕТИЙ**

Социологические очерки
и разработки

Прогресс-Традиция
Москва

УДК 36
ББК 60.56
Д 79

Дубин Б.

Д 79 Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 408 с.

ISBN 5-89826-216-4

В основе статей, составивших сборник, лежат данные систематических общенациональных социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и представляющих широкую картину общественной жизни в России последнего пятнадцатилетия. На их материале рассматриваются социальные и культурные изменения на уровне страны в целом и различных подсистем общества, столицы и периферии, семьи и личности; проблемы самоопределения, мотивы поведения российского человека в постсоветских условиях; структуры коллективного исторического сознания и особенности массового восприятия текущей ситуации. Преимущественное внимание уделено социальным институтам постсоветского общества их устойчивости и внутренней конфликтности, потенциалу адаптации к переменам и границам возможных трансформаций.

Книга адресована историкам, социологам, политологам, культурологам, кого интересует социальная жизнь России в недавнем прошлом, настоящем и ближайшем будущем.

ISBN 5-89826-216-4

© Б. Дубин, 2007
© Г.К. Ваншенкина, оформление, 2007
© Прогресс-Традиция, 2007

От автора

В книгу вошли те из моих статей последнего десятилетия, которые основаны на результатах всероссийских эмпирических опросов общественного мнения, проводившихся Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр, в 1988–2003 гг. – ВЦИОМ) с регулярностью по крайней мере раз в месяц, но, учитывая специальные тематические заказы, блиц-зондажи и проч. – и того чаще. Статьи публиковались по преимуществу в журнале нашего же Центра «Мониторинг общественного мнения» (выходит с 1993 г., с 2003 г. под названием «Вестник общественного мнения») и тесно связаны с исследовательским проектом «Советский человек». В этом плане сборник примыкает к аналогичным по материалу и построению книгам Ю.А. Левады и Л.Д. Гудкова¹, во многом перекликается с ними. Кроме того, для более объемного восприятия лежащих перед ним текстов читателю стоило бы иметь в виду хронологически и тематически близкие работы автора, вошедшие в его недавнюю книгу², а также наши совместные с Л. Гудковым и построенные на материале тех же массовых опросов статьи 2000–2005 гг.³

Десятилетие, разумеется, отрезок условный. Его границы – как всякие рубежи – относительны, но смысловой состав, итоговую логику произошедшего вряд ли можно считать произвольными. Если говорить об исследовательском подходе, аналитической рамке понимания материала, то примерно с 1995–1996 гг. они для автора и начали проясняться, почему сегодня в статьях того, уже не очень близкого времени практически ничего и не переделывалось (разве что в нескольких случаях добавлены результаты более поздних опросов). А в социально-историческом плане этот хронологический отрезок размечен для страны такими событиями, как начало бессмысленной и, кажется, беско-

¹ См.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000; Он же. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., 2006; *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М., 2004.

² Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М., 2004 (особенно разделы III и IV).

³ Например: Российские выборы: время «серых» // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 2. С. 17–29; Конец 90-х годов: Затухание образцов // Там же. 2001. № 1. С. 15–30; Общество телезрителей // Там же. 2001. № 2. С. 31–45; Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Там же. 2003. № 3(65). С. 33–52; Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // Куда пришла Россия?.. М., 2003. С. 174–186; Милицкий произвол, насилие, «полицейское государство» // Неволя. 2004. № 1. С. 28–37; Процесс. Дело ЮКОСа в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. 2005. № 4(78). С. 30–45; Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 6–24.

нечной чеченской войны (потом ее назвали первой), парламентскими и президентскими выборами 1995–1996 гг., вроде бы продлившими эпоху Ельцина и перестройки в целом, но для позднего, более пристального взгляда обозначившими ее сворачивание, обрыв и перерождение, дефолтом 1998-го и столь же тупиковой, как первая, второй чеченской войной. На гребне вызванных всеми этими событиями общественных страхов, ожиданий «стабильности» и «порядка» пришел к власти и был избран нынешний президент страны, символизировавший переход к новому социально-политическому режиму. Этот последний получил символическое же закрепление в выборах 2003–2004 гг. и последовавших за ними президентских мерах по централизации власти, утверждению единоначалия.

Одной из «внешних» реакций на кристаллизацию российского режима (не календарный, а настоящий конец эпохи девяностых и связанных с нею властных элит) можно, видимо, считать грузинскую и украинскую «революции» 2003–2004 гг., которые если и не предвещают цепную реакцию распада такого промежуточного образования, как СНГ, то в любом случае коренным образом меняют контекст его существования. Стоит отметить, что «внутренние» меры новой команды по укреплению «вертикальной оси власти», наведению порядка, замораживанию и сдерживанию процессов разложения советско-имперского целого хотя бы на уровне Российской Федерации тоже не отнесешь к успешным: воссоздаваемое в книге десятилетие начиналось, еще раз напомню, «маленькой» чеченской экспедицией, которой планировали прикрыть социально-экономический хаос и политический коллапс, а завершается оно угрозой распространения непрекращающейся войны на другие регионы Северного Кавказа, кровавыми событиями в Беслане, массовыми антиправительственными волнениями со стороны наиболее обделенных государством, наиболее зависимых от государства и наименее активных до времени социальных слоев и ширящейся им в ответ государственной шпиономанией, войной с «олигархами», ксенофобией в парламенте и массмедиа, истерическими поисками «внутренних врагов» и внешних «подстрекателей», мстительными акциями государства по адресу ближайших соседей (Польша, Украина, Грузия, Молдавия и др.). Ни одна из основных проблем постсоветского социума – строительство современных институтов, нормализация процессов воспроизводства общества и систем его управления, интеграция страны в большой мир – не только не решены всерьез, но отодвинуты даже их постановка и обсуждение. Большинство серьезных и неотложных реформ – земельная, армейская, образовательная, жилищно-коммунальная – не сдвинулись с места.

Если же перейти от событийного плана к плану аналитическому, то исход 1990-х – начало 2000-х гг. можно обобщенно описать, во-пер-

вых, как процесс упрощения российской политической системы за счет упразднения или кардинальной трансформации новых для постсоветской России, собственно современных *институтов* (фактическое устранение самостоятельной роли парламента, политических партий и лидеров; превращение суда и прокуратуры в репрессивные органы власти, монополизированной представителями силовых ведомств и обслуживающих режим номенклатурно-бюрократических структур; огосударствление средств массовой информации, прежде всего — электронных, и т.д.) и, во-вторых, как возвращение и нарастание имперских, ностальгически или остаточно великодержавных моментов в системах *коллективной идентификации* российского населения — мифов об «особом пути» страны, изоляционистских установок в отношении Запада, реакций отторжения и агрессии по адресу этнических «чужаков». Эти процессы нарастающей неотрадиционализации социума, их связь с воскрешением в массовом сознании мифологии силовых институтов и авторитарных систем (армии, тайной полиции), укреплением в общественном мнении символической фигуры единоличного вождя, включая проекции образа Путина на андроповскую, брежневскую и сталинскую эпохи, прослеживаются в третьей и четвертой частях книги. Три первые ее части сосредоточены на массовом восприятии перемен начала 1990-х гг. в «центре» и на «периферии» российского общества, в сознании разных групп и поколений россиян. И хотя автор как социолог, понятно, не ставил перед собой задач исторического описания, сборник работ, расположенных в систематическом порядке, оказалось, почти точно следует хронологии написания статей (точные указания на время и место их публикации даны в соответствующих сносках). Тем самым, возникает добавочная возможность проследить временную динамику реконструируемых явлений, а также — в корреляции с ней — характерные сдвиги интереса и внимания самого исследователя, а в определенной мере и исследовательского коллектива, к которому он считает для себя удачей и честью принадлежать.

И это последнее, что автор хотел бы добавить к уже сказанному на следующих ниже страницах его книги. Левада-Центр (прежний ВЦИОМ в том виде, который функционально сложился под руководством Ю.А. Левады) — это независимый специализированный институт эмпирических исследований и научного анализа и, на мой взгляд, удавшийся, хотя почти что в единственном числе, социальный эксперимент по строительству в постсоветской России институций нового образца практически «из ничего», «с нуля». За несколько лет уже в первой половине 1990-х гг. из самых разных специалистов — демографов, экономистов, самообучившихся социологов, математиков, историков, искусствоведов, журналистов, психологов, из людей разного возраста и

опыта, разных школ и подходов — возник единый и в наших условиях совершенно необычный по типу, регулярный по формам работы («фабрика») исследовательский организм. Можно условно назвать его западным — универалистским по духу взаимоотношений и мотивам взаимодействия работников, — но он не калькирует никаких готовых западных форм и не приспособливает к здешним и теперешним задачам структуры прежние, советские. В этом смысле он институт не вторичный, не подражательный и не адаптивный, а первопроходческий, исследовательский. Самостоятельность — в любом смысле, от познавательного до правового — его исходная и неотъемлемая черта.

Я пользуюсь возможностью во всеобщей универсально-печатной форме выразить чувство профессиональной и человеческой благодарности за ежедневную, неоценимую помощь моим коллегам, товарищам этих лет — всем и каждому.

Когда сборник находился в производстве, скончался человек, имя которого носит наш Центр и которому бесконечно обязан в жизни и в работе я сам, — 16 ноября 2006 года умер Юрий Александрович Левада. Посвящаю книгу его светлой памяти.

I. ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ ОБЩЕСТВА

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВИЧЕЙ*

В связи с празднованием 850-летия Москвы Всероссийский центр изучения общественного мнения провел в мае 1997 г. репрезентативный опрос жителей столицы по широкому кругу вопросов, относящихся к их будням, быту, жизненным стандартам и культурным ориентациям. В выборку вошли 1500 человек, представивших население столицы по основным социально-демографическим характеристикам. 61% опрошенных — коренные москвичи, еще 27% живут в столице свыше 15 лет.

Проблемы, которым посвящена данная статья, — интенсивность и успешность социальной жизни москвичей с их собственной точки зрения, их интегральная оценка уровня и стиля своего повседневного существования. В эту сферу входят самооценки напряженности труда; удовлетворенность доходами и жилищными условиями; «открытый», богатый различными связями, высокий по своим стандартам, насыщенный взаимодействиями строй жизни, включая разветвленный репертуар досуговых занятий, активность социальных коммуникаций — например, перемещений по городу (в том числе — регулярных поездок в его функциональный и символический центр), — плотность деловых, родственных и дружеских контактов, интенсивность передвижений по стране и за рубеж, частота чтения и книгопокупки — и, напротив, показатели социальной изоляции, спада деятельности, нарастающей эмоциональной подавленности, чувства депривации (подверженность настроениям тоски, стрессовые состояния, частота заболеваний и проч.). В общем смысле эти явления относятся для социолога к диагностике крупномасштабного социального перелома, который всегда сопровождается резкими, глубокими, часто болезненными сдвигами

* Опубликовано: Экономические и социальные перемены. 1997. №4. С. 14—18.

во всей системе межличностных и межгрупповых коммуникаций — взрывным ростом социальной мобильности, интенсификацией контактов, уплотнением социального и культурного времени для более активных групп и, наоборот, признаками «свертывания» социального пространства и времени, все большей «разреженности» коммуникативных связей, симптомами ослабления и даже паралича деятельности у других слоев, теряющих свое устойчивое место, привычную самооценку или ведущие позиции.

При этом цель статьи не просто показать влияние того или иного «атомарного» — демографического, экономического — фактора, а попытаться, пусть на ограниченном материале и хотя бы для первого раза, наметить более сложные, многопараметрические связи между показателями, очертить комплексные структуры (своего рода «гештальты») установок и стандартов, форм жизнедеятельности и кругов общения, образов жизни, которые, насколько можно судить по материалам настоящего исследования, начали складываться в российском обществе, а точнее — среди столичного населения за три-четыре последних года. Учет расслоения сегодняшнего общества по такого рода многомерным, синтетическим характеристикам образа и стиля жизни — как важная проблема теоретической социологии, так и практическая потребность социологической эмпирии, включая зондажи общественного мнения и маркетинговые исследования. Существенна и ее связь с социальной антропологией, структурой и доминантными параметрами личности советского и постсоветского человека.

Уровень жизни: аспирации и достижения. В обобщающих и аналитических материалах ВЦИОМ не раз отмечалось, что ведущей осью, или показателем, дифференциации жизненных установок, социальных достижений и самооценок российского населения сегодня выступает возраст. При этом под возрастными признаками, метками поколенческой принадлежности фактически объединяются несколько разных факторов — полученные в ходе социализации социальные и символические ресурсы (от запаса энергии и стандартов миропонимания до уровня образования и достатка); соотносительная оценка своей социальной роли (статуса) в прошлом, места в настоящем и прогноза на будущее; круг родственного, дружеского, делового общения, на который индивид может опереться в своих действиях, мыслях и чувствах, который он учитывает в собственных планах, с которым себя внутренне и на деле соотносит. Из табл. 1 видно, насколько по-разному различные возрастные группы оценивают перемены последнего времени в уровне обеспеченности себя и своей семьи (в % к группам по возрасту).

Выше у молодежи, понятно, и надежда на будущее. Так, улучшить свои жилищные условия в ближайшие три года (а плохое жилье — вто-

Таблица 1

**Как изменилось ваше материальное положение
по сравнению с тем, как ваша семья жила пять лет назад?**

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
Улучшилось	33	30	19	8
Не изменилось	32	25	21	18
Ухудшилось	32	39	58	71
Затрудняюсь ответить	3	6	2	3

рая по значимости проблема, осложняющая существование 20–30-летних жителей столицы) предполагают 48% самых молодых респондентов, 14% — москвичей из поколения их «отцов» и 6% — «дедов». Но еще показательней другое: более молодые респонденты (а рубеж здесь, как и по большинству иных мнений и оценок — примерно сорокалетие, группа сорокалетних, можно сказать, поколение «отцов») теперь уже имеют возможность опираться не только на свои планы или проекции в будущее, но и на вполне реальные сегодняшние достижения. Например, на уровень доходов — показатель своей социальной востребованности и вознаграждения их профессиональной деятельности, деловой активности, труда со стороны общества, его высокостатусных и авторитетных групп.

Те, кто улучшил свое материальное положение и стал больше зарабатывать, активно реализуют появившиеся у них возможности. 28% самых молодых респондентов за последние 2–3 года стали, по их словам, больше покупать дорогие вещи (среди их, по возрасту, «родителей» подобная группа вчетверо меньше — 7%), 49% регулярно пользуются услугами пунктов обмена валюты. Москвичи в возрасте до сорока значительно чаще, нежели представители других возрастных групп,

Таблица 2

**Получили ли сейчас такие люди, как вы,
возможность увеличить свои доходы, заработки?**

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
Да	62	49	35	14
Нет	27	42	60	74

приобрели за последний год цветной телевизор, видеомагнитофон, музыкальный центр, стиральную машину, микроволновую печь, компьютер, автомобиль и т.п. Понятно, что именно молодежь в подавляющем большинстве стоит за продолжение рыночных реформ (69% «за» и 7% «против» при, соответственно, 55 и 14% в среднем по выборке) и куда позитивней либо просто терпимей относится к таким новым явлениям, демонстративным образцам «западной», «потребительской» цивилизации, как реклама, роскошные магазины, здания банков и офисов, ночные клубы и т.п.

Молодежь с большей симпатией, нежели их «отцы» и «деды», смотрит на нынешних богатых. При 35% тех, кто по-прежнему видит в разбогатевших россиянах «грабителей», 26% московской молодежи все-таки согласны с тем, что богатые «приносят пользу стране и народу» (среди «отцов» соотношение негативных и позитивных оценок богатых людей выглядит как 61% к 12%, а у «дедов» — как 72 к 7). И если самого себя к богатым относят лишь 2% молодых москвичей, то почти у половины (45%) в ближайшем московском окружении есть богатые люди, тогда как среди их «отцов» — у 30%, а у «дедов» — лишь у 12%. Подобный показатель — уровень, стандарты и запросы повседневной среды общения индивида — социологически крайне важен; остановимся на этом подробнее.

Круг общения и частота социальных контактов. Вот как выглядит сравнительная обеспеченность ближайшего окружения москвичей, если опять-таки сравнить группы опрошенных по возрасту (табл. 3; в % к возрастным группам).

Итак, практически половина людей из ближайшего окружения москвичей до 40 лет — люди обеспеченные, имеют свое дело. При этом частота общения со знакомыми, друзьями, родственниками в Москве у молодых респондентов заметно более высока, чем у более старших и пожилых. А это, надо полагать, поддерживает и укрепляет ориентации на авторитетные фигуры в своем окружении, позитивную

Таблица 3

Есть ли среди ваших друзей, знакомых, родных те, кто завел собственное дело, бизнес?

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
Нет	42	38	52	73
1–3 человека	40	41	32	14
До 10 человек	9	11	6	1

Респонденты раз в неделю и чаще...

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
Звонят родным и друзьям	88	76	76	69
Заходят в гости к родным и друзьям	52	32	23	13

идентификацию с ними, их установками и оценками, подтягивание до «значимых других» и их опережение (включая как кооперацию, так и конкуренцию). Сравним долю респондентов разного возраста, наиболее часто — по меньшей мере, раз в неделю — контактирующих со своим ближайшим кругом (табл. 4; в % к возрастным группам).

В целом интенсивность социальной жизни у более молодых москвичей (до сорока, но прежде всего — до двадцати пяти лет), коммуникативная открытость и насыщенность их повседневной жизни намного выше, чем у остальных возрастных групп. Примечательно, что и на недостаток свободного времени чаще других ссылаются именно молодые москвичи: для столичных жителей в возрасте до сорока лет эта проблема входит в первую пятерку того, что осложняет жизнь. Более высокая активность свойственна молодым москвичам в работе (и работе хорошо оплачиваемой — отсюда резкий разрыв между оценками своих доходов у самых молодых респондентов и всех остальных групп), она же характеризует частоту их общения с близкими и друзьями, контакты со средствами массовой коммуникации и т.д.¹ Соответствующие данные сведены в таблице 5, следующей ниже: показатели интенсивности рассчитаны как отношение группы увеличивших соответствующую активность к группе уменьшивших ее, приведены лишь данные, отчетливо дифференцированные по возрасту (ранжировано по первому столбцу).

Добавлю, что москвичи в возрасте до сорока лет, лучше зарабатывающие, более мобильные, коммуникативно открытые, контактные, чаще других групп пользуются в своих поездках по городу личным автомобилем, городским и маршрутным такси либо услугами «леваков», а также метро — видом транспорта для протяженных маршрутов, до известной степени сохраняющим регулярность движения даже се-

¹ Это не относится к частоте посещения религиозных служб: 59% столичной молодежи вовсе не бывают на них (среди самых старших — 44%), посещают с требуемой церковью частотой не реже раза в месяц — 4% (среди самых старших — 15%).

Респонденты стали за последние два-три года больше...

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
Слушать музыку	4,0	1,55	0,71	0,44
Работать	3,9	3,7	2,0	0,7
Разговаривать по телефону	3,6	1,9	1,1	0,92
Зарабатывать	2,9	0,9	0,44	0,13
Ездить по Москве	2,5	0,86	0,5	0,14
Читать книги, журналы	1,6	0,42	0,55	0,26
Ходить в гости	1,57	0,33	0,08	0,03
Смотреть телевизор	1,25	1,15	1,56	1,84

годня. Дело не просто в «лишних деньгах» у молодых и обеспеченных, а в крайне важной для них гарантии планируемости времени поездок, в чувстве распоряжения собственной жизнью по своей воле, в возможности так или иначе согласовывать распорядок деловых и личных встреч (хронический дефицит времени, типичный признак повседневного существования в мегаполисе, — проблема именно этой группы столичных жителей, воспринимаемая другими, со стороны, как излишняя спешка молодежи или московская суета). Использование автобуса, троллейбуса, трамвая — транспорта, более близко подходящего к дому и предназначенного для поездок на более короткие расстояния (до торгового центра, сберкассы, химчистки, ярмарки, рынка) — связано сейчас в Москве с большой и в принципе не поддающейся расчету потерей времени. Кто чаще и дальше ездит, тщательней рассчитывает время. Речь здесь, как и всегда, не об отдельной поездке или конкретном транспортном средстве, а обо всем образе жизни, о связанных с ним смысловых и поведенческих стандартах.

Доход и досуг. Показатели успеха, социальной востребованности сами, в свою очередь, коррелируют с более высокой мобильностью, частотой

передвижений, плотностью социальных связей и контактов: активность в принципе ведет к достижению, а достижение чаще всего вновь стимулирует активность и т.д. Покажу это на серии данных о разных видах активности москвичей (табл. 6–8; в % к группам, которые, по их самооценке, увеличили либо уменьшили за последние два-три года свои доходы).

Преимущества более молодых москвичей состоят, на мой взгляд, не просто в возрастной энергии и даже не только в умении заработать, способности «крутиться» и т.п. (хотя и то и другое, понятно, крайне значимо и важно на общем депрессивном фоне). Дело здесь в ориентации на иные, более высокие стандарты интересного, хорошего, достойного (в том числе — модного), в другом, более открытом и активном образе жизни. Поэтому показатели молодости и роста доходов, чувства своей социальной уместности и коммуникативной насыщенности свободного времени (желания и умения наполнить его социальным смыслом) оказываются тесно связанными между собой и определяют качественно иную — открытый, динамичный — стиль существования, взаимоотношений, другие требования к социальным партнерам, иные критерии их значимости и любопытности друг для друга. Покажу это на совокупности данных о привычных способах респондентов проводить досуг (в % к группам, которые, по их самооценке, увеличили или, соответственно, уменьшили за последние два-три года свои доходы).

Домашними делами и работой на даче чаще занимаются женщины, причем в возрасте «бабушек» и «матерей», а склонны «просто отдохнуть, отоспаться» — мужчины в возрасте «отцов» (у них выше и показатели внутренней напряженности, потребности в разрядке — частота курения и выпивки, о чем см. ниже).

По 17 из 21 позиции анкетного списка, включавшего культурные институции, узлы социальных коммуникаций, формы коллективного времяпровождения от театра, концерта и музея до ресторана, парка и бассейна, сауны лидирует молодежь, которая посещает эти точки регулярного пересечения (и согласования) социальных маршрутов городского жителя заметно чаще всех других возрастных групп. Особенно велик этот разрыв активности в посещении библиотек, дискотек, ночных клубов, баров, закусочных Макдоналдс. Соответственно, много чаще молодежь, по ее самохарактеристикам, делает утреннюю зарядку, занимается оздоровительным бегом, шейпингом и вообще спортом, учится работать на компьютере (в целом 40% молодых москвичей в той или иной степени умеют на них работать, среди поколения их «отцов» — 20%; соответственно, 9 и 4% пользуются Интернетом), занимается иностранными языками (38% столичных жителей в возрасте до 24 лет так или иначе владеют иностранным языком, среди их «отцов» — 16%).

Таблица 6

За последние два-три года москвичи

	<i>Из ставших зарабатывать больше</i>	<i>Из зарабаты- вающих столько же</i>	<i>Из ставших зарабатывать меньше</i>
<i>Работают</i>			
больше	72	40	29
столько же	19	49	22
меньше	6	8	42
<i>Ездят по Москве</i>			
больше	46	22	12
столько же	32	41	24
меньше	21	34	59
<i>Разговаривают по телефону</i>			
больше	37	27	25
столько же	46	52	46
меньше	15	17	25
<i>Ходят в гости</i>			
больше	21	11	6
столько же	42	38	23
меньше	35	46	66
<i>Заходят в гости к своим знакомым, друзьям, родным</i>			
раз в неделю и чаще	35	30	20
раз-два в месяц	41	32	34
несколько раз в год и реже	21	29	41
<i>Имеют среди друзей, знакомых, родных тех, кто завел собственное дело, бизнес</i>			
нет	38	54	59
есть 1–3 человека	43	32	24
есть до 10 человек	13	6	3
<i>Бывают в центре Москвы (кроме поездок по делам, по работе)</i>			
часто	33	18	11
время от времени	30	31	27
редко	34	37	43
практически никогда	3	14	19

Таблица 7

Как вы, ваша семья обычно проводите свободное время?

	<i>Из ставших зарабатывать больше</i>	<i>Из зарабатывающих столько же</i>	<i>Из ставших зарабатывать меньше</i>
Занимаемся домашними делами	58	62	73
Ездим на дачу	38	34	30
Просто отдыхаем, отсыпаемся	36	35	27
Гуляем в городе, в парке	26	25	16
Ходим в гости, принимаем гостей	24	22	19
Ходим в кино, в театр, на выставки	15	5	4
Ездим на рыбалку, в лес	10	9	6
Подрабатываем	9	6	10

Таблица 8

Если бы вы оценивали материальное благополучие той или иной семьи, на что бы вы обратили внимание прежде всего?

	<i>Из ставших зарабатывать больше</i>	<i>Из зарабатывающих столько же</i>	<i>Из ставших зарабатывать меньше</i>
Марка автомобиля	55	44	40
Возможность отдыхать за границей	54	54	44
Размеры квартиры	45	40	39
Район или дом, где живут	25	24	20
Тип школы, где учатся дети	24	19	17
Дорогая бытовая техника в квартире	17	14	16
Наличие автомобиля	12	13	15
Красивая, модная одежда	11	11	18
Дача, участок	10	10	14

Показательно, что в группе более обеспеченных и динамичных респондентов на первый план выдвигаются уже иные символы успеха. Скажем, это не просто квартира и даже не только ее размеры, но и символически нагруженный, близкий к центру район проживания; не только автомобиль, а машина престижной марки (особенно — для мужчин); не просто отдых, а его качество, комфортность, а потому — поездка за границу и т. п. Приведем некоторые данные по этому кругу показателей.

Как видим, простое наличие автомобиля, дачи, модной и красивой одежды, дорогой бытовой аппаратуры в квартире сегодня уже не относятся к главным, самым броским и привлекательным символам обеспеченной жизни в столице. Характерно, что их значимость почти не колеблется в зависимости от обеспеченности респондента. Чуть более среднего они важны лишь для тех, чьи доходы за последнее время упали, а если брать возрастной аспект — для поколения «отцов», но еще чаще — «матерей».

Социальная изоляция, психологические напряжения, эмоциональный фон. Показатели повседневных напряжений, имеющих и нарастающих среди москвичей, распределяются сегодня следующим образом (табл. 9; коэффициент интенсивности по возрастным группам):

Больше болеть и чаще тосковать стали, по их словам, женщины, притом пожилые, тогда как курить и выпивать — мужчины (и особенно, как видим, из поколения «отцов»). Дело и здесь не столько в «физическом» состоянии здоровья, нормативно соответствующем паспортному возрасту, сколько в разнящихся у различных групп стандартах жизненной ориентации и критериях самооценки, в плотности их социальных связей и интенсивности коммуникаций (а соответственно, и в нормативно, со стороны группы, значимых «других», ближайшего окружения санкционированных типах «выхода», «разгрузки» и сублимации, «перевода» своих напряжений и стрессов: для одних это прогулка или музыка, для других — выпивка или болезнь). Показатели социального неуспеха и коммуникативной изоляции, эмоциональной подавленности и уязвимости для болезней также коррелируют между собой, складываются в определенный образ жизни, который поддерживается определенными ценностно-нормативными стандартами, но и сам, в свою очередь, усиливает их, укрепляя ставку индивидов и групп на дальнейшее понижение уровня жизни, настроения и т. д. (табл. 10; в % к группам по типу настроений).

Активность социальная и масскоммуникативная. Как уже упоминалось, повышенная деловая активность, социальный успех, плотность контактов с близкими, частота передвижений по городу и т. д., связа-

Таблица 9

Респонденты стали за последние два-три года больше...

	<i>16–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 лет и старше</i>
испытывать грусть, тоску	2,1	2,6	6,06	9,55
курить	1,75	1,18	2,26	0,76
болеть	0,63	1,05	3,1	11,3
выпивать	0,47	0,44	0,56	0,16

Таблица 10

За последние два-три года стали...

	<i>Из ставших чаще испытывать грусть, тоску</i>	<i>Из сохранивших настроение на прежнем уровне</i>	<i>Из ставших реже испытывать грусть, тоску</i>
<i>Ездят по Москве</i>			
больше	19	25	31
столько же	24	36	19
меньше	49	35	46
<i>Разговаривают по телефону</i>			
больше	26	30	35
столько же	46	53	35
меньше	24	15	26
<i>Болеют</i>			
больше	59	25	23
столько же	28	57	30
меньше	10	14	40
<i>Ходят в гости</i>			
больше	8	12	23
столько же	22	41	31
меньше	64	46	42
<i>Слушают музыку</i>			
больше	23	24	46
столько же	38	54	21

Таблица 10 (окончание)

	<i>Из ставших чаще испытывать грусть, тоску</i>	<i>Из сохранивших настроение на прежнем уровне</i>	<i>Из ставших реже испытывать грусть, тоску</i>
меньше	29	18	28
<i>Покупают книги</i>			
больше	8	12	21
столько же	15	38	24
меньше	59	40	50
<i>Зарабатывают</i>			
больше	14	25	38
столько же	23	30	23
меньше	50	34	30
<i>Имеют среди друзей, знакомых, родных тех, кто завел собственное дело, бизнес</i>			
нет	61	47	43
есть 1–3 человека	26	34	40
есть до 10 человек	4	6	11

ны, по самоотчетам москвичей, и с большей интенсивностью чтения ими журналов и книг¹. Вот как дифференцируются оценки своей социальной жизни и коммуникативного обихода в группах с различной читательской активностью (в % к группам по частоте чтения журналов и книг).

Вместе с тем увеличение времени и частоты просмотра телевизора, скорее, коррелирует, напротив, с понижением деловой активности и ее успешности, сужением репертуара досуговых занятий, спадом интенсивности передвижений и контактов с близкими и т.п., более характерными, как говорилось, для пожилых москвичей. Не случайно

¹ Как показывают материалы опроса, речь при этом для подавляющего большинства респондентов идет об иллюстрированных журналах массового обращения (двух основных для современного общества типов — связанных с телевидением и адресованных женщинам) и о книгах опять-таки массовых жанров — «мужских» боевиках и «женских» романах о любви. Подробнее о чтении и телесмотрении среди жителей столицы см.: Зоркая Н. Коммуникативная активность москвичей// Экономические и социальные перемены..., 1997. № 4. С. 18–21. В более общем теоретическом плане см. посвященный массовым литературам специальный выпуск журнала «Новое литературное обозрение» (1996. № 22).

Таблица 11

Как изменилось ваше материальное положение по сравнению с тем, как ваша семья жила пять лет назад?

	<i>Из ставших за последние 2–3 года читать больше</i>	<i>Из читающих столько же</i>	<i>Из ставших читать меньше</i>
улучшилось	31	21	16
осталось прежним	20	28	20
ухудшилось	47	49	59
<i>Ездить по Москве стали...</i>			
больше	34	22	19
столько же	23	36	25
меньше	38	36	51
<i>Разговаривать по телефону стали...</i>			
больше	39	27	26
столько же	36	55	44
меньше	22	14	26
<i>Ходить в гости стали...</i>			
больше	24	11	7
столько же	28	41	22
меньше	45	44	67
<i>Покупать книги стали...</i>			
больше	28	10	4
столько же	24	39	11
меньше	37	38	72
<i>Имеют среди друзей, знакомых, родных тех, кто завел собственное дело, бизнес</i>			
нет	46	50	59
есть 1–3 человека	37	31	26
есть до 10 человек	8	8	4

и рост интереса к телевизору, а на его экране — к политическим новостям (у мужчин), сериалам и старым советским фильмам (у женщин) характерен для более старших возрастных групп. Сильно усредняя и огрубляя данные, можно, кажется, метафорически приравнять чтение к своеобразному *катализатору* всех других типов социальной и коммуникативной активности, а телесмотрение — как бы к их *ингибитору*. Это, разумеется, лишь самая общая тенденция; некоторые материалы в пользу такого уподобления см. в следующей ниже таблице 11 (в % к группам по активности просмотра телевизора).

Таблица 11

Как изменилось ваше материальное положение по сравнению с тем, как ваша семья жила пять лет назад?

	<i>Из ставших смотреть телевизор больше</i>	<i>Из смотрящих столько же</i>	<i>Из ставших смотреть телевизор меньше</i>
занимаемся домашними делами	71	68	59
просто отдыхаем, отсыпаемся	35	31	27
гуляем в городе, парке	20	22	28
ходим в гости, принимаем гостей	18	21	25
ходим в кино, театр, на выставки	6	6	10
<i>За последние два-три года стали...</i>			
<i>Работать</i>			
больше	34	39	47
столько же	26	29	23
меньше	26	19	20
<i>Зарабатывать</i>			
больше	18	22	24
столько же	24	26	28
меньше	44	39	35
<i>Болезнь</i>			
больше	46	34	38
столько же	33	48	35
меньше	14	12	18

РОССИЯНЕ И МОСКВИЧИ*

В ряде социологических работ последнего времени, основанных, в частности, на данных регулярных общенациональных опросов ВЦИОМ, показано особое место Москвы в политических, экономических, социальных переменах 1990-х годов, заметные расхождения между жителями столицы и остальной страны (включая, в ряде случаев, даже население крупных городов) в их общих ориентациях, оценках своей нынешней жизни и ближайших перспектив¹. Достаточно широко бытующая и особенно часто звучавшая в период общероссийских выборов 1995–1996 гг. формулировка, согласно которой Москва — это не Россия (или, в смягченном варианте, «еще не вся Россия»), среди прочего приобрела радикальную заостренность в суждениях исследователей геополитики о «столице вне страны», «государстве в государстве» и даже особой «Московской империи», совмещающей в себе осколочные структуры прежнего союзного центра, резиденцию властей Российской Федерации и саму Москву как город и регион². Оставляя в стороне формальные структуры господства и управления как таковые (а сама названная дихотомия в немалой степени воспроизводит именно позицию московской постсоветской бюрократии и региональных властей), приведу данные нескольких последних массовых опросов ВЦИОМ, которые, может быть, позволят более конк-

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6. С.14–19.

¹ См. статьи Ю. Левады, Л. Гудкова, Б. Дубина в сб.: Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. М., 1996. С. 276–285; 318–334.

² См.: Каганский В.Л. Неопределенность современного российского пространства // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 66–67.

Таблица 1

**Что в настоящее время больше всего осложняет жизнь вашей семьи?
(В % к общему числу опрошенных по стране и в Москве; май 1997 г.;
данные ранжированы по первому столбцу)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Россия N=2400</i>	<i>Москва N=1500</i>
Низкие доходы	72	64
Плохое здоровье, трудности с лечением	30	25
Безысходность, отсутствие перспектив	24	12
Опасение потерять работу	19	24
Бытовые трудности	19	16
Усталость, переутомление	16	17
Плохое жилье	10	20 ¹
Недостаток свободного времени	9	10
Невозможность дать детям хорошее образование	9	7
Затрудняюсь с ответом	5	4

ротно и строго сопоставить некоторые аспекты ситуации, складывающейся сегодня, по мнению россиян и москвичей, в стране и в столице, а также выявить и прояснить взаимные установки и оценки жителей России и ее центра.

Сегодняшняя жизнь в Москве и в России. Наибольшие и самые общие для страны тяготы текущей жизни ощущаются москвичами менее остро, чем россиянами в целом (табл. 1).

О возможностях улучшить свою экономическую ситуацию и о реальном ее улучшении за последнее время чаще, соответственно, говорят москвичи (табл. 2, 3).

Поэтому в экономическом плане москвичи изо дня в день, как правило, чувствуют себя надежней, чем остальное население России. Уровень безработицы в столице ниже, чем по стране. У 27% москвичей (в других городах таких 17%) нет безработных среди родных, друзей и знакомых; в ближайшем окружении 22% москвичей (и 33% россиян)

¹ По данным этого же опроса, 88% респондентов живут в отдельных квартирах, 7% — в коммунальных квартирах с соседями, 3% снимают жилплощадь, 2% живут в общежитиях. У 42% их дом требует серьезного ремонта, у 10% — находится в аварийном состоянии.

Таблица 2

Каким стало материальное положение вашей семьи по сравнению с тем, каким оно было пять лет назад? (В % к общему числу опрошенных; Россия: сентябрь 1997 г., N=2400 человек; Москва: май 1997 г., N=1500 человек.)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
Улучшилось	16	20
Осталось прежним	10	23
Ухудшилось	66	53
Затрудняюсь с ответом	8	4

есть более трех безработных. Зарплаты и пенсии в Москве выплачивают с большей регулярностью, чем в остальной России.

Соответственно, разнятся представления москвичей и россиян о среднеобеспеченной жизни, о достатке и богатстве. Так, москвичам, по их оценке, необходимо для нормальной жизни в 1,3–1,8 раза больше денег, чем жителям других городов и регионов России (жизнь в столице, впрочем, и реально дороже). В среднем москвичи считают богатыми такие семьи, где доход на человека составляет не менее 1400–1500 долл., тогда как в других крупных городах России удовлетворяются суммой в 2 раза меньшей (при реальном среднедушевом доходе москвичей в 160 долларов, а жителей других крупных городов России — примерно в 100 долларов).

Обеспеченность семей качественными техническими удобствами и предметами цивилизованного обихода в столице выше, чем в любых других типах российских поселений (табл. 4).

Однако, как правило, выше у москвичей не только реальный уровень, но и их запросы, ценностные стандарты, критерии оценок индивидуального успеха и семейного благополучия. Символами достатка

Таблица 3

Получили ли сейчас такие люди, как вы, возможность больше зарабатывать? (В % к общему числу опрошенных по стране; Россия: январь 1997 г., N=2400 человек; Москва: май 1997 г., N=1500 человек)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
В целом да	21	36
В целом нет	71	55
Затрудняюсь с ответом	8	9

Таблица 4

В семье опрошенного есть... (В % к числу опрошенных; май 1997 г.; приводятся лишь сопоставимые позиции списков.)

<i>Предметы длительного пользования</i>	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
Цветной телевизор	76	93
Видеомагнитофон	29	49
Автомобиль	22	26
Отдельный морозильник	8	13
Микроволновая печь	5	14
Компьютер	3	10
Видеокамера	3	9

и богатства респондентов могли бы в первую очередь служить предметы длительного пользования и возможности хорошего заработка (табл. 5).

После всего сказанного не удивительно, что итоговые оценки идущих и уже произошедших в стране экономических перемен у москвичей и у россиян явно различаются (табл. 6).

Москва крупным планом: уровни жизни. Расхождения в оценках россиян и москвичей — это тенденция (процесс, континуум), а не противоположность (статика, разрыв). Население Москвы тоже неоднородно, и поведение разных социальных групп здесь — причем именно

Таблица 5

Признаки обеспеченности (в % к числу опрошенных; Россия: сентябрь 1997 г., N=2400 человек; Москва: май 1997 г., N=1500 человек; данные ранжированы по левому столбцу; приводятся лишь сопоставимые позиции списков; сам набор подсказок и их формулировки совпадают не полностью)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
Хорошее жилье	42	41
Возможность отдыхать за границей, путешествовать	15	49
Хороший автомобиль	13	43
Хорошая дача, дом за городом	7	12
Красивая, модная одежда	4	14

Таблица 6

Как вы считаете, рыночные реформы сейчас следует продолжать или прекратить? (В % к числу опрошенных, май 1997 г.; Россия: N=2400; Москва: N=1500)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Россия</i>	<i>Москва</i>
Продолжать	34	55
Прекратить	27	14
Затрудняюсь ответить	39	31

здесь, в столице, как месте предельной концентрации разнообразия — весьма дифференцированно. Так, социальные и экономические преимущества, открывшиеся с переменами последних лет, полнее других реализуют молодые москвичи, более образованные жители столицы, к тому же две эти группы лишь отчасти совпадают друг с другом по «натуральному» составу. В возрастном аспекте оценки москвичей уже анализировались¹. Обратимся к образовательному аспекту (табл.7, 8).

Концентрация людей богатых и заведших собственное дело среди родных, знакомых, соседей респондента тоже намного выше у образованных москвичей (знакомые и друзья, заведшие свой бизнес, есть у 51% жителей столицы с высшим образованием и лишь у 17% респондентов с образованием ниже среднего).

Москва и Россия: линии взаимосвязи. Вместе с тем характерно, что более образованные россияне теснее всех других жителей России связаны с Москвой, тяготеют к столице по маршрутам своих социальных передвижений и повседневных — деловых, родственных, дружеских —

Таблица 7

Как изменилось материальное положение вашей семьи, ваше собственное по сравнению с тем, каким оно было пять лет назад? (В % к числу опрошенных в группах по образованию, данные по затруднившимся с ответом не приводятся; май 1997; Москва: N=1500)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Образование</i>		
	<i>ниже среднего</i>	<i>среднее</i>	<i>высшее</i>
Положение улучшилось	13	20	27
Положение осталось прежним	20	25	23
Положение ухудшилось	65	50	50

¹ См., например: Экономические и социальные перемены. 1997. № 4. С. 14—15.

Таблица 8

**Как изменилось материальное положение вашей семьи, ваше собственное по сравнению с тем, каким оно было пять лет назад?
(В % к числу опрошенных в группах по образованию, данные по затруднившимся с ответом не приводятся; май 1997; Москва: N=1500)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Образование</i>		
	<i>ниже среднего</i>	<i>среднее</i>	<i>высшее</i>
Да	24	37	45
Нет	64	57	48
Затрудняюсь ответить	12	6	7

коммуникаций, а это, соответственно, сближает и их взгляды, стандарты ориентации и поведения с ценностями и оценками более продвинутых москвичей (можно сказать, что более образованные, сформированные в «поле воздействия» столицы и промосковски ориентированные россияне представляют или составляют своего рода Москву за пределами столицы: это как бы москвичи или протомосквичи, с той или иной густотой — но крайне редко достигая «критической массы» — рассеянные среди остального населения страны). Покажем тесноту подобных связей на данных о частоте поездок россиян в столицу и о наличии у них в Москве близких людей (табл. 9 и 10).

Основные мотивы приезда не москвичей в Москву таковы: это поездка в гости к родным, знакомым (20% всех опрошенных), за покупками (15%), по служебным делам (14%) и ради развлечений (12%). По служебным делам и в гостях в столице чаще бывают мужчины с высшим образованием, люди среднего возраста и со статусом, приезжие из крупных городов, — это руководители. За покупками же — а особенно ради развлечений — в Москву приезжают более молодые и непривилегированные россияне из небольших городов, независимые предприниматели, учащаяся молодежь как мужского, так и женского пола. Стоит отметить, что родных и друзей в столице гораздо чаще имеют опять-таки люди образованные (руководители и специалисты), скорее среднего возраста, живущие в крупных городах.

Таким образом, по отношению к столице (по степени близости к ней и дистанцирования от нее) и к столичности как совокупному индексу достижительских ориентаций, социальной активности, высоких стандартов жизни, «разрыва» внутри целого России, можно сказать, нет. Скорее здесь складывается, в самых общих чертах, следующий континуум: собственно москвичи как особая группа (а среди них прежде всего более молодые и высокообразованные жители столи-

Таблица 9

Россияне в Москве... (В % к числу опрошенных по каждой социально-демографической группе, май 1997 г.: N=1600 человек)

<i>Социально-демографические группы</i>	<i>Живут здесь постоянно</i>	<i>Бывают часто и подолгу</i>	<i>Бывают редко и ненадолго</i>	<i>Никогда не бывали</i>
<i>Пол</i>				
мужчины	6	7	58	28
женщины	7	5	52	36
<i>Возраст</i>				
до 24 лет	15	10	40	45
25–39 лет	6	5	62	27
40–54 года	6	8	61	25
55 лет и старше	8	3	49	40
<i>Образование</i>				
начальное	5	2	35	58
неполное среднее	4	3	51	42
среднее общее	6	5	54	35
среднее специальное	7	8	65	20
высшее	14	13	58	15
<i>Типы поселений</i>				
большие города	17	7	55	20
малые города	–	8	55	37
села	–	2	53	44
<i>В целом по выборке</i>	6	6	55	33

цы) — более образованные, высокостатусные и высокодоходные жители крупных городов (руководство) — городская молодежь независимо от типа города¹.

Центр общества — это не географическая точка, а функциональный узел социокультурной системы со своими ярусами-подсистема-

¹ О близости ряда установок и оценок двух этих групп — молодежи («группы новых притязаний»), с одной стороны, и руководителей («группы привилегированных ресурсов») — с другой, которые наиболее полно, в сравнении с иными слоями, реализуют себя в последние годы и чаще других добиваются успеха в новых условиях, см. в настоящем сборнике статью «Семья или успех?».

² См. социологическую концепцию урбанизации и, среди прочего, функциональной роли столицы в кн.: *Левада Ю.А.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 24–49.

Таблица 10

У россиян есть в столице (в % к числу опрошенных по каждой социально-демографической группе; май 1997 г.; N=1600 человек)

<i>Социально-демографические группы</i>	<i>Родные</i>	<i>Близкие друзья</i>	<i>Нет ни тех, ни других</i>
<i>Возраст</i>			
до 24 лет	24	20	63
25–39 лет	27	24	57
40–54 года	33	22	56
55 лет и старше	29	16	64
<i>Образование</i>			
начальное	23	12	69
неполное среднее	28	12	66
среднее общее	24	22	62
среднее специальное	31	21	57
высшее	40	39	42
<i>Типы поселений</i>			
большие города	39	33	47
малые города	23	14	66
села	22	12	69
<i>В целом по выборке</i>	29	20	60

ми, своими типами, фазами и режимами действия². Разные отрезки или ступени намеченной здесь стратификационной шкалы, в снятом виде представляющей историческую траекторию урбанизации страны в советский период¹, всякий раз связаны с определенным уровнем концентрации социального и культурного (символического) капитала — статуса, доходов, образования, квалификации, ценных и востребованных знаний и умений, уровня и стиля жизни, плотности межличностных связей и постоянства контактов. А это, соответственно, находит свое выражение и в социальной морфологии, в частности в символически размеченной структуре расселения (крупные города—столица—центр—престижные районы)².

¹ По данным майского московского опроса 1997 г., 61% респондентов — урожденные москвичи, еще 27% живут в столице свыше 15 лет.

² См.: Bourdieu P., Passeron J.-C. Les héritiers. P., 1964; Bourdieu P. La reproduction. P., 1970; Idem. La distinction: Critique sociale du jugement. P., 1985; Collins R. Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification. N.Y., 1978; Ecole et société / Boudon R., Bulle N., Cherkaoui M., eds. P., 2001. О концентрации и репродукции образования в СССР и России см.: Константинов-

Москва и москвичи. 63% опрошенных в майском 1997 г. московском исследовании ВЦИОМ чувствуют себя москвичами, 28% — жителями России (усиление локальной идентификации россиян — значимая тенденция в постсоветской России¹). При этом к москвичам готовы отнести себя, скорее, молодые и малообразованные жители (но особенно — жительницы) столицы, тогда как москвичи среднего возраста и среднего уровня образования чаще идентифицируют себя с Россией. Для наиболее же образованных из московских жителей ни та, ни другая разновидность подобной поверхностной и подчеркнутой самоидентификации в ее непосредственно демонстрируемых аспектах сегодня уже не характерна (этот образец перешел теперь к более рутинным в культурном отношении слоям). Если говорить о символической значимости Москвы, столицы, то для более образованных и старших поколений москвичей своего рода «московская мифология» — это уже давняя и устойчивая норма. Она выработана и усвоена на предшествующих фазах урбанизации, которые нашли свое воплощение как в официальной литературе, кино, живописи 1930–1940-х и 1950–1960-х годов, так и в альтернативных по отношению к ним феноменах бардовской песни (Б. Окуджава), городской молодежной повести (В. Аксенов, А. Гладилин и другие авторы тогдашнего массового журнала «Юность»), критическо-интеллигентской прозы (Ю. Трифонов), «бульдозерного» искусства и др.²

Если 48% опрошенных (чаще опять-таки люди среднего возраста и менее образованные жители, а чаще — жительницы столицы) принадлежность к москвичам прибавляет самоуважения и гордости, то 42% она оставляет равнодушными (здесь, как и среди затруднившихся с ответом, чаще можно обнаружить москвичей с высшим образованием, представителей старших возрастных групп). И если *прагматические* преимущества жизни в Москве по сравнению с другими городами

ский Д. Молодежь в системе образования: Динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92–123. О культурном капитале и ресурсе социальных связей, устойчивых форм коммуникации и поддержки см. в настоящем сборнике статьи «Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений», «Социальная жизнь москвичей» и «Высшее образование».

¹ См.: *Левада Ю.А.* Человек в поисках идентичности: Проблема социальных критериев // Экономические и социальные перемены... 1997. № 4. С. 7.

² Среди символов Москвы, значимых для старших и более образованных москвичей, соединяются как официальные общесоветские, державные (Кремль, Красная площадь, сталинские «высотки»), так и интеллигентско-шестидесятилетние, «исторические», включая особое отношение к дореволюционной культуре, прежде всего XVIII — начала XIX столетия и Серебряного века (Арбат, старые улочки и районы в пределах Бульварного и Садового кольца и т. п.).

России чаще среди москвичей подчеркивают мужчины, более молодые и более образованные респонденты, то *символическую* привязанность к столице, включая нежелание уезжать из нее, даже если представятся гораздо более высокие заработки и лучшие жилищные условия, выказывают москвичи среднего возраста и уровня образования, причем чаще опять-таки женщины. Иными словами, свою приверженность и привязанность к Москве *как столице, центру страны* демонстрируют сегодня именно те, кто в социальном и экономическом плане ощущают и высказывают наибольшую депривацию, живя в ней просто как *в крупном городе, месте наибольших возможностей, концентрации благ и удобств* (ухудшение материального положения семьи за последние годы, неудовлетворенность жильем, отсутствие возможностей больше зарабатывать, отсутствие деловых и богатых людей среди родных и знакомых¹).

Москва и россияне. Среди жителей России преобладают отрицательные оценки москвичей. По данным всероссийского опроса, проведенного в мае 1997 г. (N=1583 человека), их в сумме выбирали в 1,6 раза чаще. Стандартными приметами столичных жителей, прежде всего бросающимися в глаза не москвичам и оседающими у них в памяти, чаще других выступают такие: «усталые, задерганные», «суетливые, раздражительные», «самодовольные, избалованные легкой жизнью». При этом положительные оценки москвичей преобладают у более образованных россиян, у жителей крупных городов, но еще чаще у людей с положением, руководителей.

Отношение москвичей к не москвичам, приезжающим в их город, тоже в 1,5 раза чаще получает со стороны россиян отрицательную оценку («относятся к приезжим с раздражением, грубо, неприветливо»). Неприветливость и недоброжелательность москвичей особенно подчеркивают независимые предприниматели и специалисты; возможно, компенсацией этого отчуждения у интеллигенции служит желание видеть своих детей москвичами, а в подобном стремлении, по данным того же майского всероссийского опроса 1997 г., лидируют

¹ Именно этим непривилегированным респондентам, реже других бывающим в столичном центре, чаще других групп московского населения не хватает в Москве магазинов, детских площадок, их же раздражает реклама, наличие супермаркетов, круглосуточно работающих киосков и т. д. (более зажиточным и динамичным слоям, скажем молодым мужчинам, — а они, помимо чисто деловых поездок, бывают в центре столицы намного чаще других москвичей — не хватает в Москве совсем иного: мест для парковки автомобиля, уличных кафе и закусочных, тогда как наличием супермаркетов и ночных киосков они, напротив, гораздо чаще довольны).

**Хотели бы вы, чтобы ваши дети, внуки жили в Москве?
(В% к числу опрошенных в каждой социально-демографической
группе; май 1997 г., N=1600 человек.)**

<i>Социально-демографические группы</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Затруднились с ответом</i>
<i>Возраст</i>			
до 24 лет	29	52	19
25–39 лет	31	56	13
40–54 года	26	62	12
55 лет и старше	21	58	20
<i>Образование</i>			
начальное	17	61	22
неполное среднее	20	61	19
среднее общее	28	56	16
среднее специальное	26	62	12
высшее	44	46	10
<i>Типы поселений</i>			
большие города	35	51	14
малые города	21	63	16
села	24	58	18
<i>В целом по выборке</i>	27	58	15

опять-таки именно образованные россияне, жители крупных городов страны (табл. 11).

Характерны оценки россиянами столичных празднеств, посвященных 850-летию Москвы и транслировавшихся по основным каналам телевидения (табл. 12).

Здесь стоит выделить несколько моментов. За шесть недель оценки россиян (причем представителей всех основных социально-демографических групп, без исключения!) явно переменялись, сместившись к разделяемой абсолютным большинством респондентов трактовке праздника как мероприятия исключительно московского. Но в разных группах темпы и направления произошедших подвижек оказались различны. Среди тех, кто до самого празднества считал его общероссийским (а этой точки зрения придерживались среди прочих почти 3/5 самих москвичей), кардинальней других изменили свою точку зрения мужчины, россияне в возрасте 40–54 лет, респонденты с высшим образованием, жители крупных городов. Тем временем среди тех, кто рас-

850-летие Москвы — это праздник... (В % к числу опрошенных; данные всероссийских опросов до и после праздника — в августе и сентябре 1997 г., N=1600 человек)

<i>Социально-демографические группы</i>	<i>Для всей страны</i>		<i>Только московский</i>		<i>Вообще не праздник</i>	
	<i>Август</i>	<i>Сентябрь</i>	<i>Август</i>	<i>Сентябрь</i>	<i>Август</i>	<i>Сентябрь</i>
<i>Пол</i>						
мужчины	38	21	42	59	17	14
женщины	44	27	36	55	18	11
<i>Возраст</i>						
18–24 года	43	26	44	59	11	8
25–39 лет	39	21	44	61	16	11
40–54 года	44	20	35	60	19	15
55 лет и старше	41	31	34	48	21	14
<i>Образование</i>						
высшее	50	25	35	59	13	13
среднее	39	21	43	61	16	12
ниже среднего	40	28	35	50	21	13
<i>Типы поселений</i>						
большие города	45	24	40	58	12	14
малые города	40	23	36	60	21	10
села	37	26	41	50	20	15
<i>В целом по выборке</i>	41	24	39	57	18	12

ценивал юбилей в качестве события исключительно московского, стало еще больше тех же образованных россиян среднего возраста, а также жителей малых городов, женщин. Так что если юбилей до его празднования причисляли к событиям всероссийского масштаба чаще других специалисты (45% этого слоя), население больших городов (45%), россияне с высшим образованием (50% этой группы), то после трансляции празднеств за эту оценку чаще других держались уже только самые пожилые и наименее образованные россияне. Тогда как чаще других исключительно московским праздником стали считать юбилей после окончания торжеств россияне со средним образованием, жители небольших городов, люди активного социального возраста.

Другими словами, послепраздничная ситуация (структура поддержки и дистанцирования от столицы как ключевого символа социальной целостности) сложилась так: москвичи и особенно самые молодые (свыше 3/5 этой группы) остались довольны сентябрьским праздником, как были бы довольны любым другим карнавализованным действием такого масштаба (даже вне прямой зависимости от его московской символики). Между тем зрелые по возрасту и статусу россияне, которые по своему положению, связям, установкам и оценкам были наиболее близки к москвичам (причем москвичам продвинутых в социальном и экономическом плане групп) и вместе с тем чаще других придавали юбилею Москвы общероссийский смысл и масштаб, оказались празднеством больше других разочарованы и даже задеты. Тогда как другие, менее активные и успешные слои россиян, и без того относившиеся к столице, скорее, с подозрительностью, раздражением и завистью, после юбилея только укрепились в своем прежнем понимании Москвы как государства в государстве, которое-де сосредоточило в себе всю власть и узурпировало богатство всей страны, устраивает неуместные празднества в нынешних трудных условиях и т. п. Два последних контингента из трех перечисленных — группы, как было показано ранее, во многих отношениях, установках и оценках друг другу противоположные, — на сей раз парадоксальным образом сошлись. В этом смысле юбилейные празднества 1997 г. — независимо от тех или иных видов и расчетов как российской, так и московской власти — подтвердили, закрепили и усилили символические расхождения между населением страны и ее столицы.

II. ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ПЕРЕМЕНАМ

СЕМЬЯ ИЛИ УСПЕХ?*

Предварительные замечания. Крупномасштабный социальный перелом и, как становится все ясней, уже растянувшееся на многие годы плюс предстоящее в перспективе движение от советского общества к некоему иному, не очень понятному пока ни самим социальным субъектам, ни их исследователям состоянию — чаще всего его неопределенно именуют «постсоветским» — не могут не затрагивать различные стороны сознания людей в России. И в частности, не могут не проявляться на символических уровнях — в системах ценностей и авторитетов, дающих направленность, смысл, связность индивидуальному и групповому существованию и поведению. Перед социальными аналитиками здесь, среди прочего, встает задача уловить и зафиксировать в доступных эмпирическому наблюдению характеристиках сознания — публично заявляемых ориентирах, высказываемых оценках, а другие им недоступны — сам этот специфический момент переходности. Причем увидеть в нем не простое механическое соединение, а своеобразное функциональное устройство и попробовать разобраться, как это устройство работает.

В данном контексте я бы и предложил трактовать материалы, полученные в ответах на вопрос майского мониторинга ВЦИОМ 1995 г., где респондентам предлагалось оценить, в какой степени для них важны различные перечисленные ценности (N=2550). Часть ответов, относящихся к значимости «дружбы», уже разбиралась, прослеживалась динамика оценок от 1992 к 1995 г.¹ Имея в виду продолжение работы над исследовательским проектом «Советский человек», я хотел бы

* Опубликовано: Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 24–27.

¹ Голов А. Ценность и реальность дружбы у россиян // Экономические и социальные перемены. 1995. № 5. С. 41–44.

Таблица 1

Сравнительная значимость различных ценностей¹

Семья, дом	— 84,8	Досуг, развлечения	— 17,9
Деньги, обеспеченная жизнь	— 75,9	Успех	— 5,8
Дружба	— 73,1	Секс	— 0,6
Спорт, здоровье	— 64,1	Религия, вера	— 6,0
Любовь	— 53,4	Модные, красивые вещи	— 9,8
Происходящее в стране	— 49,8	Приключения,	
Дело, профессия	— 43,5	новые впечатления	— 33,8

рассмотреть весь комплекс ответов. Проблемой будет не динамика отношения к тем или иным позициям списка ценностей, а его структура для разных категорий респондентов, иерархия и система их предпочтений.

Эмпирический материал: линейное распределение. Общий порядок суммарной значимости различных ценностей для разных слоев населения (то есть в конечном счете объем совокупного признания их самими разными группами опрошенных) представлен в табл. 1.

В таблице отчетливо видны два перелома, или разрыва, в степени значимости названных ценностей. Один — на середине списка, между «делом, профессией» и «досугом, развлечениями», а другой — сразу следом за «досугом», где после «успеха, признания» и «секса», балансирующих еще на самой грани положительных и отрицательных оценок, следуют уже, так или иначе, «отрицательные» для большинства респондентов ценности. Точнее говоря, можно аналитически выделить четыре группы ценностей, различающихся по социальному масштабу их признания:

1) значимые для подавляющего большинства, более чем для двух третей опрошенных (для «всех») — общепризнанные и как таковые никого по отдельности не характеризующие; они не предмет индивидуального или группового выбора, а общая черта социального уклада, может быть — отдельной эпохи в жизни общества (о некоторых групповых различиях в интерпретации этих ценностей, конкретизирующих нормах их значения, будет сказано ниже):

семья, дом (в сумме важны для 90% опрошенных)
 деньги, обеспеченная жизнь (85,8%)

¹ Разность между долей тех респондентов, кто в сумме признал данную ценность «очень» и «довольно важной», и теми, для кого она в целом «не очень» либо «совсем неважна».

дружба (82,4%)
спорт, здоровье, хорошая форма (78,8%)
любовь (71,8%)
происходящее в стране (69,8%)
дело, профессия (66,5%);

2) значимые для относительного большинства — порядка 50% — и в целом для населения скорее важные, чем неважные, но особенно заметно лидирующие в отдельных группах (о характере этих групп опять-таки ниже):

досуг, развлечения (важны в сумме для 53,7% против 35,8%,
для которых в целом неважны)
успех, признание (47% против 41,2%);

3) значимые для относительного меньшинства — порядка 40% — и в целом для населения скорее неважные, нежели важные, а предпочитаемые лишь отдельными группами — иными и более узкими, чем в предыдущем случае (уточнения см. ниже):

секс (41,2% против 41,8%)
красивые, модные вещи (40,8% против 50,7%)
религия (38,5% против 44,5%);

4) значимые для абсолютного меньшинства, в целом для населения неважные и характерные лишь для отдельных групп, но и ни в одной из них не относимые к числу ведущих:

приключения, новые впечатления (26,4% против 60,2%).

Масштаб признания той или иной ценности можно дополнить еще одной характеристикой — степенью ее значимости для опрошенных. Тем самым мы, вслед за респондентами, выделяем ценности первоочередной важности («очень важные»), важные, так сказать, во вторую очередь («довольно важные») и равнозначимые (доли респондентов, назвавших их очень и довольно важными примерно равны).

К первой группе относятся исключительно общепризнанные ценности: они и общезначимы, и наиболее важны. Это семья («очень важна» для 67% опрошенных, «довольно важна» — для 23%), деньги, обеспеченная жизнь (49 и 37%) и любовь (44 и 28%).

Равно — и в целом высоко — значимы дружба (40 и 42%), спорт, здоровье, хорошая форма (41 и 38%), дело, профессия (35 и 32%)

и происходящее в стране (31 и 38%), равно — но в целом, скорее, невысоко — значима религия (18 и 20%).

К ценностям преимущественно второго плана, значимым в целом не так высоко, можно отнести досуг, отдых, развлечения (17 и 37%), успех, признание (16 и 31%), секс (15 и 26%) и красивые, модные вещи, одежду (13 и 28%); ко «второочередным» и в целом низко значимым — приключения, новые впечатления (8 и 18%).

Эмпирический материал: групповая дифференциация. Как можно содержательно, социологически интерпретировать две эти оси типологизации (масштаб и степень значимости) и зафиксированное в пространстве этих координат распределение ценностей? Видимо, через указание на конкретные группы, выдвигающие или разделяющие данные ценности, и на место этих групп в структуре общества, в процессах его динамики и репродукции, с одной стороны, а с другой — проясняя семантику той или иной ценности в перспективе группового ее понимания и истолкования.

Сначала уточним, для каких социальных групп какие из перечисленных ценностей значимы в первую очередь — «очень важны»; перечислим группы, дающие максимальное значение данного показателя (приводится в скобках после названной группы, в % к ней) в сравнении со средней нормой по выборке в целом (указывается в скобках после названной ценности, в % к выборке в целом).

семья (67) — домохозяйки (80), руководители (79), 25–39-летние (79), специалисты и безработные (по 76)

деньги (49) — безработные (60), домохозяйки, 25–30-летние (по 57)

любовь (44) — 25–30-летние (65) и самые молодые, до 24 лет (63), домохозяйки, безработные, столичные жители (по 58), респонденты с высоким доходом (53)

спорт, здоровье (41) — руководители (51), пожилые, старше 60 лет (48)

дружба (40) — учащиеся (61), безработные (55), руководители (54), столичные жители (51), респонденты с высоким доходом (50)

дело, профессия (35) — руководители (60), люди с высшим образованием (47), специалисты (44), учащиеся, работники госсектора, респонденты с высоким доходом (по 43)

происходящее в стране (31) — пожилые (42), руководители (40), жители села (38)

религия (18) — пожилые (36), респонденты с невысоким, ниже среднего, образованием, жители села (по 26), женщины вдвое чаще, чем мужчины (23 и 13)

досуг, развлечения (17) — работники частного сектора (31), учащиеся (29), руководители, служащие (по 27)

успех, признание (16) — безработные (29), самые молодые (26), руководители (25), работники частного сектора (22; уровень доходов, отмечу, на выдвижение данной ценности как первостепенной не влияет)

секс (15) — работники частного сектора (33), 25–30-летние (32), домохозяйки (24), руководители (23), респонденты с высоким доходом (22; во всех этих группах, замечу, высоко значима и ценность любви)

модные вещи, одежда (13) — учащиеся (28), работники частного сектора (24)

приключения, новые впечатления (8) — учащиеся (25), столичные жители, работники частного сектора (по 15).

Максимальный размах значений по любой позиции дает такой дифференцирующий фактор, как возраст. За ним следует статус, где крайние значения принадлежат руководителям, с одной стороны, и пенсионерам — с другой. Принадлежность работающих к государственному или к частному сектору влияет на размах значений сильнее, чем сравнительно слабо в целом дифференцированный уровень доходов.

В принципе, такое же распределение по социальным группам можно было бы показать и на ценностях второго плана («довольно важных»). Оно совпадает с первым лишь в некоторых случаях — для нескольких ценностей и для нескольких групп. Приведу лишь самые типовые сочетания, включая как совпадения предпочтений первой и второй степени значимости, так и их расхождения:

1) сдвиг достаточно значимых, но не обязательно первостепенных ценностей в менее активные и статусно низкие группы — такова, например, повышенная вторичная значимость «дела, профессии» уже не для более молодых, образованных, социально активных и статусно высоких слоев (см. выше), а для респондентов со средним и средним специальным образованием, работников полугосударственного сектора, сорокалетних, чаще жителей больших городов (но не Москвы и СПб); как вариант подобного ценностного отношения я бы предложил рассматривать вторичную — отчасти, вероятно, обостренную и даже спровоцированную нынешней экономической ситуацией — значимость такого идеологически непрестижного прежде в интеллигентских кругах блага, как «деньги, обеспеченная жизнь», на правах ценности «второй очереди» оно признается теперь чаще других более старшими по возрасту (пятидесятилетними) респондентами, специалистами с высшим образованием, работниками полугосударственного сектора;

2) разная интерпретация опять-таки достаточно признанной, но не обязательно первостепенной ценности различными группами, когда одни — и в определенном значении — ставят ее на первый план, а другие — и в ином семантическом наполнении — тоже считают важной, но не в первую очередь; такова, скажем, сложная, многопараметрическая оценка важности «происходящего в стране» (по замыслу составителей анкеты, это синоним «политики, политической включенности»), с одной стороны, менее образованными и более пожилыми группами, пенсионерами, жителями села (для них это «очень важно»), а с другой — группами учащихся, высокообразованными специалистами, работниками полугосударственного сектора (они чаще других считают эту позицию «достаточно важной»); в принципе, похожее распределение оценок характерно и для «спорта, здоровья, хорошей формы» — на первое место их чаще ставят более пожилые, пенсионеры, делая, как можно допустить, акцент на «здоровье» («чтобы ничего не болело»), и «руководители» (здесь важнее, видимо, «хорошая форма»), а на второй план — тридцатилетние, квалифицированные рабочие, учащиеся (тут уже могут акцентироваться чисто спортивные аспекты, «накачанность» и т. п.); вероятно, к этому же типу двойной интерпретации можно было бы отнести и «религию, веру», которая «очень важна» для самых пожилых, менее образованных, низкодоходных групп, чаще — сельских жителей, видимо, как элемент более традиционного образа жизни и консервативных культурных ориентаций, а «достаточно важна», вероятно, в более идеологизированном смысле «религиозного обращения» или «возрождения», чаще всего для столичных жителей, пятидесятилетних, специалистов, служащих и домохозяйек;

3) расширение признания второплановой ценности за счет групп того же статусного уровня — близких к лидерским, но, может быть, менее самостоятельных в данной ценностно очерченной сфере (слоев поддержки и подхвата значимых и отмеченных образцов, их своего рода «питательных сред»); такова, можно предполагать, повышенная вторичная значимость «красивых, модных вещей, одежды» прежде всего для женщин (в качестве первостепенной ценности ее с примерно равной — и невысокой — частотой указывали оба пола); как вариант того же типа я бы рассматривал, к примеру, высокую второплановую значимость «секса», пока еще слабо подкрепленного культурными санкциями в российском обществе, для таких категорий респондентов, как интеллигенция и квалифицированные рабочие, занятые в полугосударственном секторе, более старшие возрастные группы (36–40-летние), тогда как «любовь» для них не имеет повышенной значимости даже как ценность второго плана и речь, таким образом, идет, скорее, лишь о снятии или ослаблении социального и идеологического запрета на табуированную для упоминания область значений;

4) преобладающее признание некоторого набора ценностей одними и теми же, вполне определенными, группами в качестве и «очень», и «довольно важных»; речь идет о локальной или сегментарной значимости таких непопулярных в абсолютном большинстве групп позициях списка, как «успех, признание», «приключения, новые впечатления», «досуг, развлечения» и, с выше приведенными оговорками, «секс» и «красивые, модные вещи, одежда»; их исключительно ценит один круг респондентов — это самые молодые, самые образованные, самые высокодоходные россияне, работники частного сектора, учащиеся и руководители, по преимуществу — столичные жители.

Обсуждение и интерпретация данных. Среди ценностей, публично признаваемых и декларируемых практически всеми социально-демографическими группами россиян в ситуации опроса (отношение к которым, иначе говоря, выступает для них сегодня общепринятой нормой правильного социального поведения), лидирующее место занимают диффузные, партикуляристские ценности семьи, дома, уюта; неконкурентного, эмпатически окрашенного взаимодействия («дружбы», «любви»); здоровья и стабильного жизненного порядка. Перед нами — как бы спровоцированный вопросом социологов набор традиционных пожеланий в день рождения или на Новый год. На вопрос о ключевых ценностных ориентирах в сегодняшней России, вынесенный в заглавие данной статьи, можно было бы ответить так: семья, а не успех, и никаких приключений.

«Деньги» в этих условиях для подавляющего большинства — синоним не достижения, статуса, богатства, а просто нормального и устойчиво воспроизводящегося существования без напряжения и нервозности — «обеспеченная жизнь». Поэтому их значимость никак не связана со значимостью «дела», с одной стороны, и «успеха», с другой, а наиболее велика для людей с низкими доходами, служащих, оставшихся без работы или находящихся на положении домохозяек. Ценности «дела, профессии» ни в одной из групп общества, даже наиболее квалифицированных и социально активных, кроме «руководителей», не выходят на первые места, заметно уступая всем перечисленным. Ценности же «успеха, признания» далеко отстают даже от деловых, не говоря уж о значимости денег, локализуясь либо в молодежных подгруппах в качестве фазового момента жизненного самоопределения, либо в своей компенсаторной значимости для временно выпавших из социально-профессиональной структуры (безработных). Но даже и в этих слоях, включая высокостатусную и социально-лидерскую группу руководителей, ценности успеха первостепенно значимы примерно лишь для четверти опрошенных из данного контингента.

Другими словами, ценности профессиональной реализации и связанного с ней социального достижения (связка «дело, успех, богатство, положение», а стало быть — социальная открытость, известный уровень правосознания, ценностная толерантность, универсализм ориентаций и т. д.) в абсолютном большинстве групп современного российского общества, даже наиболее активных, признаваемы в целом слабо. И это понятно. Они практически не поддержаны более широкими санкциями культуры (по-прежнему интеллигентской), ни социальной авторитетностью принявших их групп и слоев (не выступающих «элитой»), как и не переданы еще и от одного поколения к другому. А значит, скажет социолог, они пока не стали осевыми моментами социальной структуры данного общества, параметрами его статусно-стратификационной системы, сколько-нибудь ведущими жизненными ориентирами для большинства его взрослых и работоспособных членов.

Функциональных ответов на императивы социальной динамики, профессиональной мобильности, имущественного расслоения, как никак все же действующие в российском обществе, отчетливо заметные в поведении отдельных групп (бизнесменов, учащейся и работающей молодежи, публичных звезд), фигурирующие в средствах массовой коммуникации и т. д., со стороны большинства остальных групп на нашем материале наблюдается три.

Это, во-первых, компенсирующая перегрузки профессиональной и «большой» социальной жизни, конкуренцию, адаптацию, борьбу за выживание регрессия к диффузным и партикулярным ценностям малых сообществ (семьи, дома, дружеского круга), непосредственным эмоциональным контактам (любви)¹. Здесь более квалифицированные и активные группы (руководители, специалисты, молодые взрослые) смыкаются с действительным демографическим большинством.

¹ Стоит, впрочем, добавить, что социальная нагрузка и этих типов взаимодействия — семьи, дружбы — отнюдь не остается неизменной: они приняли на себя ряд новых или хорошо забытых старых функций. Уже приходилось писать о значении дружеского круга и поколенческой солидарности для молодежи на первичных этапах ее включения в бизнес. Несомненно значимы дружеские и семейные связи в таком явлении, как «челночная» торговля. Назову еще семейные предприятия (магазины, мастерские и др.). Особенно значимы эти отношения при нынешнем «кризисе доверия» многих групп друг другу, государственным и общественным институтам, в отсутствие общезначимых правовых норм. А это, в свою очередь, ведет к переоценке самих подобных отношений и сопровождающих их чувств: они могут не только гарантировать от экономического краха или социального срыва, но и символизировать для новых, развивающихся активность групп и слоев надежность и даже солидность их социального существования.

вом — слоями более старших по возрасту и невысоких по образованию, особенно женщин, слабее включенными в процессы, проблемы и преимущества урбанизации жителями небольших периферийных городов. Этот процесс ценностной самозащиты, компенсации или балансировки поддержан и культурными образцами — достаточно указать на выросший и по-прежнему растущий читательский и зрительский интерес к мелодраматическим телесериалам, серийным любовным романам при известном снижении популярности остросюжетной прозы, крутых боевиков (для более старших и менее образованных групп в качестве такого регрессивного образца выступает советское кино старых лет, чья популярность у зрителей в последние год-два тоже стала расти).

Во-вторых, такого рода «ответом» на давление ситуации может выступать вынужденное признание ценностей, образцов или символов социальной мобильности. Примером здесь может быть уже упомянутое выше признание значимости «денег» кругами интеллигенции. Но такие феномены будут, как правило, сопровождать (и их в этом качестве индексировать для исследователя) соответствующее понижение уровня значимости образца — «вторая степень» важности — и типа мотивации к его усвоению и поддержанию — что-нибудь вроде «приходится крутиться».

В-третьих, здесь включается механизм групповой, нередко — традиционализирующей, переинтерпретации, чаще всего, как известно, вообще сопровождающий сдвиг или спуск образца в другие группы. Так, ценности «дела, профессии» большинством групп, особенно низкостатусных и не слишком престижных (например, служащими, по возрасту приближающимися к пенсии), трактуются, как уже говорилось, вне связи с доходами, социальным продвижением, статусом, престижем, успехом и признанием. Они понимаются как главная, а часто и единственная связь с социальной системой, символ принадлежности к «большому» обществу. Разрыв этой связи в наших условиях означает для них полное выпадение из жизни, как бы «социальную смерть». Эта трактовка и сопровождающие ее социальные чувства поддерживают в таких группах достаточно высокую по значимости, но традиционализирующую по смыслу ценность «дела, профессии» как синонима занятия в жизни, жизненной занятости.

Похожая множественная интерпретация поддерживает и значимость «происходящего в стране». С одной стороны, это важно для более социально инертных и культурно консервативных групп, которые болезненней других затронуты экономической и социальной нестабильностью, политическими перетрясками, идеологическими качаниями верхов и СМК, но и прочнее зависят от системы государственного распределения и обеспечения. В значимости для них «происхо-

дящего в стране» доминируют тревога, непонимание, недовольство: оно значимо как нарушение нормы, поскольку фоном для него выступает тоже переоцененное, ретроспективно и ностальгически сконструированное прошлое («до перестройки»). Важность происходящего для руководителей связана с их высоким социально-профессиональным статусом, это символ их включенности в нынешнюю систему. А значимость «происходящего в стране», но уже — во вторую очередь, для более образованных слоев, специалистов, учащейся молодежи — остаточная черта периода перестроечной мобилизации и достаточно часто тоже включает разочарование и словесный протест.

В любом случае действие перечисленных механизмов, скорее, сопутствует социальным переменам либо вызвано ими. Но они, как бы там ни было, не в силах перемены не только инициировать, но и поддерживать, развивать. Если говорить о силах, активно и сознательно заинтересованных в углублении социальных сдвигов последнего десятилетия, то здесь — как видно, в частности, из приведенных данных — больше бы стоило, вероятно, рассчитывать на значительную общность ценностных ориентиров, стандартов образа и стиля жизни у более квалифицированных, доходных и высокостатусных групп работников частного сектора, руководителей, с одной стороны, и более динамичной и подготовленной учащейся молодежи — с другой. Соединение тут статусных и доходных характеристик с образованием, профессиональной квалификацией и возрастными ресурсами, даже просто при известном уровне общественной стабильности и инерции уже запущенных процессов, — фактор пусть и не решающий, но, при всех прочих обстоятельствах, немаловажный.

УСПЕХ ПО-РУССКИ*

Успех не принадлежит к числу наиболее важных ценностей, приверженность к которым декларирует сегодня население России, и сколько-нибудь тесно не связывается в их сознании с представлениями о хорошей жизни. На то, что успех, признание для них «очень важны», указывают, по материалам ВЦИОМ, в среднем не больше одной пятой опрошенных. По данным опроса в мае 1998 г. (1600 человек), 15% — а в группах до 39 лет 20% — считают стремление к успеху настолько важным качеством, чтобы воспитывать его в собственных детях.

С одной стороны, респонденты как будто признают такое отношение к преуспеянию устойчивой общей нормой, характеризующей общенные стандарты коллективного поведения жителей России. Так, в августе 1994 г. 64% из 3000 опрошенных согласились с тем, что «мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом, богатством» (не согласились с этой позицией 27%). С другой стороны, 56% в том же опросе признались, что им лично «ближе такие люди, которые во всем стремятся к успеху» (лишь 24%, по их оценкам, предпочитают тех, кто «стремится жить как все и не выделяться среди других»; 20% затруднились с ответом). Более того, месяцем позже 60% из 3000 опрошенных россиян уже напрямую причислили самих себя к «людям, которые во всех действиях ориентируются на успех». Видимо, стоит уточнить смысл, который вкладывают опрошенные в слово «успех», и подробнее проследить функциональные видоизменения этой семантики в отдельных группах респондентов.

Насколько можно судить по данным опросов ВЦИОМ в их динамике, заметный перелом в декларируемых оценках предпосылок успе-

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 18–22.

ха произошел у россиян в начале 1990-х гг. Можно полагать, он связан как с первыми, достаточно робкими, но по неожиданному контрасту особенно заметными, проявлениями приватизации и рыночной экономики в тогдашней жизни городов, в тематике и риторике средств массовой информации, так и с эрозией общих рамок прежнего социального существования в советской системе с ее идеологическими нормами и стандартами публичного поведения и суждения, включая профессиональные роли, оценки статуса, стандарты престижности и проч. Две главные основы суждений в этой сфере — привычный официально-коллективистский упор на артельный «труд» и связанное с этим же моментом у более квалифицированных слоев защитное по своему функциональному смыслу подчеркивание необходимости еще и «знать свое дело» (критерий индивидуального опыта и даже известного мастерства, характерный, например, как для хорошего врача, так и для «старого рабочего») — заметно ослабели. На этом фоне, при отсутствии сколько-нибудь авторитетных и широко тиражированных позитивных образцов реального успеха¹, в обществе в целом выросло значение некоторых «новых», официально не признанных, диффамированных прежде мотивов действия и критериев успешности поведения. Впрочем, вряд ли они были в самом деле новыми для социальной и хозяйственной жизни позднесоветской эпохи с ее блатом, калымом и прочими феноменами закрытого общества, заблокированного социального продвижения и дефицитарно-распределительной экономики. Речь, скорее, шла о возникновении некоторых новых общественных и экономических феноменов, для сколько-нибудь спокойной и заинтересованной оценки которых у широких слоев не было практически никаких культурных, языковых средств, почему к ним и стали применяться ходовые ярлыки из прежнего оценочного обихода типа «мешочников», «спекулянтов», «приспособленцев» и т. п. (см. табл. 1, в % ко всем респондентам в каждом опросе, приводятся лишь ведущие позиции).

Вообще для социолога понятие успеха фиксирует перевод индивидуального действия в общественное признание (социальный факт) и, далее, в воспроизводимый, структурный элемент общества и механизм его развития. Успех в такой трактовке — свидетельство не столько везения, удачи, расположения звезд и даже не способностей, дара

¹ Характерны трансформации в русской, советской и нынешней российской культуре такого жанра популярной словесности и кино, как история успеха (американская *success story*). На материале телевизионной рекламы и литературных сюжетов см. об этом статьи автора «Новая русская мечта и ее герои» и «Сюжет поражения» в кн.: *Дубин Б. Слово — письмо — литература*. М., 2002. С. 200–211, 262–272.

Что прежде всего нужно для успеха в жизни?

	1989, N=1000	1993, N=1000
Упорно и целеустремленно работать	44	32
Знать свое дело	36	30
Иметь хорошие способности	25	30
Уметь вертеться	21	31
Иметь большие связи	18	31

«свыше», а, во-первых, умений индивида по своему разумению, на свой страх и риск распорядиться всеми имеющимися у него ресурсами (включая талант и другие возможности, в том числе — ситуативные) и, во-вторых, готовности со стороны общества, его влиятельных и полномочных групп (элит), социальных институтов квалифицировать, признать и значимым образом отметить, поддержать, вознаградить соответствующие достижения, исходя из принятых в этом обществе базовых ценностей, воплощенных в системе культуры и права, структуре власти, стандартах образа жизни и основополагающих для существования и воспроизводства данного социума. Решающий момент здесь — индивидуальный выбор именно инструментальной стратегии обращения с «иррациональными», сверхнормативными силами типа «наития» (вдохновения), «фортуны» (судьбы) и т. п.

Собственно, этот выбор (и, соответственно, демонстрируемая в нем приверженность к ценностному порядку, стоящему за подобными инструментальными ориентациями и санкционирующему их) прежде всего и вознаграждается со стороны общества в лице его авторитетных групп и базовых институтов, поскольку все оно — в этом и состоит специфика «современных», «развитых» обществ — опирается как раз на подобный порядок. Дело в том, что лишь такой предельно обобщенный, бескачественный — «эфирный», сказал бы Зиммель, — инструментальный компонент может быть не просто воспроизведен в бесконечном множестве индивидуальных действий (как элемент, скажем, «традиционного» действия по обычаю или привычке, по образцу старших или по велению другого авторитета), но и может стать основой для *наращивания* качественных характеристик поведения, постоянной оптимизации структуры и результативности действия, быть стимулом к повышению его ценностной «планки», причем повышению, в принципе неограниченному. Тем самым у общества и в культуре появляется чрезвычайно важная как в микро-, так и в макросоциальном плане возможность максимизировать достиже-

ние самым способом его оценки: возникает формальная мера, точнее — система формальных мер, позволяющая «складывать», «умножать», «делить» социальные действия, их агентов, мотивы и результаты в совокупности вполне содержательных, с точки зрения самого индивида, характеристик каждого из этих действий.

Эквивалентом такой формальной измеримости действия выступают, в частности, деньги или даже «пустое» число как таковое (так что, например, количество уже распроданных экземпляров книги, сумма кассовой выручки за прокат фильма либо, напротив, величина потраченных на его съемку средств важнейшей характеристикой входит в их публичный образ, в рекламу, помещаемую на обложку книги или афишу фильма, как рекорды — а не просто победы! — входят в совокупность характеристик спортсмена)¹. Иными словами, через социокультурные механизмы успеха индивидуальное поведение получает систематическую связь со структурой общества — системой социальной стратификации, динамикой социальных позиций, статусом и престижем различных групп, а целевая мотивация, выбор поведенческой стратегии, расчет индивида приобретают не только общественное подтверждение, удостоверение значимости, но и стимул к дальнейшей максимизации (так работает «самозаводящийся механизм» социального динамизма и подъема не только индивида, но целых групп и слоев в его лице). В подобных случаях, характерных для социальных систем развитых стран, говорят уже о «достижительском обществе»².

В «классическом» советском, а во многом и в современном российском социуме описанная связь между индивидуальным усилием и его совокупным коллективным результатом, принципиальная для устойчивости и, вместе с тем, динамизма социальной системы, серьезно на-

¹ Еще одним воплощением этого принципа обобщенности, универсальности и бескачественности, невещественности регулятивов действия является общедоступная письменность вместе со всей совокупностью других условных, формальных языков культуры нового времени. В этом смысле принципиальная беспредельность стремлений к «абсолютному» произведению («сверх-книге») в новейшей европейской словесности после Бодлера с его теорией «чистого искусства» и одержимостью «самим письмом», как ни парадоксально, напрямую связана с выходом литературы на рынок и приобретением ею там, по выражению В.Беньямина, «экспозиционной» (выставочной) ценности. Характерно в этом смысле убывание предметности в современных изобразительных искусствах вплоть до полного его исчезновения и разыгрывания подобного отсутствия, своего рода «ритуального жертвоприношения» реальности. Об этом комплексе проблем см.: *Agamben G. Stanze: La parola e il fantasma nella cultura occidentale.* Torino, 1977. P. 49–64; *Woodmansee M. The Author, Art, and the Market: Rereading the History of Aesthetics.* N.Y., 1994.

² *MacClelland D.C. The Achieving Society.* N.Y., 1961.

рушена и деформирована¹. Один из результатов этого разрыва — массовая привычка к опеке «сверху» при одновременном понимании, что сколько-нибудь твердо рассчитывать на нее не приходится (слишком часто и беспардонно власть на памяти каждого из «подданных» отказывалась от каких бы то ни было обязательств перед ним) и вместе с тем при недостаточной готовности полагаться на свои силы. При том, что в абсолютном большинстве нынешний россиянин, пытаясь добиться успеха в жизни, может, по его собственной оценке, рассчитывать лишь на себя (в январе 1998 г. из 1500 опрошенных с этой точкой зрения согласились три четверти), лишь 25% опрошенных в 1997 г. (N=2400) согласны, что благополучие человека зависит от него самого, а 64% уповают здесь исключительно на «справедливое устройство общества» (соотношение первых и вторых равно 0,39). Фактически лишь среди учащейся молодежи доля тех, кто видит источник благополучия в собственноручных усилиях, превышает долю тех, кто рассчитывает на общество (соотношение первых и вторых равно 1,54, среди респондентов до 24 лет = 1,1). И соответственно, только в сознании и заявлениях самых молодых россиян в круг наиболее значимых для них вещей, кроме традиционной для всех «семьи», входит «успех в работе» (табл. 1, опрос 1998 г. «Молодежь», N=1600, учитывается только ответ «очень важно», причем в % приводятся лишь ведущие позиции)².

НАСКОЛЬКО ВАЖНО ДЛЯ ВАС...

иметь хорошую семью	85
добиться успеха в работе	66
быть обеспеченным	64
иметь дружеские связи	62

¹ См.: Советский простой человек. М., 1993 (гл. 2—4).

² Респонденты вообще охотнее признают те разновидности успеха или готовы принять либо выдать за успех те ценимые ими недифференцированные блага, коллективные формы жизни, диффузные, анонимно одобряемые формы поведения (по формуле «за все хорошее»), которые не затрагивают проблематику индивидуального выбора и действия, как бы не заставляют опрошенных вступать во внутренний конфликт самооценок, привычных соотношенных образов себя и других. Казалось бы, это минимизирует для индивида возможность раздвоения и ценностной «сшибки». Но, по логике комплекса, этот принципиальный для советского и постсоветского человека конфликт самоотношения (базовый дефект социальности, ведущий, среди прочего, к неустрашимому разрыву между личностью и внешним авторитетом, мнением и действием) тем самым, напротив, лишний раз проявляется, закрепляется и поддерживается.

пользоваться уважением окружающих	50
преуспевать в своем бизнесе	41
возможность путешествовать	39

Понятно, что при такой констелляции оценок для обретения жизненного успеха «связи» оказываются россиянам в 2–2,5 раза важнее, чем их собственные «усилия и труд». Именно так складывается ситуация, когда — как было показано в более ранних публикациях¹ — ценности профессии, дела ни для одной из групп российского общества (за исключением «руководителей») не принадлежат к числу ведущих, ценности успеха значимы еще меньше, а работа и профессиональная реализация ни для кого, кроме тех же руководителей, реально не связана ни с их статусом, ни с благосостоянием.

С одной стороны, деньги при этом редко когда соединяются в биографии респондентов с их личными действиями и собственно-ручными достижениями, а с другой — даже при достатке денежных средств дают, в понимании россиян, лишь простую возможность тратить, «не считая каждую копейку» (так понимали материальный успех 53% из 2400 россиян, опрошенных в сентябре 1996 г.; к подобному достатку здесь приравнены такие вещи, как хорошее жилье и питание, что и выявляет основные дефициты прежнего советского и нынешнего общества в их бытовом, реальном выражении). Такое «богатство» стоит немного, почему и «деньги» как ценность больше всего важны для россиян с низкими доходами, для служащих, безработных и домохозяек. Несущая конструкция современного общества, его принципиальный социально-антропологический узел — ценностно-мотивационная связка между личной профессиональной квалификацией, сосредоточенностью жизненных интересов на деле, успехом, признанием и положением, богатством, авторитетностью, — можно сказать, устойчиво отсутствует и в жизненной практике, и даже в сознании абсолютного большинства взрослых и трудоспособных жителей России.

Показательно, что для 54% населения (июль 1992, N=2000) работа — это «способ получить необходимые средства к существованию», тогда как «средство улучшить жизнь, добиться успеха» — лишь для 27% (для 17% она «средство развить свои способности, выразить себя»). Даже если респонденты признают социальную значимость и результативность работы как принцип, то к ним самим этот принцип как бы не относится. Так, 53% опрошенных (сравнительное исследование «Потребители», апрель 1997, N=1000) согласны с тем, что работа —

¹ См.: Дубин Б. Эта нынешняя молодежь // Этика успеха. 1996. № 8. С. 33–41, а также статью «Семья или успех?» в настоящем сборнике.

«нравственная необходимость и добросовестный труд — будет вознаграждена успехом и благосостоянием», но 58% тут же признают, что профессиональный успех и продвижение по службе для них не важны. Такого рода «внешнее» признание значимости, скорее, механизм растождествления с данной ценностью, воображаемого размежевания с ее носителями. Оно входит в характерную для россиян структуру негативной идентификации¹. Отсюда — постоянная раздвоенность, дистанцированность респондентов при оценке успеха и его символов, как только речь заходит о личных поведенческих императивах, казалось бы обязательных, коль скоро ты данную ценность признал. Деньги, успех и т.п. — вещи, может быть, и неплохие, но не у нас и не для нас, как бы говорят респонденты (отсюда — перенос этих характеристик на вполне фантомный «Запад» или на таких же придуманных «новых русских» с амбивалентным, а чаще неприкрыто неприязненным к ним отношением).

Одно из выражений подобной двойственности — оценка предпринимательства в широких слоях россиян. Половина опрошенных просто избегает при этом определенных суждений. Так, в сентябре 1996 г. (N=2400) с точкой зрения, что стремление предпринимателей к успеху в конечном счете приводит к общему благополучию, в основном согласились 17%, вдвое больше (33%) — в основном не согласились, остальные, что называется, «воздержались». С точкой зрения, что разделение на бедных и богатых побуждает людей стремиться к успеху, полностью согласились 25% и полностью не согласились — 24%. Понятно, что среди залогов успеха в условиях рыночной экономики россияне при этом прежде всего выделяют, с той же негативной коннотацией, чисто адаптивные способности («умение приспособиться» — 38%) и черты авантюризма («готовность рисковать» — 36%), которым явно уступает «личная инициатива» (29%) и «творчество, изобретательность» (20%), к тому же соседствующие с «ловкостью» (29%) и «беззастенчивостью» (25%). В сознании респондентов среди снижавших успех в сегодняшней России явственно и неизменно лидируют негативно оцениваемые персонажи, воображаемые социальные «другие» (см. табл. 2, в % ко всем опрошенным).

¹ Ю. Левада говорит в этой связи о комплексе «ненавидящей зависти». См.: *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену «человека советского» // Экономические и социальные перемены... 1995. № 6. С. 17; а также: *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Там же. С. 41–42. Применительно к генезису капитализма и внутренним конфликтам инициативы и осмотрительности, авантюризма и расчета в структуре «буржуазного духа» ср.: *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 79–115.

Каким людям в России сегодня легче всего добиться успеха в жизни?

	<i>1995, N=2500</i>	<i>1996, N=2400</i>
Имеющим связи	55	50
Имеющим преуспевающих родственников	46	42
Деловым, энергичным, способным	44	42
Спекулянтам, махинаторам	42	38
Подхалимам, приспособленцам	18	16
Квалифицированным профессионалам	14	14
Образованным	10	9
Трудолюбивым	8	8
Знающим иностранные языки	8	10

Показательны крайне низкие практически во всех группах населения оценки образования и квалификации в их отношении к успеху (даже неважно сейчас, отражают ли эти «предрассудки» текущую ситуацию или ее активно формируют). Престиж лично заработанных знаний и умений несколько — но совсем ненамного — выше у более образованных и состоятельных россиян (и прежде всего среди учащейся молодежи). По данным практически всех опросов 90-х гг., сложились два устойчивых социально-демографических полюса подобных оценок и оценок успеха в целом: с одной стороны, самые пожилые, наименее образованные и обеспеченные респонденты, с другой — самые молодые, образованные и высокодоходные россияне. Первые выделяют такие предпосылки успеха, как махинации, подхалимство и проч., вторые — энергию и деловитость, отчасти — квалификацию и образование, а также (в первую голову — начинающая свою социальную жизнь молодежь) нужные связи (см. табл. 3; 1996, N=2400; в % к соответствующей социально-демографической группе).

Собственно, успех и ценят именно две эти группы — высокостатусные (руководители) и самые молодые жители России (учащаяся молодежь) (см. табл. 4; 1995, N=2500; в % к соответствующей социально-демографической группе).

Соответственно, более молодые (и только при этом условии — еще и более образованные!) россияне несколько чаще других и почувствовали за последние годы реальные плоды своей ориентации на успех (табл. 5; июль 1998 г., N=2400; в % к соответствующей социально-демографической группе).

Каким людям в России сегодня легче всего добиться успеха в жтзни?

	В це- лом	Возраст				Образование			Доход		
		до 24 лет	25–39	40–54	55 и старше	ниже среднего	среднее	высшее	низкий	средний	высокий
Людям со связями	50	62	56	51	37	44	53	58	50	51	49
Людям с преуспева- ющими родственни- ками	42	38	45	43	42	44	41	41	43	46	35
Энергичным, способным	42	54	46	40	32	35	44	53	31	41	55
Спекулянтам	38	16	31	41	53	43	35	30	44	40	26
Подхалимам	16	7	14	16	22	16	16	12	23	16	11
Квалифицирован- ным	14	19	14	14	10	13	13	19	11	13	20
Знающим языки	10	17	10	10	5	6	12	14	9	8	15
Образованным	9	14	10	8	7	8	9	12	6	9	13
Трудолюбивым	8	8	7	8	9	7	8	8	4	8	12

Таблица 4

В какой мере для вас важны успех, признание?

	<i>Важны</i>	<i>Не важны</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
В целом	48	42	10
До 24 лет	66	29	4
25–39 лет	52	38	7
40–54 года	45	42	11
55 лет и старше	31	51	16
Образование ниже среднего	38	48	13
Среднее образование	52	38	9
Высшее образование	54	39	6
С низким доходом	47	40	10
Со средним доходом	44	43	12
С высоким доходом	54	39	6

Доля причисляющих себя к слою выше среднего и высшему заметно превышает медиану еще и среди руководителей (16%). Куда скромней эта доля среди специалистов с высшим образованием (8%), зато 69% их — максимальная доля по выборке — причисляют себя к среднему слою. Важно отметить, что урбанизированность (жизнь и работа в столице, в крупнейших городах с их, казалось бы, повышенными

Таблица 5

К какому слою общества вы бы скорее всего себя отнесли?

	<i>Низший</i>	<i>Рабочие</i>	<i>Ниже среднего и средний</i>	<i>Выше среднего и высший</i>
В целом	16	34	39	3
До 39 лет, высшее образование	4	12	63	17
Старше 40 лет, высшее образование	6	9	65	8
До 39 лет, не высшее образование	6	37	44	4
Старше 40 лет, не высшее образование	27	39	28	0,5
Низкие доходы	20	43	28	1
Средние доходы	20	35	37	2
Высокие доходы	1	27	55	8

Что важнее для достижения успеха?

	1994 июнь, N=3000	1997 ноябрь, N=2400
Власть	30	24
Образование	8	13
Богатство	46	49
Затрудняюсь ответить	15	14

возможностями для успеха и продвижения) лишь уменьшает долю низшего слоя и рабочих среди всех опрошенных в этих поселениях, незначительно увеличивая здесь долю среднего слоя и практически не увеличивая удельный вес высшего. Вероятно, приведенные данные характеризуют не только (а может быть, сегодня даже и не столько) реально достигнутый за последние годы совокупный успех, сколько сознание принципиальной значимости имеющихся у группы ресурсов: с одной стороны, это энергия молодости и уровень образования, к тому же более современного по типу (отсюда — неразрывная «связка» возраста и образования), с другой — место в административной иерархии, соответствующий объем власти и влияния¹.

Кроме сравнительно слабого влияния размера и типа поселения на приведенные оценки, укажу еще и на парадоксально скромное значение доходов в оценке статусной принадлежности, а также на значительную долю здесь тех, кто, имея максимальные заработки, отнес себя к «рабочим». Казалось бы, с одной стороны, «богатство», по мнению практически половины населения России, — основной путь к успеху (см. табл. 6, в % ко всем опрошенным в каждом замере).

С другой стороны, весь социальный смысл богатства, как уже упоминалось, видится большинством россиян лишь в том, чтобы не знать нужды. Конструктивный в плане социальной стратификации и стимулирующий в плане индивидуальных мотиваций эффект понятого так богатства (учитывая к тому же достаточно слабую дифференциацию доходов у основной массы россиян), как видим, невелик. Характерно, что, по данным указанного опроса 1997 г., на значение власти для достижения успеха чаще других указывают респонденты с высшим обра-

¹ О социальном смысле такого преобладания «средних» оценок, как, впрочем, и запросов (не путать со «средними слоями») см.: *Левада Ю.* «Средний человек»: фикция или реальность // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С. 7–12.

зованием (35); руководители (36) и специалисты (35); жители больших городов (30); низкодоходные группы (29). Образование, как уже говорилось — приоритет учащихся (32), респондентов до 24 лет (22), столичных жителей (23). Богатство же выделяют как раз наименее успешные группы: тридцатилетние респонденты (54); россияне со средним образованием (51), неквалифицированные рабочие (65); низкодоходные слои (53), жители села (52).

Таков еще один аргумент в пользу высказанных выше соображений о пока что весьма слабой согласованности различных измерений успеха, статуса и престижа (осей социальной стратификации) в условиях современной России. Если иметь в виду данную совокупность обстоятельств и самооценок, стоит отметить, что финансовый и политический срыв августа 1998 г., помимо негативного общесоциального резонанса и всестороннего кризиса доверия к официальным властям, может, по мнению ряда аналитиков, вопреки настороженным ожиданиям масс, с особой болезненностью отозваться именно на тонком слое более молодых, квалифицированных людей, добившихся в последние годы известного успеха, экономической самостоятельности и достойного, устраивающего их образа жизни.

ВРЕМЯ И ЛЮДИ: О МАССОВОМ ВОСПРИЯТИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

При анализе массовых оценок социальной жизни, тем более для прослеживания их динамики, особое значение имеет исследование мнений людей по поводу тех проблем или показателей, которые подразумевают или даже требуют от индивида эксплицитного сравнения по оси времени на ту или иную его «глубину» и в самой формулировке которых содержатся хронологические меры, символика и семантика изменений. Исследование «Российский человек в конце девяностых» («Советский человек-3») включало в себя ряд таких вопросов, где нынешнее материальное и общественное положение респондента сопоставлялось с его ближайшим прошлым и будущим, с соответствующим положением родителей, выявлялись оценки респондентом разных периодов отечественной истории XX века, в том числе — последнего десятилетия. В самом общем смысле, речь здесь идет о субъективной «стороне» социального и культурного времени — представлении и восприятии респондентами его фаз различной протяженности, в том числе исторических мер: настоящего момента, смены лет, поколений, наконец, эпох (циклические процессы в данном случае не рассматриваются). Отдельную аналитическую задачу представляет при этом выявление исследователем антропологических характеристик, коррелятивных различным типовым позициям в восприятии перемен, — тех или иных стереотипов самоощущения и самооценки, которые устойчиво эмпирически связаны с позитивным или негативным отношением к социальным изменениям, фиксируют возникающие при этом у человека напряжения и фрустрации либо, напротив, имеющиеся у индивида ресурсы вовлеченности в происходящее, его возможности, ответственность, перспективы в этом плане.

Для дальнейшего существенно подчеркнуть, что время, его разновидности (историческое время и проч.) для социолога не натурны, не

объектны. Временные категории фиксируют для него структуру и смысловые ресурсы социального действия, фактически означая многомерность, многоуровневость систем регуляции поведения, принципиальную многозначность, своего рода «драматичность» входящих в них элементов¹. Эти семантические элементы (формы, векторы, меры времени) обладают разным функциональным смыслом для действующего индивида, наделены различной степенью принудительности, жесткости или, напротив, характеристиками свободы индивидуального выбора — признаками обычая, привычки, нормы, ценности, авторитета и т. п. Важно, что они друг другу не противодействуют (даже если семантически размечены как разнонаправленные, как, скажем, «прошлое» и «будущее») и друг друга не исключают, а сложно, зачастую парадоксально, на первый взгляд, соотносены. При этом они то подхватывают, поддерживают, то ограничивают, балансируют, то перекрывают, как бы подстраховывают действие друг друга, тем самым многократно увеличивая повседневную устойчивость социального существования субъекта, его личностной структуры — запас их прочности, а во многом и инертности.

В этом смысле ожидаемость тех или иных событий, позитивных или негативных изменений в жизни индивида и общества (если они не predeterminedены нормативным жизненным сценарием действующего, культурой его референтной группы, общественного уклада в целом) — конечно, важная характеристика: «Кто предупрежден, тот вооружен». Однако объем сколько-нибудь надежно предсказуемого в индивидуальной и социальной жизни наших современников не так велик. Представления об ожидающих человека и общество переменах становятся реально важны исключительно по их последствиям для настоящего, в качестве стимулов действия (включая различные формы отказа действовать), — так оно для самого действующего субъекта, так и для изучающего его действия социолога. Кроме того, социологу важно не столько установить результирующую различных ориентаций индивида (на прошлое как уровень нормы, на будущее как область ценностных санкций), но уловить, как в процессе действия и смыслоприписывания корректируются эти проективные представления: как — в связи с действиями в настоящем и их соотносительной оценкой (для себя и для других, для «своих» и для «чужих», официальных и неформальных и проч.) — задним числом приукрашивается прошлое, как нагнетаются страхи перед будущим, как мысленно дисквалифицируются референтные инстанции, требующие от индивида «слишком

¹ См.: *Левада Ю.А.* О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) // Он же. Статьи по социологии. М., 1993. С. 50–60.

многого», и символически возвышаются те, которые символизируют для субъекта стабильность, покой и т. д.

Поэтому различия в субъективном восприятии времени, в восприимчивости к тем или иным изменениям для социологии естественно связывать с положением индивида в структуре общества, с векторами его смысловой ориентации, с культурными ресурсами групп, в которые он включен и на которые равняется или от которых дистанцируется. Плотность и разнообразие социальных отношений индивида (при владении соответствующими средствами их культурной фиксации, символического артикулирования) осознаются действующим субъектом как наполненность времени, собственная социальная востребованность («мое время»). Если происходящие при этом изменения (то есть изменения в структуре воображаемого соотношения и реальных социальных связей) действуют в сторону утверждения тех ценностей, которые наиболее значимы для субъекта, и получают институциональное социально-символическое подкрепление соответствующими позитивными санкциями (успех, признание, доверие и влияние, повышение статуса, рост благосостояния и т. д.), они, в свою очередь, разнообразят и усложняют систему отношений, в которые индивид встроен. И, опять-таки, укрепляют в нем чувство его социальной «неслучайности» — уместности и своевременности, значимости и востребованности. В этом смысле увеличивающееся разнообразие и наполненность жизни, ее «интересность» не менее эффективные средства gratификации, чем положение или богатство, так же как осязаемое сужение возможностей и перспектив — сильнейший фактор эмоциональной депривации и социальной дисквалификации индивида.

Ретроспективные оценки перемен: общая тенденция и групповые различия. Три пятых наших респондентов, опрошенных в январе 1999 г., согласны в том, что в стране за последние годы произошли большие изменения. Межгрупповые различия в этих оценках есть, но не слишком большие (см. табл. 1, в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Как видим, самая заметная точка отклонений от средних величин — в оценках москвичей и петербуржцев. С одной стороны, они заметно реже остальных групп склонны говорить о произошедших больших изменениях, с другой — чаще прочих отмечают поверхностный характер изменений (среди урожденных жителей этих городов к такой оценке присоединяется каждый третий).

При этом абсолютное большинство респондентов говорят сегодня, что воспринимали начавшиеся во второй половине 80-х годов перемены весьма оптимистически, связывая с ними большие надежды на улучшение своей жизни (см. табл. 2, данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Таблица 1

	<i>В стране произошли большие изменения</i>	<i>По сути дела, ничего не изменилось</i>	<i>Казалось, что изменения произошли; теперь вижу, что все по-старому</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
В целом	59	9	19	12
Мужчины	60	10	21	9
Женщины	59	9	18	14
До 24 лет	55	8	20	17
25–39	56	10	21	13
40–54	62	9	20	9
55 и старше	64	10	17	10
Высшее образование	63	8	22	7
Среднее	57	9	21	13
Ниже среднего	60	10	17	13
Москва+СПб	49	12	30	9
Большие города	59	6	24	11
Малые города	59	11	17	13
Села	64	8	15	12

На позитивные перемены десять лет назад несколько чаще других рассчитывали, по их нынешним самооценкам, мужчины, люди с высшим образованием, жители крупных (и малых) городов — иными словами, представители групп с большим запасом социальных и культурных ресурсов, важных для развития мобильности, для успеха. Но прежде всего — 40–54-летние респонденты. Иными словами, те, кому в конце 80-х было от тридцати до сорока с небольшим и кто соединял тогда уже достаточный опыт социальной нереализованности с максимальным запасом жизненных сил, более высоким уровнем образования, запросами и стандартами горожанина (см. табл. 3, данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

При том, что декларативная общая оценка того, насколько тогдашние ожидания реализовались, у подавляющего большинства респон-

10 лет назад надеялись, что жизнь...

	<i>Будет в целом лучше</i>	<i>Не изменится</i>	<i>Будет в целом хуже</i>	<i>Затруднились с ответом</i>
В целом	75	6	6	13
Мужчины	78	4	4	14
Женщины	73	7	7	13
До 24 лет	62	1	2	35
25–39	78	4	4	14
40–54	86	6	4	4
55 и старше	72	10	11	7
Высшее образование	78	4	6	12
Среднее	76	5	4	15
Ниже среднего	73	8	8	11
Москва+СПб	71	12	8	9
Большие города	78	4	5	13
Малые города	77	7	4	12
Села	72	3	8	17

дентов сегодня негативная, все же более образованные россияне, жители крупных городов, мужчины оценивают произошедшее несколько более спокойно (позиция самых молодых — вообще особая). Лидируют же в негативной оценке происшедшего женщины, респонденты с образованием ниже среднего. Но вместе с ними — и часть нынешних 40–54-летних россиян (то есть 30–40-летних в конце 80-х). Вообще, если сравнивать ожидания десятилетней давности (ретроспективно воссоздаваемые респондентами сегодня) и нынешние оценки реализованности этих ожиданий, то можно сказать, что в целом минимум негативных и максимум позитивных оценок произошедших перемен в сравнении с прежними видами на ближайшее будущее (подгруппа дающих позитивные оценки произошедшего вообще очень невелика — до 9–10% в соответствующих социально-демографических группах) дают сегодня более молодые мужчины — до 40 лет, респонденты с высшим образованием, москвичи, петербуржцы, жители крупных городов. Напротив, зона в максимальной степени не сбывшихся надежд — это прежде всего сегодняшние жители небольших городов, 40–54-летние россияне (если для первых ситуацию смягчает отсутст-

По сравнению с тем, чего ждали для себя 10 лет назад, жизнь...

	<i>Стала лучше, чем ожидали</i>	<i>Осталась такой же, как ожидали</i>	<i>Стала хуже, чем ожидали</i>	<i>Затрудились с ответом</i>
В целом	6	7	80	7
Мужчины	7	8	77	8
Женщины	5	6	81	8
До 24 лет	9	7	58	26
25–39	8	10	76	6
40–54	5	5	89	1
55 и старше	4	6	87	3
Высшее образование	10	10	73	7
Среднее	8	7	78	7
Ниже среднего	2	6	84	8
Москва+СПб	9	8	79	4
Большие города	7	6	78	9
Малые города	5	7	81	7
Села	4	7	80	9

вие альтернатив и привычно низкие нормы оценок и сравнений, то вторые — особенно в крупных городах — ощущают свою ситуацию как сужение возможностей и воспринимают это более болезненно).

Можно полагать, что эта последняя возрастная группа испытывала на протяжении последних лет сравнительно бóльшие социальные напряжения и внутренние ценностные конфликты, чем россияне других возрастных контингентов (речь именно о самоощущении и о механизмах, его формировавших). И во многом потому, что реальные требования перемен ощущали на себе люди именно этого возраста, которые, с одной стороны, для этих перемен были, казалось, наиболее подготовлены, но, как они убеждались в этом год за годом, оказались по большей части не готовы. Интересно, что оценку «верчусь, чтобы опесочить себе и детям терпимую жизнь» (напоминающую реплику из «Алисы» Л. Кэрролла: «У нас в стране, чтобы стоять на месте, надо бежать очень быстро») сегодня с *вчерашними* тридцати- и раннесорокалетними разделяют отчасти и *сегодняшние* тридцатилетние россияне. Однако среди последних подгруппа отказавшихся от попыток максимизировать свою активность, «дожать» имеющиеся ресурсы все-та-

Оценка собственных усилий в период перемен

	<i>Не могу приспособиться</i>	<i>Живу, как раньше</i>	<i>Вернусь, чтобы жить терпимо</i>	<i>Удается добиться большего</i>	<i>Затруднительно ответить</i>
В целом	33	16	38	5	8
Мужчины	29	16	41	6	8
Женщины	36	15	35	3	11
До 24 лет	21	22	34	10	13
25–39	19	14	52	6	9
40–54	31	14	46	4	5
55 и старше	55	15	19	1	10
Высшее образование	16	21	41	12	10
Среднее	28	15	45	4	8
Ниже среднего	46	15	28	3	8
Москва+СПб	28	14	38	12	8
Большие города	33	19	34	4	10
Малые города	31	16	41	4	8
Села	38	12	36	3	11

ки намного меньше, тогда как среди 40–54-летних сегодняшних россиян приближается к одной трети (а среди самых старших даже преобладает).

Иная ситуация — для молодежи. Характерно, что ей не только чаще других, по ее самооценкам, удастся использовать открывшиеся возможности и «добиться большего», но она — особенно более образованная — чаще других «живет так, как жила раньше», для нее «ничего не изменилось» (см. табл. 4, данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Поэтому понятно, что именно молодежь, ее более образованная часть лидирует сегодня среди тех, чья самооценка за последнее время повысилась (см. табл. 5, данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Если говорить о самом общем, декларативно выраженном ретроспективном отношении к переменам и о связанной с этим самооценке, то можно сказать, что символический признак возраста как бы делит сейчас россиян на три контингента. Первый — по преимуществу

Мнение о себе самом за последние годы...

	<i>улучшилось</i>	<i>осталось прежним</i>	<i>ухудшилось</i>	<i>затруднились ответить</i>
В целом	12	53	24	11
Мужчины	13	53	25	9
Женщины	12	53	23	12
До 24 лет	27	49	12	12
25–39	16	51	22	11
40–54	8	55	29	8
55 и старше	4	55	30	11
Высшее образование	21	57	13	9
Среднее	12	56	22	10
Ниже среднего	9	48	31	12
Москва+СПб	13	56	17	14
Большие города	13	54	24	9
Малые города	13	52	27	8
Села	10	52	23	15

группа более молодых, до 40 лет, социально активных, в том числе включенных в новые сферы занятости, и чаще среднего удовлетворенных общим направлением перемен (они же, понятно, более образованные и чаще живут в крупных и крупнейших городах). Второй — контингент больше всего ожидавших на протяжении последнего десятилетия, наиболее фрустрированных и внутренне надорванных сегодня сорока- и раннепятидесятилетних. Наконец, третий — это слой самых старших, старше 55 лет (они же в среднем и наименее образованные), которые, особенно в небольших городах и селах, в наибольшей степени отстранены от новых возможностей и зон активности, сохраняют консервативные установки и символы — как в силу возраста, так и соответственно положению в обществе.

Однако — и это совершенно явно на всех приведенных выше и приводимых ниже данных — в обиходе представлений и оценок каждой из этих групп в том или ином соотношении соединяются элементы разных ориентаций и оценочных стереотипов. Как правило, социолог выделяет из них более выраженные, количественно преобладающие. На каждый отдельный момент для «объектного» описания поведенчес-

ких реакций той или иной интересующей исследователя группы это кажется достаточным. Но при изучении массового сознания, тем более в динамике, не менее важны вторые, третьи и еще более отдаленные «планы» (слои, уровни) заявленных установок и оценок, поскольку именно они указывают на остаточные, запасные либо новые, пробные ресурсы действия, фиксируют сопровождающие его моменты индивидуальных и групповых ориентаций, входя для действующего в сложный баланс самооценки и оценок партнеров, итогов и перспектив, действий и чувств. Поэтому корректнее, конечно, говорить о смысловых координатах, параметрах, компонентах действия, как они принципиально представлены, размечены, оценены в системе культуры, на разных ее уровнях, воплощены в базовой модели личности, артикулированной в данной культуре, и в тех либо иных пропорциях сочетаются, аранжируются в обиходе различных социальных групп и слоев.

Оценка перемены как реакция на отсутствие ощутимых изменений.

В этом смысле достаточно сместить семантический контекст задаваемых респонденту вопросов о переменах последнего времени и его видах на будущее, как опрошенные дают ответы, во многом отличные от приведенных. Сопоставим результаты базового опроса 1999 г. с некоторыми данными других лет (табл. 6 и 7, в % к выборке каждого опроса).

Тут складывается картина, скорее, отсутствия значимых перемен в настоящем — по крайней мере что касается изменений в непосредственных социальных возможностях индивида и в его общественном положении. Но при этом заметно меняются оценки прошлого (оно сейчас выглядят мрачнее, чем три года назад) и будущего (оно представляется сегодня, напротив, светлее). Иными словами, переоценку ближайшего прошлого и будущего, направленность этой переоценки, перестановку акцентов для большинства россиян определяет их сегодняшнее топтание на месте — в сравнении с предшествующими ожиданиями, с ретроспективными оценками положения его родителей, а также — с некоторыми открывшимися (но для других, прежде всего более молодых) возможностями и с медленно, противоречиво, отчасти даже против воли респондента, повышающимися запросами и стандартами оценок у него самого и у его семьи. Эти оси сопоставления в достаточной мере рассогласованы, и соответствующие самооценки расходятся друг с другом.

Вот как распределяются оценки собственного положения респондентов в сравнении с положением их родителей (см. табл. 8, данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Сопоставительные оценки своего материального положения в среднем тяготеют к негативным (для большинства их положение — заметно ниже), тогда как собственное положение в обществе респонденты оценивают более спокойно: доля тех, у кого оно, по их мнению, такое же,

Таблица 6

**Получили ли сейчас такие люди, как вы,
возможность лучше зарабатывать?**

	<i>1994¹</i>	<i>1999</i>
Да	17	15
Нет	70	73
Затрудняюсь ответить	13	12

Таблица 7

**Оценка собственного общественного положения
в настоящем и будущем**

	<i>Занимали пять лет назад²</i>		<i>Занимают сейчас</i>		<i>Будут занимать через пять лет</i>	
	<i>1996³</i>	<i>1999</i>	<i>1996</i>	<i>1999</i>	<i>1996</i>	<i>1999</i>
Высокое	12	6	4	4	8	14
Среднее	68	61	55	53	51	45
Низкое	18	31	38	42	34	37

Позиции 1–3 — «высокое», 4–7 — «среднее», 8–10 — «низкое»

как у родителей, даже чуть выше, чем тех, у кого оно ниже. При этом подгруппа повысивших свой статус в обществе в сравнении с родительским здесь еще меньше, чем в вопросе о материальном положении. Иными словами, для большинства групп материальное и общественное положение отчасти существуют как бы раздельно, и первое — заметно важнее, нежели второе. И только у нескольких групп эти параметры согласованы более тесно. Респонденты с высшим образованием, по их оценке, заметно повысили как свое материальное, так и общественное положение в сравнении с родительским; напротив, группа 40–54-летних, людей со средним образованием (здесь к ним, как уже отмечалось выше, примыкает следующая возрастная когорта — 25–39-летних) значительно понизила собственные показатели по обоим осям. В этом смысле характерно, что для более образованных, как и для более молодых, респондентов человеку в сегодняшней России не хватает не только материального достатка, но и уверенности в себе, культуры, нравствен-

¹ Июнь 1994 г., 3000 опрошенных.

² В опросе 1999 г. — «два года назад».

³ Март 1996 г., 2400 опрошенных.

Таблица 8

	<i>Материальное положение респондента в сравнении с родительским</i>				<i>Общественное положение респондента в сравнении с родительским</i>			
	<i>выше</i>	<i>такое же</i>	<i>ниже</i>	<i>затрудня- ются ответить</i>	<i>выше</i>	<i>такое же</i>	<i>ниже</i>	<i>затрудня- ются ответить</i>
Мужчины	25	23	42	10	20	32	34	14
Женщины	23	22	42	13	21	33	29	17
До 24 лет	20	27	41	12	17	36	29	18
25–39	21	22	48	9	19	34	34	14
40–54	24	17	48	11	23	26	36	15
55 и старше	29	24	31	16	23	35	26	16
Высшее образование	34	19	38	9	35	28	28	9
Среднее	23	22	46	9	21	31	33	15
Ниже среднего	22	23	39	16	16	36	30	18
Москва+СПб	25	25	42	8	22	30	31	17
Большие города	19	22	44	15	19	33	33	15
Малые города	28	19	42	11	24	30	30	16
Села	22	27	39	12	17	36	30	17

ных принципов (мнение 20–27% в соответствующих группах при 7–11% — в остальных). Можно предположить, что для более образованных и молодых россиян возможности материального улучшения требуют или влекут за собой и соответствующие сдвиги в социальном статусе, тогда как для людей средних возрастных групп со средним образованием уость одних возможностей парализует и другие.

Данные таблиц 6 и 7 можно трактовать и так, что отдельные позитивные тактические подвижки в материальном и общественном положении тех или иных подгрупп происходят в достаточно узком диапазоне, сдерживаются или даже гасятся противонаправленными тенденциями, но — что, может быть, еще важнее — не получают институциональной поддержки в масштабах общества, в его политической структуре (системах власти и авторитета — будь то на общенациональном, будь то на местном уровне), а потому не дают реального эффекта накопления, который был бы заметен в достаточно крупных масштабах. Доля людей, улучшивших,

по их оценке, свой материальный и социальный статус, в целом не растет, почему и перемены на отдельных участках, видимо, не осознаются как необратимые, не приобретают для большинства «однозначного» характера. Вместе с тем, при отсутствии заметного реального увеличения числа носителей успеха в обществе в целом, декларируемое отношение к ним со стороны большинства — под влиянием непосредственных контактов, массовой печати, но прежде всего телевидения — постепенно меняется. (Стоит, однако, отметить, что и эти «локальные» сдвиги в оценках имеют по большей части нецеленаправленный, диффузный, противоречивый характер, тоже во многом перекрываются противоположными настроениями и оценками и т. п.) Так, доля людей, которые заявляют, что они положительно относятся к соотечественникам, официально зарабатывающим миллионы, за последние 10 лет явно выросла (с 39 до 48% населения), даже несколько превысив долю тех, кто относится к миллионерам негативно — последняя, в свою очередь, снизилась с 58 до 46%. Параллельно во много раз — с 6 до 38% опрошенных — выросла доля респондентов, заявляющих о своей независимости от государственной опеки («государство дает нам так мало, что мы ему ничем не обязаны»), о своем желании «стать свободными людьми и заставить государство работать на нас» (рост с 25 до 36% населения).

И все же эти изменения очень далеки от того, чтобы стать решающей тенденцией. Дело не просто в том, что они не преобладают в обществе количественно, а в том, что они не преобладают и в сознании большинства даже наиболее продвинутых групп (образованных, жителей крупных и крупнейших городов), за исключением молодежи. Поэтому носители этих новых установок и оценок не в состоянии (не имеют сегодня социальной силы, культурного авторитета, политической власти) представить те или иные моменты своего самоопределения как ориентир, программу, «диктат развития», которые могли бы быть институционализированы в социальной системе общества.

Покажем различия в самооценках россиян, которые, казалось бы, исключают друг друга, но тем не менее сосуществуют в обиходе любой из социально-демографических групп, на одном примере. За последние пять лет в России вдвое (с 18 до 36%) выросла доля людей, считающих себя «свободными, независимыми от обстоятельств». Эта и противоположная ей оценка, т. е. пассивное переживание узости своих возможностей, своей зависимости от социальных обстоятельств, весь «комплекс подопечного», распределяются в основных социально-демографических группах следующим образом (см. табл. 9, данные 1999 г., в % к соответствующей социально-демографической группе).

Интегральное ощущение независимости и уверенности соответственно укрепляет и другие позитивные самооценки респондента (см. табл. 10, данные 1999 г., 100% — группы по столбцу).

Чувствуют себя свободным человеком...

	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Затрудняются ответить</i>
В целом	36	51	13
Мужчины	41	48	11
Женщины	32	54	14
До 24 лет	52	38	10
25–39	41	50	9
40–54	25	65	10
55 и старше	32	50	8
Высшее образование	44	49	7
Среднее	37	51	12
Ниже среднего	30	52	18
Москва+СПб	43	51	6
Большие города	35	51	14
Малые города	36	53	11
Села	35	48	17

Тем не менее механизмы частичной балансировки позитивных и негативных оценок перемен, собственных успехов, достижений окружающих, в общем, дают индивидам, отдельным фракциям социума лишь *тактический* выигрыш, производят только временный, частичный эффект. *Стратегическое* же направление в сдвигах массовых оценок по поводу перемен последнего десятилетия определяется, насколько можно судить, двумя факторами: укрепляющейся в сознании большинства ориентацией на одинаковое для всех, скромное, но гарантированное существование и растущей ностальгической привлекательностью — опять-таки для большинства — идеализированных образов и фигур прошлого.

Гарантии и возможности. Вот как распределяются ориентации на гарантированное существование и на новые возможности работать и зарабатывать, пусть даже ценой риска, в группах по возрасту и образованию (см. табл. 11, в % к соответствующим группам).

Говоря о возрасте, необходимо учесть, что часть респондентов каждые пять лет переходит в следующую возрастную группу. При этом их установки на гарантии/возможности последовательно сдвигаются, особенно у самых старших, в сторону ожидания гарантий. Но эти же

Респонденты чувствуют себя свободными людьми

	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
<i>Какие чувства окрепли у вас за последние годы?</i>		
Надежда	34	18
Усталость	27	46
Обида	22	32
Отчаяние	19	32
Чувство собственного достоинства	17	3
Чувство свободы	15	2
Ожесточение	9	15
<i>Как изменилось за последние годы ваше мнение о себе самом?</i>		
Улучшилось	18	8
Осталось прежним	57	50
Ухудшилось	18	31
<i>С какой оценкой настоящего времени вы бы согласились?</i>		
Это мое время	26	14
Мое время уже ушло	28	42
Мое время еще не пришло	26	19

установки преобладают сегодня, как видим, и у более молодых россиян (причем куда заметнее, чем 5 или 10 лет назад). При этом доля людей, готовых получать хорошие деньги за интенсивный труд во всех группах, кроме самых старших и наименее образованных, остается на протяжении десяти лет неизменной (вероятней всего, для многих здесь имеется в виду подработка, экстренные и разовые большие деньги), тогда как доля готовых заводить свое дело, чтобы работать на собственный страх и риск, даже среди более молодых и образованных респондентов — и без того небольшая — со временем еще сокращается.

Ностальгия и заинтересованность. В массовых оценках к концу 1990-х годов явно нарастает ностальгия по идеализированному прошлому — будь то ближайшие, известные всем по личному опыту времена до распада СССР, будь то сталинская эпоха, для большинства полностью воображаемая, или еще более отдаленные времена и их символы. Не случайно на первое место среди символов коллективной идентичности русского народа в 1999 г. вышел такой признак, как «наше прошлое, наша история» (48% против 24% в 1989 г.); вместе с ним

Респонденты предпочитают...

Группы	иметь небольшой заработок, но легкую работу и свободное время			иметь небольшой, но твердый заработок			иметь много работы и хорошие деньги, пусть без гарантий			иметь свое дело и работать на собственный страх и риск		
	1989	1994	1999	1989	1994	1999	1989	1994	1999	1989	1994	1999
<i>Возраст</i>												
до 24 лет	10	5	5	35	38	48	29	29	30	15	16	11
25–39	10	4	2	40	50	54	30	30	32	13	7	10
40–54	10	3	2	49	63	68	26	25	24	6	3	5
55 и старше	8	4	3	56	61	67	18	10	8	1	1	1
<i>Образование</i>												
высшее	8	3	2	39	46	53	31	32	29	15	11	11
среднее	10	4	3	48	54	59	25	26	26	8	7	6
ниже среднего	11	4	3	46	58	64	24	17	16	2	3	4

**С тем, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось так,
как было до 1985 года...**

	<i>1992¹</i>	<i>1993²</i>	<i>1999³</i>
согласны	45	46	58
не согласны	39	30	27
затруднились с ответом	16	24	15

выросла семантическая валентность и ряда других неотрадиционалистских компонентов самоопределения. Воздействие всего этого сдвига к прошлому в оценках россиян можно показать на динамике представлений, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 г. (см. табл. 12, в % к выборке каждого опроса).

В полной мере этот ностальгический сдвиг — по контрасту с современной ситуацией недоверия к власти и центральным фигурам, ее представляющим, — виден на коллективном образе «руководителей до 1985 года» в сегодняшних массовых оценках: в сравнении с нынешними, тогдашние вожди были, по мнению респондентов, «более честными» (мнение 46% при 34% с ним не согласных), «более знающими» (47 против 26%), «более сильными, решительными» (48 против 27%), «более заботившимися о людях» (65 против 23%), «более авторитетными» (65 против 18%). Это явное властепочитание в ретроспективных проекциях находится в характерном контрапункте с тем, тоже весьма заметным, декларативным разгосударствлением сознания наших респондентов, о котором шла речь выше («наше государство дает нам слишком мало, и мы ему ничем не обязаны»). Важно отметить, что эти оценки, за которыми стоит единая и, видимо, достаточно устойчивая ориентация на «родную», «свою» власть (в смягченном варианте — «плохонькую, но свою»), в сознании респондентов не вытесняют друг друга и не приходят в конфликт: они разнесены по оценочной оси «настоящее» — «прошлое».

В этом смысле ностальгическая составляющая массовых оценок обладает собственной дифференцирующей силой, «стягивая» к себе прочие ориентации, более или менее близкие по функциональному смыслу. Покажем это на некоторых других вопросах базового замера, которые относятся к экономическим установкам, оценочным образам прошлого, эмоциональной составляющей повседневного мироощущения (см. табл. 12, данные 1999 г., 100% — группы по столбцу).

¹ Апрель 1992 г., 1600 опрошенных.

² Февраль 1993 г., 1800 опрошенных.

³ Март 2003 г., 1600 опрошенных.

Таблица 13

Лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 года

<i>Суждения</i>	<i>Не согласны</i>	<i>Согласны</i>
<i>Сожалеете ли вы о распаде СССР?</i>		
да	48	91
нет	40	4
<i>Что бы вы предпочли, если бы могли выбрать?</i>		
Небольшой заработок, но больше свободного времени	3	2
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	48	68
Много работать и хорошо получать, пусть без гарантий на будущее	33	18
Вести собственное дело на свой страх и риск	10	3
<i>Ваше материальное положение в сравнении с родительским</i>		
выше	35	22
такое же	23	20
ниже	30	47
<i>Ваше общественное положение в сравнении с родительским</i>		
выше	34	18
такое же	31	32
ниже	22	35
<i>Чувствуете ли вы себя свободным человеком?</i>		
Да	50	29
Нет	42	57
<i>Руководители страны до 1985 г. в сравнении с сегодняшними были, по вашему мнению... более честными</i>		
Да	25	62
Нет	58	23
<i>...более заботящимися о людях</i>		
Да	47	78
Нет	41	13

Таблица 13 (окончание)

	<i>Не согласны</i>	<i>Согласны</i>
<i>...более авторитетными</i>		
да	59	73
нет	26	13
<i>...более решительными</i>		
да	37	60
нет	41	19
<i>...более компетентными</i>		
да	28	61
нет	44	16
<i>Как изменилось за последние годы ваше мнение о себе самом?</i>		
Улучшилось	27	6
Осталось прежним	51	54
Ухудшилось	15	30
<i>Жизнь кажется вам...</i>		
Интересной	54	24
Скучной	29	54

Самостоятельной составляющей — в данном случае противоположной направленности — может выступать такая интегральная характеристика установок респондента, как его оценка собственной заинтересованности в жизни. Она, среди прочего, хорошо коррелирует с другими интегральными показателями (например, «счастьем») и неплохо дифференцирует ретроспективно-проспективные оценки респондентами своего экономического и общественного положения (см. табл. 14, данные 1999 г., 100% — группы по столбцу).

Телевидение и оценки перемен. В этом смысле характерны оценки респондентами перемен на телевидении за последние 10 лет. 57% считают, что за эти годы телевидение стало лучше, и каждый третий из опрошенных — что хуже. Главные критерии улучшения, по мнению респондентов, следующие: богатые возможности выбора передач (48%), откровенный разговор о проблемах повседневной жизни (41%), интересные ток-шоу (30%), показ старых советских фильмов, передач о нашем прошлом (25%), больше неприглаженной информации о политиках и политике (23%), передач о преступлениях, скандалах, катастрофах (21%). Главные отрицательные черты — навязчивая реклама

Респонденту жить...

	<i>интересно</i>	<i>скучно</i>
<i>Чувствуют ли себя свободными людьми</i>		
Да	54	27
Нет	38	61
<i>Лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 года</i>		
Согласны	42	70
Не согласны	44	18
<i>Мнение о себе самом за последние годы</i>		
Улучшилось	23	6
Осталось прежним	59	51
Ухудшилось	12	34
<i>С какой оценкой настоящего времени вы бы согласились?</i>		
Это мое время	33	10
Мое время уже прошло	23	46
Мое время еще не пришло	26	17
<i>В целом счастливы</i>		
Да	82	28
Нет	12	60
<i>Оценка своего общественного положения</i>		
<i>два года назад</i>		
высокое	8	6
среднее	75	53
низкое	17	39
<i>сегодня</i>		
высокое	4	2
среднее	72	40
низкое	22	56
<i>через пять лет</i>		
высокое	22	8
среднее	57	38
низкое	18	50

(89%), засилье американских боевиков, крови и насилия (52%), потеря представления о приличиях (36%), изобилие закулисных политических сплетен и грязи (28%), примитивность, безвкусица (24%). Как видим, при позитивной зрительской оценке перемен на телевидении отрицательные оценки зрителей выражены заметно единодушнее. К тому же за прошедшие 10 лет больше людей стали смотреть телевизор, по их утверждению, с удовольствием: в 1989 г. — 17%, в 1999-м — 24% (скажем, в оценках чтения книг и журналов, хотя литературы, привлекательной для разного читателя, включая самого массового, стало издаваться во много раз больше, тенденция противоположная: в 1989 г. интересным это занятие считали 38%, в 1999-м — 26%).

Хотя оценки телевидения достаточно амбивалентны, позитивное отношение к этому коммуникативному средству в целом достаточно тесно связано с более позитивными оценками гражданских и экономических свобод последнего десятилетия, положительной оценкой нынешнего времени и своих собственных усилий, ощущением себя свободным человеком и др. Можно полагать, что телевидение во многом если не формирует подобные установки и оценочные стереотипы, то, по крайней мере, ощутимо их поддерживает. И, при всей мозаичности образа времени и, мягко говоря, амбивалентности его героев на различных каналах и в разных передачах, несет некий общий очерк современного, цивилизованного, «нового» в повседневное существование самой массовой на нынешний день аудитории в России (см. табл. 15, данные 1999 г., 100% — группы по столбцу).

Символы прошлого. Но если баланс ностальгических и критических установок относительно недавнего прошлого в «полярных» группах по возрасту, образованию, активности, заинтересованности в нынешнем дне и т.п. складывается все же по-разному, различаясь по ряду параметров достаточно резко, то применительно к «дальним» символическим горизонтам и ориентирам (уровню предельных санкций действия) единство ориентаций со стороны различных групп и однонаправленность сдвигов этих оценок во времени очень заметно возрастают. За несколькими годами «исторической самокритики» (1987–1991 гг.) и, соответственно, большей сосредоточенности россиян на событиях и переменах настоящего некоторое время еще продолжалась инерция. Но уже к середине девяностых начала ощущаться «символическая реабилитация» отечественного прошлого. В коллективном автопортрете россиян стали усиливаться неотрадиционалистские черты, прежние, еще советские державные компоненты.

Значение символических фигур прошлого (так же как «праздников и обычаев» и других неотрадиционалистских компонентов национально-автостереотипа) в совокупности признаков, репрезентирующих коллективную идентичность «русского народа», за последние годы постоян-

Телевидение за последние 10 лет стало...

	<i>лучше</i>	<i>хуже</i>
<i>Чувствуют себя свободными людьми</i>		
Да	42	26
Нет	46	61
<i>Лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 года</i>		
Согласны	49	72
Не согласны	34	16
<i>Мнение о себе самом за последние годы</i>		
улучшилось	16	8
осталось прежним	54	52
ухудшилось	20	32
<i>Свобода слова и печати за последние десять лет принесла</i>		
больше пользы	62	25
больше вреда	20	54
<i>Свобода выезда из страны за последние десять лет принесла</i>		
больше пользы	51	28
больше вреда	16	35
<i>Свобода предпринимательства за последние десять лет принесла</i>		
больше пользы	61	32
больше вреда	18	38
<i>Сближение России со странами Запада за последние десять лет принесло</i>		
больше пользы	48	24
больше вреда	17	37
<i>С какой оценкой настоящего времени вы бы согласились?</i>		
Это мое время	22	10
Мое время уже прошло	29	55
Мое время еще не пришло	24	15
<i>Жить —</i>		
Интересно	39	25
Скучно	38	55
<i>В целом счастливы</i>		
Да	56	39
Нет	33	45

но росло. Так, если в 1989 г. позицию «великие люди моей национальности» в списке диагностических признаков выбирали 6%, в 1994 г. — 10%, то в 1999-м — 14% (значение «праздников и обычаев» выросло с 14 до 19%). Характерно, что сколько-нибудь значимых различий в списке «выдающихся людей всех времен и народов» (вопрос был открытым) между группами, разнящимися по возрасту и уровню образования, практически нет. Можно сказать, что место «телевизора» как источника формирования стереотипов здесь занимает «учебник», типовая школьная программа по литературе и истории (впрочем, ее элементы все более ощутимо «просачиваются» и на телевидение, хотя пока что не имеют там доминантного положения, равно как отдельные новые фигуры и символы проникают и в школьные пособия, программы, риторику преподавателей).

Приведем составленный самими респондентами список символических авторитетов прошлого; характерно, что прошлое это — если не считать одинокой фигуры Эйнштейна в реестре у наиболее образованных респондентов — исключительно российское и Наполеон в данном случае — его законная часть (данные 1999 г., в % к соответствующим социально-демографическим группам).

Как видим, при всей истерической риторике коммуно-патриотической прессы по поводу «очернения нашего прошлого» в обществе достаточно успешно осуществляется воспроизводство культурных образцов именно советского типа, включая советскую же версию отечественной и мировой истории. Из приведенного материала очевидно, что в символическом пантеоне ни одной социально-демографической группы нет сегодня ни одного имени, которого не могло бы в принципе оказаться в подобном списке, допустим, 35–40 лет назад, когда, кстати, респондентов из наиболее молодых, активных, динамичных нынешних групп попросту еще не было на свете.

И все же нельзя сказать, что в структуре этих списков и в семантике приведенных имен за прошедшие десятилетия ничего не изменилось. Скажем, значение имени Сталина в 1959–1964 годах — особенно в более образованных группах, среди молодежи — было бы куда скромнее. Напротив, в список вероятно, вошло бы имя Хрущева — теперь его нет. Вместе с тем, за все это время ни одного нового или альтернативного (запрещенного прежде и т. п.) имени ни в одной группе не появилось. Единственное явное исключение — имя Гитлера в пантеоне респондентов с высшим образованием: оно собрало 16% голосов; можно в порядке предварительной гипотезы предположить, что фигура Гитлера здесь — негативная проекция державного величия, олицетворяемого именем Сталина, как Наполеон — «пара» Кутузову. Кроме того, у респондентов Москвы и Петербурга в лидерскую десятку вошло имя российской императрицы Екатерины (не исключено, что отчасти, как и фигура Суворова, оно поддержано телерекламой) и к самой границе десятки приблизилось имя А.Д. Сахарова (его назвали

Десять самых выдающихся людей всех времен и народов

<i>До 24 лет</i>		<i>25–39</i>		<i>40–54</i>		<i>55 и старше</i>	
Петр I	47	Пушкин	55	Петр I	47	Ленин	49
Пушкин	41	Петр I	50	Ленин	41	Сталин	46
Ленин	40	Ленин	38	Пушкин	38	Петр I	39
Гагарин	29	Сталин	31	Сталин	32	Пушкин	33
Наполеон	26	Гагарин	26	Гагарин	23	Гагарин	27
Сталин	25	Наполеон	25	Г. Жуков	21	Г. Жуков	23
Ломоносов	22	Ломоносов	20	Наполеон	19	Суворов	20
Менделеев	19	Г. Жуков	20	Суворов	18	Ломоносов	16
Суворов	12	Суворов	20	Ломоносов	16	Брежнев	12
Л. Толстой	12	Менделеев	17	Л. Толстой	14	С. Королев	10

<i>Высшее образование</i>		<i>Среднее образование</i>		<i>Ниже среднего</i>	
Петр I	50	Пушкин	46	Ленин	51
Пушкин	45	Петр I	46	Петр I	43
Ленин	37	Ленин	37	Сталин	41
Сталин	29	Сталин	32	Пушкин	35
Наполеон	25	Гагарин	25	Гагарин	29
Г. Жуков	20	Ломоносов	20	Г. Жуков	20
Гагарин	20	Г. Жуков	19	Суворов	19
Ломоносов	19	Суворов	18	Наполеон	18
Л. Толстой	16	Наполеон	18	Ломоносов	16
Эйнштейн	16	Л. Толстой	14	Брежнев	12

14%, в целом по выборке — 8%); в 1994 г. имя Сахарова было по значимости девятым. В целом ни одна из новых фигур конца 80-х — середины 90-х гг. к концу десятилетия в лидирующей группе не удержалась: из «лидеров» 1989 г. за десять лет выбыли Маркс, Энгельс, Горбачев.

Соответственно изменились за последние пять лет и оценки главных эпох советской истории. Повышается оценка сталинского периода (как и самой фигуры «вождя народов»), но особенно, конечно, ретроспективно возвышается брежневское время — период, наделяемый сегодня характеристиками, предельно значимыми для большинства россиян: стабильность, порядок, имущественное равенство, социальные гарантии (табл. 16).

Напротив, ряд перемен периода перестройки, вслед за ее ключевыми фигурами — Горбачевым и Ельциным — ретроспективно переоценивается в противоположную сторону. Соотношение оценок «времени Горбачева» — 0,15 (9% позитивных при 61% негативных; впрочем, баланс оценок «перестройки» уже в 1994 г. был резко отрицательным — 0,34). В массовых оценках в целом слабеет позитивный смысл свобо-

**Перечисленные периоды русской истории
принесли больше хорошего или плохого
(отношение респондентов, давших первый и второй ответ)**

	<i>1994</i>	<i>1999</i>
Время революции	0,71	0,78
Время Сталина	0,32	0,54
Время Хрущева	2,36	2,1
Время Брежнева	2,25	5,33

ды слова, сближения с Западом (рост полускрытых антизападнических установок — характеристика нескольких последних лет, резюмирующая несколько сложных и параллельно развивающихся процессов в экономическом положении России и самого респондента, во внутренней и внешней политике, в мировом порядке). Напротив, заметно повысилась положительная оценка права на забастовку. Неизменной остается оценка свободы выезда из страны, при том что доля желающих в принципе уехать выросла по сравнению с 1993 г. незначительно — с 12 до 16% (среди самых молодых она составляет сегодня 33%); в целом несколько заметней сократилась доля тех, кто уехать не хочет — с 74 до 66%. Общие тенденции показаны в табл. 17.

Конструкция социальной жизни и сдвиги в массовом сознании: предварительные обобщения. В целом можно сказать, что изменения последнего десятилетия — в возможностях социального достижения, уровне «нормального» повседневного существования и условиях, обеспечивающих его воспроизводство, включая сумму собственных усилий — на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностно-нормативном строе их социальной жизни, о привычном социальном порядке и механизмах его рутинной репродукции. Если говорить о структуре общества, то изменения в отмеченных сферах (по названным координатам) пока что связались преимущественно с возрастными признаками молодости — характеристиками «естественными» и в этом смысле фазовыми. В данном конкретном отношении это отделило «молодежь» (вернее, ее более образованную и активную часть, достигшую относительного успеха¹) от остальных

¹ В социологии К.Манхейма «поколение», в отличие от возрастной когорты, определяется именно через подгруппу «первых» — свой «цвет» (см.: *Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. L., 1952. P. 276–322. Рус. пер.: Мангейм К. Проблема поколений// Новое литературное обозрение. 1998. № 30 (2). С. 7–47).*

**Перечисленные перемены последних лет принесли России
больше пользы или вреда (отношение респондентов,
давших позитивный и негативный ответ)**

	<i>1994</i>	<i>1999</i>
Сближение с Западом	2,47	1,64
Свобода слова, печати	2,3	1,5
Свобода выезда из страны	1,96	1,90
Свобода предпринимательства	1,57	2,0
Многопартийные выборы	0,87	0,41
Право на забастовку	0,64	1,22

ных и даже ближайших к ней по возрасту групп. У них — и особенно самых старших — социальные перемены проявились прежде всего в изменении их оценки перемен и символов, с ними связанных или их олицетворяющих (включая символических героев).

Проявления этих трансформаций в сознании большинства многомерны, противоречивы и сложно соотнесены друг с другом (при том, что в смысловом мире «меньшинства» они тоже вполне осязаемо присутствуют, но на втором плане и в другой функциональной валентности). Так, спроецированные на ось времени и вынесенные в условное «прошлое» типовые, наиболее распространенные оценки себя и окружающих дали ту ретроспективную, ностальгическую переоценку определенных сторон советского и доперестроечного социального устройства и жизненного уклада, о которой шла речь выше. Прежде всего, эта положительная переоценка коснулась всего, относящегося к авторитету власти, структурам коллективной солидарности, символам державного престижа, но затронула и другие характеристики, входящие в позитивный автостереотип (оценку «душевных качеств моего народа» и т. п.). Отметим, что этим процессом оказались в высокой степени захвачены все возрастные и образовательные группы (хотя и на этом фоне группа 40–54-летних проявила позитивное отношение к великодержавной символике меньше других).

С другой стороны, ряд иных прежних негативных стереотипов — скажем, в отношении к предпринимателям, оценок богатства, терпимости к социальным отклонениям — был, напротив, оттеснен в сознании большинства на второй план, отчасти, видимо, скрыт (но, понятно, никуда не исчез и может при определенных условиях быть активизирован). Это проявилось и в ослаблении декларативной зависимости от государства. Однако уровень ответственности за происходящее (на-

чиная с предприятия и до страны в целом), которую опрошенные, по их заявлению, считают «безусловной», также заметно снизился за последнее десятилетие. Причем особенно резко этот процесс внешне-го, отчасти даже демонстративного расподобления с социальными институтами (кроме семьи) шел в первой половине 1990-х гг.

Если судить по прямым ответам респондентов, то их позитивная идентификация с семьей, домом, местом, где человек живет, за 10 лет возросла. Вместе с тем, душевная поддержка респондента со стороны его ближайших родственников (их способность «выслушать и понять человека, когда у него тяжело на душе») все эти годы постепенно снижалась, хотя эмоциональная зависимость россиян всех возрастов от нее весьма велика. Значение друзей в этом отношении, напротив, возросло, хотя число близких друзей у большинства россиян, по их оценкам, сократилось. Также снизилась и позитивная значимость большинства праздничных дней, кроме дней рождения близких, встреч с друзьями и церковных праздников (при том что значение праздников в качестве символов «русского», как уже отмечалось, в среднем выросла). Характерно, что, по данным мартовского мониторинга 1999 г., более чем для трех пятых респондентов готовность людей помочь друг другу, в сравнении с тем, что было 10 лет назад, сейчас уменьшилась. При этом основной вид помощи — родственный и односторонний: родителей, прародителей — детям (младшие же оказывают ее старшим втрое реже).

В этом смысле отношение к семье (и профессиональному коллективу) как источнику социальной и эмоциональной поддержки, как бы компенсирующей индивиду ослабление его расчетов на «государство», не менее двойственна и противоречива, чем отношение к тому же государству. Так, за 10 лет заметно выросла доля людей, которые, по их оценке, вынуждены поступать вопреки своему пониманию и убеждениям именно под давлением семьи (с 5 до 16% опрошенных), товарищей по работе (с 24 до 39%), при том что на давление начальства стали ссылаться как раз меньше (18 и 13% соответственно). Сфера частной и личной жизни, подозрительная для официальной идеологической догматики советского периода, во многом остается еще социально не структурированной и культурно не артикулированной, более того — нелегитимной (особенно, конечно, это сказывается на ориентирах и оценках более старших возрастных групп).

Можно предположить, что для большинства россиян — причем хотя бы они этого или нет — меняется в последние годы сама привычная конструкция социальной жизни. Проблема здесь не сводится к прямой социальной депривации и даже фактической десоциализации, хотя и то и другое в нынешних экономико-политических обстоятельствах имеет место и, конечно, усилено к тому же низкой самооценкой, не-

уверенностью и страхами старших поколений. Однако декларированный отказ от расчетов на государство и его институты можно трактовать и в несколько иной перспективе. Деформируется, стирается та привычная, всегда подвижная, но бывшая всегда вполне ясной для всех участников граница между «своим» и «чужим», «официальным» и «домашним», «ими» и «нами», которая охранялась с обеих «сторон», поскольку она поддерживала всю базовую систему, заданную ролевою структурой их взаимодействия, двусмысленное господство одних, «правящих», и видимую зависимость (но и минимальную гарантированную обеспеченность) других, «подопечных». При этом во многом теряет смысл и «двойная игра» с партнером, исчезает возможность его обмануть («сачкануть»), тайком «взять свое» и т. д. Отсутствие этого интегративного механизма, сковывающего самостоятельность, но вместе с тем и защищающего от чрезмерных рисков и фрустраций, как можно предполагать, во многом и вызывает у большинства ощущение дискомфорта и брошенности, поддерживает страхи (включая наиболее иррациональные и наименее контролируемые их проявления — страхи перед стихиями или мировой войной) и заставляет массовое сознание переключаться на ностальгические, компенсаторные проекции в идеализированное прошлое. Еще болезненнее для большинства эти процессы делает то обстоятельство, что принудительность существования в социальных условиях и эмоциональной среде, ощущаемых как дискомфортные, в данном случае обеспечивается не привычным по советским временам давлением институтов, так или иначе поддержанных идеологической легендой, их до какой-то степени легитимизирующей. Эта принудительность сдвигов задается сейчас в «естественном», малопредсказуемом и массовом порядке, заставляющем атомизированных индивидов — даже вопреки их желанию и во многом как бы независимо друг от друга — не только декларативно менять свои привычные оценки, но и изо всех сил «вертеться» ради того минимально приемлемого уровня, который, как они теперь считают, гарантировался им раньше сам собой, позволяя еще и «прихватывать».

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ РЕПРОДУКЦИЯ И РАЗРЫВ ПОКОЛЕНИЙ*

Устойчивость поколенческих противопоставлений в отечественной ситуации — в частности, навязчивая тематика и символика «отцов и детей» — заставляет внимательней огнестись к тем достаточно частым в новейшей истории случаям, когда социальные сдвиги и культурная динамика опознаются в терминах поколения (таковы «поколение 98-го» или 27-го года в Испании) либо возраста («Молодая Германия», а по ее образцу — Италия, Польша, Турция и др.). В обыденной речи с поколенческими или возрастными метафорами связываются плохо рационализированные значения «нормального», «естественного» и «необратимого» движения фаза за фазой по некоей смысловой оси от ее «начала» к «концу». Иными словами, молчаливо подразумевается циклическая, чаще всего биологическая по смыслу, антропоморфная по форме и традиционалистская по функции модель мира, общества, культуры. Понятно, что использовать такие маркировки в качестве средств своей работы социолог не может.

В социологии сложились два подхода к трактовке «поколения». Сторонники одного, «институционального», считают поколением всех сверстников, которые практически одновременно включаются в ролевые структуры базовых социальных институтов (школа, армия, семья, трудовой коллектив и т. д.). Ключевой для социолога проблемой здесь выступает воспроизводство структуры общества, его институциональной системы, — таков подход Ш.Н. Айзенштадта¹. Приверженцы другого, «группового» или «элитного», в истоках романтичес-

* Опубликовано: Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 12–16.

¹ Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. N.Y., 1966.

² Mannheim K. The Problem of Generations// Idem. Essays on the Sociology of Knowledge. L.; N.Y., 1952. P. 276–322.

кого, подхода (прежде всего К. Манхейм²) именуют поколением ту часть сверстников, которая составляет их «цвет» и дает их массе «имя и образ» — новый образец самопонимания. Тут главная проблема для социолога — импульс динамики, механизм сдвига.

Мне бы хотелось наметить контуры несколько иного подхода. Близость путей развития названных выше стран в новейшее время позволяет предположить, что особая значимость возрастных и поколенческих категорий связана в них с особенностями содержания и структуры процесса модернизации, запоздалым разворачиванием урбанизации, технической революции, образовательных и культурных трансформаций, коренной перестройки символических систем, регулятивных структур поведения (от модернизации экономических и политических институтов здесь приходится отвлекаться). В таком случае трактовку смены поколений можно попробовать связать с этапами и уровнями этого крупномасштабного процесса, а постоянно противопоставления «старших» и «младших» — с нормативной жесткостью механизмов смыслоприписывания в данных культурах, в частности — с устойчивостью самой группы носителей подобных традиционалистских представлений (для России, что тоже приходится оставлять в стороне, это «интеллигенция», титулом известного каждому по средней школе тургеневского романа давшая — и надолго — формулу для опознания перемен в русском обществе¹).

Речь далее пойдет о трех поколениях россиян, родившихся и социализированных в пореволюционную эпоху. «Старшие» («деды») родились в своем большинстве в двадцатые годы и социализировались в последнее предвоенное, военное и первое послевоенное время, составив первое поколение советских людей, основу советского общества в его «классический» период — с самого конца 1930-х до конца 1950-х гг. «Средние» («отцы») — в большинстве своем 1940-х гг. рождения. Они социализировались в 1950–1960-е гг., пережили период освобождения от государственного надзора и родительского страха перед террором, достигнув полной зрелости в эпоху застоя и разложения прежней структуры советского общества и составив опору реформистской политической мобилизации конца 1980-х гг. «Младшие» («дети»), рожденные в конце шестидесятых и позднее, социализированы уже в годы горбачевской «перестройки», а затем — ельцинской

¹ Подробнее см.: *Левада Ю.А.* Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия: Альтернативы общественного развития. I. М., 1994. С. 208–214; *Гудков Л., Дубин Б.* Идеология бесструктурности: Интеллигенция и конец советской эпохи // Знамя. 1994. № 11. С. 166–179.

² Данная работа продолжает предшествующие публикации автора по теме, см.: *Зерцало юности* // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 54–65; *Старшие и младшие:*

Таблица 1

Если сравнить вашу жизнь с жизнью ваших родителей, когда им было столько лет, сколько вам сейчас, то что из перечисленного лучше, а что хуже в вашей жизни, чем в жизни ваших родителей?

<i>Социально-демографические группы</i>	<i>Преимущества в сравнении с родителями</i>				
	<i>Доход</i>	<i>Образование</i>	<i>Положение в обществе</i>	<i>Возможность отдохнуть</i>	<i>Жилье</i>
До 24 лет	26	24	5	18	29
40–55	26	32	10	7	36
56 лет и старше	21	19	5	5	29
Высшее образование	30	51	20	7	34
Ниже среднего	21	13	2	6	28
Руководители	43	49	37	11	35
Специалисты	26	44	12	12	37
Служащие	27	25	10	12	47
Квал. рабочие	24	21	2	10	29
Неквал. рабочие	19	15	2	7	22
Учащиеся	29	34	5	18	34
Пенсионеры	21	18	4	4	28
Домохозяйки	24	24	3	10	29
Госсектор	24	29	8	10	33
Частный сектор	42	28	8	21	43
Низкий доход	16	23	3	7	28
Высокий доход	38	35	11	16	38

«борьбы за суверенитет» и выступают опорой социальных и экономических реформ 90-х гг., нынешнего и ближайшего будущего времени².

В процессе смены трех этих поколений произошли серьезные трансформации статусно-ролевой структуры общества, его цивилизационного потенциала, соответствующих ориентаций и позиций лю-

Три поколения на переходе // Дружба народов. 1994. № 2. С. 159–170; Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 14–19 (в соавторстве с Нат. Зоркой).

дей. Именно эти обстоятельства — вкупе, конечно же, со многим другим, но, быть может, наиболее заметно — повлияли на взаимные оценки поколениями друг друга, предопределили механизмы и стандарты их взаимоотношений. Они по преимуществу и будут предметом рассмотрения в данной статье. Приведем некоторые относящиеся к теме результаты июньского мониторинга 1994 г. (N=3000 чел., 100% — опрошенные в данной социально-демографической группе):

Если взять за основу поколенческое измерение, то более заметные преимущества в уровне образования, жилье — то есть в образе жизни, вещном окружении, технической оснащенности среды — и в меньшей мере в общественном положении получили, по сравнению со своими родителями, нынешние «отцы» и «матери». (Причем выигрыш в образовании — заслуга специалистов, другими словами, технической и гуманитарной интеллигенции, а в жилье — служащих без специального образования, включая сферу обслуживания.) На годы их социализации и начало взрослой — профессиональной, семейной — жизни пришлись урбанистическая, техническая и образовательная «революции», и тут свое преимущество ощущает не менее трети поколения. Превосходство этого поколения в доходах скромнее, и вообще дифференцировано по поколениям достаточно слабо. А наименее ощутимы для респондентов сдвиги по одному признаку — по приобретенному социальному статусу.

Это понятно. Статус как бы «суммирует» в себе оценку и признание достижений индивида разными социальными группами по нескольким наиболее существенным для идеологии данного общества осям (то есть по мерке его фундаментальных ценностей). Для развитых обществ это оси образования, дохода, квалификации, качества жизни и некоторые другие. Обобщенная статусная отметка, можно сказать, переводит индивидуальное достижение во всеобщее социальное достояние, превращая динамический импульс в элемент стабильной и воспроизводящейся структуры общества. А тем самым — соизмеряет и интегрирует в систему различные группы с разными достиженческими показателями, различными профилями ценностных предпочтений.

В обществе же советского типа система разрешенного социального продвижения, с одной стороны, и воспроизводства заданного и достигаемого базового уровня, с другой, жестко отделены друг от друга¹. Точно так же разобщены и системы кодифицирующих их значений — тиражируемая с помощью массмедиа официальная идеология и принципиально устные коды описания и оценки «непубликуемой» повсе-

¹ См: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 49–65.

дневной реальности коммунальных, коллективных, семейных, бытовых отношений (включая нецензурную брань, блатной язык, различные групповые и кружковые аргы и др.¹). Отсюда — нередкое среди исследователей чувство, что разные ценности и ценностные порядки связаны в этом типе общества как-то «навыорот», «неестественно», а стоящие за ними социальные силы и институты взаимодействуют на неких иных основаниях и по другим, «неклассическим» правилам.

Анализ ответов на тот же сопоставительный вопрос по другим социально-демографическим параметрам показывает, что ни высокие доходы, ни уровень квалификации, ни принадлежность к частному сектору не дают для респондентов значимого прироста в общественном признании. Уровень же образования, конечно, дифференцирует доходы, но влияет на них куда менее заметно, чем на общественное положение. Успех, положение в обществе и общественное влияние вообще крайне слабо связаны в сознании наших респондентов. Два этих последних компонента входят в представление об успехе не более чем у 4–6% опрошенных (августовский мониторинг 1993 г.). Напротив, больше всего возможностей для успеха дает сегодня «богатство» (в июне 1994 г. это мнение разделяли 46% опрошенных) и «власть» (30%). Таковы, можно сказать, структурные дефициты советского общества, его социальной организации, стратификационной системы.

Поэтому не слишком удивляет, что для половины ответивших на вопрос в ноябрьском мониторинге 1994 г. «дедов» и «отцов» успех, признание вообще не важны (среди «детей» их считают важными две трети ответивших). Сколько-нибудь массовые, в том числе поколенческие, импульсы к достижению в подобных условиях гасятся самой структурой общества, «двуслойным» устройством его смысловых систем («двоемыслием», «двоеречием», «двоедушием»). Оценка же общественного положения предопределяется принадлежностью к административной головке, к руководству, начальству. Как видно из таблицы, именно эта группа заметно — на уровне примерно каждого второго — выиграла в сравнении с родительским поколением по подавляющему большинству значимых показателей — положению, доходам, образованию. (Характерно, что частным бизнесом занят сегодня, по данным ноябрьского мониторинга 1994 г., каждый четвертый среди руководителей, 28% их являются владельцами и совладельцами своего предприятия.) И лишь в расширившихся «возможностях отдохнуть» среди всех групп лидирует молодежь и во многом из нее же состоящий частный сектор: для них и смысл отдыха в сравнении с родителями, конечно же, другой — не «отоспаться всласть», а «оттянуться в полный рост».

¹ Там же. С. 82–87.

Социальные изменения и адаптация к ним разных групп и слоев в подобных условиях могут происходить, быть как-то осознаны или хотя бы постфактум признаны лишь в привычных, «естественных», традиционализирующих формах. Одна из таких форм, не единственная, но в данных обстоятельствах претендующая на роль главной, это смена поколений. Причем из-за ригидности всей системы организации общества и идеологического консерватизма интеллектуальных слоев эти перемены, чтобы быть опознанными и узаконенными, должны набрать известную, достаточно большую критическую массу и накапливаться поэтому настолько долго и «незаметно», что различия приобретают значимость лишь для крайних, полярно противостоящих друг другу точек и только тогда начинают «бросаться в глаза». Такими полюсными точками в нашем обществе являются, с одной стороны, конечные точки на «горизонтальной» шкале социального пространства — крупные города с более или менее развитой промышленной и культурной структурой, пространством профессионального и бытового выбора, высоким образовательным и квалификационным уровнем, соответствующими цивилизационными стандартами благ и удобств (областные или краевые центры, еще лучше — столицы). Другой полюс — малые городские населенные пункты, поселки, а фактически — «спальные» слободы при крупном предприятии-монополисте, чаще всего принадлежащем к ВПК.

Вот как дифференцируются по уровню образования жители поселений разного типа (по данным ноябрьского мониторинга 1994 г.; N=3000, 100% — жители данного типа поселений):

Таблица 2

<i>Тип поселения</i>	<i>Образование</i>		
	<i>Ниже среднего</i>	<i>Среднее</i>	<i>Высшее (и незаконченное)</i>
Москва и СПб	21	50	28
Большие города	29	50	20
Малые города	37	52	12
Села	56	38	6

Какие цивилизационные сдвиги с каждым новым поколением городских жителей тут происходили, можно видеть по ответам наших респондентов об уровне технизированной их домашней среды и жизненного мира (а соответственно — структуры и форм самопонимания и символически-опосредованного общения) в ходе того же ноябрьско-

Таблица 3

	<i>Достояние</i>					
	<i>Цвети-телевизор</i>	<i>Стереосистема</i>	<i>Фотоаппарат</i>	<i>Миксер</i>	<i>Видеомагнитофон</i>	<i>Ничего из списка</i>
До 24 лет	81	51	45	39	20	6
40–55	73	26	32	28	10	14
56 и старше	55	7	14	10	2	32
Москва+СПб	87	37	52	53	31	7
Большие города	78	33	36	32	11	9
Малые города	71	28	28	27	12	17
Села	58	22	20	16	8	27

го опроса в 1994 г. Опрошенные отмечали в предложенном списке те предметы, которые есть у них в семье, — приведу лишь некоторые (100% — респонденты данной социально-демографической группы).

Молодежь столицы и крупных городов лидирует — и по большинству позиций с серьезным отрывом — в обладании практически всем перечисленным набором из 15 предметов. Кроме перечисленного, отметим дачу, загородный дом (он есть в семьях 35% молодежи), автомобиль (21%), радиочасы (20%), компьютер (10%).

Подытоживая эту часть рассуждений, можно сказать так. По всей вероятности, «общественное положение» в недоиндустриализированной стране при монополизированных властью каналах и оценках социального продвижения большинство — особенно в поколении «отцов» — связывает с положением и образом жизни более образованного и урбанизированного слоя. Иначе говоря, меряет его по образу и подобию интеллигенции, служащих с дипломом, «чистой публики», как сказали бы в старой России, или «культурных людей», как стало принято говорить в России новой. То есть «положение» в данном случае оценивается, скорее, по оси общей цивилизованности, «культурности», чем социального статуса или признания, престижа как таковых.

Это означает, что в статусном плане образование, при всей его силе как фактора мобильности на первых этапах урбанизации и технической революции, не является, да и не может быть в подобных условиях независимой переменной. Оно дает прирост статусной самооценки прежде всего в глазах самой интеллигенции. Но с годами эта оценка все реже поддерживается другими группами, поскольку оче-

видным образом не подкрепляется социальным положением интеллигентов и не согласуется с дефицитными для большинства групп ценностями дохода, власти, материального положения. Впрочем, двойная оценка интеллигента задана с самого начала официальной реабилитации этой «прослойки» советской властью во второй половине 1930-х гг. Так что позднее «шляпа», «очки» или «галстук» служат и притягательными символами «чистой жизни», объектом ориентации других новоприобщенных к городским стандартам групп, и вместе с тем уничтожительными признаками социальной недееспособности, непри приспособленности, «безрукости» образованного сословия вплоть до лакированных киносаг 40–50-х гг. и циклопических романов-эпопей 70-х.

Расхождения в возможностях и оценке достижений большой и все большей на протяжении 60–70-х гг. массы людей по основным параметрам стратификационной решетки — доходу, образованию, месту в обществе и т. д. — все меньше могли компенсироваться второй («черной», «серой») системой дефицитарного перераспределения престижей, символов и благ. Накапливающийся потенциал личной нереализованности и социальной стагнации становился для поколения 40–55-летних фактором эрозии советского общества как системы, обесценивал его идеологию. С другой стороны, нетребовательность и непризнанность поколения «отцов» (а для многих из них, особенно в интеллигентском слое, и программный отказ от благополучия, положения, карьеры) выступали объектом отрицательной оценки и отторжения для следующих за ними «детей». Они расценивались не как фазовая особенность данного конкретного поколения или волевой выбор какой-то его части, а как принципиальная и неотъемлемая характеристика самого общества, свидетельство его социальной нежизнеспособности.

При этом ключевой для данной социальной системы механизм негативной идентификации и двойного сознания — рессантимента и взаимного отталкивания групп, включая поколенческие, — работал следующим образом. В качестве позитивных в достоянии социальных других — «дедов», «отцов» — и стартового уровня для следующих поколений каждый раз выделялись, понятно, признаки достижения. Но при этом они расподоблялись с групповыми усилиями и опытом и переозначивались так, что, с одной стороны, расценивались в качестве нормы, чего-то само собой разумеющегося, а с другой — лишались социальных маркировок и выступали показателем «чистой» культурности, цивилизованности, владение навыками которых закреплялось за собой как собственное достояние, достижение и отличие. Вместо передачи или просачивания образца осуществлялась его, можно сказать, символическая девальвация, а затем экспроприация и присвое-

ние. Репродукции же подлежала, воспроизводилась заданная межгрупповая дистанция, «разрыв».

И если самооценку интеллигенции другие группы с годами разделяли все реже из-за снижающейся в статусном плане авторитетности «итээров» и «училок» в массе населения, то от высокой самооценки начальства остальных отделяли статусно-иерархические барьеры, делавшие социальное продвижение для абсолютного большинства практически недостижимым. Отсюда — меньшая, особенно у более старших возрастных категорий, значимость в семантике «успеха» таких признаков, как «общественное положение», признание», «влияние в обществе», при ведущей роли таких составляющих, как «доход» и «материальные блага» (по данным августовского мониторинга 1993 г.).

Все эти долговременные обстоятельства и предопределили расхождение смысловых ориентиров, жизненных траекторий, оценок ситуации и перспектив у молодежи и более зрелых поколений в условиях 90-х гг. — в масштабах России, вынужденной так или иначе отказываться от своих имперских амбиций, после краха официальной советской идеологии и спада перестроечной идейной мобилизации конца 80-х гг., при снятии ограничений на жизненную инициативу, с началом прорыночных экономических реформ 90-х. Как свидетельствуют данные опросов ВЦИОМ, именно более образованная молодежь крупнейших городов и столицы из года в год лидирует как в общей поддержке реформаторского курса и даже олицетворявшей его до последнего времени фигуры президента, так и особенно — в либерализме общеэкономических ориентаций и, наконец, в реальных предпринимательских достижениях. Дистанцируясь от прямой политической вовлеченности и идеологического гипноза, молодежь сосредоточена на ликвидации структурных дефицитов советской системы организации общества и активнее других добивается здесь значимого успеха — уровня доходов, разнообразия материальных благ, более привлекательного стиля жизни.

Наиболее распространенная позиция старших в нынешних условиях — сознание невозможности в них вписаться (так оценивали положение вещей в ноябре 1994 г. 36% респондентов старше 55 лет) или

	<i>Ни за что не станут</i>	<i>Готовы</i>	<i>Затрудняются ответить</i>
Молодежь	21	64	15
Люди среднего возраста	26	49	20
Люди старшего возраста	43	27	29

чувство, что «ничего не произошло» (29% в этой группе). Причем главные ограничения здесь — не физические, а ценностные, идеологические. Вот как распределяется готовность работать на частного собственника в разных поколениях (в %):

Тяжелее других переносит ситуацию, пытаясь к ней приспособиться, среднее поколение: им чаще других приходится «крутиться», зарабатывая на самое необходимое, в том числе — на образование детей (на это указали 38% данной группы). Молодежь в минимальной мере подвержена дезадаптации (на невозможность приспособиться указали 10%), но, в сравнении с другими поколениями, максимально использует новые открывшиеся возможности (она же их в наибольшей степени и ценит): каждый десятый молодой респондент начал собственное дело, сумел полнее реализоваться и т. п. Сегодня каждый четвертый из работающих молодых респондентов (23%) называет основным добытчиком в семье себя, практически такая же доля молодежи (21%) имеет дополнительные приработки (среди их «отцов» — 17%, «дедов» — 9%).

Среди старших (особенно людей с низким образованием и доходом) заметно преобладает возмущение «современной молодежью» (53–54% при 34% ей «по-хорошему завидующих»). Одобрение и неодобрение столь же однозначно дифференцированы и по типам поселений: возмущаются молодежью чаще всего жители села и малого города, по-хорошему завидуют ее возможностям — жители Москвы и Санкт-Петербурга.

Вместе с тем, обвинения молодежи в узком «меркантилизме» и «потребительстве» продиктованы у взрослых чаще всего прежней «идеологией подопечных» с ее отказом от достижения, демонстративной нетребовательностью, показным равнодушием к деньгам. Как раз молодежь заметно выше других групп ценит не только экономические реформы, но и общедемократические перемены последних лет. С ее точки зрения, перечисленные ниже перемены принесли (затруднившиеся с ответом не указываются):

	<i>Свобода слова</i>		<i>Свобода предпринимательства</i>		<i>Сближение с Западом</i>	
	<i>больше пользы</i>	<i>больше вреда</i>	<i>больше пользы</i>	<i>больше вреда</i>	<i>больше пользы</i>	<i>больше вреда</i>
Молодежь	65	11	63	16	62	10
Люди среднего возраста	53	24	41	31	44	21
Люди старшего возраста	39	33	23	38	31	27

За экономическим «прагматизмом» молодежи, так бросающимся в глаза журнальным публицистам, редко обращается внимание на коренные перемены во всей системе самопонимания и самосоотнесения молодых россиян, в том числе — в их национальной и государственной идентификации. Старшие, а отчасти и средние поколения (для большинства и тех и других до 1985 г. «было лучше») в значительной мере сохраняют прежнюю структуру самоидентификации. Ее несущей осью является представление о «заботливой», «авторитетной» и «честной» власти: мнение о том, что власть до перестройки была именно такой, разделяет сегодня большинство старших (от двух пятых до половины). Приоритеты молодежи в этом смысле как будто перемещаются на независимое местное руководство, предпринимателей, образованное и квалифицированное меньшинство. Характерны поколенческие различия на предельном, социетальном уровне идентификации (приводим лишь крайние позиции «постоянно» и «никогда»):

Опрошенные чувствуют себя...

	<i>русскими людьми</i>		<i>советскими людьми</i>	
	<i>постоянно</i>	<i>никогда</i>	<i>постоянно</i>	<i>никогда</i>
Молодежь	56	5	21	33
Люди среднего возраста	69	4	38	12
Люди старшего возраста	72	3	47	12

При этом если в семантике «страны», «народа» для средних и старших поколений чаще среднего выделяются значения «государства», «территории» (их удельный вес для россиян в целом за последние годы несколько снизился), а для старших — смысловые оттенки «традиции» (прошлое, обычаи и др.), то для младших значимее стали символические значения «истории», «языка», «природы».

С этой диверсификацией ценностей связаны и разные «программы» старших и младших поколений на будущее, в частности — их представления об оптимальном образовании и профессии собственных детей и внуков. Старшие поколения (и чаще — женщины, жители небольших городов и сел) хотят, чтобы школа уделяла больше внимания таким дисциплинам, как труд, домоводство, родной язык и литература, Закон Божий. Молодежь (особенно предприниматели, жители крупных городов и столицы) — общественным наукам, компьютерной грамотности, физкультуре, сексуальной гигиене, делопроизводству, истории (и в меньшей мере религии, родному языку и литературе). Представления о приоритетах профессий у старшего и среднего поко-

лений несут следы начальных фаз государственной модернизации, когда самыми необходимыми были рабочие руки и белые воротнички (плюс подворотнички на кителе). Поэтому они прежде всего хотели бы видеть свое потомство врачами, учителями, инженерами (каждый третий), квалифицированными рабочими (каждый четвертый), военными (каждый седьмой-восьмой).

Приоритеты молодежи — во многом новые. Это «директор банка» (его отметили 23% молодых респондентов), «бизнесмен», «спортсмен» (по 20%) и лишь затем — врачи, учителя и т. д. (17%, впрочем, в рыночной ситуации меняется содержание работы, доход, статус и этих профессий). Однако новые представления постепенно проникают уже и в сознание более зрелых поколений: директора банка отметили 7% старших и 12% — средних, бизнесмена, соответственно, — 7 и 17%.

К ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБИХОДА*

Среди проблематики, информация по которой собиралась в 36 странах мира в ходе международного сравнительного исследования фирмами International Research Associates (INRA) и Roper Starch в 1995 г., заметное место занимал комплекс вопросов, связанных с уровнем благосостояния и образа жизни респондентов, стандартами обеспеченности их семей и жилья современными техническими удобствами. Вместе с данными об уровне образования и доходов, размере и типе жилища перечисленные характеристики сводились в обобщенные показатели социальной стратификации обществ, индикаторы социально-экономического уровня соответствующих стран. В России опрос по этим проблемам и в заданном формате проводился Всероссийским центром изучения общественного мнения в марте 1995 г. (национальная репрезентативная выборка в 2000 человек).

Не претендуя здесь на развернутое исследование системы стратификации в нынешнем российском обществе, я ограничусь систематизацией и первоначальным обобщением относящегося к этой проблеме материала, полученного в мартовском опросе 1995 г., и некоторых примыкающих к нему данных из последующих зондажей ВЦИОМ и государственной статистики. Причем предметом внимания будут прежде всего показатели культурного уровня и цивилизованности повседневного семейного обихода россиян — обеспеченность бытовыми техническими удобствами и благами, характеризующими в развитых странах мира современный образ жизни семьи в полноте его информационных, коммуникативных, рекреативных, репродуктивных и других параметров. Для Европы социологическое и более широкое

* Опубликовано: Экономические и социальные перемены. 1995. № 5. С. 16–21. Дополнено некоторыми более новыми данными.

общественное обсуждение этой проблематики связывалось с переходом к определенному уровню общественного и цивилизационного развития, обозначенному, в разных традициях и терминах, как «государство всеобщего благоденствия», «общество потребления», «массовое общество» и «массовая культура», «цивилизация досуга» и т. п., и относилось к концу 1950-х — началу 1960-х гг.¹ Некоторые данные опросов ВЦИОМ 1992—1994 гг. о вешном обиходе россиян уже введены в научный оборот и рассматривались в связи с проблематикой стиля жизни².

К важнейшим факторам стратификации общества относят образование и уровень жизни населения. Приведем данные международного исследования 1995 г. (в % к опрошенным в соответствующих регионах; в Индии, Китае и других странах опрашивались только горожане, данные об уровне жизни фиксируют самооценку)³.

Как видим, по уровню образования Россия близка к средним данным по Ближнему Востоку, одновременно контрастируя с показателями (самооценками) уровня жизни в этом регионе: на Ближнем Востоке, странах нефтеэкспорта, он в целом высок, в России же низок. По образу жизни Россия тяготеет, скорее, к Юго-Восточной Азии, вместе с тем разительно отличаясь от нее по уровню образования: в Юго-Восточной Азии он значительно выше. Все это может свидетельствовать о неравномерности (рассогласованности) развития российского общества по основным направлениям социальной и культурной динамики, выявляя серьезные дефекты в системах социальной мобильности и гратификации достижений, а в конечном счете — деформированность стратификационной системы общества, слабый или зачаточный уровень его дифференциации. Другие данные подтверждают это предположение.

По данным мартовского мониторинга 1995 г., 22% россиян живут в отдельном доме или занимают часть дома (в подавляющем большинстве это жители села и малых городов), 44% имеют отдельные квартиры (31% — среди них 44% учащихся и 64% руководителей — не дали на этот вопрос ответа, порядка 3—4% снимают жилье, живут в коммунальных квартирах

¹ *Morin E.* L'Esprit du temps. P., 1962; *Dumazedier J.* Vers une civilization du loisir? P., 1962. См. также: *Переж Ж.* Вещи. М., 1967 (первое франц. издание — 1965); *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995 (первое франц. издание — 1968).

² *Бочарова О.А.* Вещи и стили жизни// Экономические и социальные перемены, 1995. № 1. С. 44—46. В концептуальном плане соответствующие разработки см.: Социологические исследования в дизайне. М., 1988; *Гудков Л., Левинсон А.* Вещь глазами социолога// Декоративное искусство СССР. 1987. № 8. С. 14—18.

³ *Barberena M.* The International Middle Class: Fact or Fiction? N.Y., 1995 (INRA).

Таблица 1

	Сев. Америка	Лат. Америка	Зап. Европа	Центр Европа	Россия	Ближ Восток	Юго- Восток	«Драконы»
<i>Образование</i>								
Ниже среднего	8	23	31	16	38	42	8	14
Среднее	46	53	48	59	48	41	43	48
Высшее	46	23	21	26	14	17	46	34
<i>Уровень жизни</i>								
Выше среднего	37	21	26	14	4	36	4	24
Средний	37	29	52	52	39	42	43	48
Ниже среднего	30	50	22	34	57	23	49	27

или общежитии, почему и данные по этим малочисленным группам в дальнейшем не рассматриваются)¹. Вот как распределяются типы стандартного жилья по основным социально-демографическим группам россиян (мартовский мониторинг 1995 г., в % к соответствующим группам).

Легко видеть, что в России наиболее резко противостоят друг другу такие типы жилья, как отдельный дом (село, старое жилище деревенского типа) и отдельная квартира (город); соответственно жилище более пожилых и менее образованных групп пенсионеров противопоставлено здесь жилью россиян более активных возрастов. В пределах же города размер и функциональная дифференциация жилья (число комнат) хотя и колеблется, но не очень значительно, а данные по 3-комнатным квартирам, напротив, чрезвычайно близки. Стандартная квартира в 2, реже 3 комнаты — достояние прежде всего сорока- и пятидесятилетних — «поколения родителей», причем практически независимо от уровня их образования и квалификации. 3-комнатными квартирами чаще других располагают руководители, но и здесь их превосходство над другими группами не так уж велико. Иначе говоря, типовое городское жилье получили в 1960–70-х гг., как правило, первые поколения горожан либо на общих основаниях (государственное, через советы разных уровней), либо в порядке кооперативного строительства. Стоимость последнего в те годы была не так уж велика, почему, видимо, и дифференциация типов (размеров) жилья по статусу и уровню доходов не так значительна. Позже в подобные квартиры вселялись, опять-таки в массовом порядке, приезжающие в город работать по лимиту.

Сравним теперь, по данным того же мартовского опроса 1995 г., уровни оснащенности домашнего обихода техническими благами и цивилизационными удобствами в России и в других регионах мира (в % к национальным и региональным выборкам).

Если говорить о технических удобствах, то всеобщего распространения в России достиг из всего перечисленного выше лишь холодильник. Причем произошло это поколением раньше, и за 1980–90-е годы степень обеспеченности населения холодильниками уже не менялась: 103 на 100 семей в 1980 г., 106 — на конец 1993-го². Вообще-то в условиях современной цивилизации холодильник как таковой (как при-

¹ По данным переписи 1989 г., в отдельных квартирах проживало 62% российского населения (74% — горожан), в индивидуальных домах — 29% россиян (55% — жителей села). См.: Семья в Российской Федерации. М., 1994. С. 302–303.

² Семья в Российской Федерации. С. 294. Наиболее высокими темпами за эти годы шло техническое оцивизовывание села, причем прежде всего — мото- и автотехникой (число мотоциклов выросло в городе на 122%, в селе на 86%, автомобилей, соответственно, на 113 и 144%), магнитофонами (рост на 68 и 150%), пылесосами (на 56 и 114%), телевизорами (рост обеспеченности на 27 и 28% (Там же. С. 294–295)).

Таблица 2

	<i>Дом или часть дома</i>	<i>Квартира</i>		
		<i>1 комната</i>	<i>2 комнаты</i>	<i>3 комнаты</i>
<i>Возраст</i>				
До 24 лет	16	5	18	13
25–40	22	8	21	10
41–55	20	4	23	19
56 и старше	28	13	23	8
<i>Образование</i>				
Высшее	8	8	18	14
Среднее	17	7	23	14
Ниже среднего	34	10	22	9
<i>Социальное положение</i>				
Руководители	4	3	6	21
Специалисты	5	6	19	14
Служащие	21	6	24	13
Квал. рабочие	21	7	24	14
Неквал. рабочие	30	5	25	12
Учащиеся	16	3	20	8
Пенсионеры	30	13	25	7
<i>Тип поселения</i>				
Москва и СПб	0	5	17	13
Большие города	5	13	28	12
Малые города	18	9	25	14
Села	54	4	12	9

бор, без особых технических или дизайнерских показателей) характеризует лишь элементарный, физический уровень существования семьи, наличие у нее минимального объема первичных ресурсов выживания и воспроизводства (в советской России 1960–1980-х гг. он выступал своего рода аналогом «подсобного хозяйства» или «дачного участка»). Максимальную же величину запаса индивидуальной прочности, семейной устойчивости и в этом смысле предельный горизонт планирования и расчета будущего семьи и своего собственного представляет в данном списке «автомобильная страховка»: однако она

Наличие бытовых удобств и технических благ в семье (доме)

	<i>Сев. Америка</i>	<i>Лат. Америка</i>	<i>Зап. Европа</i>	<i>Центр. Европа</i>	<i>Россия</i>	<i>Балтийский Восток</i>	<i>Юго- Восток</i>	<i>«Драйконы»</i>
Холодильник	95	95	99	98	96	99	97	98
Телефон	94	56	91	61	38	85	33	97
Один автомобиль	37	32	52	48	20	41	20	44
Два и более автомобиля	53	15	28	8	0,8	10	5	15
Автомобильная страховка	79	24	77	44	3	32	23	53
Цветной телевизор	95	88	96	93	71	94	94	98
Видеомагнитофон	67	49	67	56	17	39	53	87
Кабельное ТВ	52	18	24	35	5	9	9	53
Компьютер	24	11	24	18	2	10	15	48
Посудомоечная машина	42	15	42	15	0	15	2	16
Горячая вода	75	40	75	40	19	40	42	87

(и стоящая за ней структура взаимных обязательств, проективного социального взаимодействия) гарантируется всей системой данного общества, а потому противоположна автаркической замкнутости. Не случайна предельно высокая обеспеченность подобной услугой в развитых странах Запада: там охват ею (свыше трех четвертей населения) по масштабу следует сразу за холодильником и телефоном, цветным телевизором и автомобилем, стоя рядом с таким благом цивилизации, как горячая вода. Для России здесь можно дополнить сказанное данными государственной статистики¹:

Обеспеченность жилища в России (на конец 1993 г., в %)

	<i>Город</i>	<i>Село</i>
Водопроводом	83	53
Канализацией	80	42
Централизованным отоплением	84	45
Ванной	75	36
Газом	68	73
Горячей водой	69	23
Электроплитой	19	6
Телефоном	42	17

По всеобщей распространенности в России к холодильнику приближается лишь телевизор, да и то если суммировать старые черно-белые модели с новыми, предлагающими иной уровень удобств, цветными. Возможность выбирать материал для просмотра, формируя собственную, более индивидуализированную телепрограмму (наличие декодера или подписки на кабельное ТВ, видеомэгафона), у россиян крайне невысока, чуть ли не на порядок уступая распространенности этих технических коммуникативных устройств в США и восточных «драконах». Можно сказать, что россияне включены — на правах адресатов, рецепторов — по преимуществу в сети централизованной и односторонней массовой коммуникации (наиболее доступные каналы радио и ТВ в сегодняшней России — государственные).

Показательно, что и телефонизация страны пока лишь приближается к тому пределу, который считается достаточным для формирования независимой системы межличностной коммуникации, которую

¹ Там же. С. 326, 330, 333.

практически невозможно централизованно заблокировать (принято считать такой нижней границей сорокапроцентный охват населения телефонной связью). Переход же в более или менее массовом порядке на иной тип коммуникативных устройств — с независимым индивидуальным управлением и собственной памятью (компьютер, а тем более компьютерные сети) в России, можно сказать, еще не начинался.

Некоторые данные о том, как распространение технических устройств и цивилизационных удобств распределяется по основным социально-демографическим осям, можно получить из материалов мартовского и июльского мониторингов 1995 г.; из обширного списка приводим лишь часть позиций, собирающих статистически значимое количество респондентов и вместе с тем диагностических для анализируемой здесь проблематики (в % к соответствующим группам).

Как видим, меньше других обеспечена техническими и цивилизационными благами опять-таки наименее профессионально квалифицированная часть населения и старшие возрастные группы (пенсионеры). Иначе говоря, эти удобства и символы — достояние прежде всего двух последних по времени поколений горожан, причем по большей части — неоурбанистов. Молодежь наследует накопленное поколением родителей (в основном более образованных и высокостатусных) и в этом смысле начинает с качественно иного, чем у их матерей и отцов, стартового уровня.

В еще большей степени эти блага концентрируются на верхних этапах бюрократической иерархии — в группе руководителей. В предыдущих публикациях уже указывалось, что именно эта группа в сравнении с другими и с поколением предшественников обладает максимальным, пользуясь терминологией Пьера Бурдьё, «символическим капиталом» — уровнем образования, статусом и доходами, влиянием, благоустроенным образом жизни и т. п. Сами по себе образование и доход не дают отчетливо-значимых преимуществ в общественном положении, авторитете, признании, влиянии, уровне удовлетворенности, что еще раз свидетельствует об уже упоминавшемся рассогласовании различных параметров социальной и культурной динамики общества, измерений его стратификационной системы¹.

Тем самым можно, разумеется, в предварительном порядке — наметить как бы несколько моделей (или траекторий) технического оцивилизовывания домашнего или семейного обихода сегодняшних россиян:

— общеурбанизационная модель, когда удобства и блага в максимальной степени концентрируются в столицах и крупнейших горо-

¹ Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 12–16; Куда идет Россия?: Альтернативы общественного развития. II. М., 1995. С. 237–247.

Таблица 4

Техника и цивилизационные удобства в российской семье

	<i>Март 1995 N=2000</i>					<i>Июль 1995 N=2500</i>			
	<i>Телефон</i>	<i>Фотоаппарат</i>	<i>Дача</i>	<i>Миксер</i>	<i>Проектор/ватель компакт-дисков</i>	<i>Цветной телевизор</i>	<i>Стереосистема</i>	<i>Автомобиль</i>	<i>Видеомагнитофон</i>
Всего	38	32	32	27	6	71	26	21	19
<i>Возраст</i>									
До 24	39	42	43	35	10	77	53	23	29
25–40	38	40	28	38	7	81	35	26	29
40–55	42	32	37	28	7	76	20	24	17
Ст. 55	34	15	26	8	3	52	6	10	3
<i>Образование</i>									
Высшее	59	52	35	43	9	82	39	26	29
Среднее	41	36	37	32	7	78	31	25	22
Ниже среднего	27	19	25	14	4	59	16	14	12
<i>Социальное положение</i>									
Руководители	69	48	39	58	14	89	43	40	34
Специалисты	48	46	36	41	9	83	39	24	29
Служащие	35	37	35	38	9	85	36	24	26
Квал. рабочие	30	32	36	22	5	74	21	19	17
Неквал. рабочие	18	23	18	19	4	70	26	13	10
Учащиеся	46	45	47	44	14	78	56	25	33
Пенсионеры	34	13	24	6	2	47	5	10	2
<i>Тип поселения</i>									
Москва и СПб	97	61	33	48	17	89	38	21	39
Большие города	44	39	48	33	6	77	34	20	20
Малые города	31	27	34	23	5	71	25	20	14
Село	22	22	11	18	4	60	17	22	18

дах, — таково на нынешний день распространение телефона, такого «устройства памяти», как фотоаппарат (61% семей в Москве и Петербурге), проигрывателя компакт-дисков, видеомэгнифона (39% тех же семей);

— статусно-иерархическая модель, когда технические устройства, рационализирующие повседневный обиход — досуг, еду, сон, связи между людьми, отношение к пространству и времени и т. д., и престижные символы максимально скапливаются на высших этажах управленческой иерархии, — так распространяется подавляющее большинство предметов, включенных в наш список (что и понятно, поскольку ведущая ось социальной и культурной стратификации в России — по-прежнему управленческо-иерархическая): кроме сведенных в таблице 3, назову здесь такие технические приспособления, как радиочасы и электродрель;

— поколенческая модель, когда обладателями символических благ и модных вещей выступают прежде всего молодые респонденты; здесь можно отделить предметы, унаследованные от родителей, с одной стороны, и престижные новинки, с другой: к первым я бы отнес дачу, ко вторым — стереосистему.

В качестве дополнения можно было бы добавить гораздо более «слабую» образовательную модель технического оцивилизовывания обихода: среди благ, которыми располагают прежде всего более образованные респонденты (семьи), по нашим данным, в какой-то мере выделяется только пианино (фортепиано) — символически нагруженный предмет, традиционно олицетворяющий для образованных слоев (а ранее — для буржуазии, включая т. н. «буржуазию образования») культуру с большой буквы. Им владеют 16% опрошенных с высшим образованием (15% учащихся, 14% москвичей и петербуржцев, 13% руководителей).

Однако и чисто урбанизационная, и чисто образовательная модель относится сегодня, скорее, к прошлому — к вчерашним, если не позавчерашним фазам социокультурных изменений, доходящим до нынешнего дня лишь в качестве «следов» или «пережитков». Ведущими же выступают две других — статусно-иерархическая (унаследованная от прежней, в т. ч. распределительно-дефицитарной, системы, относящаяся к ее преемственности и репродукции, с одной стороны, и сегодняшняя, фиксирующая актуальные достижения, с другой) и поколенческая (унаследованная от старших и прожективная, опережающая, модная и т. п.). Не случайно лидерами обновления технических удобств и устройств в доме выступают именно две группы — молодежь (учащиеся) и руководители. Покажем это на данных мартовского мониторинга 1995 г., фиксирующих «возраст» или «стаж» некоторых

Таблица 5

Старое и новое в домашнем обиходе

	Холодильник		Стиральная машина		Пылесос		Стереосистема		Мебельный гарнитур		Автомобиль	
	Новое	Старое	Новое	Старое	Новое	Старое	Новое	Старое	Новое	Старое	Новое	Старое
Всего имеют	14	82	12	74	12	63	10	24	8	41	4	16
<i>Возраст</i>												
До 24	26	67	20	67	17	58	20	33	15	47	7	19
25–40	20	77	18	70	17	62	14	30	13	46	6	16
40–55	10	88	10	79	10	71	5	26	6	45	5	18
Ст. 55	5	91	3	80	4	60	1	10	1	29	0	14
<i>Образование</i>												
Высшее	14	84	16	75	15	69	11	36	11	50	5	22
Среднее	19	78	14	76	13	67	12	27	9	47	6	17
Ниже среднего	9	85	9	73	9	56	6	16	6	30	2	13
<i>Социальное положение</i>												
Руководители	24	75	23	69	24	68	21	37	21	57	11	34
Специалисты	18	71	17	73	14	70	14	32	13	47	5	17
Служащие	13	85	10	86	14	72	9	28	9	52	5	15
Квал. рабочие	16	82	12	78	10	68	9	24	5	46	2	15
Неквал. рабочие	13	79	9	64	7	52	5	23	4	31	2	9
Учащиеся	28	67	19	70	19	67	22	40	15	60	8	28
Пенсионеры	5	89	4	75	4	57	1	10	2	26	2	12
<i>Тип поселения</i>												
Москва и СПб	12	84	11	62	10	74	18	24	10	50	6	14
Большие города	16	82	14	76	12	69	10	27	10	45	6	18
Малые города	16	81	13	78	11	66	8	26	8	44	4	14
Село	12	82	11	72	13	48	8	19	6	30	3	19

предметов обихода из общего списка (в % к соответствующим группам; «новые» означает здесь «купленные в последние три года», «старые» — существующие в семье более трех лет).

Хотелось бы обратить внимание на то, что в урбанизационном аспекте — по типам поселений — данные об обновлении домашнего «парка» удобств технической цивилизации практически не различаются (ср. приведенные выше цифры о темпах семейного приобретения домашней техники в городе и селе). Единственное исключение здесь — новые марки стереосистемы, престижного предмета, который связан, как указывалось выше, прежде всего с обиходом молодежи, молодежной культурой.

Удобным операциональным показателем, сводным индексом цивилизованности домашнего обихода могло бы быть количество электрических лампочек в домашних осветительных приборах: в нем «стягиваются» характеристики как социального благосостояния — размеры и тип жилья, — так и культурной освоенности, обжитости жилища¹. Дело здесь не просто в количестве и размере комнат квартиры или дома; скажем, их количество и объем могут быть аскриптивными характеристиками сословного статуса или места во властной иерархии, выступать в этом смысле элементами «традиционного» образа жизни (быть полученными по наследству). Для нас здесь важнее другое. Сама функциональная дифференциация домашнего пространства — равно как и времени — диктуется дифференциацией соответствующих типов деятельности (профессиональной, рекреативной, репродуктивной и т. д.) — то есть развитостью различных систем действия и общения в семье, в обиходе ее членов — и подчинена сложной игре принципов индивидуализации (индивидуальной автономности) и коллективности (символической интеграции, демонстрации солидарности).

В этом смысле можно видеть в наиболее мощном и демонстративно открытом, особо украшенном и специально бросающемся в глаза источнике света (скажем, потолочной лампе или люстре) полюс «всеобщности», единства и сплочения семьи и даже, более того, полюс «официальности» — нормативной интегрированности семьи в «большое» общество. Чем физически выше поэтому расположен источник света, чем ближе он к центру комнаты (потолка), чем уникальнее и чем неподвижнее (стационарнее), тем больше он тяготеет к этому

¹ И. Галсеран и Дж. Берри трактуют его лишь в качестве индекса социально-экономического статуса семьи, см.: *Galceran I., Berry J. How Many Researchers Does It Take to Count a Light Bulb// American Demographics: Consumer Trends for Business Leaders, 1995, march (INRA)*. О социально-статусной семантике осветительных приборов (как и мебельного гарнитура, автомобиля и др.) см.: *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 11–40, 56–60.

«полюсу коллективности» и «официальности». Напротив, круг под маленькой и передвижной лампой очерчивает пространство индивидуальной автономии.

Она может подразумевать профессиональную деятельность (настольная лампа), включение в культуру (торшер над журнальным столиком и креслом для чтения или телесмотра), отдых (бра в изголовье кровати). Но в любом случае свет здесь это означенная граница собственного и признанного другими пространства, и чем ниже расположен его источник, чем дальше он от центра комнаты и чем подвижнее, тем он, соответственно, ближе к полюсу индивидуализации. Предел сбалансированности индивидуального и коллективного — скрытые (в стенах, за украшениями, предметами, картинами и т. д.) источники как общего для комнаты, так и локального освещения, в тому же — приглушенно-матового.

Напротив, символом тотальной и управляемой извне коллективности, полной социализированности семейного обихода будет свешивающаяся с потолка лампочка без абажура и люстры. «Голой» лампочке в советском коммунальном обиходе начальных фаз массовой урбанизации соответствовала однопрограммная «радиоточка»¹; такие же символические предметы, как абажур, а позднее — люстра вместе с торшером, бра и т. п. расценивались в 30-х, а затем в 50–60-х гг. как «западные» и «мещанские», проводником их в быт первых отдельных квартир сталинской эпохи были представители правящей бюрократии, а в другой, хрущевский, период — городская гуманитарная интеллигенция и ИТР).

Покажем это на данных мартовского мониторинга 1995 г. (в % к соответствующим группам). Сравнительные данные по регионам и странам мира публиковались в предыдущем бюллетене «Мониторинга», напомним лишь, что средняя обеспеченность семейного жилья электролампочками в России опять-таки соответствует показателям Юго-Восточной Азии (по 9 лампочек в доме) и более чем в два раза уступает показателям Северной Америки и Западной Европы (по 19).

Обратим внимание на то, что простой рост числа комнат — вовсе не главный фактор в увеличении количества лампочек в доме (да и колебания в функциональном типе стандартных квартир, как уже отмечалось, не столь велики). Важней здесь иные факторы. Если разделить социально-демографические группы российского населения на те, чье жилье обеспечено электрическими лампочками на уровне среднестатистической нормы и ниже — то есть приблизительно одна лампочка

¹ В этом смысле «тарелку» радиотранслятора можно уподобить не столько устам говорящего, сколько уху слушающего, равно как оголенную лампочку в домах (но и в конторах, на работе и т. д.) — не столько лучу, сколько глазу.

Таблица 6

Количество функционирующих в доме электрических лампочек

	1–5	6–10	11–15	16–20	21 и более
всего	23	50	18	5	1
<i>Возраст</i>					
До 20	13	45	24	11	3
21–30	27	47	17	5	2
31–40	14	55	21	5	2
41–50	12	54	24	5	0
51–60	27	50	15	2	1
61 и более	43	44	9	2	0
<i>Образование</i>					
Высшее	15	44	24	10	4
Среднее	19	51	20	5	1
Ниже среднего	31	50	14	2	1
<i>Положение</i>					
Руководители	6	48	25	13	6
Специалисты	14	50	24	8	2
Служащие	16	60	18	2	1
Квал. рабочие	19	55	19	2	1
Неквал. рабочие	25	59	8	4	0
Учащиеся	10	46	28	13	2
Пенсионеры	39	44	12	2	0
<i>Тип поселения</i>					
Москва и СПб	7	46	26	10	4
Большие города	21	50	18	6	1
Малые города	24	51	18	4	1
Село	30	50	16	2	1
<i>Тип жилья</i>					
Дом, часть дома	28	48	18	3	1
1-комнатная квартира	52	41	4	1	0
2-комнатная квартира	19	58	14	3	1
3-комнатная квартира	6	64	21	6	1

Таблица 6 (окончание)

	<i>1–5</i>	<i>6–10</i>	<i>11–15</i>	<i>16–20</i>	<i>21 и более</i>
<i>Среднедушевой доход</i>					
Низкий	28	52	15	3	0
Средний	24	51	18	3	1
Высокий	18	46	22	8	2
<i>Общественное положение (самооценка)</i>					
Низкое	28	50	16	3	1
Среднее	18	52	20	6	2
Высокое	18	46	22	11	3
<i>Цивилизованность обихода: наличие</i>					
миксера	9	45	29	10	4
электрогриля	6	43	33	6	11
проигрывателя компакт-дисков	10	47	29	10	2
телефона	13	48	24	8	3
дачи	14	52	24	6	2
собаки	18	51	22	6	2
нет ничего из списка	49	41	4	0	0

на одно помещение жилища, — то крайними группами окажутся опять-таки самые старшие и наименее образованные респонденты, жители села (от 80 до 87% имеют только нормативный минимум, причем 40% — менее пяти лампочек), с одной стороны, и учащаяся молодежь и руководители, с другой (по меньшей мере двое из пяти в этих группах обеспечены лампочками выше, а один из пяти-шести — значительно выше нормы, больше 16 лампочек)¹.

В этом смысле можно сказать, что к уровню средних цивилизационных стандартов Западной Европы и Северной Америки у нас в стране приближаются две группы — городская учащаяся молодежь и руко-

¹ Приведенные цифры и стоящие за ними социальные тенденции в распределении элементарных цивилизационных удобств оказываются весьма устойчивыми: так, в декабре 2002 г. (2000 горожан) каждая городская семья в России имела у себя дома в среднем 8,9 лампочек. У респондентов с образованием ниже среднего их было в среднем по 8, у горожан с высшим образованием — 10,5; в малом городе — 8,2, в Москве — 12,1.

водители предприятий и организаций. Однако наибольший разброс в обеспеченности источниками света дают даже не эти социально-демографические факторы, а факторы уже чисто цивилизационные. Так, крайние группы по сверхнормативной обеспеченности лампочками (минимум их — у не имеющих ничего из списка благ и удобств, а максимум — среди обладающих, например, миксером или проигрывателем компакт-дисков) различаются более чем в десяток раз — имеют свыше 11 лампочек 4% среди первых и 43, 41% среди вторых. Соответствующий размах в группах по социально-профессиональному положению — 3, 67, в группах по возрасту — 3, 45, по образованию — 2, 24, по типу поселения, среднедушевому доходу, самооценке общественного положения — еще ниже. Показательно, что по числу «сверхнормативных» лампочек деревенский дом ничем не отличается от типовой городской квартиры из двух-трех комнат. Максимальная же разница здесь (размах в 5,6 раза) — между одно- и трехкомнатными квартирами. Иначе говоря, между жестко лимитированным и сверхлимитным набором элементарных удобств цивилизации.

О ПОКОЛЕНЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СДВИГОВ*

Исследователи перемен в современном российском обществе уже отмечали, что сама шкала возраста, или поколенческая шкала, превращается сегодня в своеобразное измерение не просто психологической адаптации, но и социальной мобильности, становится даже чем-то вроде оси социальной стратификации¹. Поэтому распределение мнений и оценок прошлого, нынешнего и завтрашнего дня связывается аналитиками, среди прочего, с местом респондентов на возрастной шкале. Хочу привести по этому поводу некоторые данные опросов ВЦИОМ последнего года, но главное — прояснить ситуацию в принципе. То есть понять, какие социальные и культурные феномены стоят за такого рода наблюдениями в нашей сегодняшней жизни, что они значат здесь и сейчас для социолога (а не, скажем, публициста или педагога).

На протяжении шести лет исследований ВЦИОМ, полюса оценок политических и экономических перемен в стране, равно как и отношение к олицетворяющим их структурам и фигурам (прежде всего — к президенту и правительству), в целом совпадали с крайними точками на некоей синтетической шкале, объединявшей значения возраста, социальной инициативности, образованности и урбанизированности. Максимум поддержки переменам выказывало, судя по их ответам в исследованиях, более молодое и образованное население крупных городов, а максимум сдержанности, недоверия, а потом и недовольства демонстрировали более пожилые слои жителей села и мелких городов, люди с менее высоким уровнем образования. Как общая тенден-

* Опубликовано в кн.: Куда идет Россия?: Альтернативы общественного развития. П. М., 1995. С. 237–247.

¹ См.: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М., 2005.

ция, подобное распределение симпатий и антипатий сохраняется и сегодня. Так, соотношение одобряющих в целом деятельность президента, с одной стороны, и требующих его отставки, с другой, в группе респондентов до 29 лет выглядит в сентябре 1994 г. как 39 к 28, а среди тех, кому больше пятидесяти — как 35 к 46. Соответственно, среди первых соотношение тех, кто требует продолжения экономических реформ, и тех, кто настаивает на их прекращении, выглядит как 37 к 18, тогда как среди вторых — как 23 к 29. Однако применительно к этим стратегическим вопросам в масштабе страны велика доля затрудняющихся с ответом (у «старших» она несколько больше).

Четче выглядит противопоставление оценок по вопросам «установочным», но более близким к опыту респондентов. Прежде всего — по вопросам экономическим (в самом широком смысле слова). Вот как выглядит соотношение общих «экономических» установок в группах опрошенных до 29 («молодежь») и старше 50 лет («старшие») в апреле 1994 г. Респонденты, по их словам, предпочитают:

	<i>Молодежь</i>	<i>Старшие</i>
Иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	41	71
Много работать и хорошо зарабатывать без гарантий на будущее	37	20
Иметь собственное дело	14	1

Ориентация на социальное достижение (и прежде всего — на повышение доходов) дает реальные результаты. Молодежи вдвое чаще, нежели 30–40-летним, и впятеро чаще, чем людям старше 50, удалось за последнее время улучшить свое материальное положение. Соответственно, в сентябре 1994 г. считали материальное положение своей семьи «приличным» более половины молодых (52%) и менее трети (31%) старших респондентов; соотношение «еле сводящих концы с концами» в тех же группах — обратное (соответственно 34 и 53%). «За гранью бедности» по их оценке, живут в тех же возрастных группах 6 и 12% опрошенных. Понятно, что различаются и их виды на будущее. Если около трети в каждой из возрастных групп считает, что материальная ситуация их семьи в ближайшие полгода не изменится, то 45% старших (почти вдвое больше, чем среди молодежи) ожидают ее ухудшения; напротив, каждый седьмой среди молодых респондентов рассчитывает на ее улучшение, тогда как в группе пожилых этой оценки придерживается лишь каждый двадцать пятый. А реализовавшаяся, подкрепленная опытом установка на предпринимательский успех в итоге дает молодым респондентам более ровное и спокойное настроение, понимание, что жить

трудно, но можно. Оно из месяца в месяц преобладает и в целом среди россиян, но у молодежи особенно заметно.

Оценки и поведение двух интересующих нас групп в сфере «политической» в известной мере связаны с экономической активностью (или пассивностью), но складываются под влиянием факторов другого рода и уровня. Ведущий среди них — ценностная дивергенция, разное понимание политики, разный ее удельный вес в жизни, в балансе действий и мнений. Для «старших» политика — это, по привычке, все еще сфера попечительских действий патерналистской — всеведущей и всемогущей — власти. При узости ресурсов и дефиците запасов — социальных, экономических, мотивационных — они от нее буквально во всем, от пенсии и жилья до рациона и здоровья, зависят, но поскольку эти ожидания сегодня все менее оправдываются, то именно поэтому они ею все более недовольны и все раздраженной ее винят. Сознание своего бессилия перед ситуацией, ее непонимания переносятся на время, страну и даже собственную жизнь, которые наделяются признаками «иррациональности», «клинической невменяемости» (особенно характерно это для более образованной части старших респондентов — интеллигенции, опять разочаровавшейся во «власти», «демократии», «народе», «Западе» и т. д.).

У молодых респондентов жизненные приоритеты и картина реальности иные. Молодежь все чаще избирает в последние два года для своей реализации неидеологизированные и не занятые старшими, недавно приоткрывшиеся сферы — предпринимательство, бизнес, экономическое достижение. Поэтому «политика» для них — это прежде всего то, что гарантирует или, по крайней мере, не мешает заниматься своим делом. Их реакция на неэффективность власти, при невозможности на нее хоть как-то воздействовать, — другая: не постоянное внутреннее напряжение и диффузное недовольство, брюзжание и т. п., а, скорее, равнодушие и уход в другие области. Это, в широком смысле слова, настоящее, современность: с одной стороны, «дело», с другой — частная жизнь, и прежде всего сверстнические связи, с третьей — развлечения, досуг, игра.

Не случайно доля респондентов, чью жизнь не затрагивают передвижения в верхах, противоборство различных группировок и т. п., среди молодежи за последний год в полтора-два раза больше, чем среди пожилых людей. Но молодежь и не переоценивает возможностей государственного вмешательства в текущие дела. В частности, в 1993 г. молодые респонденты в полтора раза реже, чем пожилые респонденты, считали, что порядок в стране сегодня в состоянии навести именно центральная власть (этой позиции придерживались 32 и 49% респондентов в соответствующих возрастных группах). Напротив, они, скорее, рассчитывали при этом на местные власти (15% при 8% среди

пожилых респондентов) и предпринимателей (9 и 2%), но и их действительность оценивали, как видим, достаточно скромно.

При этом у старших респондентов (и менее доходных групп, среди работников государственного сектора) оценки своего статуса по различным параметрам — доход, образование, положение в обществе, наконец, удовлетворенность жизнью в целом — заметно рассогласованы. Так, при всего лишь 38% довольных своей работой, 33% — своей жизнью в целом и 11% — материальным положением своей семьи, что для респондентов с низкими доходами более чем понятно, свыше половины их тем не менее вполне удовлетворены уровнем и характером своего образования и даже своим положением в обществе (а у занятых в государственном секторе эта удовлетворенность еще выше). Молодые же респонденты заметно чаще других недовольны прежде всего атмосферой в своей семье (то есть отношениями с родителями, пьянством кого-то из старших, теснотой жилья и невозможностью разбегаться и т. п.), собственным положением в обществе. При этом они в целом, скорее, удовлетворены уровнем (но не всегда — характером, содержанием) своего образования и намного выше других довольны двумя сторонами своей жизни — кругом своего общения (то есть сверстническими связями и контактами, они их и гораздо активней поддерживают, выше ценят, чем другие группы) и собственным досугом (он опять-таки в высокой степени насыщен общением, тогда как более старшие, скорей, переживают сейчас изоляцию и от «большого», и от «малого» сообщества).

Мне кажется более интересным и социологически перспективным видеть в расхождениях этих групповых (и особенно — поколенческих) оценок по различным осям и параметрам не путаницу в головах несмышленных респондентов и не чисто психологические их самохарактеристики и проекции, а воздействие куда более масштабных и серьезных обстоятельств. И важна здесь именно многомерная структура самоотношения, многопараметрическая композиция этих оценок по разным критериям, в отсылке к разным инстанциям и партнерам — соотношение доминантных и второстепенных, устойчивость и динамика этого соотношения.

Социолог вообще вряд ли имеет дело с прямыми, непосредственными реакциями населения на те или иные экономические обстоятельства своей жизни либо на какие-то политические кампании разной срочности и энергичности. В данном же конкретном случае мы находимся как раз в такой ситуации, когда принудительно единообразные, низкие для всех экономические условия диверсифицируются, единые минимизированные потребительские стандарты потеряли силу. С другой стороны, политическая вовлеченность и даже известная перевозбужденность населения заметно упали. Вышел на поверхность глубокий кризис патерналистского сознания, которое ждало позитив-

ных изменений исключительно от «отеческой», «своей» власти как единственного источника любых благ и перемен. С третьей, утрачивают свою преимущественно мобилизующую роль «коллективного организатора» централизованные, монополизированные государством средства массовой коммуникации. Исчерпываются функции и потенциал интеллигенции. Исчезает единая, авторитарная система индоктринации и усвоения образцов, монолитная иерархия авторитетов и оценок в виде педагогической дидактики, просветительских масс-медиа. В подобных постмобилизационных условиях, более сложных обстоятельствах проступает воздействие фундаментальных, долговременных факторов, которые во многом, если не преимущественно, связаны с разными уровнями, фазами и темпами отечественной модернизации — индустриализации, урбанизации, образовательной и «досуговой» — цивилизационной — революций и проч.

В ходе этих процессов существенно изменились многие базовые параметры общества, трансформировалась его статусно-ролевая структура и соответствующие представления людей. Вот как распределились оценки своей жизни сравнительно с жизнью родителей у респондентов различного возраста по данным опроса в июне 1994 г. (в % к группам по возрасту):

Если сравнить вашу жизнь с жизнью ваших родителей, когда им было столько лет, сколько вам сейчас, то что из перечисленного лучше, а что хуже в вашей жизни, чем в жизни ваших родителей? (июнь 1994)

<i>Соц.-дем. группы</i>	<i>Преимущества</i>				
	<i>доход</i>	<i>образование</i>	<i>положение в обществе</i>	<i>возможность</i>	<i>жилье</i>
До 24 лет	26	24	5	18	29
40–55	26	32	10	7	36
Старше 55	21	19	5	5	29

Как видим, более заметные преимущества в уровне образования, жилье (то есть в образе жизни) и в какой-то мере в общественном положении получили, в сравнении со своими родителями, нынешние «отцы» и «матери» — поколение родившихся между самым концом 30-х и началом 50-х гг. Именно на них пришлись урбанистическая и образовательная «революции», и тут свое превосходство ощущает не менее трети поколения. Превосходство в доходах скромнее и по поколениям дифференцировано достаточно слабо. Минимально же превосходство практически всех поколений в одном — в оценке своего социального статуса.

Это понятно. Статус, по самому функциональному смыслу, как бы соединяет, «стягивает» в себе оценку и признание достижений индивида общество (то есть разными его группами) по разным осям — образования, дохода, квалификации, качества жизни и т.д. То есть он, можно сказать, переводит достижение в достояние, динамический импульс в элемент стабильной и воспроизводящейся структуры, которая тем самым интегрирует различные группы с разными достиженческими показателями, различными профилями ценностных предпочтений. Общество же советского типа как раз таково, что достижения по этим осям соотнесены крайне слабо, иными словами — разные ценности и стоящие за ними группы не интегрированы в структуру общества. Она выстроена по-другому и на иных основаниях. В ее основе — иерархическая вертикаль власти и разрешенной карьеры, а также оси, отделяющие официальную жизнь от семейной и домашней, идеологию — от повседневноности, то есть «начальство» от «массы», между которыми и становятся необходимы такие посредники, как «интеллигенция» и т.д. (отмеченным является первый член подобной пары, второй расценивается с его, более высокой, точки зрения и поэтому дисквалифицируется; ср.: «Ты чего на пол плюешь — у себя дома, что ли?»).

Анализ ответов на тот же сопоставительный вопрос по другим социально-демографическим параметрам показывает, что высокие доходы, уровень квалификации и принадлежность к частному сектору не дают для респондентов значимого прироста в общественном признании, а уровень образования, конечно, дифференцирует доходы, но влияет на них куда менее заметно, чем на общественное положение. Успех, положение в обществе и общественное влияние вообще крайне слабо связаны в сознании наших респондентов (два этих последних компонента входят в представление об успехе не более чем у 4–6% опрошенных в августе 1993 г.). Но коренным образом на оценку общественного положения влияет другое: принадлежность к административной головке, к руководству, начальству. Эта группа, как свидетельствуют их оценки, выиграла в сравнении с родительским поколением по большинству параметров — положению (так считают 37% опрошенных в данной группе), доходу (мнение 43%), образованию (50%). Лишь в расширившихся «возможностях отдохнуть» среди всех групп лидирует молодежь (это преимущество отметили 18% молодых опрошенных; для них и семантика отдыха в сравнении с родителями, конечно же, другая: не отоспаться, а «оттянуться»). Наибольшие жилищные преимущества над родителями получили, по их оценке, служащие (на это указали 47 их процентов, и показатели роста здесь, думаю, связаны с низким исходным уровнем — углом в общежитии, комнатой в бараке или коммуналке).

Но если самооценку интеллигенции другие группы с годами разделяли все реже из-за снижающейся в статусном плане авторитетности «ин-

женеров» и «училок» в массе населения, то от высокой самооценки начальства остальных отделяли статусно-иерархические барьеры, закупоривавшие каналы мобильности, делавшие социальное продвижение для абсолютного большинства практически недоступным и поддерживавшие общее негативное отношение к «начальству» (отсюда — незначительность общественного положения и влияния для оценок успеха, при ведущей роли таких признаков, как «доход» и «материальные блага»).

Социальные изменения и адаптация к ним разных групп и слоев в подобных условиях могут осуществляться и быть как-то опознаны или хотя бы постфактум признаны лишь в привычных, «естественных», традиционализирующих формах. Одна из таких форм, в данном случае претендующая на роль главной, это смена поколений (с консерватизмом структуры общества и его нормозадающего слоя связана и живучесть старой интеллигентской формулы, заданной еще людьми сороковых годов XIX в. — «отцы и дети»). Причем накапливаются эти перемены должны настолько долго, что различия приобретают значимость, «бросаются в глаза» лишь на значительной временной дистанции, ретроспективно, либо в крайних, полярно противостоящих друг другу точках социального пространства. Такими в нашем обществе являются крупные города с более или менее развитой промышленной и культурной структурой, пространством выбора (областные или краевые центры, еще лучше столицы), с одной стороны, и малые городские населенные пункты, поселки, а фактически — жилые слободы при крупном монопрофильном предприятии, с другой¹.

Какие поколенческо-урбанизационные сдвиги здесь происходили, можно видеть по ответам наших респондентов об их родителях в том же июньском опросе 1994 г. Выберу здесь лишь три показательные для нашей темы позиции из вопроса (в подсказке их можно было отметить несколько, поэтому сумма по горизонтали превышает 100%):

Что из перечисленного было у ваших родителей (июнь 1994)

	<i>Деревенский дом</i>	<i>Отдельная квартира</i>	<i>Домашняя библиотека</i>
До 24 лет	20	61	34
40–55	47	26	11
Старше 55	60	9	5

¹ Подробнее об этом см.: Кузнецова Т. Малые города России: характеристика населения // Экономические и социальные перемены. 1993. №7. С. 31–34; Дубин Б. Периферийные города: установки и оценки населения // Экономические и социальные перемены. 1995. № 2. С. 17–21.

В этом смысле собственно цивилизационный перелом накапливался даже не от поколения к поколению, а через поколение, так что максимум разницы тут — между «дедами» и «внуками». Уровень нормы, достигнутой «отцами» в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность, отвоеванный их усилиями и воспроизводимый изо дня в день порядок существования, выступает для следующего поколения опять-таки естественным положением вещей, чем-то само собой разумеющимся. В то же время сила ценностного, идеологического от них отторжения выступает как механизм сдвига, в ней опознается энергетика перемен. Поэтому понятие накопления здесь следует уточнить.

Накапливается даже не сдвиг, а разрыв, негативный потенциал расподобления с предшественниками, со старшими, так что неосознанно, «механически» репродуцируются лишь самые общие и рутинные слои существования, тогда как любые более высокие уровни действий и значений либо исключаются из реальности, объявляются несуществующими, либо подлежат сознательному невоспроизводству («так жить нельзя»). Символической фигурой такого расхождества для первых поколений горожан — «отцов» против «дедов» — выступал персонаж, обобщенно именуемый «деревня» («Ну ты, деревня!»), т. е. нижний и теперь уже как бы пройденный новоселами городов уровень заданной и упрощенной, чисто иерархической, социальной структуры. Для следующего поколения такой фигурой стал «совок» — иными словами, теперь уже вся, и опять-таки как бы оставленная в прошлом, система устройства советского общества, его структура как таковая (характерно и другое, «природное» обозначение соответственного человеческого материала тем же поколением: это, говоря словами одного из рок-музыкантов молодежи, Бориса Гребенщикова, «козлы»).

Для самого старшего, первого советского, поколения период социализации которого пришелся на военные и первые послевоенные годы, все более характерны сегодня настроения доживания и усталости, полного отчуждения от происходящего. Весь жизненный мир и социальный опыт этих людей — замкнутый космос советской идеологии, с одной стороны, и подпольный этос терпения и выживания, с другой, — сегодня не просто обесценены в глазах других поколений, но, что гораздо более существенно для них, символически отторгнуты самой властью. Ни заслуженного покоя, ни зрелой умудренности этот слой — «поколение победителей» прежней официальной пропаганды — не получил и не изведal.

Другой комплекс переживаний присущ поколению людей, социализированных в 50–60-е годы. Они более скептически относятся к советской героике, ко времени афганской войны начали понимать ущербность коммунистической системы, но не видели ей реальных альтернатив, стремясь ее по возможности хотя бы «цивилизовать», но больше всего желая забыть о терроре, который пережили их отцы и матери,

жить, не боясь бедности, дать образование детям, получить квартиру и работать не убиваясь. При этом основная структура ожиданий и представлений о социальной организации общества осталась почти той же самой, что и у предшествующего поколения. Неприемлемыми были лишь крайности — идейный фанатизм, властное принуждение, подавление общества государством. Сознание патологии тогдашнего режима (но не советской системы как таковой) обеспечило мобилизацию многих представителей именно этого поколения на «ускорение», «перестройку», «реформы» в конце 80-х — начале 90-х годов. Причем решающими для большинства из них, как теперь видно, оказались даже не столько позитивные ориентиры или образцы, сколько нежелание жить как раньше. Так зрелое поколение (люди 45–55-летнего возраста) приняло ценности стабильного, частного и именно в этом качестве — благополучного существования как норму. Однако отталкивание от «отцов» задало лишь ретроспективные ориентации; новых моделей поведения, понимания реальности, видения перспектив в целом не возникло. Поэтому, поддержав смену социально-политического режима и его идеологии, это поколение оказалось не готовым к выработке и принятию тех ценностей и социальных форм, которые несла с собой рыночная экономика, — терпимости к неравенству, духу и вызову конкуренции, нескрываемому активизму, индивидуалистической свободе. Скоро стало ясно, что времени адаптироваться к новым условиям у людей этого возраста уже нет. Поэтому именно они переживают сегодня наиболее тяжелый кризис самоидентификации, перегружены различными видами социальной подозрительности, неприязнью не только к этническим, но и к любым социальным «чужакам» (будь то «новые русские» или «мафия», «заговор против России и русских», «угроза нашей самобытности»).

А лучше всего чувствуют себя сегодня молодые люди, особенно мужчины с высоким уровнем образования. Их стартовый уровень (обучение, качество жилья, потребительская среда и др.) во многом, как мы видели, обеспечен родителями. Сегодняшний день — это «время молодых», время открытых возможностей, интенсивной работы, высоких заработков. В своих потребительских запросах они ориентируются на «Запад» и соответствующие нормы достижительской мотивации. Это поколение прошло период социализации в момент острого разложения и развала системы, некоторые даже позже. Закат «великой идеи», крах патерналистской культуры, так задевавшие их родителей, ими, скорей всего, даже не замечены и не составили для них «событий». Событийная канва их сегодняшней жизни — иная, так же как иные, не затронутые ни официальной идеологией, ни оппозицией ей, рамки самооценки, другая трудовая мотивация, иная мера успеха.

Различия в более долговременных жизненных ориентирах поколений можно видеть, например, по тем дефицитам в нынешних школь-

ных программах, которые отмечают наши респонденты. Старшие (а также женщины, жители сел и малых городов) значительно чаще среднего требуют, чтобы больше преподавали такие предметы, как труд, домоводство, родной язык и литературу, Закон Божий. Молодежь (а вместе с нею — жители крупных городов и Москвы, но особенно предприниматели, списки пожеланий двух этих групп полностью совпадают) считают, что больше внимания сегодня нужно уделять общественным наукам, навыкам работы на компьютере, спорту, сексуальной грамотности, делопроизводству, истории.

Вместе с тем, всякого рода суждения о предпочтениях стоило бы рассматривать и сравнивать для разных групп не по отдельным признакам, а комплексно — сопоставлять структуры ценностных ориентаций, причем в разных системах идентификации, в рамках референции к разным авторитетам, к фигурам отождествления или, напротив, отталкивания. Тогда семантическая валентность таких характеристик, как, например, «прагматизм», «жестокость» и прочее может выявить совершенно иной, далекий от морализма смысл. А, скажем, «неискренность, лживость» окажутся механизмами адаптации к требованиям различных инстанций, групп, выдвигаемых ими ценностных порядков в условиях, когда нет (уже!) ни однозначной их иерархии, ни (еще!) универсальной меры.

В этой перспективе можно будет говорить о разных осях самосоотнесения, разных уровнях оценок — политических, экономических, идеологических, культурных, цивилизационно-повседневных и проч. Тем самым откроется возможность анализировать их происхождение (устанавливать «авторство» и «группы подхвата»), проследить их связность или, напротив, рассогласованность, отделять динамические аспекты от устойчивых и воспроизводимых. Например, видеть, что при различии в оценках прошлого («до 1985 года») пожилыми респондентами и молодежью значимость и даже иерархия критериев этих оценок («сильная держава», «единая страна», «порядок» и т.п.) для них совпадают. Или осознать, что на «глубине» исторической памяти — в картине мировой истории, крупнейших событий или деятелей XX века — у всех поколений пока что господствует единая модель. По своему происхождению она советская и почерпнута из школьных учебников с добавкой некоторых элементов из перестроечных массмедиа. Возможности подобной стереоскопической оптики предполагается опробовать на втором этапе исследования ВЦИОМ «Советский человек»¹.

¹ Итоги первого опроса по этой проблематике в 1989 г. были обобщены в книге «Советский простой человек» (1993); результаты второго опроса по сопоставимой программе получены в конце 1994 г.

О ПОКОЛЕНЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРАХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН*

Если говорить в самом предварительном и общем смысле, меня сейчас будут интересовать проблемы морфологии постсоветского общества в ее пространственно-временном выражении. Поколенческий механизм социальных сдвигов уже рассматривался в более ранней работе¹. На этот раз подход усложнен и, хотелось бы думать, уточнен: введены еще и региональные аспекты социальной динамики. Пространство понимается при этом социологически — как набор ролевых, институциональных и других возможностей действия, а время — как мера значимых расстояний, дистанций на шкале или в иерархии соответствующих социальных позиций и статусов². Для различных теоретических задач естественно выбирать, а выражаясь точнее — строить, разные «единицы» деления пространственных и временных шкал, использовать различные масштабы рассмотрения, оптики той или иной необходимой исследователю разрешающей силы. Они не отменяют, а дополняют друг друга.

В качестве эмпирического материала здесь взяты данные регулярно ведущегося ВЦИОМ мониторинга социально-экономических перемен в России за 1994–1995 гг. Суммарная расчетная база включала к сентябрю 1995 г. свыше 29 тыс. респондентов, представляющих население всех регионов России. Подобный объем дает возможность проследить региональные и поколенческие различия в установках и оценках россиян как по отдельности, так и во взаимосвязи. Я буду говорить

* Опубликовано в кн.: Куда идет Россия?: П. М., 1996. С. 327–334.

¹ См. статью «О поколенческом механизме социальных сдвигов» в настоящем сборнике, а также: Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 12–16.

² *Левада Ю.А.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 40–44.

лишь о трех возрастных совокупностях опрошенных: до 25 лет («дети»), от 40 до 50 лет («родители») и старше 60 лет («деды»), причем сопоставлять их ответы по пяти укрупненным регионам страны — Москва и С.-Петербург; европейская часть России (Север и Юг); Предуралье и Урал; Сибирь и Дальний Восток. Величина каждой обследуемой социально-демографической группы при этом достаточно высока и колеблется от 1100 до 7200 учетных единиц¹. Масштаб обобщения, конечно, тоже достаточно велик, но основные тенденции в поколенческих и региональных распределениях ответов проследить, как представляется, все-таки можно. Другое дело, что нижеследующие наблюдения и выводы на их основе должны быть далее развиты и уточнены.

В порядке первого подступа к проблеме сравнивались ответы респондентов лишь по нескольким «диагностическим» комплексам вопросов: отношение к экономическим реформам («продолжать — прекратить»); общая оценка своей нынешней ситуации («все не так плохо и можно жить» и т.д.); душевой доход, оценка своевременности сегодня крупных покупок, имущественная обеспеченность (наличие в личном пользовании различных предметов цивилизованного быта, технических удобств); уровень социально-экономической напряженности в месте проживания, по оценке опрошенных, и готовность самих респондентов участвовать в массовых выступлениях против роста цен, падения уровня жизни. Ограничусь для примера крайними точками соответствующих оценок по некоторым вопросам анкеты (табл. 1) (в % к группам по возрасту в каждом регионе).

Таблица 1

Отношение респондентов к реформам и к крупным покупкам

	<i>Столица</i>			<i>Сибирь</i>		
	<i>Дети</i>	<i>Родители</i>	<i>Деды</i>	<i>Дети</i>	<i>Родители</i>	<i>Деды</i>
<i>Реформы</i>						
Продолжать	43	40	37	28	28	27
Прекратить	15	18	19	31	32	33
Разность	+28	+22	+18	-3	-4	-6
<i>Время для крупных покупок</i>						
Хорошее	14	13	10	8	8	7
Плохое	42	50	55	57	59	60
Разность	-28	-37	-45	-49	-51	-53

¹ Данные рассчитаны М.В. Пчелиной.

Уже здесь видно, что разница оценок между респондентами разных поколений в одном регионе (т. е. между соответствующими парами) существенно ниже, чем между респондентами одного поколения в разных регионах России, точнее — в крайних точках шкалы, в столице и в регионах, «в центре» и «на периферии» (в пределах каждой пары). Межпоколенческие колебания если вообще и заметны, то опять-таки лишь в столице. Эта тенденция сохраняется и в ответах на другие вопросы мониторинга (табл. 2).

В оценках социальной напряженности и готовности к выражению протеста против экономической политики правительства поколенческие вариации в пределах региона вообще отсутствуют. Здесь работает лишь региональный фактор, но работает на первый взгляд парадоксально. Подобные массовые выступления максимально вероятны, по оценкам москвичей и петербуржцев, в их городах (чуть выше 1/3 в каждой возрастной группе здесь оценивают их как «вполне возможные», около 1/2 — как «маловероятные») и минимально вероятны на Севере (24 и 58–59% соответственно). Готовность же самому участвовать в акциях протеста у столичных жителей, напротив, минимальна (на уровне 10–12% для респондентов разных поколений), во всех других регионах практически совпадает с оценкой возможности подобных действий, а наиболее высока (около 1/3 опрошенных) среди населения Сибири и Дальнего Востока.

С известной долей условности можно сказать, что в столице недовольство — элемент общественной атмосферы, а она во многом производна от всей работы массовых коммуникаций и, что естественно для центра социума по его функциональной роли, многократно ими уплотняется, конденсируется. Но тем самым тревоги и фрустрации получают выражение, обретают «язык», их неподконтрольный, полубессознательный гнетущий эффект снижается. На периферии же, где механизмы выражения, опосредования, смягчения подобных напряжений, как и развитые воз-

Таблица 2

Наличие или отсутствие у респондента предметов цивилизованного быта и технических удобств (в % к группам по возрасту в каждом регионе)

	<i>Столица</i>			<i>Север</i>		
	<i>Дети</i>	<i>Родители</i>	<i>Деды</i>	<i>Дети</i>	<i>Родители</i>	<i>Деды</i>
Владеют 7 и более предметами из списка 10 благ и удобств	20	15	12	7	6	6
Не владеют ничем из списка 10 благ и удобств	5	5	9	21	21	22

возможности социальной реализации, отсутствуют или слабы, подспудно нарастающее недовольство в большей мере грозит выплеснуться наружу. Оно здесь — латентный компонент демонстративного действия, коллективной демонстрации несогласия, нелояльности. Это, кстати говоря, подтверждают результаты декабрьских выборов в Государственную думу 1993 и 1995 гг., равно как и динамика соответствующих данных мониторинга: протест, «негативная» мобилизация, голосование от противного — характеристика социального поведения «периферии», менее активных, имущих и квалифицированных слоев общества.

Можно привести данные еще по ряду анкетных вопросов, но рисунок их распределения по оси столица—регионы остается практически тем же. Подытожим проведенное сравнение:

- региональные различия между россиянами одного возраста существенно сильнее, чем поколенческие различия у респондентов одного региона;
 - наиболее велики эти региональные различия в молодежной группе;
 - фактически межпоколенческие различия (между «детьми», «отцами» и «дедами») заметны и устойчиво фиксируются лишь в одной региональной группе — у респондентов, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге; в остальных регионах они малы и никогда не выходят за границы допустимой статистической ошибки;
 - региональная специфика и разница между теми или иными регионами выражена значительно слабее, чем различия между центром, столицей (Москвой и Санкт-Петербургом), с одной стороны, и периферией (всеми остальными регионами или любым из них), с другой.

Как можно было бы понимать изложенные и иные имеющиеся к ним в дополнение данные? В советских и начальных постсоветских условиях — форсированной государственной модернизации сверху, административной (военно-промышленной и топливно-энергетической, сырьедобывающей) урбанизации, централизованного контроля за распределением информации и других дефицитных благ — крайними точками пространственной дифференциации общества являются жестко противопоставленные центр и периферия: столица и провинция. Последняя (в данном сопоставлении) характеризуется, а вернее наделяется, исключительно инструментальными функциями (исполнение) и принудительным единообразием возможностей — уровней благосостояния, каналов продвижения, информационных ресурсов и т. д. Центр-периферийные различия — как функционально более сильные, нагруженные, «важные» — в целом, в тенденции, перекрывают и подавляют при этом различия поселенческие (урбанизационные), возрастные, образовательные; что, понятно, нисколько не отменяет важности, а то и решающей значимости последних в других теоретических рамках, для иначе поставленных проблем, при иной исследовательской оптике.

Если использовать представление о потенциальном времени¹, мерой которого выступает возрастная оценка собственных потенциальных возможностей (предельного доступного уровня самореализации и вместе с тем временной дистанции до него), то наибольшим его запасом в условиях развитого общества в новейшую эпоху обладает, понятно, молодежь. Вместе с тем в нынешней российской ситуации молодежь — одна из двух (наряду с руководителями) групп общества, которые в большей степени, чем прочие, ощущают как для самих себя, так и для социальных «других», реализуют свой потенциал или, по крайней мере, некоторые из имеющихся значимых возможностей еще и в актуальном времени. Так, по уровню доходов и имущественной обеспеченности, по сравнительным темпам их роста молодежь опережает поколение своих родителей, а тем более — «дедов». Соответственно, среди молодых россиян позитивное отношение к реформам наиболее устойчиво, а оценка своей нынешней ситуации наиболее позитивна.

Однако из данных, приводившихся выше, видно, что региональный фактор вносит здесь кардинальную поправку. Названные преимущества могут быть — и в достаточно короткое время, в рамках «актуальной современности», заметно для себя и наглядно для других, сверстников, родителей — реализованы в условиях столицы (Москвы и Санкт-Петербурга). Причем столичной же молодежью — более образованной, с более высоким, за счет родительских достижений, стартовым уровнем и более широким спектром возможностей. Поколенческие различия и преимущества более молодого возраста в регионах в целом крайне невелики. Как еще раз подтвердили декабрьские 1995 г., а во многом и июньские — июльские 1996 г., выборы, ставшие своего рода «бунтом провинций», противостояние центра и периферии в отношении реформ, их социальных последствий, путей выхода из кризиса сохраняется. Или, говоря точнее, разрушаясь, оно обнажается и даже обостряется. Проявляются не только разные темпы социальной и культурной динамики на разных уровнях, для разных групп общества (откуда и чувство ухудшения у некоторых из них, даже при общих положительных переменах и конкретных позитивных сдвигах в их собственной жизни), но от уровня к уровню, от группы к группе меняется функциональный смысл, значение, оценка этой динамики.

Другими словами, реализация социальных и культурных преимуществ, которыми располагают сейчас, например, более молодые груп-

¹ Наряду с потенциальным и актуальным можно, как представляется, говорить о «виртуальном» времени как отдельном измерении в системе коллективных ориентаций, особой плоскости значений социального действия — скажем, о временных границах, структуре и содержании воспоминаний, ностальгии, представлений о «золотом веке» и других, например, у старших поколений.

пы россиян (включая образование, мобильность, бóльшую свободу от советских ментальных стереотипов), наталкивается на ригидную советскую структуру общества в ее социально-пространственном и социально-временном выражении. Можно сказать, что социальные и культурные преимущества, основания статуса и престижа, начала дифференциации социума как в их временном (возрастном), так и в пространственном (например, урбанизационном) аспекте накапливаются, становятся заметными и, наконец, осязаемо действующими лишь «общим весом», как бы естественным, стихийным «обвалом» и на самых крайних точках соответствующих шкал, среди самых молодых и только в столице.

Изменения есть, идут они и сейчас, и никакого «заклятого круга», «вечного повторения» я тут не вижу. Но поскольку независимые авторитетные элиты, их многообразие и взаимосвязь в обществе практически отсутствуют (а центральная власть их не заменяет и заместить не может), то десятилетиями, как бы в естественном ритме набиравшиеся импульс и потенциал перемены точно так же «стихийно» и долго распространяются и усваиваются всем громоздким социальным «телом». В «центре» тем временем переживается перехват инициативы, ощущается потеря темпа, растет чувство рутины, застоя, «остановки часов», «прекращения истории». При этом первоначальные носители инноваций, исходный контекст, функциональная семантика и нагрузка сдвигов, не поддержанные сложной системой «шлюзов» и переходов, достаточно быстро меняются вплоть до полной неузнаваемости, так что проследить звено за звеном, связать их становится возможно лишь ретроспективно (отсюда — возобновляющаяся раз за разом, при каждом шаге, борьба новых претендентов на лидерство и господство за «подлинное прошлое»). В этом смысле в России — как в обществе, так и в культуре — точнее, видимо, говорить не об ускоренном, а, напротив, о весьма заторможенном, постоянно блокируемом развитии, своего рода «спазмах движения». Институциональное удержание и передача динамического импульса по-прежнему остаются для социума нерешенной задачей.

Одно из ее наиболее болезненных выражений, наряду с поколенческим разрывом, — резкий перепад между центром и периферией, даже «отталкивание» их друг от друга, воспроизводство конфликта, отвержение чужих, новых форм и стандартов жизни, можно сказать, «трансляция ненакопления социального и культурного “капитала”»¹. Нужно, однако, уточнить движущие силы и характер этого процесса, без чего сам вопрос о регионализации теряет смысл. Отмеченной точ-

¹ Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва; Харьков, 1995. С. 186–187.

кой в паре «центр—периферия» выступает центр. В этом плане болевая зона нынешнего российского общества в его пространственном аспекте, видимо, все-таки не регионы, а структура и содержание «целого» — место постсоветской России в современном мире на рубеже третьего тысячелетия. Принципиальная неопределенность этих самых общих границ самоидентификации и «внешнего» соотношения, равно как и судорожные попытки подобные смысловые рамки на правах «особого пути» наскоро утвердить и даже навязать, определяли в последние пять лет и поведение властных «верхов», и в немалой степени массовые настроения россиян (прежде всего — старших поколений).

На разных уровнях общества этот комплекс вопросов приобретал, понятно, свой смысловой разворот. Для населения, прошедшего, как показывают данные ВЦИОМ, через период болезненного национально-государственного самоуничтожения («мы хуже всех»), все большее значение стала иметь символическая причастность к «малой родине». Для начальства «на местах», в начале пробовавшего было разыграть кое-где карту национального суверенитета (к примеру, в Татарстане), «московская» риторика великой державы и государственных интересов России по мере все большего одряхления и склероза центральной власти, в ходе имущественной приватизации, при укреплении локальных предпринимательских структур (из-за сырьевого характера российской экономики и по слабости общероссийского рынка накрепко завязанных на «свои» территории) стала сменяться риторикой регионализации. Здесь важно, во-первых, видеть последовательность макросоциального процесса («сползание» проблематики идентификации из центра к периферии с соответствующими трансформациями символики, семантики, инициативных групп их носителей, трансляторов и т.д.). А во-вторых, не смешивать совпадающие до поры до времени и тесно, вплоть до мимикрии, срастающиеся на якобы одной проблеме — скажем, на «регионализации России» или, напротив, «реинтеграции СССР» — интересы и ценности самых различных институтов и групп, в которых к тому же переплетены официальные и частные точки зрения, демонстративные и «домашние» оценки, позиции, декларируемые «по случаю», и рутинное повседневное поведение.

МОЛОДЕЖЬ И ИДЕОЛОГИЯ СЕГОДНЯ*

Молодежь — наименее идеологизированная и идеологически возбужденная из групп, составляющих современное российское общество. И это понятно. С одной стороны, это связано с общими функциями идеологии¹ и с положением молодежи в любом обществе, с другой — с особенностями расстановки социальных сил, идеологически мобилизованных групп в нынешней России и реакцией молодежи на них.

Если, вслед за К. Манхеймом, видеть в «идеологии» совокупность идей и ценностей, которые призваны закрепить, защитить, увековечить обретенные той или иной группой позиции, достигнутый ею статус, ее место в сложившемся разделении господства и прежде всего — политической власти через обращение к конструируемому «прошлому», символическое «владение историей» (в этом смысле любая упорядоченная, то есть писаная, история есть история не просто выживших, но и победивших²), то большинство перечисленных характеристик группового социального существования молодежи редко когда может отнести к себе. Время молодежи — скорее, будущее, и от нее правомерней ждать (опять-таки по Манхейму) «утопических» проекций и выборов. Ситуация же собственно российской молодежи складыва-

* Опубликовано в кн.: Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 291–302.

¹ Об очередном срочном «запросе» на единоспасующую идею, обращенном властью к идеологическому сословию, см. в материалах круглого стола в июле 1995 г.: Постсоветское искусство в поисках новой идеологии // Искусство кино. 1996. № 2, 6, 9 (соображения автора на сей счет изложены в № 9. С. 168–171).

² См. об этом: *Certeau M. de. L'écriture de l'histoire.* P., 1993. P. 63–120.

лась в последние пять-шесть лет так, что, намного быстрее иных возрастных групп освободившись в конце 80-х — самом начале 90-х гг. от демонстративной и декларативной лояльности в отношении официальных советских лозунгов и догм, от пиетета перед символикой державного величия, государственного превосходства, миссионерской исключительности, молодые люди заметно дистанцировались от миров политики и идеологии как таковых. Эти области деятельности и зоны значений связались в сознании молодежи с образами старших и «совков», а привлекательными в смысле приложения сил, нынешних занятий и завтрашних перспектив стали сферы бизнеса и экономического успеха, с одной стороны, досуга, развлечений, «массовой культуры» (во многом связанные с Западом и/или помеченные значениями западного) — с другой. По опросам ВЦИОМ последних лет нетрудно проследить, что именно две эти сферы лидируют в представлении молодежи о желаемой профессии и образовании, о своих преимуществах сегодня и т. д.

Кроме того, ни одна из конкретных идеологических систем, художественно сформулированных наново и хоть с какой-то яркостью, в каком-то социальном масштабе выраженных в 1990-е гг. — коммуно-социалистическая уравнилельная, державно-миссионерская, почвенническо-националистическая (большую степень близости их и заявляющих о верности им деятелей сейчас не обсуждаю) — не оказалась сколь-нибудь близка ни лидирующей, наиболее активной части, ни количественно большей группе российской молодежи. Это продемонстрировали выборы 1995–1996 гг., это же показывают регулярные опросы ВЦИОМ (ниже использованы материалы вциомовских исследований 1994–1996 гг., за «молодежь» приняты респонденты в возрасте до 24 лет). В абсолютном и даже подавляющем большинстве молодежь России придерживается самого общего набора либеральных ориентиров, прореформаторских установок и персональных симпатий.

Рынок и демократия. От половины до двух третей молодежи предпочитает рынок в экономике.

**Какая экономическая система, на ваш взгляд, лучше?
(апрель–май 1996 г., 1600 опрошенных в % к группам по возрасту)**

	<i>Плановая</i>	<i>Рыночная</i>
18–24 года	18	62
25–39	33	46
40–54	47	31
старше 55 лет	63	20

Предпочтения молодежи легко объяснимы. Больше половины опрошиваемых нами молодых людей, по их оценкам, получили сейчас возможность увеличить свои доходы, лишь около трети пока не сумели этого сделать (соответствующие данные по стране выглядят в среднем как 20 к 65). Приведу динамику этих самооценок молодежи за первую половину 1996 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Получили ли сейчас такие люди, как вы,
возможность увеличить свои доходы, заработки?**

	<i>Январь 1996 г.</i>	<i>Апрель 1996 г.</i>	<i>Май 1996 г.</i>
Да	37	54	53
Нет	41	35	35
Затрудняюсь ответить	21	11	12

При этом подавляющее большинство опрошенных молодых людей не отнесешь к богатым: 87% опрошенной молодежи обычно имеет при себе, в пересчете, меньше 20 долларов наличными. Но важно тут, по-моему, другое: позитивно — как «своя» — воспринимается вся сфера, связанная с заработком и достатком, и даже незначительные достижения здесь дают заметный положительный эффект, эмоциональный настрой, подкрепление усилий. По данным опроса «Советский человек-2» (ноябрь 1994 г., 3000 опрошенных), именно для молодежи появление богатых, состоятельных людей — важная характеристика перемен, происшедших в России за последние годы. Это «важно» для 53% молодых респондентов, а «неважно» — для 35% (в среднем по России соответствующее соотношение оценок выглядит в лучшем случае как 40% к 40 при 20% воздержавшихся)¹.

За демократию западного образца в политическом укладе России высказывается опять-таки свыше половины молодежи (среди населения в целом меньше четверти), тогда как за «советскую систему» — меньше 10% (среди россиян в целом — 40%, а в старших группах и до 60%). Приведу данные на апрель—май 1996 г. (табл. 2, 3, 1600 опрошенных, в % к группам по возрасту).

¹ По данным Т.И.Заславской, около двух пятых всех занятых в России средним и крупным бизнесом — люди до 30 лет, в большинстве — мужчины (см.: Заславская Т.И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 9). Сводку данных об отношении молодежи к успеху, деньгам, достатку см.: Дубин Б. Эта нынешняя молодежь // Этика успеха. 1996. № 8. С. 33—41.

Таблица 2

Какая политическая система кажется вам лучшей?

	<i>Советская</i>	<i>Нынешняя</i>	<i>Демократия по западному образцу</i>
18–24 года	9	13	56
25–39	30	12	36
40–54	39	8	26
Старше 55 лет	60	7	13

Таблица 3

Какая политическая система кажется вам лучшей?

	<i>В целом согласен</i>	<i>В целом не согласен</i>
18–24 года	28	56
25–39	39	53
40–54	52	40
Старше 55 лет	74	22

Беспокоящие проблемы и интегративные символы. Уровень фоновой тревожности у молодежи, как и ее обеспокоенность теми или иными конкретными социальными проблемами ниже, чем у более старших групп и чем в среднем по России. Из острых проблем сегодняшнего общества молодежь больше других групп беспокоили в течение двух последних лет, как правило, Чечня, состояние экологии и — уже в последние месяцы 1996 г. — обострение национальных отношений. Уровень обеспокоенности всеми остальными проблемами у молодежи заметно ниже, чем у более старших групп и в среднем по населению (особенно расходятся показатели обеспокоенности падением производства и социальным расслоением общества).

При этом ни один из программных общесоциальных лозунгов (идейных комплексов) постоянно предъявляемого респондентам списка не собирает на протяжении по крайней мере трех последних лет свыше 15% ни среди населения в целом, ни тем более среди молодых респондентов (попросту говоря, не в состоянии объединить общество). Налицо явный и устойчивый спад мобилизованности в стране, в том числе — деидеологизация населения. Приведу данные объединенного мониторинга 1994–1995 гг. (табл. 4, выборка: мониторинги 1994-4, 1994-8, 1995-9, суммарное число опрошенных — 8300).

Таблица 4

Какая идея могла бы сейчас скорее всего объединить российское общество? (В % к группам по возрасту, приводятся только статистически значимые ответы; здесь и далее в списках идейных позиций и ценностных качеств они упорядочены от наиболее к наименее значимым для молодежи)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
В среднем	15	14	9	9	8	8	5	5	13
До 24 лет	15	14	9	9	8	8	5	5	13
25–40	17	19	9	6	9	8	4	4	14
40–55	15	22	10	5	8	8	5	5	10
Старше 55	10	22	8	3	8	9	6	6	15
Москва+СПб	12	19	7	9	13	4	2	2	16
Большие города	19	17	8	8	8	8	3	4	14
Малые города	15	12	10	10	9	6	7	4	13
Села	10	14	10	10	8	9	6	8	11

1) стабильность; 2) законность и порядок; 3) достойная жизнь; 4) богатство, процветание; 5) возрождение России; 6) сильная держава; 7) равенство и справедливость; 8) социальная защищенность; 9) затрудняюсь ответить

Принципиальные сдвиги в ориентациях населения и разных его возрастных групп, включая молодежь, хорошо видны, если сравнить приведенную таблицу с данными об общих ценностных предпочтениях и повседневных ориентирах (табл. 5, ноябрь 1995 г., 1600 опрошенных, в % к группам по возрасту).

Позиций, которые однозначно предпочитают молодые респонденты, а остальные возрастные группы выбирают по убывающей (т.е. которые дифференцируют население и отличают именно молодежь), всего пять, приведу их по порядку значимости: успех, профессионализм, процветание, частная жизнь, прогресс.

Советская система и коммунистический выбор. Вину коммунистов за нынешние экономические трудности на начальной стадии предвыборного марафона 1996 г. усматривала, среди разных возрастных групп, прежде всего молодежь: в январе считали коммунистов так или иначе виноватыми в этом 37% (среди самых старших — 28%). Полностью согласны с тем, что надо восстановить бывшую коммунистическую систему, были тогда, в период максимальной прокоммунистической мобилизованности, 8% молодежи (и скорее согласны — 13%). Напротив, считали это абсолютно неприемлемым 44% молодых респондентов (и скорее неприемлемым — 32%). В целом по России на восста-

**Какие слова лучше всего отражают ваше представление
о хорошей, счастливой жизни?**

	<i>18–24</i>	<i>25–39</i>	<i>40–54</i>	<i>55 и старше</i>
Здоровье	63	59	65	69
Семья	56	58	51	53
Достаток	44	48	43	41
Порядочность ¹	39	39	40	42
Законность	35	41	42	42
Успех	33	26	19	15
Стабильность	31	34	34	32
Профессионализм	28	25	22	13
Процветание	25	19	19	16
Согласие	16	22	22	22
Частная жизнь	16	12	7	5
Достоинство	14	17	19	19
Духовность	14	21	26	19
Прогресс	13	10	8	7
Союз	11	10	12	20
Могущество	9	8	14	13
Демократия	9	8	9	7
Патриотизм	5	9	19	16

новление коммунистической системы (представлявшееся в январе–феврале 1996 г., напомним, достаточно реальным) были так или иначе согласны 38% молодых россиян, не согласны — 60% (в группе самых пожилых респондентов отношение согласных и не согласных на коммунистическую реставрацию выглядело как 55% к 42).

По данным февральского опроса 1996 г. (1600 респондентов), хотели бы снова видеть коммунистическую партию наиболее влиятельной в России 14% молодых избирателей, не хотели бы этого 58% (среди россиян в целом соотношение желающих и не желающих коммунистичес-

¹ Судя по ближайшим оценкам в иерархии и на основании предыдущих данных, не исключаю, что респонденты (или, по крайней мере, значительная их часть) при ответах имели здесь в виду «порядок», одну из самых важных для массового мнения и постоянных в последние годы характеристик «нормальной» жизни.

тического реванша выглядело как 27% к 40). В целом отнеслись бы к президенту-коммунисту положительно 20% молодежи (7% — безусловно положительно), отрицательно — 67% (безусловно отрицательно — 32%); по стране в целом это соотношение выглядело как 36% к 46. При этом именно молодежь чаще других возрастных групп не хотела бы ни при каких условиях видеть президентом России конкретную фигуру Геннадия Зюганова (этот наиболее жесткий из вариантов ответа избирали 31% молодых избирателей при 23% в среднем по стране).

Дифференцировали эти общие политико-идеологические ориентации молодежи тогда (и устойчиво дифференцируют вообще) два наиболее значимых фактора: степень урбанизированности жизни в целом и уровень доходов на нынешний день в частности. Крайние точки в первом случае — большой город, особенно столичный, где политические ориентации молодых людей (и жителей в целом) максимально пролиберальные, и село, где даже у молодежи более высока приверженность к идеологическим стандартам советской эпохи; во втором — группы с наиболее высокими доходами, максимально тяготеющие к западной демократии и нынешнему политическому укладу (таковы же предпочтения и молодых людей со средними доходами, а они составляют абсолютное большинство выборки), и с доходами наиболее низкими, которые вдвое чаще среднего по молодежи предпочитают советскую систему. Сравним распределение ответов на этот вопрос в группах по месту жительства и уровню дохода молодых респондентов (Табл. 6, 100% — в группах по типу поселения и уровню дохода).

Вот как собирались голосовать молодые россияне в апреле 1996 г. на президентских выборах (табл. 7, 8, в % к соответствующим демографическим группам).

Молодежь: сдвиги в ориентациях. Итак, молодые россияне в среднем эффективней других сумели реализовать для себя новые, открывшиеся лишь в самые последние годы возможности экономического роста, социального продвижения, потребительского разнообразия, свободы культурного самовыражения. Они в среднем больше прочих сегодня зарабатывают, лучше отдыхают, уверенней смотрят в будущее. Поэтому им в принципе ближе такие моменты избирательных программ нынешних партий, как «быстрые экономические реформы», «тесное сотрудничество страны с Западом». Однако в целом такие явления, как экономический успех и социальный динамизм, пока еще

¹ Соответственно стандартам, принятым ВЦИОМ; см. регулярный Методический комментарий в выпусках информационного бюллетеня «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения».

Таблица 6

**Какие слова лучше всего отражают ваше представление
о хорошей, счастливой жизни?**

	<i>Большой город</i>	<i>Малый город</i>	<i>Село</i>	<i>Душевой доход¹</i>		
				<i>высокий</i>	<i>средний</i>	<i>низкий</i>
Советская, до начала 90-х	15	19	21	6	15	40
Нынешняя	21	20	28	25	24	17
Демократия как на Западе	43	37	24	48	37	23
Другое	3	5	5	6	4	4
Затрудняюсь ответить	18	19	22	15	20	16

Таблица 7

	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>18–20</i>	<i>21–24</i>	<i>25–27</i>
За Ельцина	42	42	39	42	45
За Зюганова	12	16	10	13	19
Против обоих	21	18	26	19	14
Не стану принимать участие в выборах	15	14	15	15	14
Затрудняюсь ответить	10	10	10	11	8

Таблица 8

	<i>Москва+СПб</i>	<i>Большой город</i>	<i>Малый город</i>	<i>Село</i>
За Ельцина	54	43	43	38
За Зюганова	13	10	13	22
Против обоих	15	21	18	18
Не стану принимать участие в выборах	18	18	13	12
Затрудняюсь ответить	—	8	13	10

не получили в России ни четкого социального оформления в структуре общества (системе статусов и престижа), ни идейной поддержки со стороны авторитетных для большинства сил и фигур. Тем более что в таких авторитетах ощущается сейчас явный дефицит.

«Порядок и стабильность» — главное, что хотели бы видеть сегодня в окружающей жизни практически все группы российского населения. Но особенно остро — самые старшие, по контрасту с единственным порядком, который они «помнят», верней — который они на ходу конструируют сегодня в качестве единственной антитезы нынешнему «беспорядку» и «беспределу». Самые молодые россияне уже никакой другой ситуации, кроме нынешней, не знают. Общие символы социального порядка они делят со всеми другими группами россиян, а специфически «свои» ценности — «успех», «профессионализм», «процветание», «собственность», «частную жизнь» — выдвигают в целом чаще прочих респондентов, но *никогда* не ставят их на первые места (где, как и у *всех* остальных групп, помещаются ценности семейного круга, аффективных привязанностей: «любовь», «дружба»).

Именно возможность зарабатывать, с одной стороны, и выезжать за рубеж, с другой, определяют для молодежи подход к своей нынешней жизненной ситуации, к обстановке в стране в целом и в конечном счете из месяца в месяц задают, как правило, более позитивный характер соответствующих оценок. Они, а не идеологическая приверженность или даже общая политическая характеристика нынешнего режима (при устойчивости теперешнего жизненного уклада в целом) наиболее важны сегодня для молодых россиян. Характерно, что (опять-таки по данным опроса 1994 г. «Советский человек-2») возможность учиться, работать, отдыхать за рубежом — наиболее важная характеристика перемен, произошедших в стране за последнее время, для двух третей молодежи (и для 47% в среднем по стране), и она заметно важнее для молодых россиян, чем, скажем, политические свободы («важные» для 57% молодежи).

Показательно, что молодежь сегодня отчетливо настаивает на собственных преимуществах, тогда как остальные группы склонны этих ее преимуществ не замечать, упирая на ценности своей молодости (табл. 9, ноябрь 1996 г., 2400 опрошенных по стране, привожу лишь наиболее статистически значимые и дифференцирующие респондентов позиции списка).

Можно сказать, гарантиям обеспеченного государством и единого для всех уровня в прошлом здесь противостоят возможности индивидуального (и группового) подъема в настоящем и будущем. Если говорить об общесоциальных ориентирах российского населения после 1992 г., то, вероятно, содержание общественной жизни и полюса мас-

Таблица 9

Что из перечисленного вы могли бы отнести к главным преимуществам сегодняшней молодежи по сравнению с жизнью молодежи 10–20 лет назад? (В % к группам по возрасту)

	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
до 24 лет	15	43	41	20	23	24
25–39	29	39	29	13	17	19
40–54	37	29	30	11	11	18
55 и старше	44	26	22	6	7	11

- 1) не думаю, что у нынешней молодежи есть преимущества
- 2) больше возможностей хорошо зарабатывать
- 3) больше возможностей приобретать, что хочется
- 4) больше разных возможностей получать образование, профессию
- 5) больше разных возможностей проводить свободное время
- 6) больше свободы в выборе жизненного пути

Таблица 10

В чем, по-вашему, заключались главные преимущества жизни молодежи по сравнению с жизнью молодежи 10–20 лет назад? (В % к группам по возрасту)

	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
до 24 лет	16	46	40	36	22	16	16
25–39	10	62	45	38	27	16	15
40–54	9	66	46	42	36	20	20
55 и старше	8	68	52	36	30	23	16

- 1) не думаю, что у нынешней молодежи есть преимущества
- 2) больше возможностей хорошо зарабатывать
- 3) больше возможностей приобретать, что хочется
- 4) больше разных возможностей получать образование, профессию
- 5) больше разных возможностей проводить свободное время
- 6) больше свободы в выборе жизненного пути

сового сознания в России после гайдаровских реформ и можно выразить этой формулой: гарантии против возможностей. В том, что за приведенными оценками стоят уже и определенные характеристики нынешнего, вполне реального образа жизни, иного цивилизационного разнообразия, убеждают последние ответы на один из вопросов, регулярно задаваемых в анкетах ВЦИОМ (табл. 11, ноябрь 1996 года,

Что из следующих вещей есть у вас дома?

	Магнитофон	Микрокалькулятор	Фотоаппарат	Миксер	Автомобиль	Проигрыватель	Стиральная машина	Hi-fi стереосистема	Микроволновая печь	Проигрыватель компакт-дисков	Видеокамера
до 24 лет	69	51	42	40	28	24	16	13	8	6	6
25–39	62	40	37	37	27	19	10	10	6	5	2
40–54	46	33	32	32	22	20	10	6	5	2	2
55 и старше	16	7	16	12	15	11	7	1	2	1	0

2400 опрошенных, в % к группам по возрасту, привожу лишь статистически значимые позиции).

Структура идеологии и представления об истории. В связи с как будто бы наметившейся у молодежи и даже в обществе в целом некоторой «деидеологизацией» я бы хотел внести несколько уточнений (в том числе — в сказанное выше мной самим) и обратить внимание на две группы фактов.

Во-первых, на весьма высокую символическую значимость такого идеологически нагруженного пункта, как «величие России» не просто в текущей повседневности (где значение его, как мы видели, весьма скромно), а в некоторых особых условиях. Речь идет об интенсивной и краткосрочной политической мобилизации в ходе предвыборного марафона 1996 г., когда упомянутая идеологема связана к тому же с символической фигурой, единолично персонализирующей высшую власть в стране и конкретно Б. Ельциным (Ельцин как политик и сегодня, в начале 1997 г., после спада мобилизации 1996 г., связанных с ней иллюзий и надежд, пользуется наивысшим доверием именно у молодежи).

Уточню, что значимость чисто идеологических (державных или уравнилельно-социалистических) требований к президенту по мере приближения выборов снижалась у *всех* возрастных групп населения. Но особенно заметно это было у молодежи и касалось прежде всего державного величия России и государственного контроля над экономикой (доля выдвигавших подобные требования уменьшилась у молодых респондентов практически вдвое: с 62 до 34%; процент сторонников государственно регулируемой экономики — с 31 до 16%). Помимо

Ожидания от будущего президента (в % к группам по возрасту, приведены лишь наиболее статистически значимые позиции)

	Покончить с войной в Чечне	Вернуть России статус великой державы	Укрепить законность и порядок	Реформы + социальная защита	Социальная справедливость в распределении	Государственно регулируемая экономика	Вернуть людям утерянное в ходе реформ
<i>Январь 1996 г. (1600 респондентов)</i>							
18–24	63	62	59	39	32	31	27
25–39	60	55	59	37	37	34	38
40–54	60	52	60	39	38	43	39
55 и старше	55	52	56	29	38	37	42
<i>Апрель–май 1996 г. (1600 опрошенных)</i>							
18–24	66	34	46	37	32	16	26
25–39	58	35	54	40	37	25	38
40–54	55	40	55	38	41	29	39
55 и старше	56	37	52	32	42	26	45

понятного возрастания прагматичности избирательских запросов к кандидату, здесь, на мой взгляд, действует еще один важный фактор: президент остается центром, «осью», «фокусом» массовых представлений россиян о политике и власти, но сравнительно резко отделяется массовым сознанием от собственно идеологии в ее господствующих разновидностях (и ровно так же — на эффектах самоотчуждения, дистанцирования, негативного самоопределения — строит свое поведение он сам). Победу ему — в отличие от поддержки его сопернику Г. Зюганову, который как раз напирает на идеологию, — в большой мере обеспечивают не идеи, а сама уже имеющаяся у него власть плюс решительный имидж, прежний и нынешний («крутой», «свой» и т.п.)

Во-вторых, *ситуативные* и *перспективные* различия в оценках между возрастными группами сегодня сосуществуют с высококонформативным согласием абсолютного большинства общества в оценках *ретроперспективных*, а особенно — в их *критериях*. Так, если принципиальные оценки ситуации до 1985 г. молодыми и старшими респондентами, предпринимателями и всеми остальными достаточно четко различаются, то параметры оценки этого ближайшего и уже мифологизируемого прошлого в полярных группах близки. И например, в оценках

До 1985 г. у нас были...

	<i>до 20 лет</i>	<i>55 лет и старше</i>
сильная, единая страна	38	39
порядок	33	39
низкие стабильные цены	39	48
уверенность в будущем	56	50
более интересная, веселая жизнь	16	12

преимуществ жизни при советской власти позиции полярных по возрасту групп выглядят по многим параметрам весьма и весьма близкими (табл. 13, апрельский опрос 1994 г.).

Столь же близки представления разных социально-демографических групп о еще более глубоком прошлом — горизонты их «исторической памяти». Предложение назвать несколько событий, определивших развитие мировой истории, дало в результате списки исторических событий, фактически одинаковые для всех. Возглавляли список в 1992 и 1994 гг. такие события (значимость их в целом снизилась, но место в списке осталось непоколебленным), как Октябрьская революция, Отечественная война, перестройка, начало советских космических полетов, Первая мировая война и распад СССР, уже за которыми шли открытие Америки и возникновение и распространение христианства. Характерно, что и традиционалистские компоненты в автостереотипе «русских» (ориентация на «предков», верность традициям русского народа, нравственным идеалам России, авторитет «былинной древности» и проч.), и бытовую ксенофобию в прошлогоднем исследовании ВЦИОМ по проблемам национальной идентичности наиболее интенсивно выражала именно молодежь, образованные слои, население Москвы и Санкт-Петербурга¹.

Иными словами, компоненты и радикалы различных идеологических комплексов, выработанных советской интеллигенцией на протяжении 1960–1980-х гг., продолжают сохраняться сегодня в качестве «фоновых», «латентных» у населения в целом и у молодежи в частности (по крайней мере, у одной пятой — одной четвертой ее состава). Причем нередко они соединяются при этом с ориентирами, казалось бы, иного смысла и происхождения, взаимно «несовместимыми»

¹ Данные об этнических фобиях, ретроориентациях, религиозных установках россиян см. в статьях Л. Гудкова и Б. Дубина в бюллетене «Экономические и социальные перемены» (1996, № 5, 6).

и проч., а в определенных условиях способны заметно активизироваться. Иных смысловых вех за последнее десятилетие предложено обществу не было, как не возникло и новых самостоятельных идейных движений, смыслотворческих групп. (Именно с этим обстоятельством во многом связано и заметное огрубление публичного существования россиян, и упрощение общественной и политической жизни в стране.) Но если значительная, а среди самых старших — даже преобладающая, часть россиян понимает идеологию как «историю» в той или иной интеллигентской ее версии (диссидентско-правозащитной, коммуно-социалистической, миссионерско-державной, включая огосударственное христианство), то молодежь России в своем большинстве усваивает ее как «цивилизацию» — через различные компоненты образа жизни, вещного мира, технического обихода, стиля потребления и досугового времяпрепровождения с характерными пометками «Запада», «иноного», «игрового», «праздничного». Поколенческий, возрастной, как бы «естественный» характер подобных дифференций и распределений, можно предположить, указывает на действие здесь крайне рутинных социальных и культурных механизмов, на очень медленный (но потому же, в перспективе, не катастрофический и в масштабах страны, хотелось бы надеяться, бескровный) характер идущих сдвигов и перемен.

ЖИЗНЬ ПО ПРИВЫЧКЕ: БЫТЬ ПОЖИЛЫМ В РОССИИ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ*

Жить — это только привычка.
Анна Ахматова «Венок мертвым», VIII

Не раз отмечалось, что взрослое население России 1990-х годов по его отношению к экономическим и общественным переменам, по ключевым ориентациям и оценкам как бы поделено на людей до сорока и после сорока лет. Особенности молодежи как потенциала общественной динамики, как социальной и потребительской группы, ее мнения и аспирации регулярно отслеживались на страницах «Мониторинга общественного мнения», тогда как специальных работ, посвященных пожилым россиянам, в журнале не появлялось¹.

Между тем доля старших возрастных когорт в структуре российского населения год от года растет (см. табл.1), связанные с их положением в обществе проблемы социальных гарантий, защиты, обеспечения становятся острее².

Впрочем, стоит отметить, что Россия и в этом отношении не уникальна. Во многих крупных странах мира, включая наиболее разви-

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6. С.18–27.

¹ В ряде работ автора и его коллег установки и оценки пожилого населения России рассматривались среди данных о возрастных и поколенческих когортах россиян; см.: *Левада Ю.А.* Три «поколения перестройки» // Экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 7–10; *Дубин Б.В.* Дети трех поколений // Там же. 1995. № 4. С.30–33; *Ким Н.Ю.* Надежда, усталость, старость... // Там же. 1999. № 1. С. 56–58.

² *Kussmann T.* Altern in Russland. Köln, 1995; *Краснова О.В.* Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации. М., 1996; *Козлова Т.З.* Социальное время пенсионеров: этапы самореализации личности. М., 2003.

**Доля людей старше трудоспособного возраста
в структуре населения России
(в % к населению в соответствующем году)¹**

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	1997
Мужчины	3,5	3,9	3,8	4,0	5,2	5,6	6,0
Женщины	11,9	12,0	12,8	13,8	13,8	14,8	14,8
Всего	15,5	16,0	16,6	17,8	19,0	20,4	20,8

тые, процент пожилого населения еще выше, причем заметно (см. табл. 2). Наряду с «третьим возрастом» историки, социологи, психологи, специалисты по социальной геронтологии на Западе — например, в Великобритании, во Франции — уже часто говорят в этой связи о «четвертом», о его новых для общества проблемах и вновь открывающихся перед индивидом возможностях².

Впрочем, «пожилые», «старые» и т.п. — характеристики, конечно же, не только и не столько физиологического возраста и психологического самоощущения, сколько социального статуса и возможностей, культурных ресурсов и горизонтов. Соответственно, в обществах разного типа, различного уровня развития эта характеристика, окрашенная среди прочего еще и традиционалистской семантикой «возрастов жизни»³ (в бедных обществах она более значима и распространена, можно даже сказать, нормативно и жестко вменяется индивидам), принимает разные значения⁴.

Зафиксировать некоторые параметры социальных установок и оценок самих пожилых людей (старше 60 лет) на протяжении последнего времени, сравнив их с соответствующими показателями в ближайших возрастных слоях зрелых россиян (сорока- и пятидесятилетних), — задача настоящей статьи. В ней использованы данные опросов ВЦИОМ типа «Омнибус», «Мониторинг» и «Экспресс», а также мате-

¹ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 1998. М., 1998. С. 14.

² См., например: *Laslett P.* A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age. Cambridge, 1991; *Bourdelaix P.* Le nouvel âge de la vieillesse: Histoire du vieillissement de la population. P., 1993.

³ *Burrow J.A.* The Ages of Man. Oxford, 1986; *Cole T.R.* The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America. Cambridge, 1992; *Аруев Ф.* Возрасты жизни// Философия и методология истории. М., 1977. С. 216–244.

⁴ В частности, они детально разобраны средствами феноменологической социологии, см.: *Fontana A.* The Last Frontier: The Social Meaning of Growing Old. Beverly Hills; London, 1977; *Neugarten B.L.* The Meanings of Age. Chicago, 1996.

**Доля людей 60 лет и старше в структуре населения России
(в % к населению в соответствующем году)¹**

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>%</i>
Китай	1990	8,6
Польша	1994	15,6
Канада	1995	16,1
США	1996	16,5
Россия	1997	17,6
Венгрия	1995	19,4
Франция	1993	19,6
Великобритания	1995	20,5
Япония	1995	20,6
Германия	1995	20,9
Болгария	1994	21,1
Швеция	1995	22,0
Италия	1995	22,4

риалы нескольких специальных тематических зондажей («Советский человек» и др.)¹.

Как жизнь? За вторую половину 90-х годов материальное положение в большинстве семей опрошенных (в дальнейшем будут рассматриваться лишь три их обозначенные выше возрастные категории), по свидетельствам респондентов, ухудшилось. Процент оценивающих свою жизнь по этому параметру как в целом «хорошую» в трех интересующих нас возрастных подгруппах колеблется на протяжении 1990-х от 1 до 5% в разные годы; доля респондентов, расценивающих жизнь своей семьи как «среднюю», снизилась за это время примерно с 50–40% до 35–25%, тогда как доля дающих отрицательные оценки (считают свое положение «плохим»), напротив, выросла со средних 40–50% до 60–70% (табл. 3).

Наиболее плавно негативная оценка положения своей семьи росла, как видим, у сорокалетних мужчин, наиболее резко — у мужчин 50 лет (видимо, здесь можно говорить о нарастающем сознании своего бессилия) и женщин старше шестидесяти (тут доминирует ощущение без-

¹ В подборе и подготовке табличного материала участвовали Л.В. Петушкова и Н.С. Ениколопов.

Оценка материального положения семьи

<i>мужчины, возраст</i>	<i>40—49 лет</i>					<i>50—59 лет</i>					<i>60 лет и старше</i>							
	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'94	'95	'96	'97	'98	'99
Годы опроса	6	4	3	3	5	4	5	1	6	2	3	1	4	4	2	4	4	1
Хорошее	49	39	43	39	27	38	47	35	41	40	39	28	48	49	40	40	46	38
Среднее	43	56	53	56	66	54	45	60	53	58	56	70	47	45	56	54	49	60
Затрудняюсь ответить	2	1	1	2	2	4	3	4	0	0	2	1	1	2	2	2	1	1
<i>женщины, возраст</i>	<i>40—49 лет</i>					<i>50—59 лет</i>					<i>60 лет и старше</i>							
Годы опроса	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'94	'95	'96	'97	'98	'99
Хорошее	3	4	1	3	2	1	2	5	3	2	2	4	2	2	2	2	2	1
Среднее	43	43	41	33	38	35	45	39	49	38	37	26	49	49	33	27	39	27
Плохое	54	51	55	60	56	63	51	52	48	46	59	69	46	49	60	70	57	70
Затрудняюсь ответить	0	2	3	4	4	1	2	4	0	14	2	1	3	0	5	1	2	2

надежности); впрочем, расхождения здесь не разительные. Замечу, что позиция «плохое» — как свидетельствуют данные других опросов ВЦИОМ того же времени, в которых применена не формальная шкала, а набор содержательных суждений, — соответствует подсказке «едва сводим концы с концами», но не самооценке «живем за гранью бедности» (ее разделяют среди опрошенных в тех же половозрастных группах за те же годы от 10 до 20%).

Таковы оценки своего положения на конкретный день, в статике (построенный в таблице хронологический ряд представляет набор подобных статических состояний). Но примерно таковы же количественные соотношения и динамических оценок — того, как изменилось материальное положение семьи опрошенного за последний год (в ряде опросов — полгода, см. табл. 3).

Однако прямой, жесткой связи между оценками материального положения семьи (будь то в статике, будь то в динамике) и возможностями увеличить за последнее время свои доходы, по данным наших опросов, нет. Доля тех, кому удалось увеличить свои заработки, колебалась в разные годы от 10 до 20% опрошенных в соответствующих половозрастных группах. Причем наибольшей — и намного превышающей долю тех, чье материальное положение, по их оценкам, улучшилось, — она была в 1995–1997 гг. у сорокалетних мужчин (к ним в 1997 г. приблизились сорокалетние женщины, затем возможности обеих этих групп сократились, но по данному показателю обе они и сегодня лидируют).

Иными словами, негативная оценка материального положения семьи фиксирует не только состояние доходов. Характерно, что от половины до двух третей улучшивших заработки и, казалось бы, более успешно справляющихся с трудностями считает: материальное положение ее или его семьи не изменилось, а то и ухудшилось. Вероятно, происшедшие перемены в уровне заработка не расцениваются как радикальное, достаточно весомое, а главное — надежное улучшение статуса и образа жизни семьи, не связываются с более далекой социальной перспективой, не дают изменений статуса, статусных различий в образе и стиле жизни. Напротив, среди самых старших респондентов, более осторожных и даже суеверно-боязливых в самооценке (особенно — женщин), процент тех, кто стал зарабатывать больше, совсем невелик, 2–5%, и в целом как раз приближается к доле тех, чье материальное положение, по их оценке, улучшилось (табл. 5).

Что тревожит семью? На фоне представленных оценок не удивительно, что главная проблема, беспокоящая семьи зрелых и пожилых россиян 90-х гг., это прежде всего их низкие доходы. Озабоченность этим обстоятельством не только самая большая в сравнении с другими предметами семейных тревог, но она и в наименьшей степени колеб-

Оценка перемен в материальном положении семьи (100 % — по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>					<i>50–59 лет</i>					<i>60 и старше</i>					
	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998
Годы опроса	6	3	2	6	1	2	8	6	0	1	3	3	0	1	3	3
Положение улучшилось	34	32	27	35	29	37	36	37	41	31	40	50	41	31	40	50
Не изменилось	57	60	70	59	68	61	56	54	50	68	53	46	50	68	53	46
Ухудшилось	3	5	1	0	2	0	0	3	9	0	4	1	9	0	4	1
Затрудняюсь ответить																
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>					<i>50–59 лет</i>					<i>60 и старше</i>					
	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998
Годы опроса	4	5	2	4	4	1	2	5	2	4	1	4	2	4	1	4
Положение улучшилось	31	27	33	31	25	22	29	29	32	34	37	39	32	34	37	39
Не изменилось	63	66	61	64	68	72	67	66	61	61	56	56	61	61	56	56
Ухудшилось	2	2	4	1	3	5	2	0	5	1	6	1	5	1	6	1
Затрудняюсь ответить																

Таблица 6

Проблемы, наиболее осложняющие жизнь семьи (в % по столбцу, приводятся лишь наиболее распространенные ответы)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
Годы опроса	94	95	97	94	95	97	94	95	97
Низкие доходы	66	72	68	69	65	75	63	64	71
Страх безработицы	31	29	32	30	15	24	4	5	6
Безысходность	31	32	26	24	28	26	24	26	27
Плохое здоровье	21	18	20	30	42	42	58	67	65
Бытовые трудности	22	20	13	13	11	17	25	17	20
Усталость	13	13	10	10	20	13	18	23	19
Плохое жилье	12	12	7	12	9	4	11	12	3
Недостаток свободного времени	12	12	10	8	8	5	3	2	0
Невозможность дать детям хорошее образование	10	15	10	8	16	9	2	2	2
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
Годы опроса	94	95	97	94	95	97	94	95	97
Низкие доходы	70	73	79	75	71	70	63	73	77
Страх безработицы	33	35	31	26	14	23	7	4	2
Безысходность	27	30	30	26	29	30	13	18	20
Плохое здоровье	26	24	20	40	42	43	70	70	82
Бытовые трудности	14	21	10	15	21	15	24	23	20
Усталость	16	21	12	22	17	24	19	21	18
Плохое жилье	17	12	4	7	10	11	10	10	7
Недостаток свободного времени	10	7	9	8	8	3	3	1	1
Невозможность дать детям хорошее образование	16	14	14	7	6	9	2	2	1

летя от года к году, минимально меняется от одной возрастной категории к другой. В среднем она охватывает в трех рассматриваемых возрастных группах до 65–70% мужчин и 70–75% женщин, приближаясь к проценту тех, кто, по их оценкам, в материальном отношении стал за последнее время жить хуже и не сумел увеличить свои доходы. Таков устойчивый уровень и нормативный горизонт оценок нынешнего микросоциального существования у россиян старших возрастных групп, базовая рамка их самочувствия, оценочных суждений о настоящем, видов на будущее. Вдвое меньше, но практически столь же устойчива доля тех, чью семейную жизнь, по их оценкам, осложняет чувство безысходности, отсутствия перспективы (их процент несколько выше у сорокалетних мужчин, а ниже всего у женщин 60 лет и старше). Страх безработицы — удел в данном случае прежде всего сорокалетних респондентов; плохое здоровье и трудности с лечением (доступностью лекарств, низким уровнем государственного или коммунального, бесплатного медицинского обслуживания и ухода за больными) — обстоятельство, тревожащее самых старших россиян, и чаще женщин.

Показательно, что источник всех перечисленных трудностей, отягощающих семейную жизнь, находится вне самой семьи. Это социальная система общества, ее государственные институты и звенья (на «плохие отношения в семье», «пьянство одного из членов семьи» и т. п. ссылаются считанные проценты опрошенных в каждой группе).

На том же уровне, что процент недовольных материальным положением семьи и не сумевших увеличить свои заработки — то есть от 2/3 до 3/4 рассматриваемых здесь групп, — держится доля тех, кто в целом не удовлетворен жизнью, которую сегодня ведет. Причем доля этих неудовлетворенных была в середине 90-х и продолжает оставаться более низкой у мужчин, особенно — сорокалетних (ее разделяют от трети до двух пятых этой когорты). Тогда как наиболее велика (на уровне двух третей группы) эта неудовлетворенность среди женщин, причем всех трех возрастных категорий.

Вместе с тем, интегральная оценка жизненной ситуации россиянами трех интересующих меня здесь возрастных групп выглядит более сдержанной и уравновешенной (хотя и она имеет тенденцию к ухудшению, пусть более мягкому). Соотношение тех, кто считает ситуацию выносимой и невыносимой, за вторую половину 90-х годов изменилось: в середине десятилетия оно выглядело, обобщенно говоря, как 4:5, к концу — как 5:4 (см. табл. 8). Если соотнести доли способных и неспособных терпеть свое положение («можно терпеть»: «терпеть невозможно») в каждой возрастной группе, то это соотношение за шесть последних лет сильнее всего — с максимума положительных

Удовлетворенность жизнью, которую сейчас ведут (100 % — по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>					<i>50–59 лет</i>					<i>60 лет и старше</i>				
	1994	1995	1996	1997	1999	1994	1995	1996	1997	1999	1994	1995	1996	1997	1999
Годы опроса	11	6	5	3	13	13	3	6	8	6	6	16	6	5	6
Удовлетворены	37	34	26	30	38	32	14	40	24	32	36	25	40	26	23
И да, и нет	46	59	67	66	46	50	82	51	68	61	57	56	52	66	65
Не удовлетворены	6	1	2	1	3	5	1	3	0	1	1	3	2	3	6
Затрудняюсь ответить															
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>					<i>50–59 лет</i>					<i>60 лет и старше</i>				
Годы опроса	9	6	4	5	5	8	7	5	2	2	14	13	7	4	5
Удовлетворены	27	26	27	21	29	25	18	36	19	30	21	25	25	21	16
И да, и нет	62	59	69	73	62	59	72	58	74	67	60	60	61	74	75
Не удовлетворены	2	9	0	1	4	8	3	1	5	1	5	2	7	1	4
Затрудняюсь ответить															

Удовлетворенность жизнью, которую сейчас ведут (100 % — по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40—49 лет</i>								<i>50—59 лет</i>								<i>60 лет и старше</i>							
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Годы опроса	7	11	4	4	8	5	5	2	3	2	2	2	2	5	4	2	2	6	3	4	2	2	6	3
Можно жить	54	46	55	33	35	41	51	32	49	42	40	41	53	53	58	39	46	40	54	54	53	39	46	40
Можно терпеть																								
Терпеть больше невозможно	34	40	35	56	48	48	41	58	42	53	52	51	36	40	35	58	43	55	36	40	35	58	43	55
Затрудняюсь ответить	5	3	8	7	9	6	3	8	6	3	6	6	5	3	5	1	5	2	5	3	5	1	5	2
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40—49 лет</i>								<i>50—59 лет</i>								<i>60 лет и старше</i>							
Годы опроса	6	6	6	7	5	4	5	6	3	5	3	3	5	5	7	3	4	1	6	6	6	3	4	1
Можно жить	48	47	42	35	40	41	49	52	44	28	36	34	54	61	53	38	41	36	48	47	53	38	41	36
Можно терпеть																								
Терпеть больше невозможно	44	40	44	53	44	51	44	34	49	61	58	55	37	27	39	52	42	57	37	27	39	52	42	57
Затрудняюсь ответить	2	7	8	5	11	4	2	8	4	6	3	8	4	5	5	9	13	6	4	5	5	9	13	6

значений — изменилось у сорокалетних мужчин (коэффициент 1,57 и 1,58 в середине 90-х, 0,72 и 0,85 в конце), с отступом на год — у пятидесятилетних женщин (1,53 в 1995 г., резкое падение показателя до 0,46 в 1996–1997 гг. и 0,62 в 1998–1999 гг.) и у респондентов старше шестидесяти, как мужчин, так и в еще большей степени — у женщин (1,47 и 1,66 в середине девяностых, 0,73 в конце, у женщин — 1,46 и даже 2,26 в середине девяностых, 0,63 в конце). Однако столь резкого перепада, как между позитивными и негативными оценками своих доходов, возможностей больше зарабатывать и т.п., в данных случаях все же нет.

Несколько огрубляя цифры, допустимо сказать, что не удовлетворенные положением своей семьи, собственными заработками, нынешним образом жизни как бы разделились на две части: как утверждают одни, они могут терпеть, другие ссылаются на то, что терпеть уже невозможно. Как построена та и другая оценка, что она означает социологически?

Позиция «можно терпеть» отсылает к уровню принятой нормы, рутинной повседневной озабоченности существованием в бедном обществе. В среднем для двух из пяти наших респондентов этот сегодняшний уровень не превышает прежнего, относящегося к ближайшим предшествующим годам, причем временная граница между «сегодня» и «вчера» тут достаточно подвижна. Это может быть, например, период до «гайдаровских реформ», до 1991 или даже до 1985 г., с которыми в данном случае и происходит подспудное сравнение. При этом для 20–40% (и заметно чаще — для пожилых) недавний период уже выступает объектом ретроспективных иллюзий и приукрашивающих проекций. Вместе с тем, «выносимость» не только отсылает к прошлому, но и отмечает границы коллективной согласованности образа, поскольку эталонный уровень обыденных забот и тревог соотнесен и соразмерен с большинством окружающих респондента людей и семей: «живем как все», «не лучше и не хуже».

Но в этом смысле и позиция «терпеть невозможно» не означает, что стрелка социального барометра зашкалила (слишком устойчиво и регулярно эта стереотипная оценка воспроизводится из года в год). Она фиксирует уровень такой напряженности, которая превосходит прежнюю норму, но при этом характерна сегодня для подавляющего большинства опрошенных. Она образует как бы «потолок» их расчетов и ожиданий и даже служит своего рода ингибитором, «гасящим» не только массовое недовольство (что понятно), но (как ни парадоксально) и установки на перемену своего положения, целенаправленную социальную активность и ответственность. Можно сказать, это уровень обыденной напряженности становится новой диффузной и анонимной нормой, поглощающим все подро-

Таблица 9

Проблемы, наиболее осложняющие жизнь семьи (в % по столбцу, приводятся лишь наиболее распространенные ответы)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
Годы опроса	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
Только сам респондент	79	82	49	82	77	51	70	69	38
Родственники, друзья	37	46	45	26	35	38	32	38	49
Предприятие, где работает (работал)	6	9	5	8	5	4	4	9	4
Государство	4	3	1	6	6	4	14	11	9
<i>женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
Годы опроса	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
Только сам респондент	80	73	36	78	67	32	63	54	40
Родственники, друзья	34	54	56	38	42	57	40	56	48
Предприятие, где работает (работал)	4	5	5	2	4	10	2	2	2
Государство	2	4	3	6	8	4	11	15	10

ности повседневным фоном, стандартом заниженных, понижающих оценок себя и других.

Кто поможет? При этом в случае особых жизненных трудностей, превосходящих повседневные заботы и тяготы, абсолютному большинству респондентов трех опрошенных возрастных групп приходится рассчитывать прежде всего и исключительно на самих себя¹.

¹ Эта же тенденция преобладает в ответах опрошенных, когда они говорят о помощи, на которую могут надеяться в старости: в 1997 г. 62% опрошенных россиян признали, что рассчитывают в этом случае лишь на свои силы, 25% — на семью и детей (см.: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1. С. 57).

Таблица 10

**Изменения мнений респондентов о самих себе за последний год
(100 % — по столбцу)**

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
Годы опроса	1997	1999	1997	1999	1997	1999
Мнение улучшилось	8	5	3	9	2	2
Осталось тем же	67	51	74	64	79	50
Ухудшилось	17	37	10	23	5	35
Затрудняюсь ответить	8	7	13	4	14	13
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
Годы опроса	1997	1999	1997	1999	1997	1999
Мнение улучшилось	7	8	4	10	14	3
Осталось тем же	68	50	71	59	68	58
Ухудшилось	10	31	13	24	10	25
Затрудняюсь ответить	15	11	12	7	8	14

Речь в данном случае идет, разумеется, не об индивидуалистической этике людей, обязанных своим положением и успехами лишь своим силам, «сделавших себя собственными руками»¹. Перед нами другое: факт социальной изоляции большинства зрелых и пожилых россиян, бедности и слабости коллективных связей, общественных структур (профессиональных коллективов, государственных институтов социального обеспечения, соседских общин, религиозных общностей, церкви), которые могли бы сегодня поддержать индивида в России. Характерно, что мнение респондентов о себе, собственных возможностях, результатах своих усилий становится год от года все хуже; доля тех, чья самооценка за год ухудшилась, колеблется сегодня в пределах от четверти до трети каждой из интересующих нас возрастных категорий. Иначе говоря, пространство возможностей индивида, объем актуальной для него социальной жизни, входящей в сферу его компетенций и ответственности, подконтрольной, как он может предполагать, его действиям и доступной его влиянию, для большинства

¹ Используя ответы на другой вопрос из исследования 1999 г. «Советский человек» — «Считаете ли вы себя... человеком, который живет, полагаясь во всем только на себя самого...», — парадоксы подобного самоопределения рассматривал Ю.А. Левада (см. его статью: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 8).

респондентов по крайней мере не увеличивается, а для четверти и даже трети опрошенных эта шагреновая кожа ощутимо сокращается.

При этом уровень доверия, которого, с точки зрения респондентов всех трех рассматриваемых здесь возрастных групп, заслуживают основные институты государства, социальные системы нынешнего российского общества, православная церковь и массмедиа, за вторую половину 90-х годов постоянно снижается. Зато чрезвычайно велика и со временем становится все выше — особенно для женщин — компенсаторная значимость ближайшего круга общения, родных и друзей (наблюдается явная ценностная и эмоциональная «перегрузка» этих структур). Причем именно в тех половозрастных группах, где возможность рассчитывать на себя падает максимально резкими темпами (у мужчин старше шестидесяти и женщин 40–50 лет), столь же резко растет готовность полагаться на родных и друзей. Впечатляет и непомерно, невероятно высокий — по контрасту с неэффективностью всех остальных институтов, с нарастающей агрессивностью и апатичностью социальной среды — уровень удовлетворенности респондентов отношениями в их семьях (см. табл. 11). У мужчин самой старшей группы этот показатель с годами еще и растет, тогда как у пятидесятилетних мужчин (и сорокалетних женщин), напротив, заметна некоторая неудовлетворенность своими семейными отношениями.

Как бы там ни было, семья — по самому устройству и функциям этого института — не может заместить недостающих и отсутствующих связей с «большим» обществом, отношений, построенных на универ-

Таблица 11

Удовлетворенность отношениями в семье (100% — по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
Годы опроса	1995	1996	1997	1995	1996	1997	1995	1996	1997
Удовлетворены	76	80	77	77	83	66	74	80	83
Не удовлетворены	17	17	18	19	15	26	15	7	9
Затрудняюсь ответить	7	3	5	4	2	8	11	13	8
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
Годы опроса	1995	1996	1997	1995	1996	1997	1995	1996	1997
Удовлетворены	76	74	70	77	68	75	74	70	72
Не удовлетворены	17	24	25	19	24	18	15	10	15
Затрудняюсь ответить	7	2	5	4	8	7	11	20	13

Чувства, проявившиеся или окрепшие за последний год у людей, окружающих респондента
(в % к группе по столбцу)¹

Мужчины, возраст	40–49 лет						50–59 лет						60 лет и старше					
	1991	1997	1998	1999	1991	1997	1998	1999	1991	1997	1998	1999	1991	1997	1998	1999		
Годы опроса	36	45	53	68	36	44	52	51	36	42	37	51	36	42	37	57		
Усталость, безразличие	32	—	—	38	19	—	—	34	24	—	—	34	24	—	—	34		
Отчаяние	27	35	35	37	21	30	36	35	31	32	29	35	31	32	29	28		
Агрессивность	24	—	—	34	23	—	—	32	30	—	—	32	30	—	—	43		
Обида	23	19	12	6	19	17	6	8	8	9	8	8	8	9	8	6		
Надежда	22	14	22	23	22	18	20	27	19	13	29	27	19	13	29	29		
Страх	27	10	27	27	18	14	28	18	13	16	30	18	13	16	30	13		
Растерянность	5	4	3	4	9	2	1	2	10	7	6	2	10	7	6	6		
Гордость за свой народ	4	—	—	0	6	—	—	2	7	—	—	2	7	—	—	7		
Ответственность за происходящее	3	—	—	3	1	—	—	6	5	—	—	6	5	—	—	5		
Одиночество	2	7	1	2	2	6	6	2	3	6	5	2	3	6	5	1		
Чувство собственного достоинства	7	12	3	1	12	7	4	0	13	9	9	0	13	9	9	3		
Затрудняюсь ответить																		

Таблица 12 (окончание)

<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>							<i>50–59 лет</i>							<i>60 лет и старше</i>						
	91	97	98	99	91	97	98	99	91	97	98	99	91	97	98	99	91	97	98	99	
Годы опроса	35	25	30	45	21	28	30	41	26	23	30	41	26	23	30	17					
Агрессивность	34	40	48	56	22	42	52	48	24	42	52	48	24	42	42	50					
Усталость, безразличие	29	—	—	44	24	—	—	43	27	—	—	43	27	—	—	43					
Отчаяние	27	20	23	30	23	20	31	28	23	20	31	28	23	20	24	23					
Растерянность	27	23	27	41	26	19	26	35	31	23	26	35	31	23	32	43					
Страх	24	15	16	10	27	13	15	9	15	13	15	9	15	13	6	5					
Надежда	22	—	—	25	27	—	—	25	23	—	—	25	23	—	—	38					
Обида	8	2	0	0	8	0	2	1	7	6	2	1	7	6	2	2					
Гордость за свой народ	7	—	—	2	4	—	—	0	1	—	—	0	1	—	—	2					
Ответственность за происходящее	6	—	—	4	6	—	—	8	13	—	—	8	13	—	—	10					
Одиночество	2	7	3	3	3	6	1	1	2	5	3	2	5	3	2						
Чувство собственного достоинства	3	7	10	2	12	6	4	1	14	10	7	4	1	14	7	4					
Затрудняюсь ответить																					

¹ Прочерк означает, что подсказка в данном году не использовалась; позиции ранжированы по крайнему левому столбцу. Респондент мог выбрать несколько позиций, поэтому сумма величин по столбцу превышает 100%.

салистских ценностях активности, успеха и признания, повышения уровня жизни. Соответственно, она не в силах «покрыть» все социальные дефициты и расходы индивида — его профессиональные, статусные срывы и потери. Обостряющийся дефицит позитивной социальной выразается у зрелых и пожилых россиян в растущем чувстве собственной уязвимости, незащищенности (агрессивности окружающих), с одной стороны, и в ощущении общей дезориентированности, бесперспективности, апатии — с другой (см. табл.12).

Принудительная общность, преждевременная старость: конструкция социального мира зрелых и пожилых россиян. В приводившихся ранее данных обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, уровень согласованности абсолютного большинства мнений во всех трех группах респондентов, как у мужчин, так и у женщин. Фиксируя по большей части негативные оценки, перемены к худшему либо неизменность ситуации (удовлетворенность отношениями в семье не исключение, поскольку отмечает и акцентирует именно стабильность), этот уровень, как правило, не опускается ниже 55–60% опрошенных, нередко достигает двух третей — трех четвертей в каждой группе, а порой и превышает 80% в разных категориях. Впрочем, позитивные оценки динамических переменных, меняющихся социальных обстоятельств и др., практически всегда низкие или имеющие явную тенденцию к снижению, тоже были во всех группах весьма близки друг другу. По крайней мере, скольконибудь принципиальных, устойчивых и систематических различий между исследуемыми группами (а их разделяет ни много ни мало двадцать пять—тридцать лет) и тут не наблюдается.

Во-вторых (и это, конечно, связано с только что сказанным), по ходу предшествующего изложения не раз отмечалась общность мнений и оценок, включая негативные самооценки, ощущение бесперспективности собственной жизни, враждебности и астеничности социального окружения в когортах сорокалетних респондентов (в частности, мужчин) и опрошенных старше шестидесяти (зачастую — женщин). Чувство собственной социальной нереализованности, иррационального торможения в самые, казалось бы, перспективные, многообещающие годы, ощущение вязкости среды и всего общественного устройства у первых как бы дает здесь тот же эффект, что сознание профессиональной отставки, социальной незащищенности, ролевой истощенности — у вторых. Пенсионный возраст в советском и постсоветском обществе по государственным законам вообще наступает очень рано. Но в советских условиях утрата рабочего места, соответствующего образа и распорядка жизни всегда сопровождалась общей и резкой социальной дисквалификацией, утратой статуса, разрушением коммуникативных связей и т.д. А в современной России,

«бедном обществе» — бедном социальными возможностями и ресурсами культурного разнообразия, структурами и формами действия, способами его символического вознаграждения — эта принудительная десоциализация наступает, как видно по приводимым оценкам, еще раньше («преждевременная отставка»).

Характерно, что сколько-нибудь яркие, последовательные различия мнений между возрастными когортами наблюдаются, как мы видели, именно и только тогда, когда они связаны со столь же четкой разницей в нормативно заданном, государственно гарантированном профессиональном статусе и социальной позиции (страх безработицы у сорокалетних, плохое здоровье и трудности с лечением у самых пожилых). Других, новых по своему типу оснований социальной и культурной дифференциации на описанных нами данных не прослеживается: социальная структура общества, система стратификации предельно уплощены. Дело не просто в том, что группа сумевших за последнее время повысить свои заработки количественно невелика. Важно то, что повышение доходов расценивается людьми как случайное и временное, не улучшает их оценку в глазах окружающих и не меняет их положение в обществе, не укрепляет, а, может быть, даже ослабляет их социальную мускулатуру, столь ценимую плотность аффективных родственных и дружеских связей и т. п. Доля людей, которые «живут без особых забот и могут позволить себе все» устойчиво не превышает 1–3% опрошенных в интересующих нас возрастных категориях.

Аморфность общества, оставшегося без государственной опеки, не имеющего символических лидеров и авторитетных элит, редуцированного для наших респондентов исключительно к неформальным гемайншафтным связям, воспроизводит все более простые межличностные отношения, работает на дальнейшую примитивизацию, деградацию социальной жизни. В основе такой жизни — тип негативной социальности, привычка как особый механизм социальной регуляции собственного поведения и оценки других. Привычка не просто радикал традиционного действия в современном обществе. Поскольку привычка фиксирует уровень коллективной, общепризнанной нормы поведения, усвоенной каждым взрослым членом сообщества и далее специально не рефлектируемой, в разных по типу обществах она имеет различный функциональный вес и смысл.

В нашем случае, в российском обществе, социальное действие, не санкционированное по иерархической вертикали (поведение в обыденной жизни за пределами полномочий власти), считается нормальным, признается и самим действующим лицом, и значимыми для него другими, только если оно согласовано с окружающими на основе «нижнего уровня» представлений и запросов, при условии лимитирования ресурсов, минимизации качества действия, а стало быть, и ответственности

действующего¹. Привычка и есть такой социальный «шлюз» или «реостат» — конструкция стереотипных оценок, по инерции редуцирующая характер, структуру, набор элементов взаимодействия к эталонному образцу «коммунального человека» (клиента коммунальных служб, по образцу которых — скажем, химчистки, фабрики-кухни или обувной мастерской — десятилетиями работают системы государственного образования, здравоохранения и др.). Участники взаимодействия исходят при этом из того, что человек (любой, поскольку для коммунальной службы все одинаковы) «не барин», что он «и так перебьется». Во многих отношениях респонденты рассмотренных здесь групп — именно люди инерции, привычки («люди привычные»).

Конечно, «человек привычный» — лишь одна из деталей в антропологической конструкции «советского человека». Но этот узел, как можно предположить, — несущий или, по крайней мере, один из несущих. Его функциональная нагрузка связана с поддержанием, сохранением и репродукцией всего агрегата как такового, точнее — с воспроизводством его принципиальной схемы.

Ностальгическая сплоченность «от противного». Вместе с негативными изменениями повседневных самооценок и самочувствия в массе опрошенных, особенно старших возрастов, укрепляется опять-таки компенсаторная «негативная солидарность» на символическом уровне — уровне социетальной общности, в мифологизированных рамках национального целого. В частности, ностальгия по социальной сплоченности выражается в растущем сближении, даже, можно сказать, единодушии россиян вокруг нескольких символических клише. Сравним отношение к идеям, способным, по мнению респондентов, интегрировать сегодня российское общество, в 1994 и 1999 гг. (табл. 13).

В приведенных ответах напряжения повседневной жизни зрелых и пожилых россиян выражены в модусе мысленного предположения о желаемом состоянии и условно реализуемых возможностях. Еще заметней эти дефициты сказываются в массовых представлениях, вынесенных в воображаемую сферу национально-государственного «прошлого» и утвержденных, узаконенных таким способом, в такой форме — на уровне базовых ценностей сообщества, в плане наиболее

¹ «Халтура», «туфта» и т. п. — результат перенесения подобных интегративных принципов и схематики действия их рядовыми носителями в область, подконтрольную иерархической власти (работу, службу, где «сверху» требуют гарантированных достижений, плановых успехов, «открытия частицы в текущем квартале», по реплике героя «Девяти дней одного года» М. Ромма). По такому отношению к делу, как по своеобразному паролю, узнают «своих». См. об этом: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 59–73.

Таблица 13

**Идея, которая могла бы объединить российское общество
(в % по столбцу, приводятся лишь наиболее распространенные
ответы, позиции ранжированы по крайнему левому столбцу)**

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
Годы опроса	94	99	94	99	94	99
Законность и порядок	23	50	19	41	21	43
Стабильность	19	44	18	52	12	38
Достойная жизнь	13	25	10	24	8	33
Сильная держава	10	30	10	31	13	25
Богатство, процветание	7	22	2	10	4	20
Возрождение России	7	31	5	42	5	37
Социальная защищенность	4	16	6	29	4	27
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
Годы опроса	94	99	94	99	94	99
Законность и порядок	23	45	26	39	21	41
Стабильность	14	55	15	51	8	42
Достойная жизнь	13	42	15	28	8	32
Возрождение России	5	21	6	27	8	21
Равенство и справедливость	8	17	6	16	8	16
Сильная держава	7	29	6	30	4	26
Богатство, процветание	5	18	2	22	2	14
Социальная защищенность	6	24	4	21	3	19

значимых символических образцов и санкций. Значимость подобных ретропроекций и ретроориентаций — о чем в статьях «Мониторинга» не раз писалось — для массового сознания в России второй половины 90-х гг. постоянно и заметно растет (см. табл. 14 и 15).

Рассматривая данные последних таблиц, важно отметить, что сведения в них представления об оптимальном состоянии общества, условиях его ценностного сплочения начисто лишены в данном случае собственно идеальных моментов. В них отсутствует метафорика и семантики «верха», «совершенства», «предела» или даже «недостижимости», которой, казалось бы, всегда были отмечены картины желаемого общества, лучшей жизни в европейской истории и культуре: можно сказать, будущего — кроме как предмета страхов и тревог — для

Таблица 14

Согласны ли вы с тем, что лучше бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года (100 % – по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
	1994	1995	1999	1994	1995	1999	1994	1995	1999
Годы опроса	1994	1995	1999	1994	1995	1999	1994	1995	1999
Согласен	42	46	51	55	46	67	62	66	81
Не согласен	38	32	32	27	35	21	21	17	14
Затрудняюсь ответить	19	22	17	16	19	12	18	17	5
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>			<i>50–59 лет</i>			<i>60 лет и старше</i>		
	1994	1995	1999	1994	1995	1999	1994	1995	1999
Годы опроса	1994	1995	1999	1994	1995	1999	1994	1995	1999
Согласен	44	53	74	54	59	62	66	67	79
Не согласен	34	22	19	24	23	27	15	13	12
Затрудняюсь ответить	22	25	7	22	18	11	19	20	9

Таблица 15

Согласны ли вы с тем, что лучше бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года (100 % – по столбцу)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
	1994	1999	1994	1999	1994	1999
<i>Время революции принесло...</i>						
Больше хорошего	29	26	39	40	41	36
Больше плохого	38	47	29	16	25	25
Ничего особенного	10	5	2	6	8	7
Затрудняюсь ответить	23	22	30	38	26	32
<i>Время Сталина принесло...</i>						
Больше хорошего	16	20	23	35	35	46
Больше плохого	50	57	57	36	38	29
Ничего особенного	8	1	5	4	10	6
Затрудняюсь ответить	26	22	15	25	17	19
<i>Время Хрущева принесло...</i>						
Больше хорошего	42	37	43	42	41	39
Больше плохого	8	19	15	18	18	12
Ничего особенного	32	26	27	28	30	36
Затрудняюсь ответить	18	18	15	12	11	13

Таблица 15 (продолжение)

<i>Мужчины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
<i>Время Брежнева принесло...</i>						
Больше хорошего	35	51	45	62	43	64
Больше плохого	15	14	16	9	11	9
Ничего особенного	34	31	26	22	34	18
Затрудняюсь ответить	16	4	13	7	12	9
<i>Время перестройки принесло...</i>						
Больше хорошего	13	10	15	5	8	7
Больше плохого	44	66	53	66	55	66
Ничего особенного	20	16	17	21	17	16
Затрудняюсь ответить	23	8	15	8	20	11
<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
годы опроса	1994	1999	1994	1999	1994	1999
<i>Время революции принесло...</i>						
Больше хорошего	28	32	33	33	35	34
Больше плохого	35	38	27	36	23	23
Ничего особенного	8	4	8	2	4	4
Затрудняюсь ответить	29	26	32	29	38	39
<i>Время Сталина принесло...</i>						
Больше хорошего	16	25	25	27	24	45
Больше плохого	57	55	44	52	52	29
Ничего особенного	4	3	6	0	4	4
Затрудняюсь ответить	23	17	25	21	30	22
<i>Время Хрущева принесло...</i>						
Больше хорошего	37	25	34	32	39	34
Больше плохого	15	15	12	14	8	9
Ничего особенного	27	37	38	36	30	35
Затрудняюсь ответить	21	23	16	18	23	22
<i>Время Брежнева принесло...</i>						
Больше хорошего	35	57	39	61	46	65
Больше плохого	15	7	14	8	9	5
Ничего особенного	33	28	35	18	28	20

Таблица 15 (окончание)

<i>Женщины, возраст</i>	<i>40–49 лет</i>		<i>50–59 лет</i>		<i>60 лет и старше</i>	
Затрудняюсь ответить	17	8	12	13	17	10
<i>Время перестройки принесло...</i>						
Больше хорошего	13	6	10	12	6	4
Больше плохого	51	64	55	60	56	68
Ничего особенного	15	19	19	15	19	13
Затрудняюсь ответить	21	11	16	13	19	15

массового сознания в нынешней России не существует. В нашем случае речь идет лишь об элементарной социальной устойчивости, минимальных условиях поддержания и регулярной воспроизводимости рутинного строя жизни — о «стабильности» как основе постижимости и предсказуемости окружающего. Основу гипотетического консенсуса, воображаемой интеграции общества составляет не символика достижения, а тавтология все того же социального порядка.

Повышенная символическая нагрузка подобных конструкций целого — сверхзначимость ретроспективных оценок, вернее, переоценок «нашего прошлого, нашей истории», лозунги «возрождения» — связана не с их «идеальностью» и в этом смысле не с универалистской всеобщностью и субъективной значимостью подобных ценностных ориентиров социального действия и взаимодействия. Она задается и поддерживается лишь их контрастом с непонятной, угнетающей, травмирующей современностью, закрепляет, повторяет и увековечивает этот разрыв (ср. в табл. 15 согласованную переоценку времен Брежнева и перестройки). Перенос массовым сознанием (но и менталитетом интеллигенции, риторикой массмедиа) фокуса коллективной идентификации в бутафорское «прошлое» выражает отчужденность, дистанцирование от реального социального действия. Символический барьер недоступности (метафорически обозначаемый как «смутное время», «черные времена», «безвременье», «промежуток» — своего рода «слепое пятно» коллективной оптики) в данном случае, как и в других похожих ситуациях, отделяет не от прошлого, а от настоящего: это его, пользуясь расхожей формулой, «потеряли» или «теряют». Мыслями опрошенные все больше остаются во вчерашнем дне. Так же как нарастающая в обществе апатия, их компенсаторное единодушие, ностальгия по мифологизированному былому порядку и фантомному державному величию лишь консервирует нынешнюю аморфность российского общества, а потому ухудшает и без того не блестящие социальные, политические, экономические перспективы страны.

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

ПРАВОСЛАВИЕ, МАГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЯН*

Динамика религиозной принадлежности. После заметного снижения доли православных верующих в 1995–1996 гг. и, напротив, ощутимой политической мобилизации россиян в ходе парламентских и президентских выборов указанных лет уровень массовой заявленной религиозности в России вновь начал расти¹.

В массе к верующим на рубеже XX и XXI веков — так оно было и в начале девяностых — чаще других причисляют себя женщины, пожилые респонденты, люди с неполным средним образованием. Однако максимальный *рост* числа тех, что называют себя верующими, за 1990-е гг. наблюдается не только среди пожилых россиян, но и, напротив, среди молодежи, мужчин, респондентов с высшим образованием.

Похожая тенденция видна на данных о регулярности посещения церковных служб. Доля посещающих их не реже 1 раза в месяц максимально выросла за 90-е годы не только среди жителей села (вчетверо), но и среди людей с высшим образованием (в 3,5 раза). Наконец, доля

* Опубликовано: Куда идет Россия: Кризис институциональных систем. М., 1999. С. 359–367. Первоначальный текст значительно расширен и дополнен здесь более поздними данными и соображениями, см. также: *Douvine B. Un «fardeau léger». Les orthodoxes dans la Russie des années 1990–2000 // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2005. V. 36. № 4. P. 19–42.*

¹ Здесь и далее приводятся результаты всероссийских репрезентативных опросов взрослого населения России, проведенные Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр, ранее — ВЦИОМ, ВЦИОМ-А). Приверженцами ислама в этих исследованиях себя называют около 4% опрошенных, цифры по сторонникам других конфессий — ниже границ статистической достоверности и учитываться не могут. Таким образом, речь идет лишь о наиболее общих, отчетливых явлениях и тенденциях в массе населения страны, которые фиксируются инструментарием анкетных опросов и стандартизированных интервью.

Таблица 1

Россияне отнoсят себя к...

	1989 N=1300	1991 N=3000	1993 N=1900	1994 N=3000	1995 N=2400	1996 N=2400	1997 N=2400	1998 N=2400	1999 N=1700	2000 N=2400	2002 N=2100	2003 N=2100	2005 N=2100
Неверующим	65	61	40	39	54	43	37	38	33	35	33	30	28
Православным	30	31	50	56	42	44	48	47	54	52	57	61	60

**Какое из следующих утверждений в наибольшей степени
соответствует вашим представлениям о Боге?
(в % к опрошенным в каждом исследовании)**

	<i>1991, N=3000</i>	<i>1998, N=1700</i>	<i>2000, N=1700</i>
Я не верю в Бога	18	18	15
Я не знаю, существует ли Бог, и не верю, что это можно установить	18	11	7
Я не верю в личного Бога, но верю в некую высшую силу	18	13	19
Иногда я верю в существование Бога, иногда – нет	11	12	15
Я верю, что Бог существует, хотя иногда испытываю сомнения	15	16	10
Я верю, что Бог действительно существует, и не сомневаюсь в этом	13	24	30
Затрудняюсь ответить	5	6	4

тех, кто «твердо» верит в существование Бога («не сомневается в его существовании»), тоже заметно увеличилась среди людей с высшим образованием (в 2,5 раза), среди мужского населения (в 2,5 раза) и опять-таки жителей села (в 2,4 раза). Вот как выглядит общая динамика «твердости» веры россиян за девяностые годы: доля неуверенных в существовании Бога заметно снизилась, а группа не сомневающихся в этом вопросе выросла в 2,3 раза.

Содержание веры. Раннехристианская мысль и последующая богословская традиция связывала с верой в Христа избавление человечества от власти рока и влияния звезд. Нынешние россияне верят в приметы, вещи сны и гороскопы куда больше, чем в ад, рай и вечную жизнь.

Сравнение недавних опросов в России и США (декабрь 2003 г. в России, N=1600 человек; сентябрь того же года в США, N=900 человек; данные FOX News/Opinion Dynamics Poll) показывает, что россияне заметно чаще американцев верят в ведьм (соответственно 37 и 24% опрошенных) и в астрологию (42 и 29%), тогда как в Бога, рай и ангелов, в дьявола, ад и привидения в 1,5–2 раза чаще верят американцы.

При этом более молодые и образованные респонденты не только активней пожилых и малообразованных обращаются сейчас в право-

Таблица 3

**Верят в...
(1998, в % к социально-демографическим
и вероисповедным группам)**

	<i>жизнь после смерти</i>	<i>рай</i>	<i>ад</i>	<i>религиозные чудеса</i>
Мужчины	23	15	16	19
Женщины	37	32	32	37
До 25 лет	42	29	30	28
55 лет и старше	29	28	28	34
С неполным средним образованием	30	27	27	32
С высшим образованием	28	18	18	21
Жители Москвы	35	25	23	27
Жители села	33	25	21	29
Верующие	45	39	39	42
Неверующие	11	6	6	11

Таблица 4

Верят в...

	<i>1992, N=2000</i>	<i>1998, N=1600</i>	<i>2000, N=1600</i>	<i>2006, N=1600</i>
приметы	51	56	57	54
вещие сны	45	49	51	43
предсказания астрологов	28	30	32	30
вечную жизнь	19	22	21	16

славие, но вместе с тем сильнее их привержены к популярной магии и астрологии. В итоге они, с одной стороны, вносят в православные верования некоторые рационализирующие и универсализирующие моменты — аллегоризм, моралистичность, а с другой — усиливают в массовом православии элементы магии и оккультизма. Такого рода элементы и прежде (да, вероятно, и всегда) входили в состав массовых

Верят в...
(1998, в % к социально-демографическим группам)

	<i>приметы</i>	<i>вещие сны</i>	<i>предсказания астрологов</i>	<i>вечную жизнь</i>
Мужчины	42	30	20	16
Женщины	68	65	39	27
18–24	59	47	47	23
25–39	59	50	32	22
40–54	51	46	29	20
55 и старше	57	52	24	24
Высшее	48	36	27	21
Среднее	58	50	33	20
Ниже среднего	57	53	29	26
Низкий доход	62	52	31	20
Средний доход	55	50	29	22
Высокий доход	54	43	33	23
Москва	42	32	21	20
Большой город	56	48	29	21
Малый город	55	47	30	21
Село	59	54	34	24

православных верований, но были связаны в них с традиционализмом более пожилых групп православных. Теперь же они — среди прочего под влиянием средств массовой информации, рекламы в массмедиа соответствующих услуг (по каналам кабельного телевидения, в иллюстрированных журналах с телевизионной программой, тонких «женских» журналах, развлекательных газетах и проч.) — включаются в популярное православие как моменты относительно новых, более универсалистских и рационалистических ориентаций¹. В сопоставитель-

¹ По данным международного сравнительного исследования досуговых интересов населения к политике, истории, технике, культуре, различным сторонам повседневной жизни, проведенного в 1995 г. по инициативе «Roper Starch» в 43 странах мира (в России опрос проводил Аналитический центр Юрия Левады, тогда — ВЦИОМ), россияне по уровню заинтересованности оставляют позади население большинства стран мира только в одном: в интересе к оккультизму,

Согласны с тем, что...

(1998, N=1600 человек; в % к соответствующим социально-демографическим и вероисповедным группам; суммируются подсказки «определенно верно» и «скорее верно»)

	<i>амулеты на счастье приносят удачу</i>	<i>звезды предопределяют судьбу человека</i>
Мужчины	36	34
Женщины	51	46
До 25 лет	55	50
55 лет и старше	34	32
С неполным средним образованием	41	36
С высшим образованием	43	41
Жители Москвы	45	49
Жители села	45	40
Православные	51	47
Неверующие	33	31

но-историческом плане можно указать, что, видимо, похожий конгломерат из языческих и христианских верований, символов, обрядовых элементов — но тоже в разном их функциональном сочетании и смысле — складывался на самых начальных этапах распространения христианства. Например, наблюдался в обиходе религиозно аморфных

магии, НЛО. Применительно к данной теме разница между безоговорочно интересующимися и столь же безоговорочно равнодушными респондентами составила для России +11,9 (однозначно интересуются 38,9%), для Украины +15,8 (однозначно интересуются 40,5%). Эти показатели оказались максимально далеки от европейских (-20,0 для Германии, -25,0 для Франции), но приближались к данным по некоторым странам Латинской Америки (+15,1 в Венесуэле, +24,7 в Мексике). Причем, по российским данным, этот интерес был выше статистической нормы в подгруппе специалистов с высшим образованием (42,3% безоговорочно интересуются), у квалифицированных рабочих (49, 5%), но особенно — домохозяйек (51,8%). Он концентрировался в столице, с одной стороны, но на селе, с другой, и был особенно заметен среди самых молодых россиян со средним образованием и низкими доходами. Вообще же по 11 темам из предложенных в исследовании девятнадцати среди россиян преобладало явное отсутствие интереса. Подробнее об этом см.: Дубин Б., Зурбишвили Т. Досуговые интересы и индивидуальные склонности// Экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 28–32.

масс, с одной стороны, и в более образованных кругах гностиков, с другой.

Институциональное воспроизводство верований. У 78% нынешних верующих (1998 г.) мать была верующей, 88% их крещены, 73% сами крестили своих детей (среди неверующих соответствующие цифры составляют 34, 32 и 33%). 25% верующих получили, по их свидетельству, религиозное воспитание (по опросу 1991 г. — 31%). В этом аспекте позитивной динамики институционального воспроизводства веры за девяностые годы не наблюдается. Доля изредка посещающих церковные службы за девяностые годы несколько выросла, тогда как доверие к церкви и среди верующих, и в обществе в целом падает.

Преобладающая часть россиян считает, что церковь играет незначительную роль в повседневной жизни окружающих их людей, или затрудняется с ответом на этот вопрос.

Религиозность и представления о «социальных других». Доля *активных сторонников* социальных привилегий для приверженцев православия в целом по России и по отдельным социально-демографическим группам за девяностые годы не выросла. Зато заметно сократилась доля их *активных противников* — тех, кто выступал прежде *явно против* подобных привилегий (выбирая на шкале подсказок позицию «совершенно не согласен»).

Как видим, резче всего — на 23% при 11% в среднем по выборке — противодействие стереотипам сегрегации по религиозному признаку снизилось именно у наиболее образованных респондентов, а это, напомним, именно тот слой, который активней других за последнее время приобщался к православной вере (неофиты). Среди верующих выше доля и согласных, и не согласных с подобными привилегиями, тогда как среди неверующих выше процент затрудняющихся с ответом.

В оценке религиозных чувств окружающих у верующих изменилось лишь одно: значительно выросла доля тех, кто расценивает эти чувства как «внешнюю моду без глубоких подлинных убеждений».

Ксенофобические страхи и агрессивные чувства выражены у православных верующих в целом сильнее, чем у неверующих. Заметнее среди верующих и тяготение к коммунистам как политической силе. Со своей стороны, прежние ревностные гонители веры и церкви, коммунисты теперь все чаще выступают их демонстративными ревнителями; причем взаимопроникновение и сращение этих сил происходит под эгидой органов государственной власти и с апелляцией к ней. Так, 13 ноября 2002 г. Министерство образования РФ разослало по регионам страны методическое письмо с приложением «Примерное содержание образования по учебному предмету “Православная культура”». Согласно этому документу, учебные курсы православной культуры

Таблица 7

Россияне посещали церковные службы...

	1991, N=3000	1993, N=2000	1994, N=3000	1995, N=1700	1996, N=2400	1997, N=2400	1998, N=1700	2002, N=2100	2003, N=2100
От раза до нескольких раз в месяц	5	5	7	6	7	5	9	8	6
От раза до нескольких раз в год	20	35	28	30	17	16	22	18	30
Реже	-	-	21	-	16	14	11	15	18
Не посещали	65	45	43	63	60	62	55	59	46

Таблица 8

В какой мере, по вашему мнению, сегодня заслуживает доверия церковь, религиозные организации

	1993 янв. 1600	1994, февр. 2000	1995, май 2500	1996, март 2300	1997, март 2400	1998, март 2400	1999, сент. 2400	2000, март 2400	2001, сент. 2400	2002, март 2100	2003, март 2100	2006, март 2100
Вполне заслуживает	57	52	37	39	37	35	37	38	38	40	37	38
Не вполне заслуживает	15	11	18	16	19	20	20	22	21	23	24	21
Совсем не заслуживает	2	5	9	9	11	13	12	12	12	12	13	11
Затрудняюсь ответить	25	32	36	35	33	32	31	27	28	26	26	30

Таблица 9

Согласны ли вы с мнением: Церковь в нашей стране мало влияет на повседневную жизнь, на нравы людей?

	1994, N=3000	2003, N=2000
Согласен	51	54
Не согласен	19	21
Затрудняюсь ответить	30	25

Таблица 10

Считают, что православные в России должны иметь преимущества перед иноверцами и атеистами

	Мужчины		Женщины		До 25		Старше 55		Ниже среднего		Высшее		Столица		Село	
	'91	'98	'91	'98	'91	'98	'91	'98	'91	'98	'91	'98	'91	'98	'91	'98
Да	13	12	15	15	14	11	18	18	18	16	9	11	15	12	18	16
Нет	72	59	65	58	69	59	64	54	54	51	84	61	72	60	61	52

Таблица 11

Согласны ли вы, что православные в России должны иметь преимущества перед иноверцами и атеистами (1998, в % к группам верующих и неверующих)

	Верующие	Неверующие
Согласны	18	9
Не согласны	61	56
Затрудняются с ответом	21	35

Таблица 12

Что вы лично можете сказать о религиозных чувствах окружающих вас людей (в % к группам верующих и неверующих)

	Верующие		Неверующие	
	1991	1998	1991	1998
Никаких перемен нет	7	5	16	12
Люди перестали таить свои чувства	44	33	29	18
К вере приобщаются новые люди	32	34	20	11
Это все лишь внешняя мода	9	22	23	44

включаются в учебный план общеобразовательной школы на всех ступенях образования. В общей сложности на прохождение курса выделяется 340–544 (или 374–612) учебных часов¹. Характерно, что акцию в поддержку введения этого учебного курса в школы у здания Министерства образования 15 декабря 2002 г. провели совместно представители КПРФ и Союза православных граждан.

Сравним представления о внешних и внутренних угрозах России в группах православных и неверующих (по данным июльского мониторинга 1996 г., N=2400; в % к соответствующим вероисповедным группам):

Таблица 13

	<i>Неверующие</i>	<i>Православные</i>
<i>Угроза военного нападения на Россию</i>		
Существует	34	41
Не существует	51	44
Затрудняюсь ответить	15	15
<i>Угроза распродажи национальных богатств России</i>		
Существует	37	47
Не существует	37	27
Затрудняюсь ответить	26	26
<i>Нерусские пользуются слишком большим влиянием</i>		
В целом согласен	37	47
В целом не согласен	37	27
Затрудняюсь ответить	26	26

Православие и национальная идентичность: значение веры. Итак, более активными в приобщении к религиозной вере за девяностые годы

¹ См. следующие пособия, подготовленные А.В. Бородиной: «Основы православной культуры» (для учащихся старших классов средней школы); «Я иду на урок в начальную школу» (с 1 по 4-й класс); «Основы православной культуры в 1-м классе»; «Основы православной культуры для детей дошкольного возраста». Все они выпущены издательским домом «Покров» и рекомендованы для преподавания в общеобразовательных школах России Координационным советом по взаимодействию Министерства образования РФ и Русской православной церкви. Во многих регионах страны, подчиняясь давлению местных властей, по этим книгам — явочным порядком, «в виде эксперимента» — уже ведут обучение.

**Хотели бы вы, чтобы коммунистическая партия снова стала
наиболее влиятельной политической силой в России?
(1998, в % к группам верующих и неверующих)**

	<i>Верующие</i>	<i>Неверующие</i>
Да	26	20
Возможно	18	13
Нет	43	51
Затрудняюсь ответить	13	16

были более молодые, образованные, урбанизированные россияне. При этом декларированная принадлежность к православию не влечет за собой для подавляющего их большинства ни регулярного соблюдения основных обрядов (молитвы, причастия, исповеди), ни более или менее частого посещения церковных служб, ни практического участия в жизни храмовой общины, ни вообще какой бы то ни было реальной деятельности по воплощению христианских идеалов в повседневную жизнь. 83% отнесших себя к верующим в 1998 г. ни разу за последние 12 месяцев не совершали актов благотворительности (среди неверующих — 86%). 93% не занимались никакой деятельностью в пользу церкви (среди неверующих — 99%). При этом около 40% верующих выделяют именно благотворительную функцию церкви как важнейшую.

С одной стороны, это означает, что христианская вера чаще всего имеет для них общее морально-психологическое значение, как бы не накладывая собственно религиозных обязательств, не выступая в качестве коллективных норм действия и не предусматривая личной ответственности, практических императивов поведения. Характерно, что, говоря о значении религии лично для них, верующие прежде всего подчеркивают, что «религия заставляет задумываться о смысле жизни, о душе» (48% в группе верующих), «помогает быть терпимым к людям, к их недостаткам» (45%). Показательно и то, что из обрядов российские православные чаще исполняют такие, которые однократны — крещение (собственное или детей), чин погребения родных. Разовая инициация (как правило, пассивно пережитая в младенческом возрасте) как бы навсегда предопределяет для них принадлежность к православию и не накладывает далее никаких собственно религиозных обязательств, не требует, в глазах самого признающего себя православным, ритуалов солидарности с собратьями по вере, с религиозным целым, которое представляет церковь. Равно как, кажется, не предопре-

деляет она и сознания важности веры для повседневного поведения, ее воплощения в конкретных делах.

С другой стороны, это придает вере многих, если не большинства нынешних православных (в том числе — новообращенных) оккультно-магический характер. Историки религиозности в России, начиная с Е. Голубинского¹, неоднократно говорили о «двоеверии» русских. Вероятно, сегодня можно было бы говорить об их «многоверии» — своеобразном ценностном политеизме. В его рамках некоторые идеи и символы христианства соединяются с реликтами рутинных традиционно-магических представлений (веры в сглаз и т. п., воспринятой через непосредственную передачу от старших поколений) и символикой новых, внеисповедных форм религиозности, пришедших с современного Запада или помеченных как «западные» и транслируемых визуальными средствами массовой коммуникации вместе с рекламой либо на правах рекламы (теософия, астрология, хиромантия и проч.)². Не исключено, что более старшие поколения переносят при этом на сферу религиозных верований и высказываний навыки советского «двоемыслия». В любом случае стоит отметить, что интеллектуальная работа по рационализации верований и ценностей православия, как внутрибогословская, так и более общая — философская и проч., в сегодняшней России крайне слаба. Она практически не оказывает воздействия на сколько-нибудь широкие группы людей, называющих себя православными.

Наконец, особый пласт синкретических верований в России — прежде всего среди более образованных и урбанизированных слоев новоприобщенных к православию — составляют органические представления об обществе и народе, разного рода социальная мистика (в духе Д. Андреева) и социальный биологизм (типа Л. Гумилева), опирающиеся на диффузные социал-дарвинистские идеи, а также муслируемые коммунопатриотами страхи перед вырождением и геноцидом русских, катастрофические настроения в определенных маргинализируемых секторах общества. Самообозначение «православный» в подобных условиях все больше принимает семантику «русского», соединяясь с комплексом идей и символов российской исключитель-

¹ См.: Голубинский Е.Е. Вера, нравственность и религиозность народа// Он же. История русской церкви. Т. 1 (2). М., 1904. С. 829–890.

² Об этих типах верований в развитых обществах Запада см.: Morin E. La croyance astrologique moderne. Lausanne, 1982; Adorno Th. The Stars Down to Earth and Other Essays on the Irrational in Culture. London; New York, 1994. Некоторые соображения о массовой эзотерике в отечественных условиях см.: Лидерман Ю. Синтетические небеса: Предсказательная литература в современной России // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 379–384.

ности («русским мифом») и ксенофобическими установками в отношении этнических чужаков, Запада, Америки, которые разделяются сегодня относительным большинством общества, в том числе — большинством не верующих сейчас и не веровавших никогда.

Подобный способ самоопределения через отрицание — черта характерная. В этом смысле показательно, что даже причисление себя к верующим не усиливает у респондентов чувства позитивной принадлежности к высоко оцениваемому сообществу. Напротив, параллельно увеличению числа верующих в девяностые растет их подозрительность по отношению к вере других — сознание ее «внешнего», наносного, неискреннего характера. Причем темпы роста подобного недоверия к окружающим выше как раз среди тех, кто заявляет о своей принадлежности к православию (особенно — среди новообращенных и редко посещающих церковь), чем среди неверующих и никогда не веровавших.

По данным 2002 г., свыше 3/5 россиян (61%) не ходят к причастию. Доля не причащающихся за 1990-е годы сократилась (в 1991 г. она была равна 83%), но число причащающихся регулярно, не реже раза в месяц, осталось прежним (1–2%), зато очень заметно (до 20% и более) выросла доля тех, кто затрудняется с ответом на этот вопрос. Доля крещеных в российском населении постоянно растет и в 2002–2003 гг. достигала 75–77% всех взрослых, но такова же (абсолютное большинство!) в 2002 г. была доля тех россиян, которые, по их признанию, никогда не молятся, не соблюдают религиозных постов и праздников.

71% россиян согласны с тем, что «многие люди у нас в стране хотят всего лишь показать свою причастность к вере и церкви, но мало кто верит по-настоящему» (2003 г., 2000 опрошенных). 54%, по данным того же опроса, считают, что церковь в России мало влияет на повседневную жизнь, на нравы людей. 22% полагают, что православная церковь, объединяющая большинство жителей страны, должна занимать особое положение в государстве и иметь особые права, половина россиян не согласны с подобной позицией (каждый четвертый воздержался от ответа). Приведенные данные свидетельствуют не столько о «духе соборности» или сплавивающей функции веры и церкви, сколько о разобщенности и подозрительности людей, как будто бы называющих себя православными, но и в этом не находящих для себя ничего особенно существенного — умиротворения, мудрости, предмета для гордости.

Так что если в самом общем плане суммировать те сдвиги, которые произошли в массовом православии на уровне всего социума, в положении православной веры и церкви в российском обществе за 1990-е годы (и с особенной скоростью и широтой — за вторую их половину и конец), то это прежде всего следующие процессы:

Как часто вы молитесь?

	<i>1991, N=3000</i>	<i>2001, N=1000</i>	<i>2002, N=1000</i>
Ежедневно	10	8	6
По крайней мере раз в неделю	2	6	3
По крайней мере раз в месяц	4	3	4
Реже, чем раз в месяц	8	9	9
Никогда	70	71	77

В какой мере для вас важны религия, вера?

	<i>1994 N=3000</i>	<i>1995 N=2550</i>	<i>1999, 3000</i>	<i>2002 N=1800</i>
Очень важны	20	18	20	8
Довольно важны	26	20	27	21
Не слишком важны	29	26	33	36
Совсем неважны	14	19	19	32
Затрудняюсь ответить	10	16	1	3

— сближение и даже сращение церкви как института с государством, государственной властью, верхушкой политического истеблишмента;

— политизация (прежде всего — этнополитизация) массового образа веры и церкви на фоне общей деполитизации населения;

— сближение массового православия с ксенофобическими установками и настроениями изоляционизма (российской исключительности, «особого пути» и проч.);

— фактическое слияние для большей, если не для подавляющей части населения семантики «православного» и «русского»;

— ослабление несовместимости массовых религиозных (христианских, православных) установок с коммунистической идеологией и публичной риторикой РКП; напротив, для конца 1990-х и начала 2000-х гг. характерно все более настойчивое их уравнивание и смешение.

С середины 1990-х годов православная эмблематика и риторика все активнее фигурируют в средствах массовой информации, и прежде

всего на телеэкране, причем на самых популярных его каналах и непременно среди атрибутов государственной власти, символов дореволюционной и нынешней российской державы. В этом контексте РПЦ на рубеже XX и XXI веков поставила вопрос о введении в средних общеобразовательных школах такого предмета, как «Основы православной культуры». Заявив на Международном церковном форуме в Москве, что «каждый наш соотечественник должен знать историю своей культуры», патриарх Алексей II фактически приравнял православное к национальному (политика публичного отчуждения руководства РПЦ от католической и протестантской ветвей христианства находится в русле этих же изоляционистских тенденций). Очень заметно выросла нетерпимость россиян к деятельности и к представителям религиозных сект, при том что для абсолютного большинства различия между церковью, движением, сектой весьма туманны. Если в 1989 г., говоря о своем отношении к членам религиозных сект, 57% опрошенных придерживались позиции «предоставить их самим себе», то в 2003 г. доля россиян, толерантных к членам сект, сократилась до 24%. Напротив, за их устранение или изоляцию тогда высказывались в сумме 10% россиян, а сегодня выступают уже 54%.

Православно-церковное подается в передачах массмедиа как знак всего «высокого и прекрасного», относящийся к национальному целому, к России как «великой державе»¹. Между тем для массы населения, признающего себя христианским, православная вера нередко выступает рука об руку с ксенофобией, в том числе — по религиозному признаку. Таково более чем настороженное отношение и клира, и мира в России к католицизму, но особенно негативное — к исламу, людям исламской веры, а также к деятельности религиозных сект. На массовое сознание в этом плане, конечно, воздействует ведущаяся уже почти десять лет чеченская война, а также ставшее повседневным в передачах массмедиа сближение понятий «ислам» и «терроризм» (расхожие выражения вроде «исламские террористы» и проч.). Но значимо здесь и другое.

Дистанцирование и неприятие, включая агрессивную словесную оценку, особенно вызывают у россиян два аспекта внеправославных верований: тот факт, что эти верования выступают основой для высо-

¹ Д. Фурман и К. Каарияйнен на материале своих исследований 1991–2002 гг. пришли к похожему заключению. По аналогии с общими настроениями россиян они называют отмеченные тенденции к усредненности, омассовлению, огосударствлению и вместе с тем ко все большей национальной замкнутости православных верований в России «религиозной стабилизацией». См. их статью под этим названием: Свободная мысль. 2003. № 7. С. 19–32, а также брошюру: Религиозность в России в 90-е годы XX—начале XXI века. М., 2006. Я бы назвал этот процесс стабилизацией единообразия и безальтернативности.

кой солидарности их приверженцев (как в случае ислама), и то, что адепты этих верований — например, католические или протестантские проповедники — отличаются высокой активностью, распространяют собственную веру, привлекают или могут привлечь в свои ряды новых сторонников. Вероятно, особое раздражение, неприязнь, чувство угрозы извне рождаются в подобных случаях из болезненного для россиян контраста с их собственным, крайне пассивным, несолидарным поведением людей, которые не в силах сплотиться иначе как под ферулой власти и не могут существовать без мобилизующего их образа врага, даже если аттестуют себя верующими, христианами, православными.

Представляется, что значение демонстративно-символических отсылок к православию прежде всего связано с возрастающей на протяжении девяностых годов проблематичностью массовой идентификации для сегодняшних россиян — идентификации на самом высоком, социальном уровне наиболее общего «мы». У разных групп и слоев этот процесс проходит по-разному. Старшие поколения во многом утратили привычные символы широкой коллективной принадлежности разного типа и плана (общесоветской; профессиональной, будь она «трудовой» или «интеллигентской»; поколенческой; связанной с традиционным старшинством и авторитетом старших). Молодежь же ощущает неопределенность и негарантированность нынешней ситуации именно для тех, кто не ограничивается привычным, а пытается «пробиться», начать «свое дело», хочет приобрести более высокую квалификацию, — отсюда их вера в магию, с одной стороны, равно как и тяга к православию, с другой, которые нисколько не исключают друг друга и не противоречат друг другу (к тому же здесь, скорее всего, действует возрастной и поколенческий конформизм молодежных групп и коллективов).

Символы как магии, так и православия входят для более молодых и более образованных россиян, жителей крупных городов в кодекс «нового» поведения, связанного именно с постсоветскими свободами, и вместе с тем поведения экспериментального, пробного — как все выделенно-«молодежное», более «крутое». Тогда как для более пожилых респондентов, оттесняемых на социальную и профессиональную периферию общества, в православии важнее, напротив, значения «традиции», «исконности», «старинности», — речь идет, понятно, об «изобретенной традиции», если пользоваться термином Э. Хобсбаума. В этом последнем смысле стоит подчеркнуть, что православные праздники и обряды как для молодежи, так и старших поколений россиян, представляют собой сегодня по большей части массмедийное зрелище, своеобразное шоу, демонстрируемое одновременно по двум наиболее популярным и доступным для всех каналам центрального телевидения, а нередко еще и по московским каналам.

Симулятивная идентификация: роль «слабых» форм. Так что в целом можно сказать, что «православное» сейчас в России примерно тождественно русскому/российскому и отмечает внешний периметр (мысленную границу) государственно-национальной общности. Показательно, что в качестве символического обозначения наиболее общего «мы» россияне сегодня, как правило, используют отсылки именно к такого типа воображаемым общностям, обобщенным смысловым конфигурациям, которые как бы не предполагают последствий для повседневной жизни индивида и его ближайшего круга, словно они не накладывают на него ни малейших обязательств, ответственности и вообще никак не связаны с практическим действием. Так, свои представления о народе россияне чаще всего связывают с прошлым и с территорией, гораздо чаще чувствуют принадлежность к России, чем гордятся этим, и т.п. (кстати, с религией свои представления о «народе» связывают не более 10% россиян). Как представляется, образец для такого отстраненного, дистанцированного и необременительного отношения к наиболее значимым, казалось бы, символам и значениям «я» и «мы» («я» в соотнесенности с «мы») задает телевизор, констатирующий сегодняшнее общество в России как «общество зрителей», о чем уже приходилось писать. В религиозных терминах можно сказать, что самоопределение россиян связано с символической демонстрацией принадлежности к вере, а не с делами.

Подобную рассогласованность планов «высокой» символической идентификации и повседневной инструментальной адаптации можно обозначить понятием «симулятивной социальности». В последней предлагается видеть особое состояние или устройство социокультурной структуры социума, который либо выходит из режима постоянной мобилизованности, либо «устал» от длительной мобилизации и в такой сугубо пассивной форме посылно сопротивляется ей. Рассредоточенность «воображаемого сообщества», по известному выражению Бенедикта Андерсона, разных уровней, планов, осей ориентации, самоопределения и принадлежности (за которым стоит эрозия и фрагментация социума без его функциональной дифференциации и трансформации) выступает здесь способом поддержания относительной устойчивости целого, его воспроизводства в ненапряженном, полуразобранном, «плохом», но привычном, в этом смысле — нормальном и так или иначе действующем виде.

В принципе православная церковь относится для социолога к такого типа социальным образованиям, которые требуют «безраздельной преданности» и полного самопожертвования, — Льюис Козер в свое время обозначил их понятием «ненасытные институты»¹. Однако се-

¹ См.: *Coser L. Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment.* N.Y., 1974.

годня подобные конструкции — «держава», «церковь», «армия» (образы, подчеркнуты, наиболее традиционных институций социума или рудиментов традиционного порядка в модерном обществе) создаются респондентами и существуют в их сознании уже по-другому, иначе и по функции, и по способу.

Они фигурируют в коллективном сознании и ответах наших респондентов так, как будто их самих, их повседневной жизни подобные фигуры и инстанции нимало не касаются, оставаясь объектами стороннего почитания, но не более того. Модус существования им задает виртуальная реальность телевидения, ежедневного многочасового телесмотрения рядовых россиян. И мысленная идентификация с такого рода воображаемыми инстанциями у респондента в России тем сильней, чем менее они для него реальны, чем менее они вообще связаны с его повседневной жизнью. Можно сказать — чем менее они ему доступны и чем более дают возможность дистанцироваться, ускользнуть, остаться в стороне, а может быть даже, чем в большей мере наделены значениями экстраординарного, далекого, тайного.

Это как бы аморфные образы «иног» в полноте его потенциалов и сил. Рядовому адаптирующемуся человеку советской и постсоветской эпохи подобная полнота и сила, понятно, недоступны, поскольку в его сознании подобные качества принадлежат исключительно власти, пусть далекой от человека, но все-таки «нашей». А обращения такого рода конструкции по преимуществу к «другим», чья власть, в отличие от «нашей», незаконна и несправедлива, узурпирована, основана на «угнетении» и проч. Так что описываемые образы нацелены в первую очередь» против «чужаков», тех или иных «нарушителей», а если направлены на «нас», то только в качестве поднадзорных. Важно подчеркнуть, что проблемой для респондента, для коллективного сознания россиян, внушающим им тревогу обстоятельством во всех подобных случаях остается «другой». Его дистанцированный и подозрительный образ — это вытеснение и перенос проблематичности собственного определения. Поэтому «я» и отсутствует во всех фигурах коллективной идентификации подобного рода — как некое «слепое пятно», «черное зеркало», взгляд, не видящий себя.

Характерно, что подобные перечисленным инстанции самоопределения для россиян вынесены либо в условное и недостижимо утраченное *прошлое*, которое «было», но которое «невозможно вернуть», либо в сослагательное *будущее*, которое невозможно приблизить и к которому невозможно прийти, но которое «ужо настанет» («Вот подождите, будет вам» и т.п.). Всё это фигуры и конструкции, воплощающие непереносимость настоящего, отторжение от него, бегство от настоящего — от времени и пространства реальных действий, взрослости, взаимности и ответственности. Именно эти образы в их неизменнос-

ти, принципиально защищенные от сопоставления, сравнительной оценки, воздействия и трансформации, а значит, минимально доступные рационализации, составляют рамку восприятия реальности, общую сегодня для большинства российского населения. Отсылка к ним и дает — контражуром — условное и нестойкое ощущение россиянином своего социального «я».

Нестойкость этого самоощущения и подобного типа идентификации как раз и объясняется разрывом между планом предельной общности (коллективного «мы») и реальными требованиями ролевого взаимодействия в повседневной жизни, между негативной конструкцией такого самоопределения и содержательными задачами выбора, решения, практического осуществления. Сам же этот разрыв определяется принципиальными институциональными дефицитами тоталитарного и посттоталитарного общества — исторической и актуальной слабостью, грубостью, упрощенностью социальных представлений и связей, атомизированностью индивидов, во всех ключевых отношениях зависимых от государства и привычно адаптирующихся к социуму, сплоченному репрессивной властью. «Легкое бремя» во всех этих случаях несет в себе сегодня напоминание о «тяжелых временах» и, по видимости выступая будто бы отрицанием, преодолением советского общества, его антропологического субстрата, социального опыта, во многом выступает их продолжением и консервацией, пусть в ослабленном виде.

СТРАНА ЗРИТЕЛЕЙ: МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ*

Определяющая черта общественной жизни в России второй половины 90-х гг. — явный спад *групповой* активности в стране, внутренняя эрозия, ослабление авторитета, функциональное перерождение прежних сколько-нибудь самостоятельных, инициативных социальных групп¹. В отсутствие сложившейся системы опосредующих институтов, форм самоорганизации общества, развитых структур публичности, при сворачивании партийного строительства или, напротив, «размазывании» сколько-нибудь структурированной, опознаваемой конфигурации политических партий единственным источником полномочий для любых социальных акторов вновь становится центральная, иерархизированная политическая власть (в первую очередь федеральное руководство, отчасти — дублирующая его в этом отношении местная номенклатура)². Едва зародившееся общество, намечавшиеся были группы кандидатов в его «элиту», можно сказать, в подавляющем большинстве сдали собственные функции новому президенту и стоящим за ним социальным силам. По-своему закономерно, что это произошло в условиях, когда все слои населения из месяца в месяц выражают недоверие всем основным институтам общества, кроме армии и православной церкви, ностальгически сплачиваясь вокруг «центра», репрезентированного фигурами и символами «сильной и единой державы». Недаром для центрального законодательного органа страны

* Опубликовано в кн.: Кто и куда стремится вести Россию?.. М., 2001. С. 297–310. Здесь дополнено некоторыми более новыми данными.

¹ Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б. Конец 90-х годов: Затухание образцов// Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1 (51). С. 15–30.

² См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: время «серых»// Мониторинг общественного мнения. 2000. № 2. С. 17–29.

и его избирателей XX век завершается, а новое столетие начинается с принятия новой российской символики, выдержанной в духе известной уваровской триады.

Соответствующие трансформации можно наблюдать и в системе российских массмедиа. За девяностые годы сменилась их структурная доминанта. Теперь это не еженедельники типа «Московских новостей» и «Литературной газеты» (совокупный годовой тираж газет с 1990 по 1998 г. при росте их числа на 13% сократился в стране на треть), не журналы типа «Огонька» и «Смены, тем более — «Нового мира» и «Знамени» (годовой тираж журналов, несколько сократившихся и в количестве, за те же годы уменьшился на 87%)¹, а общедоступное телевидение, представленное фактически двумя своими первыми каналами. Демонстративно грубая расправа с НТВ к весне 2001 г. — лишь организационное завершение тех тенденций, которые вполне однозначно проявились в стране за 1998—2000 гг., начиная с государственной информационной блокады второй чеченской войны, «крутых разборок с олигархами» и жесткой подковерной борьбы перед последними выборами².

Все это коренным образом меняет место массмедиа в социальной жизни страны, в политической сфере, в системе культурных коммуникаций³. Ведущим направлением их работы стал сегодня регулярный, по несколько раз на дню повторяющийся информационно-сенсационный «массаж» большинства населения, а магистральной перспективой — переход не просто на массового зрителя, но на аудиторию, все более периферийную в социальном и культурном плане, рутинную по своим ожиданиям и запросам, критериям восприятия и оценки. Именно этот последний контингент составляет сегодня «имплицитного адресата» большинства передач ТВ, его прожективного партнера, определяет претензии, масштабы и горизонты воздействия массмедиа.

Если говорить об отношении массы российского населения к власти (а оно для сегодняшней общественной жизни в стране, как уже говорилось, конститутивно), то за вторую половину 90-х гг., а особенно за два последних года, в массовом сознании стали заметно расходиться несколько планов соответствующих представлений. Их можно упорядочить, расположив на осях центральной/местной и номинальной/реальной власти. С одной стороны, перед россиянами постоянно предстает теперь «виртуальная» власть: центральное

¹ Российский статистический ежегодник. М., 1999. С. 231, 234—235.

² См. об этом: *Мухин А.* Информационная война в России. М., 2000.

³ См. специальный выпуск журнала «Pro et Contra» (2000, Т. 5. № 4), целиком посвященный масс-медиа.

руководство не сходит с первых страниц газет и экранов телевизоров, навязчиво фигурируя в актах самодемонстрации, причем опять-таки в двух планах: один из них — повседневный рутинный протокол типа «принял» или «заявил», другой — ритуальное явление и символическое присутствие первых лиц в критические моменты в экстраординарных ситуациях. С другой стороны, существует и вполне ощутимо для россиян действует местная власть (включая непосредственное начальство на производстве — директорат), распорядитель уравнительного минимума ресурсов и благ, нужного массам, особенно старшим по возрасту, менее самостоятельным и предприимчивым в социальном плане группам в их повседневном выживании (массовое доверие местной власти по всем замерам ВЦИОМ последнего времени устойчиво превышает доверие власти центральной). С третьей стороны, в массмедиа и в сознании населения фигурируют «теневые» структуры и двойники власти — «олигархи», «мафия», «семья» и проч. Если фигуры и действия власти первого уровня символизируют высший, «идеальный» порядок для всего национального целого, а второго — обеспечивают хотя бы минимальный порядок в общем «хаосе» или несколько уменьшают общий «бардак», то перечисленные теневые фигуры и проекции наряду с прочими (к примеру, новым старым образом «враждебного Запада») выступают «превращенными формами» негативных значений власти, воплощают страхи населения, фиксируя его отчужденность от реальных механизмов воздействия на ситуацию, но вместе с тем разгружая идеализированный образ высшего руководства от нежелательных черных тонов, обеляя его мифологизированный имидж и престиж.

В эмпирической реальности перечисленные планы соотнесены, функционально взаимосвязаны, один без другого не работают. Но не менее важно еще одно: вся эта знакомая по прежним десятилетиям оценочная конструкция образов «маленького человека» и недоступной для него власти, могущества, богатства, закрепленное в ней соотношение символического «центра» и «периферии» говорит о живучести советской системы административной иерархии, о разрыве между Москвой и остальной страной, ставшей как бы «одной большой провинцией» (этот разрыв переживается тем острее, чем ниже статус индивида и иерархическая позиция того места, где он живет). С этим обстоятельством, в частности, связана фундаментальная роль центрального телевидения в нынешней социально-коммуникативной ситуации в России. Но отсюда же и возросшее для россиян значение местной прессы, прежде всего — информационной (дающей свежую сводку о ближайших рынках труда, необходимых благ и услуг) и рекламно-развлекательной, особенно еженедельной. Подчеркну здесь же характерное расслоение социокультурных времен: ежедневные циклы, рит-

мы их воспроизводства и смены задаются телевизором и, как правило, из «центра», еженедельные — размечаются и репродуцируются прессой, чаще всего — местной (среди ее читателей преобладают россияне более зрелого возраста и более низкого статуса, уровня образования).

Можно, соответственно, говорить о расслоении поведения россиян несколько планов. Среди них выделяются *пассивно-адаптивный* (повседневные тактики социального взаимодействия за пределами узкого круга «своих», приучающие «крутиться») и *рутинно-интегративный* («ритуалы» зрительской солидарности с государственно-национальным целым и его символическими репрезентантами в образе центральной власти). Еще один уровень составляет при этом *домашнее, семейное поведение частных лиц*, их «собственная», повседневная и привычная жизнь после работы, казалось бы — за рамками требований «большого» общества, вне общесоциальных обязательств и норм. Однако ее неизменным практическим для всех россиян символическим фокусом выступает телевизор. Он синоним самого дома и семьи, почему и при входе домой его либо сразу же включают, как свет, либо обнаруживают уже работающим («без него и дом как неживой»): по данным вЦИОМовского октябрьского опроса городского населения страны (2000 человек), такова повседневная практика в семьях более чем половины работающих горожан России. По данным того же опроса, 60% горожан привыкли смотреть телевизор вместе с семьей, у трети опрошенных он вообще работает не выключаясь весь день. Неизменность и настоятельность «присутствия» дома, в кругу семьи именно телевизора, по сравнению с другими масс-коммуникативными каналами, можно видеть из данных того же городского опроса в октябре 2000 г. (в % ко всем опрошенным, информационные каналы ранжированы в порядке убывания их ежедневной аудитории).

Эрозия авторитета отечественной интеллигенции, потеря ею прежнего социального места сказались, в частности, и на сокращении за вторую половину 1990-х гг. престижа занятий, многие десятилетия ассоциировавшихся в СССР с идеологически нагруженным представлением о «культуре», «культурном человеке»¹. Как в государственных структурах управления этой сферой, так и в рамках ее частного спонсирования (фонды, гранты), подсистем целевой поддержки и вознаграждения культурных инициатив (премии, презентации, клубы) силами фактически одного, среднего по возрасту слоя новых интеллектуалов за пять-шесть последних лет в России сложилась час-

¹ См.: Дубин Б. Культурная репродукция и культурная динамика в России 1990-х годов // Он же. Слово — письмо — литература. М., 2001. С. 342–366, а также статью «Массовое чтение и общедоступная библиотека» в настоящем сборнике.

Как часто вы лично...

<i>Частота, перечень занятий</i>	<i>Ежедневно</i>	<i>2–3 раза в неделю</i>	<i>Несколько раз в месяц</i>	<i>Редко или никогда</i>
смотрите телевизор	91	7	1	1
слушаете радио	68	6	3	23
читаете газеты	24	27	31	18
смотрите видеофильмы	7	9	24	60
читаете журналы	4	10	33	53

тично обновленная государственная система управления культурой (Минкульт, Госкомпечать с их новыми формами поддержки приватизированных толстых журналов и проч.), а рядом с ней — достаточно жестко монополизированный истеблишмент культуры (ведущие художественные галереи столицы, несколько прежних «толстых» и еще меньше — новых независимых журналов Москвы и Санкт-Петербурга, считанное количество сайтов в Интернете). Меняются основания и система власти, влияния, авторитета в культуре (структуры ориентаций, апелляции, поддержки и вознаграждения, распределения ресурсов). Если говорить о характере этих перемен, то перед нами опять-таки «дробление» и «перерождение» прежних инстанций и институций.

Нынешние структуры культурного авторитета по-прежнему неконкурентны и авторитарны. Конечно, теперь монопольная власть в культуре не мобилизует и не «облучает» массы из единого функционального центра общества. Она, как правило, вообще не обращается к массовой публике. Ее задача — это, во-первых, ориентация и самоорганизация образованного слоя, его новейших, более молодых и активных фракций, своего рода «перекрестное опыление». Закрытые, в социальном плане, отношения «своих» осуществляются здесь с помощью новейших массовых технологий, включая компьютерные. Однако сенсации, регулярно провоцируемые и шумно отмечаемые в данном кругу, за его пределами сегодня, как правило, редко кому известны и, в общем, малоинтересны. Во-вторых, подобные структуры поддерживают и авторизируют сегодня усвоение образованным меньшинством отдельных значений и образцов массовой культуры (прежде всего — западной), адаптируют ее и соответствующую цивилизационную проблематику повседневности, моды, игры, «женской культуры» для нового поколения более молодых, подготовленных, динамичных и ориентирующихся в современности «интел-

лектуалов»¹. Между подобными новыми, адаптивными по их культурной роли, фракциями, работающими в расчете на них структурами и формами организации культуры, с одной стороны, и «широкой» интеллигенцией позднесоветского типа, с другой, образовался явный разрыв (одно из его выражений — отказ широких образованных слоев от чтения новейшей отечественной и даже переводной литературы). Такой же разрыв существует сегодня между «культурой» и «обществом», образованным сословием столицы, нескольких крупнейших городов — и всей остальной массой российского населения. Данные разрывы и заполнились, продолжают заполняться сегодняшним телевидением.

Показательно сокращение за последние годы интереса россиян (причем особенно — более образованной их части) к книгопокупке, равно как и резкое уменьшение тиражей книг — самого фундаментального и долговременного, но вместе с тем наиболее сложного инструмента дифференцированной культурной коммуникации.

Если в 1990 г. средний тираж одной книги в России приближался к 38 тысячам (что, отмечу, превышало соответствующие показатели позднесоветских восьмидесятых годов, пресловутого брежневско-андроповского «золотого века»)², то в 1995 г. он едва достигал 14 тысяч, а в 2000 г. уже равнялся 8 тысячам.

Совершенно иная ситуация — с телевидением. Практически все население страны смотрит телевизор каждый день. При этом самый популярный мотив регулярного обращения к телеэкрану — «узнать последние новости» (реже других им руководствуются наиболее молодые телезрители, чей интерес к новостям, в сравнении с другими группами, наименьший). Преобладающая часть телезрителей (в городах —

¹ Одна из, вероятно, важнейших проблем всего данного слоя и конституирующих его организационных структур состоит в создании сенсационного успеха (отечественного бестселлера, фильма, способного конкурировать с Голливудом, и т.п.). Это понятно: подобный успех образца означал бы успех самого выдвигающего его контингента, признание его претензий на руководство. Отсюда настойчивая в описываемом кругу деятельность по составлению всевозможных рейтингов, одержимость конкурсами и проч. В этих условиях центральной фигурой культурной жизни становится «менеджер-звезда» (не столько автор, сколько издатель, рекламист, журнальный или сетевой обозреватель), событием культуры — издательский, выставочный, сетевой либо иной коллективный «проект» как кандидат на будущую премию (выставка, книжная серия, программа концертов), а центр культурной коммуникации переносится на технологии.

² Приводимые данные, подчеркну, относятся именно к постсоветским годам, когда прямого идеологического заказа и накачки сверху, а соответственно, и раздутых тиражей пропагандистской книгопродукции уже не было.

Таблица 2

**Сколько приблизительно книг имеется в вашей библиотеке?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Год опроса</i>					
	<i>1995, N=2400</i>	<i>1996, N=2400</i>	<i>1997, N=2400</i>	<i>1998, N=2400</i>	<i>2000, N=2400</i>	<i>2002, N=2100</i>
Не имею домашней библиотеки	24	28	27	32	34	31
До 100 книг	34	34	37	35	35	37
100–300 книг	21	22	21	20	18	21
300–500 книг	11	8	9	7	8	7
500–1000 книг	6	5	4	3	3	3
Больше 1000 книг	4	2	2	2	2	1

Таблица 3

Выпуск книг и брошюр в РФ¹

<i>Показатели книгоиздания, год</i>	<i>Число названий</i>	<i>Тираж, млн. экз.</i>
1990	41 234	1553,1
1995	33 623	475,0
1999	47 733	421,5
2000	50 085	404,0

до 90%) смотрят новостные программы несколько раз в день по разным каналам, однако ищут в них как раз не новое, а совпадающее, повторяющееся, привычное. В этом смысле можно сказать, что функция ТВ — стабилизация и рутинизация актуальной картины мира, закрепление ее через многократный массовый повтор. Вообще говоря, повторение известного — модель и модуль массовых коммуникаций. Наиболее существенный мотив в данном случае — чувство подключенности к общей жизни, обозначаемой событиями, которые происходят «не здесь» и не с конкретным реципиентом как таковым. Подобное чувство символической причастности гораздо важнее и передаваемой по телевизору «прямой» информации, и собственного решения, ответственности, ролевых обязательств индивида — роли данного человека в семье — и его самостоятельной рефлексии над показанным.

¹ Приведено и рассчитано по: Книжное обозрение. 2001. 5 марта. С. 4–5.

С другой стороны, такая тавтология (известия об уже известном) важна респонденту тем, что дает ему ощущение организованности, выстроенности, неслучайности передаваемой информации, а потому какой-то организованности, осмысленности существования его самого, структурированности его собственного времени: транслируемые сведения и вся «картинка мира» не только повторяются потому, что они — важные, но и становятся важными потому, что повторяются. Для зрителя или слушателя при этом подразумевается, что мир — общество — общая жизнь организованы не им самим, а извне и одинаково для всех. И только такое понимание человека и общества обеспечивает каждому из зрительской массы дистанцированно-зрительское включение в воображаемый общий социум.

Характерно, что по местным телеканалам новости смотрят лишь 12% опрошенных, а предпочитают местные источники новостей и того меньше. Основной эффект телевидения (это относится не только к новостям, но и к аудитории всех наиболее популярных передач — художественных фильмов, криминальной хроники, передач о природе и животных, спортивных передач, эстрадных концертов) — массивизирующий: оно усредняет и интегрирует зрительское сообщество, общество в целом. 62% опрошенных горожан знают о существовании региональных телекомпаний и каналов, 52% могут их принимать у себя дома. Тем не менее подавляющее большинство (84%) все равно предпочитает смотреть передачи центральных каналов и лишь незначительная часть (4%) — каналов региональных. Понятно, что при такой тотальной популярности центральных телеканалов социально-демографические различия оказываются практически незначимыми. Не обсуждаю сейчас технические, финансовые, кадровые возможности регионального телевидения — они с ресурсами центральных, тем более государственных, каналов, понятно, не сопоставимы; достаточно отметить, что отсутствие или малозначительность по сравнению с центром такой мощной финансовой подпитки, как реклама, делает региональные телестудии и компании фактически полностью зависимыми от региональных властей, местных бюджетных средств и проч.

Тематические предпочтения российской публики явно концентрированы сегодня на нескольких комплексах телевизионных передач: это новости; кино- и телевизионные фильмы; эстрада; спорт; дом, участок, семья, здоровье.

Если иметь в виду способ организации наиболее популярных телевизионных сообщений, то нетрудно заметить, что конструкция телевизионной реальности (формула коммуникативного взаимодействия) держится на нескольких сквозных смысловых приемах:

— более или менее синхронные с временем просмотра рассказы о реальных, сегодняшних событиях, включая моменты их прямого по-

Таблица 4

Какие из следующих видов телепрограмм вам больше всего нравится смотреть по телевизору? (В % по столбцу, ранжировано по данным 1995 г.; прочерки в графах означают, что соответствующей подсказки в опросе данного года не было)

<i>Год опроса, виды телепрограмм</i>	<i>1995, N=2000</i>	<i>1997, N=1600</i>	<i>2000, горожане, N=2000</i>
Художественные фильмы	87	74	70
Юмористические	64	49	54
Информационные	57	63	82
Программы популярной музыки	47	19	38
Сериалы	44	37	33
Игры, конкурсы, викторины	37	34	24
Мультфильмы	32	15	18
Научно-популярные программы	32	15	16
Спортивные	29	22	38
Концерты классической музыки, оперы, балеты	11	6	10
Народную музыку, песни, танцы	-	17	-
О здоровье, семье, доме, приусадебном участке	-	34	26
Публицистические программы	-	14	18
О литературе, искусстве, культуре	-	12	10
Затрудняюсь ответить	2	2	1

каза (пределы реальности здесь обозначают, задают символика и значения отклоняющегося, криминального, с одной стороны, и квазичеловеческого «иног», к примеру, животных, — с другой);

— вымышленные истории, разыгранные фиктивными героями (актерами, чаще всего — известными зрителю по имени, внешности, другим ролям и т. п.), зачастую с достаточно долгим, периодическим продолжением (кинофильмы, телесериалы);

— сценические игры в соревнование и согласие, достижение и победу, полемику и консенсус, включая символические призы победителям (в том числе ироническое, разыгрывающее дистанцирование от них — юмор, комедии, разнообразные «приколы»).

— акты эмоционального единения с аффективной общностью «всех», представленные символической фигурой «виртуоза переживаний» (певца, музыканта либо ансамбля исполнителей).

О повторяющемся характере «новостей», их конструкции, тавтологической по форме и интегративной по функции, выше уже говорилось. В этом плане интересно не только увеличение значимости новостных программ для массового российского зрителя второй половины 1990-х гг. (видное по данным только что приведенной таблицы), но и проявившийся уже за последний год рост доверия россиян к массмедиа вообще. Кажется, публика, особенно зрительская, наиболее массовая, все больше ждет от массмедиа, что те подтвердят ее мнения и оценки, ее картину мира, и воздает им «доверием» в тех случаях, когда подобные ожидания подтверждаются (образцы и значения, расходящиеся с установками, при этом не рефлексировуются, а вытесняются или блокируются «внутренней цензурой»). Рост соответствующих позитивных показателей — индикатор все более полного совпадения установок коммуникантов и ориентаций коммуникаторов.

Характерны в этом смысле и данные о воздействии массмедиа на мнения и поступки избирателей. В 2000 г. россияне признавали подобное влияние куда шире и охотней, нежели в период предшествовавших выборов, причем и оценивали факт этого воздействия (политтехнологи и их критики обычно именуют его «манипулированием») не в пример благодушной.

С другой стороны, широкий российский зритель в последние годы все охотнее ищет (и находит) на популярных каналах и среди популярных передач отечественные массовые образцы. Показательна здесь переориентация зрителей и зрительниц телесериалов (кинодетектива, боевика, мелодрамы, костюмно-исторического фильма) на «внутреннюю» продукцию.

Телевидение представляет собой особый способ социальной организации значений, специфический режим семантического существования. К этой специфике относится, в частности, то, что для массы зрителей собственно поток телекоммуникации важнее, чем различия между каналами. Мир, представленный на экране ТВ, самоструктурирован: поэтому в качестве рекомендаций телесмотра работает опять-таки сам телевизор, аннотация и реклама предстоящих передач. Так обстоит дело, например, для большинства горожан в России (46% опрошенных в октябре 2000 г.): главное рекламно-информационное средство для них — сам телевизионный канал (по известной формуле Маршалла Маклюэна, *the medium is the message*). Это влияние для них даже важнее, чем советы родных и близких, рекомендации журналов типа «7 дней» или газет «с программой» (они значимы для 38–39% опрошенных). Характерно в этом контексте, что к среди журналов,

Таблица 5

В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают сегодня доверия печать, радио, телевидение? (В % к числу опрошенных в каждом исследовании)

<i>Год опроса, число опрошенных</i>	<i>1993, 2000</i>	<i>1994, 3000</i>	<i>1995, 2500</i>	<i>1996, 2400</i>	<i>1997, 2400</i>	<i>1998, 2400</i>	<i>1999, 2400</i>	<i>2000, 2400</i>	<i>2001, 2400</i>	<i>2003, 2100</i>	<i>2006, 2100</i>
Вполне заслуживают	26	20	23	25	24	24	22	20	28	23	22
Не вполне заслуживают	42	48	47	44	43	44	45	47	43	40	42
Совсем не заслуживают	17	17	17	17	19	18	21	19	18	23	20
Затрудняюсь ответить	15	15	13	14	14	14	12	14	11	14	16

Таблица 6

Что бы вы могли сказать о средствах массовой информации (телевидении, газетах, радио) в нынешней предвыборной ситуации? (В % к числу опрошенных в каждом исследовании)

<i>Год опроса, варианты ответов</i>	<i>1996</i>	<i>2000</i>
Они привлекли мое внимание к предстоящим выборам	20	27
Они помогли мне прояснить для себя предвыборную ситуацию	13	23
Они изменили мои намерения участвовать в выборах и/или намерения голосовать за того или иного кандидата	6	6
Они только запутывают, мешают принять решение	13	16
Они не оказали на меня никакого влияния	25	23
Я в принципе не верю телевидению, газетам, радио	11	14
Не смотрю, не слушаю такие передачи/ не читаю статьи, поскольку не интересуюсь политикой	9	12
Другое	0	1
Затрудняюсь ответить	2	4

Таблица 7

Смотрите ли вы регулярно какие-нибудь телесериалы и какие именно? (В % к опрошенным в каждом исследовании; можно было выбрать несколько позиций, поэтому сумма ответов превышает 100%)

	<i>1993, 1600 чел.</i>	<i>1999, 2000 чел.</i>
Отечественные	18	36
Латиноамериканские	37	24
Американские, австралийские	35	13
Не смотрю сериалов	36	17

Формулировки в 1999 г. приравнены к 1993 г. условно.

Таблица 8

Читаете, просматриваете ли вы более или менее регулярно какие-нибудь из журналов следующих типов? (В % к опрошенным, ранжировано в порядке убывания популярности)

Журналы телепрограмм типа «ТВ-парк», «7 дней» и пр.	19
Тонкие женские гляцевые типа «Крестьянки», «Работницы», «Лизы»	18
Толстые женские гляцевые типа «Cosmopolitan», «Elle»	8
Журналы и сборники кроссвордов	7
Журналы о здоровье, лекарствах, здоровом образе жизни типа «Здоровье», «Домашний доктор»	5
Тонкие политические еженедельники типа «Итогов», «Нового времени»	5
Деловые тонкие еженедельники типа «Коммерсант-weekly», «Денег»	4
Юмористические журналы типа «Крокодил»	3
Журналы о компьютерах, компьютерных программах, играх	3
Толстые гляцевые развлекательные журналы типа «Матадор», «Домовой»	3
Журналы по автомобильному делу типа «Автопилот», «Мотор»	3
Журналы по кино и видео типа «Video-Асс», «Кино-парк», «Сinema»	1
Толстые литературные журналы типа «Нового мира», «Знамени»	1
Эротические журналы типа «Playboy», «Андрей»	1
Другие	8
Практически не читаю журналов	52

наиболее часто читаемых горожанами России, прежде всего выделяются именно те, которые дают аннотированную программу телепередач (в контексте светских новостей из жизни опять-таки телезвезд). Впрочем, в поведении москвичей эта тенденция была отмечена уже в 1997 г. (опрос ВЦИОМ, N=1500).

Добавлю, что применительно к телевидению нет полноценных функциональных аналогов литературной, художественной или музыкальной критики — в современном российском обществе отсутствуют специализированные группы, которые бы прорабатывали, оценивали, комментировали поток ТВ-сообщений в расчете на среднего зрителя (потребителя). Так или иначе, для массовой публики их не существует. Поэтому мир ТВ не размечен, но для рядового зрителя это еще одно свидетельство в пользу «реальности» показанного ему на экране: показано как реальное — значит, есть.

Сценографию телевизионного мира, телевизионной «картинки реальности» в современной российской ситуации можно обобщенно характеризовать следующим образом. Происходящее на экране организовано (но не самим зрителем), повторяется (несколько раз на дню и регулярно изо дня в день), воспринимается публикой с ностальгической установкой (возвращает к легенде «державы», ориентирует на «старое», включая «старое кино», песни-шлягеры, «звезд» прежних, советских лет и т.д.), выступает для зрителя синонимом исключительного, внеповседневного или отклоняющегося от нормы (сенсационно-скандального, когда основной герой — это «ловец момента», «охотник за удачей», ведущий себя экстраординарно, но так, будто у него есть право вести себя именно так, «наперекор всем правилам») и существует как несконцентрированное — наполовину увиденное, не всегда слышанное, воспринимаемое между делом. Телесмотрение — это особая, «несобранная» жизнь вполглаза и вполслуха (46% опрошенных смотрят ТВ вместе с домашними делами). Ряд исследователей считает его занятием в культурно-типологическом плане «провинциальным» (провинция здесь понимается как область не достижительского, а пассивно-исполнительского или попросту реактивного поведения) и, в этом плане, сопоставляет с поведенческими стратегиями, традиционно кодифицируемыми как «женские»¹.

¹ «Мужская» модель смотрения для них — это «gaze», «неотрывная захваченность» по типу поведения зрителей в кинозале, а женская — «glance», «рассеянное посматривание» на экран в процессе готовки или глажки, в постели и проч. См.: The Female Gaze: Women as Viewers of Popular Culture/ Gamman L., Marshman M., eds. Seattle, 1989; Morley D. Television: Not so much a visual medium, more a visible object // Visual Culture. L.; N.Y., 1995, p. 174–175. В эвристическом плане кажется перспективным сопоставить поведение, переживания,

Иначе говоря, телевизионное сообщение выступает как внесубъективное по способу организации, анонимно-всеобщее по модусу существования, документальное, предъявленное глазу или слуху (и в этом смысле слабо членимое реципиентом и практически не контролируемое рефлексией), в целом — как «сама реальность», потому и рассчитанная на восприятие человека «как все», «любого». В этом смысле «реализм» или «документализм» телевидения означает для социолога согласованное и общепринятое определение реальности участниками коммуникативного взаимодействия, иными словами — очень высокую, предельную для данного общества степень конвенциональности представлений о социальном мире, которая удостоверена на уровне или от лица среднего человека, «человека как все».

Между тем исторически только «принцип индивидуации», культурная программа субъективности дают начало дифференциации социальных институтов с их институциональной формулой человека — познающего, делающего, рационального, экономического, политического и т.д. Вначале эта совокупность значений выступает групповым представлением (символом) сословия образованных, ищущих независимости интеллектуалов, позднее универсализируется до чисто антропологической идеи (формулы человека, его обобщенного образа), а затем становится институционализируемой ценностью, которая и полагается в основу всей динамики западных обществ, включая их повседневную жизнь. В этом плане принцип и программа субъективности составляют элитообразующий импульс (имеются в виду элиты или «диктатуры» развития новейшего времени, а не традиционно-аскриптивные — родовые, сословные, церковные элитные группы) и институтообразующее начало в истории Запада. Они смысловой фокус кристаллизации элит и институтов. И конечно, прежде всего — тех институтов, в которых воплощается инновация, принцип динамики, составляющий основу современного социального миропорядка, жизни развитых обществ. Дело здесь не просто в наличии той или иной антропологии (представлением о «своем» человеке и «чужаке» располагают любые общества, включая родовые и племенные), а в особой, исторически уникальной модели западного человека. Достаточно указать несколько его обобщенно-типических характеристик: он индивидуалистический (то есть самостоятельный и самоответственный), идеалистический (универсально ориентированный, его поведение регу-

реакции, с одной стороны, телезрителей, а с другой — спортивных болельщиков или туристов как поведенческие стратегии своеобразного «участия вприглядку»; см. об этом: *Urry J. The Tourist Gaze. L., 1990.* Распространенность подобных занятий, а значит, и роль работающей на них инфраструктуры, контингента занятых и т. д., в современных массовых обществах заметно растет.

лируется ценностями), деятельно-достижительский (ориентированный на повышение качества действия, а не просто на переживание причастности к коллективу, на символическую интеграцию со «всеми» себе подобными), активно-социальный (и социабельный), а потому по мере возможностей рациональный (стремящийся быть понятным для себя и других, ищущий возможностей позитивной социальной консолидации).

Видимо, лишь «человек» подобной конструкции может осуществлять рационализацию смысла своих действий. Точней — только ориентируясь на такую модель, группа, выступающая с заявкой на самостоятельность и общественный вес, может сделать рационализацию своих действий и вообще смыслового действия в том или ином отношении (в отношении его целей, ценностей, средств и проч.) систематическим занятием, претендующим, далее, на место в структуре общества, в системе его социальной стратификации. Группы и слои, не выдвигающие или не признающие принципа индивидуации либо отказавшиеся от него, и не вправе претендовать на роль элиты, и не в состоянии ею стать. Хотя они, конечно, могут участвовать в разделе власти и ресурсов, пытаться контролировать каналы формирования и воспроизводства элитных групп на других, внеуниверсалистских основаниях (традиционных, сословно-корпоративных и проч.).

Нынешний социальный процесс российской «массовизации» (во многом он идет по старому советскому образцу, то есть без формирования элит, вне универсализации и институционализации их ценностей) — процесс инволюционный. Он направлен против дифференциации и динамики, опирается на наиболее консервативные группы общества, а значит — включает в коллективное действие лишь соответствующие, уравнивательные смысловые ориентиры (к их числу принадлежит и массовая культура по-советски). Опора этого как бы «естественного» по ритмам и механике процесса — массовый человек постсоветских кондиций, пассивно-адаптивный и рутинно-интегративный, изолирующийся от мира и живущий домом, семьей, символическим центром которых является телевизор. Его *экран* можно понять не только как устройство, в которое и через которое видят общий «большой мир», но и как приспособление, которым от мира и окружающих людей заслоняются («ширма»). Постоянное присутствие такого рода «экранирующих» устройств различного радиуса действия, индивидуализированных и семейных, в обиходе все большего количества сегодняшних россиян (от нескольких стационарных телевизоров в квартире, видеосистем и домашних кинотеатров до наушников переносного плеера или мобильного телефона и проч.) могло бы стать предметом специального социологического, социально-психологического, культурологического анализа.

МОДЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК*

В последнее время феномен доверия и недоверия жителей России к социальным институтам общества явно привлекает внимание социологов, в его анализе все чаще заинтересованы и их «заказчики». Это связано с рядом обстоятельств. Уровень массового доверия фигуре В. Путина в последние два с половиной года настолько превосходит позитивное отношение россиян к любым другим политическим деятелям, силам, институциям и так устойчиво продолжает на этом уровне удерживаться, сохраняя соответствующий разрыв, что ставит перед вопросом о социальной природе данного феномена. В какой мере и каким образом символическая фигура президента вообще связана сегодня с конструкцией российского социума, работой его подсистем, деятельностью массовых коммуникаций, процессами в общественном мнении? Вместе с тем, в массе общества, в большинстве его групп нарастают настроения отчужденности от политики, политической пассивности, безразличия и эскапизма, стираются различия в социально-политических установках и оценках между самими этими группами. Так или иначе для аналитиков встают задачи определить институциональные основания сложившегося на нынешний день баланса сил и тенденций в обществе, выявить, если таковые имеются, потенциал и возможные направления его гипотетической динамики. Применительно к нынешней ситуации это требует осознать параметры и характер массовой поддержки тех или иных инициатив «сверху» (равно как и возможности влиять на президента и его команду со стороны или под вывесками общественного мнения),

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1. С. 14–19. Для настоящей публикации дополнено некоторыми более поздними соображениями.

оценить масштабы и формы пассивного противодействия подобным шагам на массовом уровне.

Динамика общественного доверия социальным институтам. Материалы опросов ВЦИОМ на этот счет не раз приводились и анализировались, с особенной пристальностью — Ю.А. Левадой¹. Я бы хотел сейчас подойти к этим данным и к самой теме не столько со стороны собственно *доверия* и стоящих за ним (выражающихся, проступающих в нем) социальных ожиданий и настроений, сколько со стороны *семантики институтов*, как она понимается массовым сознанием². Мой интерес — в том, чтобы наметить возможности институционального подхода в дополнение к антропологическому, точнее, связать институциональный и антропологический подход через массовые образы (символические значения) социальных институтов. Для начала напомним сводные данные ВЦИОМ по проблеме доверия основным социально-политическим институтам (привожу не весь список, фигурирующий в анкетах).

Как видим, для «начального» этапа замеров общественного мнения характерно достаточно высокое доверие советских людей большинству институтов общества в период их провозглашенной перестройки — показателен именно набор институтов в сравнительном различии их типов. Полюсом максимального многообразия выступают при этом массмедиа. Но зафиксированная картина достаточно быстро сменяется отказом в доверии фактически всем институтам, кроме армии и церкви. После фазы короткого периода ослабления доверия даже к ним (отрицательный пик здесь приходится на электоральный 1996 г.) армия и церковь снова становятся в общественном сознании опорными точками всей конструкции «воображаемого общества». Далее,

¹ См.: *Левада Ю.А.* Факторы и фантомы общественного доверия // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 7–12 (перепечатано в кн.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. М., 2000. С. 111–124); Он же. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 7–12. О доверии, ответственности и других моральных основаниях социального порядка в современных обществах см.: *Luhmann N.* Trust and Power. N.Y., 1980; *Eisenstadt S.N.* Power, Trust, and Meaning. Chicago, 1995; *Селугмен А.* Проблема доверия. М., 2002.

² Оставляю сейчас в стороне и те распространенные в политической, экономической, социальной жизни России типы поведения, которые демонстративно рассчитаны на доверие других, но с заведомым намерением это доверие обмануть, — отношения типа «блефа» или «понтон»; некоторые соображения по их поводу см.: *Дубин Б.* Война, власть, новые распорядители // Неприкосновенный запас, 2001. № 5(19). С. 22–29 (а также: <http://www.eurozine.com/partner/nepzapas>). На материале лагерной жизни — отношений блатных с фраерами — о них немало писал В. Шаламов в «Колымских рассказах».

Таблица 1

Массовое доверие социально-политическим институтам общества (отношение суммы положительных и суммы отрицательных ответов ранжировано по убыванию показателя в 1989 г.)

<i>Институты</i>	'89	'91	'93	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01, III	'01, IX
СМИ	5,0	1,1	0,8	1,3	1,2	1,2	1,3	1,1	1,1	1,6	1,3
Армия	5,0	2,7	3,4	1,1	0,5	1,4	1,4	1,9	4,8	1,8	1,9
Церковь	4,6	4,2	2,7	5,9	1,6	3,4	2,6	2,7	3,2	3,5	3,1
КГБ — ФСБ	3,6	1,1	1,2	0,6	0,3	0,5	0,7	0,8	1,3	1,2	1,2
Правительство	2,8	0,3	0,5	0,1	0,2	0,2	0,1	0,4	1,1	1,0	1,0
Парламент	1,6	—	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,7	0,3	0,3
Милиция, суд, прокуратура	1,2	0,7	0,4	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	—	—

Таблица 2

Массовое доверие социально-политическим институтам в конце ельцинского президентства и после Ельцина (в % к опрошенным)

<i>Институты</i>	<i>Март 1999</i>			<i>Март 2000</i>			<i>Март 2001</i>			<i>Сентябрь 2001</i>		
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Президент	3	29	71	48	28	9	52	31	7	54	30	7
Парламент	4	40	36	13	42	18	10	41	35	11	39	33
Правительство	12	45	28	20	43	18	21	41	22	22	40	21
Политические партии	3	30	39	6	34	31	7	28	36	6	28	37
Армия	29	36	15	48	26	10	33	30	18	33	31	18
ФСБ	19	34	24	24	35	18	22	32	19	23	30	19
Суд	13	38	35 ¹	—	—	—	13	34	26	14	34	29
СМИ	22	45	20	20	47	19	28	43	18	24	45	18
Церковь	36	21	14	38	22	12	41	21	12	38	21	12

¹ В формулировке 1999 г. — «милиция, суд, прокуратура».

с конца 1999 г., эту конструкцию увенчивает фигура исполняющего обязанности, а затем полномочного президента Путина; напомню, что до этого, еще в августе 1999 г. тех, кто считал, что в России нет политических сил, которым можно доверять, среди 1600 опрошенных насчитывалось втрое больше, чем их противников: 57% и 20%.

На нынешний день лишь президент, армия, церковь и массмедиа отчетливо остаются в зоне преобладания позитивных оценок населения. Общим фоном при этом выступает преобладающее среди россиян недоверие к окружающим их людям: 78% из 1600 опрошенных в январе 2001 г. были согласны с тем, что сегодня нельзя доверять никому за исключением самых близких (не согласных с этим мнением вчетверо меньше — 19%). Вот эту итоговую, устойчивую смысловую конфигурацию я и хочу обсудить. Для этого придется сделать небольшое теоретическое отступление о процессе модернизации в его основной проблематике и прежде всего — в связи с формированием современных социальных институтов. Речь пойдет о принципиальной схеме исследования, точнее — об одной из возможных здесь схем: проверка ее объяснительных возможностей на эмпирическом материале, в том числе — относящемся к истории советского общества, входит в задачи дальнейшей работы.

Понятие модельного института и траектории модернизационного процесса. Элементами модернизации как типологической исследовательской конструкции выступают оси идентификации и ориентации социального действия, дифференцирующиеся и институционализируемые в процессах перехода к «современным развитым» обществам:

— ось аскриптивного сходства—различия, или равенства—превосходства (критериев принадлежности и форм солидарности — «свой—чужие», «высшие—низшие»), здесь фиксируются нормы коллективной принадлежности;

— ось обобщенных достиженческих характеристик индивидуации, самостоятельности и соперничества, где отмечаются ценностно-целевые ориентиры действия.

Тогда структурную проблематику модернизации можно обобщенно представить как соединение нормативных параметров, или рамок, символической идентификации (новых границ и критериев принадлежности, форм коллективной солидарности) с мотивами и механизмами состоятельности (ценностями достижительности, началами дифференциации). Каждая из модернизирующихся стран, вступая в процесс со своими структурными особенностями и культурными традициями, находила свое, исторически особенное решение данной общей проблемы. Об идеальном смысловом моменте этих процессов, рациональном компоненте социального действия, и о новых, внесловных элитах, формирующихся на подобной идеальной основе, уже приходилось писать¹. Ведущими, структурообразующими элементами — осью кристаллизации современного общества — при этом стано-

¹ Кто и куда стремится вести Россию?.. Международный симпозиум 19–20 января 2001 г. М., 2001. С. 308–309.

вятся состязательные компоненты действия. Они закрепляются в системе социальной стратификации, стимулируют образование элитных групп, включаются в формы выражения их престижа и т.д. Тем самым, разрешением проблемы модернизации в плане социальной структуры и выступают ключевые институты современных обществ — такие, как рынок (биржа), а также гласный состязательный суд, выборный парламент (групповое представительство на основе опять-таки гласного состязания партийных программ и лидеров в ходе электорального марафона).

Модельным институтом, на начальных фазах модернизации притягивающим наибольшую активность акторов, становящимся сферой их наиболее успешной реализации, областью наибольших и наиболее признанных достижений для Запада нового времени является, видимо, рынок. Понятно, что исторически именно он принимает на себя общие согласованные значения социального института как такового, становясь позднее нормативным шаблоном для восприятия и оценки других институтов, метафорой социальной системы, общества в целом. Так, характерно, что язык торговых переговоров, согласования интересов (*negotiation*), сделки (*bargaining*) выступает в Америке метафорическим ресурсом для описания не только политических или судебных институтов, но и культурных систем, казалось бы, наиболее далеких от торговли — например, литературы¹. Обобщая, можно сказать, что каковы «идеальные» значения человека в данном обществе, таковы и ведущие элиты данного типа социума, таковы же модельные институты воспроизводства — и системы общества, и модели человека.

Для российского, а впоследствии советского общества, для идеологии традиционализирующей модернизации в России ведущими и определяющими являются критерии символической принадлежности, формы нормативной идентификации с целым. При этом начала дифференциации, социальные различия — кроме архаических, аскриптивных противопоставлений «своего—чужого» и «высшего—низшего» — для членов традиционалистски ориентированного сообщества непонятны. Они для коммунитарного сознания вообще загадочны и подозрительны. Осью структурирования подобного уравнительного целого (совокупности равных в своей принадлежности к нему и сплоченных этим равенством) выступает вертикаль простейшего иерархического контроля, возглавляемого неконкурентной фигурой вождя. Тем самым структура общества в России нового времени, а затем в советской России фиксирует принципиальный разрыв между горизон-

¹ См. об этом: *Венедиктова Т.Д.* «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М., 2003 (особенно с. 33–38).

тальным и вертикальным измерениями — массой и властью. Модернизацию по-русски можно в данном плане назвать институционализацией несостязательности. Она подразумевает отстранение, подавление и даже прямое устранение «первых», даже кандидатов в первые¹. Соответственно, парадигмальные формы организации, модельные институты здесь — по своей конструкции и механизмам властно-иерархические.

Российская модернизация: армия как модельный институт. Модельным институтом, вводящим новые значения современного поведения, рационализированного, технологизированного действия, открывающим, соответственно, возможности социальной мобильности и карьеры, но вместе с тем опирающимся на старые, традиционные значения иерархического контроля и внеконкурентного господства, в России, а затем в СССР, выступает армия². Однако армия представляет здесь не столько инновативную структуру рациональной бюрократии или социальный институт ведения современной войны, сколько общепризнанную нормативную модель легко управляемого и неконкурентного сообщества. Отвлекаясь сейчас от исторических фаз и механизмов формирования подобного образа³, в поздних, собственно советских массовых представлениях об армии можно аналитически выделить по крайней мере три следующих плана или пласта:

— армия как воплощенная слава страны, олицетворение ее героических побед, могущества советской державы, как символ националь-

¹ Если говорить о транскрипции этого обстоятельства образно-символическими средствами искусства, я бы напомнил о навязчиво всплывающих в русской литературе советского периода от Платонова и Булгакова до Шукшина и Маканина образах агрессивного антилидера среди пассивного сообщества терпящих его (и терпящих от него) обывателей; на самой поздней фазе, в антиутопии А. Зиновьева, этот образ принимает гротескный вид «крысиного волка».

² Виктор Заславский (*Заславский В.* Постсоветский этап изучения тоталитаризма // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1 — особенно с. 49–52 и указанные там работы автора и других исследователей) говорит в этой связи о «военно-индустриальном обществе». Меня в данном случае интересует не столько структура и функционирование подобной социальной системы, сколько ее образные проекции — символические конфигурации трудармии, смеси армии с фабрикой — в сознании членов подобного общества.

³ О складывании военно-промышленного комплекса как принципиальной схемы советского социума и модели централизованного управления им, системы его институтов — от производственных до репрессивных, доминантных форм социальных отношений, способов принятия и проведения решений и проч. см. детальную работу современного историка: *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения, конец 1920 — середина 1930-х гг. СПб., 2002.

ной (точнее — национально-государственной) идентичности — то есть как несущая часть национально-исторической легенды, компонент идеологии¹;

— армия как простейший и понятнейший вид социальной организации; он соединяет в себе внятные «каждому» значения равенства большинства, единства этих равных в их подвластности началам столь же простой, а потому понятной иерархии (иерархии властных полномочий, дающей вместе с тем известные и просчитываемые возможности регулируемого продвижения); в этом смысле поведение участников взаимодействия с их точки зрения понятно и предсказуемо, их повседневные, повторяющиеся, воспроизводимые во времени отношения принудительно-объективны; армия здесь — в предельно тривиализированном виде не современная армия, а дружина, и не руководитель, а вожак, вождь — модель социального организма относительно нового типа, вместе с тем понятного традиционалистскому сознанию;

— армия как воплощение образцового порядка повседневного существования с его однозначной четкостью ролей и императивов поведения, сравнительной гарантированностью и устроенностью быта, тоже нового для выходцев из села, но общего для всех и уже нетрадиционного, — здесь армия (казарма, лагерь) выступают моделью образа жизни.

Поскольку дифференциация подобной системы выступает в простейшей форме властной иерархии, то во главе ее — не прагматичный деятель-специалист в своей области, не вышедший из кругов элиты публичный лидер, а символ недифференцированной мощи. Точней говоря, «вождь» здесь даже не столько продолжает и завершает собою инструментально-исполнительскую иерархию, не суммирует в себе иерархическую власть, сколько господствует над самой иерархической лестницей, пребывая вне ее, над нею (как и над государством и обществом).

Признаками упорядоченности для сознания советских людей будут обладать именно такие организации, структуры такого типа. Они и сегодня выступают для большинства населения, особенно его старших групп, воплощением порядка, метафорой общества как такового; но они же — мера оценки «отклонения», «беспорядка», «хаоса» в массовых мнениях, через них, но уже исключительно негативным образом, от противоположного, вводятся значения устроенности и стабильности. Отсюда — высокая согласованная оценка силы, ее «понятность»

¹ Об этом комплексе значений и его роли в процессах мобилизации советского общества см.: *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национально-го символа // Он же. Негативная идентичность. М., 2004. С. 20–58.

и приемлемость для большинства, фактическое принятие ее массой населения как базового феномена и решающего аргумента в социальном взаимодействии. Отсюда же — всегдашний символический престиж силовых структур, но не их реальная власть и не инструментальная эффективность армии. Напротив, высокую символическую оценку населением силовые структуры сохраняют даже в отсутствие подобной эффективности (когда армия, как, например, в первую чеченскую войну, подается массмедиа и воспринимается населением преимущественно в качестве «жертвы»).

Подчеркну, что армия в такого рода представлениях — именно символическая модель общества, а не реально действующий институт. Показательно, например, что россияне крайне редко отождествляют с армией самостоятельную власть в стране и не ждут от нее подобных властных проявлений (см. табл. 3).

Таблица 3

**Когда вы говорите «власть», то кого вы прежде всего имеете в виду?
(В % к опрошенным, сумма ответов превышает 100%)**

	2001, 1600 чел.	2006, 1600 чел.
Президент	68	64
Правительство	44	36
Местные власти	25	30
Дума/СФ/ Федеральное собрание	18	18
Ближайшее окружение Путина	11	10
Милиция	11	10
ФСБ/армия/силовики	9	12
Начальство на работе	9	7
Суд, прокуратура	7	9
Олигархи	6	10
Криминальные структуры	6	
СМИ	1	6
Затруднились ответить	4	4

Более четырех пятых из опрошенных в июне 2001 г. (2000 чел.) не считают, что власть в стране должна принадлежать армии: число тех, кто одобрил бы подобную конструкцию власти, в 5,5 раз меньше. Доля тех, кто полагает, что представители армии так или иначе оказывают сегодня влияние на ситуацию в стране (чуть больше трети опрошенных в том

же исследовании), равна доле тех, кто так не считает. Иными словами, армия в подобных оценках — обобщенный образ силы без власти¹.

Высокая оценка армии как символического образца социальной упорядоченности вполне может соседствовать в массовом мнении с представлениями о коррумпированности армейских структур (более трех пятых респондентов из двух тысяч опрошенных в январе 2001 г. согласны с тем, что в нынешней армии в значительной мере распространены коррупция и взяточничество). Соответственно, символический престиж этого института не исключает значительной настороженности россиян по отношению к армейской службе и стремления молодежи в массе избежать военного призыва (в начале перестройки под влиянием множества публикаций о «дедовщине» и «неуставных порядках» подобные негативные установки были еще более распространены в советском обществе, в них охотнее признавались и себе, и интэрвьюерам). Вот как распределились ответы в опросе ВЦИОМ 2001 г. (1600 чел., в % к опрошенным):

Каждый настоящий мужчина должен пройти службу в армии	40
Служба в армии — долг, нужно отдать его государству, даже если это не отвечает вашим интересам	27
Служба в армии бессмысленна и опасна, нужно любыми средствами ее избежать	26
Затрудняюсь ответить	7

Комплементарные и альтернативные формы социальной жизни. На подобном фоне все другие формы социальной организации в советском обществе принимали в той или иной мере адаптивно-компенсаторный характер. Однако стоит отметить, что даже заметно развившиеся в брежневскую эпоху «теневые» механизмы социального взаимодействия, казалось бы компенсирующие общественную стагнацию, носили опять-таки несоревновательный характер, — рано или поздно это дол-

¹ Характерно, что в идеологически нагруженной фигуре «полководца» авторы новейших историко-патриотических романов массовой адресации подчеркивают именно значения слуги, подчинения «государю и отечеству», напротив осуждая в нем любые признаки индивидуализма, честолюбия, «кондотьерства»; см. об этом: *Дубин Б.* Риторика преданности и жертвы: вождь и слуга, предатель и враг в современной историко-патриотической прозе// *Знамя.* 2002. № 4. С. 202–212.

жно было привести общество к коллапсу. Различные формы привилегий и блага представляли собой подчеркнуто временное разрешение на пересечение нормативных границ, в обычной практике — запретных (метафорически говоря, были контрамаркой, но не билетом). Больше того, всякого рода символические «пропуска» выдавались инстанциями власти и распорядителями ресурсов именно в знак отказа от состоятельности. Они носили традиционалистский характер удостоверения в принадлежности к закрытому сообществу «своих».

Конструирование общества по армейскому образцу, центральное символическое значение армии как модельного института предопределило, в частности, распад традиционной семьи в «классическую» сталинскую эпоху и позднее, в период брежневского «застоя». В обществе, оставившем за мужской ролью по преимуществу адаптивные функции, фигура отца не могла выступать образцом для межпоколенческого состязания. Он все больше сосредоточивал на себе символические значения слабого, больного, инвалида, иждивенца. Функциональным центром семьи становилась властная мать, а внутрисемейные отношения принимали форму тяжбы за «место главного». Постоянное и неразрешимое соперничество между родителями, выливавшееся в склоку, задавало соответствующий характер отношений между всеми членами семьи.

Партикуляристские отношения «своих» по модели семьи, рода или клана не образуют современного, «большого» общества и не могут быть положены в основу его несущих институтов. Если говорить об антропологических моделях, лежащих в истоке модернизационных процессов дифференциации и институционализации различных типов социального действия, то центральной для Запада, видимо, является не архаическая, традиционалистская конструкция «своего» и «чужака», а символическая фигура человека как «любого и всякого», «каждого», можно сказать — «первого встречного» (в последующем развитии она, если брать предельную форму, принимает вид «массового человека»).

Одно из звеньев в культурной разработке этого символического комплекса в Европе — такой герой раннебуржуазной городской драмы и протестантского назидательно-аллегорического романа, как Эвримен (в Голландии — Элкерлейк), Имярек или Никто (Немо) — обобщенный, предельный Другой, но не конкретный «ты», не «я» и не «он»¹. Воплощенная в нем позитивная оценка Другого, непохожего на

¹ Если не говорить об архаической предыстории данного образа (Одиссей-Никто и др.), в Новое время он раньше всего возникает, видимо, в поэме страсбургского цирюльника Георга Шана «Никто» (1507, была издана и многократно переиздавалась потом с его же гравюрой). Далее сюжет активно разрабатывался в ренессансной и барочной драме, включая Испанию и Португалию (Жилом Висенте), но прежде всего — в анонимной английской пьесе, переделанной затем в Нидерландах (Исааком Фосом) и в Германии. Впоследствии ее

«тебя», но столь же самоценного, как «ты», и нужного «тебе» именно в этом самостоятельном качестве, кладется в основу рационального поведения, социального взаимодействия как такового. Рамками подобного действия, набором его мотивов и ориентиров предопределяются феномены общественного успеха и признания актора. На этой основе формируются новые элиты общества, выступающие двигателями модернизации, а затем — ее символами, символами успеха всего этого крупномасштабного социального процесса.

Еще раз о проблеме доверия социальным институтам. В соответствии с предложенным подходом проблема массового доверия институтам общества приобретает несколько иной вид и смысл. При таком концептуальном развороте вопрос не столько в том, что означает подобное «*доверие*», сколько в том, что значит тот или иной *институт* общества — на фоне модельного. В исследованиях девяностых годов социологи имели дело с достаточно ограниченным набором ключевых слов социально-политического лексикона, в частности — имен социальных институтов. Применительно к России и к Западу, на первых фазах перестройки и во второй половине десятилетия, тем более в его конце, эти имена фокусируют в себе разные конструкции социальной реальности. Таковы, например, парламент, рынок, массмедиа, та же армия или даже церковь.

В частности, для сравнения с данными по России (где *не реже одного раза в месяц* церковь посещали в 1990-е годы от 5 до 9% россиян) укажу, что в США в 1992–1999 гг. *еженедельно* бывали в храме или синагоге 23% людей до 29 лет и *вдвое больше* — самых пожилых американцев¹. И это лишь количественные различия; если же говорить о семантичес-

перерабатывали немецкие романтики (Арним, Тик), в их обработке сюжет дошел до Г. фон Гофманстала, чья драма «Имярек» была поставлена Максом Рейнгардтом в 1911 г. в Берлине, и нидерландского кинорежиссера Й.Стеллинга (1975). Сюжет вошел в массовую словесность и кино (капитан Немо у Ж. Верна, вестерн С. Леоне «Мое имя — Никто», 1973), но продолжал жизнь и в элитарной литературе, в авангардной лирике (роман Б. де Шлёйсера «Мое имя — Никто», стихотворение П. Целана «Псалом»; роман польского писателя Томека Трызны «Госпожа Никто», 1996, экранизированный А. Вайдой; роман французской писательницы вьетнамского происхождения Линды Ле «Никто», 2003). В живописи и гравюре этот герой фигурировал в протестантских лубочных картинках, английских религиозных памфлетах, картах Таро («портрет Никто» упоминает Шекспир в «Буре», III, 2), у Гольбеина, Брейгеля, Хогарта, Крукшенка и других. Благодарю Вардана Айрапетяна, привлечшего мое внимание к этому материалу и помогшего полезной литературой (см. об этом в его книге «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски». М., 2001, по указателю).

¹ См.: *Ehmann C.* The age factor in religious attitudes and behaviour (<http://gallup.com/poll/releases/pr990714b.asp>).

ком ореоле институтов, то напомним, что в конце 1980-х гг. церковь выступала в общественном мнении элементом *нового*, перестраивающегося социального устройства, противостоявшего традиционному советскому, — такова, в частности, была позиция демократических сил и лидеров в тот период. Сегодня ситуация — качественно иная. Или возьмем другой институт — массмедиа. Для общественного мнения конца 1980-х годов они (прежде всего — печать) синоним многообразия и перемен, тогда как для конца 1990-х они — и теперь прежде всего телевизор — синоним единообразия и повторения и т.д.¹

Слово «элементарные» в заглавии статьи означает не «простейшие», а «первичные», «основные». И если возвращаться к приведенным прежде данным о массовом доверии, то можно сказать, что временно допущенная в публичное пространство конца 1980-х — самого начала 1990-х гг. риторика рынка, многопартийности, парламента и прочего сменилась во второй половине и в конце десятилетия возвращением к прежним опорным элементам конструкции социального. Их смысловая привычность, узнаваемость, понятность, в частности, опознаются респондентами и фиксируются социологами в терминах *доверия*.

Сегодня можно говорить о нескольких символических кодах, в терминах которых массмедиа, популярные политики, «средний человек» воспринимают и описывают общество, его институты, социальную жизнь в стране. Ключевой метафорой общества выступают здесь воплощения силы. Такова армия в качестве модели простейшего и наиболее управляемого иерархического порядка, олицетворения «своего» — как коллективное «мы», «лучшее в нас», вообще «все лучшее».

Другой «ключ» к тому же символическому коду представляет фигура президента (символический образ, а не реальный чин и его носитель!). Она — несущая деталь всей воображаемой конструкции общества, включая конструкцию доверия институтам. Так было уже в ельцинские времена. Можно предположить, что именно потеря доверия к Ельцину и предельно низкие оценки его перспектив накануне избирательного марафона 1996 г. дали тогда наиболее низкие за все время замеров показатели массового доверия россиян ко всем институтам, включая даже наиболее значимые для них — церковь и армию. На подобном отрыве от реальных структур любой власти строится сегодня массовый имидж Путина. Но «наибольшее доверие» В. Путину дает и максимальные оценки доверия всем другим ведущим институтам современного российского общества — армии, органам госбезопасности, церкви, массмедиа². Массовые представления о социальных «опорах»

¹ См. об этом: Кто и куда стремится вести Россию?... С. 297–310.

² См. выразительные данные по этому поводу, приводимые Ю.А. Левадой: Мониторинг общественного мнения. 2001. № 3. С. 9.

**Социальная база поддержки В.В. Путина
(в % к опрошенным, сумма превышает 100%)**

<i>Социальные слои</i>	<i>Интересы каких слоев выражает Путин?</i>	<i>На какие слои опирается Путин?</i>	<i>Интересы каких слоев выражает Путин?</i>
	<i>Март 2001, 1600 чел.</i>	<i>Июль 2001, 1600 чел.</i>	<i>2005, 1600 чел.</i>
Силовики	36	43	41
Средний класс	23	16	21
Окружение Ельцина, «семья»	22	22	14
Чиновники, бюрократия	19	15	22
Олигархи	18	15	23
Простые люди	18	15	18
Директорский корпус	16	16	13
Все слои	11	7	10
Затрудняюсь ответить	14	18	11

Путина видны в таблице 3 (в % к опрошенным в каждом исследовании, приводятся лишь ведущие позиции, ранжировано по левому столбцу).

Общественный имидж и символический авторитет В. Путина связан с модельными институтами постсоветского общества, но не сводится к ним, а, скорее, возвышается над ними. В подобном смысле фигура Путина символически репрезентирует не столько отсутствующую, хотя и потребную всем «власть», сколько указывает на ее символическое «место», несет в себе ее презумпцию, возможность, — отсюда подчеркивание в его массовом образе таких качеств, как энергия и решительность, при весьма скромной оценке реальных дел и успехов. В соответствии с патерналистскими ожиданиями большинства Путин воплощает высшую, принципиально не подлежащую рационализации «управу» на любую структуру и фигуру власти, — это образ «ревизора из недоступного центра», «с самых верхов» (понятно, что высота и могущество подобного имиджа определяются точкой зрения периферии, «снизу»). Точнее было бы говорить не о доверии президенту, а о массовых упованиях на некое желаемое и воображаемое состояние. Так, после пяти лет правления россияне по-прежнему ценят Путина не за то, что он «справляется с решением проблем страны» (с большинством из них он, как признают респонденты, не справля-

ется), а потому что «люди надеются, что он в дальнейшем сможет с ними справиться».

Другой символический код (другая развертка той же конструкции социального мира) репрезентирует общество как церковь. Отметим, что преобладающая часть населения, называющего себя православным, признает: вера занимает в их жизни небольшое место. И речь в подобных случаях, как представляется, идет не о вере. Ведущими в конструкции социального мира по церковному образцу выступают магические значения «нездешней силы», задающие интеграцию, вообразимое сплочение и согласие вокруг образа церкви во главе с ее единоначальником-патриархом. Последние при этом мыслятся как синонимы национально-государственного целого, российско-державного, коллективного «мы»¹. Оба эти символических кода выступают для массового респондента как модели *должного* (в той же модальности, как уже говорилось, воспринимается и фигура президента страны). Обращает на себя внимание, что в обеих этих конструкциях социального мира отношение между людьми представлены как *антибуржуазные* — не достижительские, не состязательные, а, напротив, авторитарно-иерархические, закрытые, статичные и, значит, не подлежащие изменениям. Можно сказать и по-другому: чем дальше тот или иной социальный институт отстоит от принципов состязательности и достижительности, тем больше массового доверия ему со стороны россиян можно ожидать и наблюдать. Церковь и армия — наиболее «традиционные» из массовых институтов современного общества.

Третий код — напротив, символический код *реальности*, публичной реальности, коллективных образов сегодняшнего российского общества, того, что сегодня есть. И здесь характерно не только то, что общество — в частности или даже по преимуществу, его более современные, состязательные институты, например политические партии или парламент, — понимается как зрелище и что это зрелище несет телевизор. Дистанцированный характер зрительства, конечно, очень важен, и об этом в последнее время не раз писалось. Но не менее существенно собственно содержание «спектакля», его жанровый характер: обобщенно говоря, это жанр «бардака», «цирка». Вероятно, первые признаки подобного отношения к обществу как зрелищу (и чаще — зрелищу забавному) проявились у российского населения еще в первой половине 1990-х гг. Может быть, генеральной репетицией здесь выступила телетрансляция октябрьских событий 1993 г. Видимо, с та-

¹ О синтезе этих значений в массовых представлениях о религии и церкви см.: Дубин Б. Массовое православие в России (девяностые годы)// Индекс: Досье на цензуру. 2000. № 11. С. 115–120, а также статью «Православие, магия и идеология в сознании россиян» в настоящем сборнике.

ким отношением к политической реальности можно в немалой степени связать и победу на тогдашних выборах такого виртуозного шоумена в шутовской маске, как В. Жириновский¹.

Дело не ограничивается тем, что телевидение *отражает, показывает* бардак в стране. Главное в том, что оно *оценочно моделирует* зрительское отношение к происходящему как комическое, шутовское, по модели нелепого гэга или шока, — представляет гаером самого зрителя (так в старинной русской в лубочной картинке «Трое нас с тобою, шальных, блажных дураков» смеются не только над двумя изображенными героями-дурнями, а над смотрящим на них третьим²). Вероятно, с подобной модальностью показа и восприятия социальной, политической, культурной жизни в России связана массовая популярность юмористических шоу, которые в 1990-е гг. неизменно входят в тройку наиболее популярных у населения типов передач (желание «расслабиться», на которое ссылаются при этом опрошенные, — для социолога не столько ответ о мотивах просмотра, сколько новый вопрос — от чего и как, на каких значениях и в каких формах респонденты «расслабляются»). В число лидеров популярности у зрителей ТВ входят также политические новости (зрелище «виртуальной власти») и криминальная хроника. Подчеркнутое на экране и заранее оцененное постановщиком «спектакля» отклонение от нормы негативным образом отсылает к модельным структурам «должного» и «правильного», которые на примере «армии» и «церкви» описывались выше. Таков в сегодняшней России крайне громоздкий, смещенный механизм постепенного усвоения новых значений через их ценностное снижение, оценочную редукцию к старым.

Уровень повседневной реальности сегодня фиксируется *индивидуальными и семейными* тактиками прагматического выживания, принудительной адаптации. На первый взгляд может сложиться впечатление, что сам этот уровень как будто бы не транскрибируется символически, остается неозначенным, «грубым» и «сырым» (по известной формуле «улица корчится безъязыкая»). Но это не так: символы никогда и не соотносятся с реальностью напрямую, не отражают ее. Важнее то, что сама установка на адаптацию, сама конструкция и типы адаптации являются в данном случае исходными и определяющими для всех, казалось бы, более «высоких» символических кодов социального, реально работающих сегодня в российском обществе и в общественном мнении. При отсутствии самостоятельных и авторитетных

¹ См. об этом: Куда идет Россия?...: Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 230.

² Это изображение можно видеть в кн.: Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 1. СПб., 1881, лист 197.

элит, неразработанности идеальных компонентов действия и образа человека в культуре (неокультуренности практик повседневного существования) адаптация явочным порядком становится господствующей *парадигмой* действия, воспроизводимой — в виде двойных кодов, «двойного сознания» и проч. — всеми модельными институтами советского и постсоветского общества.

Представляемые по мысленному образцу «армии» и «церкви» социальные целостности (коллективное «мы» со всегдашними институтами авторитарной власти и жесткого порядка в центре) строятся респондентами так, как будто их самих, их повседневной жизни подобные фигуры и инстанции не касаются. Область общезначимого при этом не соотносится с текущей повседневностью и, можно сказать, не обладает *реальностью*, тогда как реально происходящее с людьми все больше отделяется от области общих смыслов, то есть как бы не обладает для них *универсальной значимостью*. Символическая принадлежность к виртуальному коллективному «мы» в подобных ситуациях (телевидение, которому абсолютное большинство россиян посвящает практически все свободное время, не столько задает подобную позицию, сколько ее технически объективирует и с регулярностью поддерживает) не влечет за собой практическую включенность в повседневное взаимодействие и реальную связь с каким бы то ни было другим, с обобщенным Другим. Это дает основание считать описываемую здесь ситуацию результатом системного кризиса партнерства (кризиса социальности), паралича социального воображения в советском и в постсоветском социуме.

Упомянутое интегративное «мы» задается вне усилий конкретных авторитетных групп и явных лидеров, без выработки позитивных символов идентичности, а потому не предполагает обучения, интерпретации, разночтений символики и, казалось бы, с необходимостью следующих из нее практических импликаций, тогда как адаптивная деятельность массы россиян не проходит символической обработки. Повседневные большие общности адаптирующихся людей — вне сферы единого «мы» — складываются в самом взаимодействии, не носят надличного, «объективного» характера, а потому не имеют обобщенного символического самоопределения, которое подлежало бы сохранению и воспроизводству. Они спонтанно возникают и столь же спонтанно распадаются, как вынужденное и неизбежное анонимное соседство в городском транспорте, в очереди или уличной толпе.

Какое бы то ни было действующее «я», а вместе с ним — настоящее время, время реального действия, в уравнивательных фигурах коллективной идентификации россиян отсутствуют. Показательно, что инстанции воображаемого самоопределения помещены для них либо в условное и недостижимое, поскольку безвозвратно утраченное, «про-

шлое», либо в столь же недоступное влиянию будущее, которое неким чудом вдруг должно почему-то наступить — причем разом для всех, чтобы никому не было ни обидно, ни зорно.

Конечно, в фигурах и конструкциях подобного воображаемого *прошлого* или *будущего* (а оно тоже строится здесь по образцу прошлого) социальному аналитику не так уж трудно различить остаточные контуры прежней идеологии — будь то в горизонте всемирности и миссионерства («все/будут/как мы»), будь то в нарциссическом, изоляционистском плане («мы — не как все, мы — другие» и т. п.). Однако в нынешней постмобилизационной, относительно «размагниченной» фазе существования российского социума и человека в России они лишены агрессивной нацеленности, наступательной энергии и фигурируют на правах анонимных и ничейных, «само-собой-разумеющихся» рамок реальности, хоть как-то согласованных горизонтов коллективных ориентаций и ожиданий. В этом плане общий смысл процесса, обозначившегося в стране к концу 1990-х гг., в постельцинский период, состоит в декоммунизации «советского» и принятии его уже в этом деидеологизированном качестве как «нашего прошлого», привычного и «хорошего» образа жизни, который тем не менее утрачен. С потерей «общего» времени и места в сознании, поведении россиян тем не менее не обозначилось своего, личного, приватного и подобного им пространства-времени. Напротив, все больше пространств и времен в России — жизнь крупных и крупнейших городов демонстрирует это каждый день с большой наглядностью — становятся ничейными. Это, можно сказать, безместья и вневременья, в буквальном смысле слова, утопии и ухронии.

МАССОВОЕ ЧТЕНИЕ И ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА: ПЕРЕМНЫ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ*

Институциональные рамки коммуникаций

Повседневная жизнь населения России определяется сегодня несколькими факторами общесоциального порядка. Через ряд опосредующих звеньев они воздействуют и на чтение россиян, определяя его частоту, объем, тип печатных источников, характер читательских запросов, ожиданий и оценок, равно как и отказ от чтения, подписки на периодику и приобретения книг, пользования библиотеками¹.

Самую общую рамку существования сегодня в стране образуют процессы социальной адаптации — выживания индивида и первичных коллективов (прежде всего семей) при ограниченных ресурсах сил, денег, связей, образования и квалификации, социальной лабильности и проч., ценой снижения статуса, сужения области социальных контактов и общих интересов, постоянного упрощения структуры запросов и ослабления требований к качеству потребляемых благ, продуктов, жизни вообще. Около четверти взрослого населения заявляет, что не может и не сможет приспособиться к произошедшим переменам, порядка 20% россиян надеются приспособиться в ближайшем будущем, несколько больше половины считают, что так или иначе они

* Печатается впервые.

¹ Более подробные эмпирические данные и общие соображения по всему этому комплексу вопросов см.: *Гудков Л., Дубин Б.* Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // *Либеральные реформы и культура*. М., 2003. С. 13–89; *Зоркая Н.* Чтение в контексте массовых коммуникаций // *Мониторинг общественного мнения*. 2003. № 2. С. 60–70; *Дубин Б.* Массовые коммуникации и коллективная идентичность // *Вестник общественного мнения*. 2003. № 1 (67). С. 17–27, а также статьи названных авторов и В.Д.Стельмах в кн.: *Читающий мир и мир чтения*. М., 2003.

Учреждения культуры и их посетители¹

	1990	1995	1999	2000	2000/1990, %
Число театров	382	470	539	547	143
Численность зрителей (посещений, млн)	55,6	31,6	29,3	30,8	55
Число музеев	1315	1725	1979	2047	212
Численность посетителей (посещений, млн)	144,0	75,4	72,3	73,2	51
Число платных киноустановок (тыс)	77,2	34,4	21,4	18,0	23
Численность зрителей (посещений, млн)	1609,0	80	41	42	3
Число массовых библиотек (тыс)	62,6	54,4	51,4	51,2	82
Численность читателей в них (млн)	71,9	60,2	59,2	59,6	83
Число изданных книг и брошюр (тыс)	41	34	48	60	146
Общий тираж (млн)	1553	475	421	471	30
Число периодических изданий (без газет)	3681	2471	3358	3570	97
Годовой тираж (млн)	5010	299	601	607	12
Число газет	4808	5101	5535	5758	120
Разовый тираж (млн)	166	122	104	109	66

уже приспособились. При этом более 20% россиян приходится часто или время от времени ограничиваться в потреблении света и тепла, 40% — в еде, 55% — в покупке одежды и обуви (данные октябрьского всероссийского опроса ВЦИОМ-А в 2003 г., N=1600 человек).

Одним из аспектов такой «понижающей» и «упрощающей» адаптации выступает последовательное одомашнивание досуга, обеднение его структуры. В сферу более или менее постоянных культурных коммуникаций половины жителей России за 1990-е гг. перестали входить такие институты, как музей и театр. Из культурной жизни обычных россиян практически нацело выпали кинотеатры: такой фигуры, как

¹ Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 229–230.

многомиллионный кинозритель советской эпохи, больше не существует.

Для подавляющего большинства российского населения свободное от работы и домашних дел время фактически целиком занято в последние годы просмотром телевизионных программ, которые в данной точке страны доступны¹. Замечу, что по отношению ко всему населению упомянутое «большинство» несколько сдвинуто в сторону более пожилых и менее образованных групп: они находятся на географической, социальной, культурной периферии социума, значительно слабей включены как в деловые формальные коммуникации, так и в досуговые межличностные контакты, а потому смотрят телевизор регулярнее и дольше, чем респонденты остальных групп. В будни за телевизором средняя российская семья проводит от 3 до 4 часов, по выходным — от 4 до 5 часов. При этом 81% россиян смотрят ТВ прежде всего, чтобы узнать новости (чаще такова мотивировка пожилых респондентов), 78% — чтобы отдохнуть, развлечься (такие ответы чаще дает молодежь). Остальные мотивы назывались опрошенными в 2000–2003 г. как минимум вдвое реже, а то и совсем редко (например, «приобщение к образцам культуры» оказывалось значимо только для отдельных ограниченных контингентов, главным образом — людей с высшим образованием).

Указанная унификация и омассовление досуга самым серьезным образом затронула и чтение россиян. С одной стороны, это стало результатом активной работы соответствующих институциональных систем — аудиовизуальных медиа (телевидение двух основных каналов) и ориентирующихся на них издательских структур (редакции наиболее популярных газет — «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», крупнейшие издательства-монополисты — «Эксмо», «Олма», «АСТ» — и их сети книгораспространения). Они все больше концентрировались на сравнительно нешироком спектре наиболее простых и броских тем, сюжетов, стилистических средств, пользовавшихся популярностью у самой широкой публики и в остросюжетной форме представляющих задачи, проблемы, конфликты социальной адаптации, ставшие проблематичными для большинства нормы общежития, разновидности отклоняющегося поведения и т. п. С другой стороны, этот сдвиг в сторону близких по типу, массовидных ожиданий, запросов и вкусов публики обозначил эрозию и распад прежних культурных «элит», продвинутых групп позднесоветской интеллигенции с их образом мира, пред-

¹ Подробнее об этом см. статью «Страна зрителей» в настоящем сборнике, а также: *Гудков Л., Дубин Б.* Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 31–45.

**Выпуск книг и брошюр государственными издательствами,
ведомственными организациями и негосударственными фирмами
(в % к продукции соответствующего года)¹**

	1992		1999		2000	
	По числу назв.	По общему тиражу	По числу назв.	По общему тиражу	По числу назв.	По общему тиражу
Гос. издательства	46	54	21	17	19	15
Негос. издательства	21	40	50	78	54	82
Ведомства	33	6	29	5	27	3

ставлением о своей миссии, стандартами «высокой», «настоящей» культуры и механизмами их письменно-печатного воспроизводства (школа, библиотека, литературная и художественная критика). В интересующем нас здесь плане эти институциональные сдвиги и их последствия для разных групп производителей и потребителей можно охарактеризовать как разгосударствление книгоиздания и книжной культуры.

При этом тиражи издаваемых книг на протяжении 90-х гг. последовательно сокращались. Если средний тираж одной книги в 1990 г. равнялся 38 тыс., то в 1995 г. он едва достигал 14 тыс., в 2000 г. равнялся 8 тыс., а к февралю 2002 г. составил 7 710 экз. Параллельно произошла достаточно резкая поляризация изданий для узкого круга и для широкого читателя: последние составляют основную массу того, что сегодня представлено обычному россиянину в больших книжных магазинах столицы и крупнейших городов, в уличных киосках, на вокзальных прилавках. Издания, которые можно условно считать массовыми (выпущенные тиражом 50 000 экз. и выше) составляют по названиям лишь 2,3% всех книг, вышедших в 2001 г., тогда как изданные малыми тиражами, до 500 экз. (условно можно считать это тиражом специализированной книги и приравненных в ней новых, еще не апробированных образцов литературы), составили в том же году 35,5% годового выпуска.

С упомянутым относительным разгосударствлением культуры (точнее, централизованной организации и монопольно-ведомствен-

¹ Здесь и далее использованы материалы публикаций: Книжное обозрение. 2001. 5 марта. С. 4–5; Книжное обозрение. 2002. 11 марта. С. 12–13 (сведения на 1 февраля 2002 г.). Подробнее см.: *Ленский Б.* Книгоиздательская система современной России. М., 2001; *Ильницкий А.* Книгоиздание современной России. М., 2002.

**Как часто вы читаете газеты?
(В % к опрошенным в соответствующем году)¹**

	<i>1990</i>	<i>1994</i>	<i>1998</i>	<i>2002</i>
Ежедневно	64	27	17	24
Не реже 1 раза в неделю	28	43	44	52
Не реже 1 раза в месяц	3	7	11	11
Практически никогда	7	23	27	15

ного управления культурой) связана и потеря прежней, позднесоветской интеллигентной своего социального статуса, места в культурной жизни, авторитета в более широких слоях населения, способностей нормальной массовой репродукции. Процесс такого масштаба и содержания, в свою очередь, принципиально изменил структуру печатных коммуникаций и вообще культурной жизни в стране. Так, заметно сократился объем постоянно читающих газеты и журналы, более чем на порядок уменьшились их средние тиражи. Средний тираж одной газеты в России с 1990 по 2001 г. упал почти вдвое, но у центральных газет всероссийского масштаба — их число за этот период выросло более чем в пять раз — он сократился в 25 раз². Общенациональной газеты, тем более нескольких крупных и авторитетных общенациональных газет, в России, в отличие от развитых стран мира, до сих пор не существует. Совокупный разовый тираж журналов (за это время их количество выросло почти втрое) сократился в 6–7 раз³, но для наиболее читаемых — опять-таки в 25 и более раз.

Газеты утратили свою ведущую роль аналитического источника текущих событий, но сохранились в качестве еженедельных таблоидов (для центральных изданий) или региональных еженедельных обзоров, «вестников» местных властей. Доля «нечитателей» или отказавшихся от газет выросла с 10% до 26%. Ежедневное чтение газет за 12 лет сократилось более чем в два раза (с 71% до 33% читателей), став еженедельным (рост с 30 до 65% читателей).

¹ Здесь и далее в таблицах приводятся данные опросов Левада-Центра (ранее ВЦИОМ, ВЦИОМ-А), в основном относящихся ко всему населению России, а в некоторых указанных случаях — к жителям городов или другим обозначенным категориям российского населения.

² Печать РФ в 2001 г. М., 2002. С. 134.

³ Там же. С. 121.

Таблица 4

**Как часто вы читаете журналы?
(В % к опрошенным в соответствующем году)¹**

	<i>1990</i>	<i>1994</i>	<i>1998</i>	<i>2002</i>
Ежедневно	16	2	3	7
Не реже 1 раза в неделю	33	15	17	29
Не реже 1 раза в месяц	32	20	18	17
Практически никогда	19	62	62	47

Таблица 5

**В какой мере заслуживают доверия печать, радио, телевидение?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

	<i>Год опроса, число опрошенных</i>			
	<i>1989 N=900</i>	<i>1994 N=2000</i>	<i>1999 N=2400</i>	<i>2003 N=2100</i>
Вполне	38	27	25	22
Не вполне	40	38	44	46
Совсем не заслуживают	6	17	19	22
Затруднились ответить	16	18	12	10

Аудитория журналов и сократилась в абсолютных масштабах (общее число читателей уменьшилось с 81 до 53%), и изменила свою структуру. Как и в газетах, сохранились главным образом еженедельники, тонкие глянцевики журналы, задающие социальный ритм общественной жизни, не обремененные собственно «литературой» (художественными текстами или публицистикой) или объемными печатными материалами, как это было в советские времена с толстыми журналами, но и не опускающиеся до газетного мелкотемья или пустой хроники. Сокращение читателей произошло за счет двух категорий: ядра регулярных читателей (показатели ежедневного чтения упали — с 16 до 7%) и случайных читателей, обращающихся к какой-то одной публикации (группа «не реже раз в месяц» — уменьшилась с 32 до 17%). И в том и в другом случае сказывается падение роли толстых журналов, бывших главным каналом сравнительно добротной или средней по качеству литературы.

Важно подчеркнуть, что за указанные годы кардинальным образом уменьшилось не только фактическое потребление печати россиянами.

Городские жители...
(в % к числу опрошенных, декабрь 2002 г., N=2000)

	<i>В целом доверяют</i>	<i>В целом не доверяют</i>	<i>Затруднились ответить</i>	<i>Доверяющие/ не доверяющие, %</i>
Газетам	33	60	7	55
Журналам	29	49	22	59
Радио	50	36	14	139
Телевидению	56	42	2	133

Упало массовое доверие к печати (именно к печати!) как источнику информации, квалифицированного анализа и оценки.

С ушедшей волной перестроечных иллюзий и эйфории первоначальной гласности резко сократилось полное доверие к СМИ, которые в конце 1980-х — начале 1990-х гг. выступали и средством, и мерой социокультурных перемен в стране. Отношение жителей России ко всей сфере массовых коммуникаций стало сдержанным, скептическим и менее идеологизированным, более потребительским, нередко оно мотивировано поисками легкого развлечения, желанием «расслабиться» и «оттянуться». Но характерно при этом, что наиболее сильные изменения произошли в группах, бывших ранее самыми продвинутыми и политически ангажированными — среди городских жителей, а особенно жителей крупных городов и мегаполисов. Здесь недоверие к печатным каналам информации преобладает абсолютно.

С телевидением ситуация иная: здесь значительной разницы между городом и селом, центром и периферией нет. Телекоммуникация (мысль, с особой настойчивостью развивавшаяся в свое время Маршаллом Маклюэном) задает или создает собственную аудиторию, в целом усредняя публику и стирая различия между разными группами по уровню образования, культурного или социального капитала.

Если менее подготовленные слои публики, которые ранее обращались к журналам и книгам достаточно редко, несистематично, от случая к случаю, теперь и вовсе сосредоточились, как было сказано, исключительно на телевизоре, то более образованные жители России, живущие в средних и особенно в крупных городах, имеющие сравнительно большие домашние библиотеки и устойчивую привычку к чтению журналов и книг, в целом незначительно изменили частоту чтения. Некоторый количественный эффект — прирост числа ежедневно читающих художественную литературу в первой половине девяностых (см. ниже табл. 7) — дало лишь расширение доступа к массовой сло-

весности, которая прежде была недоступной или дефицитной. Но что трансформировалось куда более серьезно, так это жанрово-тематическая структура читаемого. Читатели из интеллигенции, особенно инженерно-технической, а также из близких к ней или ориентировавшихся на нее прежде кругов во многом переключились за 1990-е гг. на чтение жанровой и серийной литературы, а также на те жанры телепередач, которые по форме, смыслу и функциям максимально близки к жанровой словесности. Это остросюжетные фильмы (детективы, боевики), кино- и телемелодрамы, исторические ленты и экранизации с криминально-мелодраматическими элементами, бытовые и уголовные телесериалы, сначала зарубежного, а теперь все чаще отечественного производства.

Литература, кино, телевидение

Можно сказать, что частота (объем и интенсивность) чтения за последнее десятилетие практически не изменилась. Однако содержание чтения изменилось весьма существенно: произошла, можно сказать, демобилизация литературы. Во многом этому поспособствовали сдвиги в издательской политике, которая и сама стала на протяжении 1990-х гг. все больше ориентироваться на массовые предпочтения и вкусы, поддерживать соответствующие контингенты читателей с их запросами и ожиданиями как свою экономическую опору. И это понятно. В книгоиздании — особенно в издательства-гиганты — пришло в эти годы из других, не книжных сфер немало новых людей, и чаще всего они были достаточно далеки от интеллигентских установок и оценок. Однако стоит особо подчеркнуть, что в указанном переходе на жанровое, остросюжетное, сенсационно-развлекательное чтение лидировали как раз бывшие «интеллигенты», люди с высшим образо-

Таблица 7

Как часто вы читаете художественную литературу? (В % к опрошенным в соответствующем году)

	<i>1990</i>	<i>1994</i>	<i>1998</i>	<i>2002</i>
Ежедневно	14	23	19	16
Не реже 1 раза в неделю	21	26	23	23
Не реже 1 раза в месяц	16	12	15	13
Несколько раз в год	28	16	20	26
Практически никогда	20	23	23	26

**Предпочтения различных литературных жанров
в зависимости от уровня образования
(2002 г., октябрь, N=1600, в % к соответствующей группе опрошенных)**

	<i>Высшее</i>	<i>Среднее</i>	<i>Ниже среднего</i>	<i>Всего</i>
Российские «крутые боевики»	18	14	6	12
Классические зарубежные детективы	22	17	8	15
«Милицейские» детективы	17	12	9	12
«Женский» детектив	21	15	6	13
Российские детективы — литературные стилизации	3	5	3	4
Западные детективы-бестселлеры	4	4	2	3
Традиционная научная фантастика	8	7	2	6
Фэнтези	6	5	—	4
Мистика, ужасы, готика	4	8	2	6
Классические историко-приключенческие романы (Дюма, Дрюон)	17	15	9	14
Современные исторические романы о дореволюционной России, переиздания романов прежних лет	9	8	5	7
Переводные любовные романы	9	13	7	10
Русская и зарубежная классика	19	11	7	11
Современная русская и зарубежная литература	12	8	2	7
Поэзия	5	3	1	3
Практически не читаю книг	21	34	61	40

ванием, которые с толстых журналов и дефицитной прежде проблемной литературы переключились на массовые жанры (табл. 8).

Если учесть последовательное снижение интенсивности чтения в менее образованных группах, то единственным отличием «образованных» от «необразованных» по содержанию чтения можно считать сейчас лишь обращение к русской и зарубежной классике, к поэзии (в какой мере за этим стоит реальное чтение, а в какой — демонстрация символов образовательного уровня и культурного статуса, сейчас не обсуждаю).

Таблица 9

**Какие художественные фильмы вы любите смотреть больше всего?
(В % к опрошенным в каждом исследовании, данные по редко смотрящим кино и затруднившимся с ответом не приводятся)**

	<i>Год опроса, число опрошенных</i>			
	<i>1994, июль N=3000</i>	<i>1995, май N=2500</i>	<i>2000, май N=2400</i>	<i>2000, октябрь N=2000</i>
Комедии	54	56	52	66
О любви, мелодрамы	37	42	39	35
Детективы, боевики	36	37	41	44
Исторические	30	28	32	23
О современ- ной жизни	26	—	24	26
Ужасы, мистика	14	13	16	17
Музыкальные	13	12	12	7
Эротические	12	12	10	6

Среди значимых изменений в ожиданиях, привычках и оценках зрительской аудитории можно отметить рост интереса к комедиям (с 54 до 66% опрошенных), к отечественным детективам и боевикам (с 36 до 44%), падение интереса к историческим фильмам (с 30 до 23%) и эротике, утратившей прежнюю привлекательность запретного плода (с 12 до 6%). Подчеркнем, что речь здесь идет (хотя впрямую об этом и не говорится) о предпочтениях *телевизионной* аудитории, поскольку кинопрокат, как уже говорилось, съезжился до минимума. Аудитория кинотеатров сократилась в 30 раз и стала совершенно особой средой, она обладает выраженными и даже подчеркнутыми социально-демографическими характеристиками, культурными чертами. Сегодня это прежде всего городская молодежь, обеспеченная и относительно образованная, следящая за новинками и узнающая о них в основном по Интернету или из еженедельных глянцевого журналов типа «Афиши», «Вашего досуга». Посещение кино стало для них самостоятельной формой демонстративного и потребительского поведения, причем группового или слоевого: они идут в кино как в своего рода клуб малой группой, компанией, а в фойе, буфетах и зрительных залах встречают другие такие же группы (добавлю, что в этих группах и сло-

ях заметно активней, чем во всех прочих, посещают вечерние и спортивные клубы, дискотеки, тренажерные залы и т. п.).

Обеднение структуры досуга остального большинства за счет его практически полной телевидизации, унификация в этом плане запросов и вкусов даже у более образованных групп российского населения, социальный и культурный крах интеллигенции за 1990-е годы выразились и в том, что доля больших по объему и разнообразных по составу домашних библиотек как автономных источников сведений о мире, обществе, человеке среди домашних книжных собраний заметно упала. Вместе с тем, удельный вес семей, в которых либо вовсе нет книг, либо их набор случаен или же это небольшие собрания одного типа образцов (детективов или любовных романов с добавлением некоторого количества подручных справочников и другой рецептурной книгопродукции — лечебной, учебной, душевспасительной), — за эти годы увеличился.

Если судить по приведенным цифрам, то приходится сделать вывод о заметном сокращении того культурного слоя в стране, который располагает — и нередко уже не в первом поколении — самостоятельными культурными капиталами и мог бы стать основой воспроизводства национальной элиты. За шесть лет (1995—2001 гг.) самостоятельные, богатые и дифференцированные смысловые ресурсы собственно культурного слоя сократились, как видим, практически вдвое. Это, как можно предположить, связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, состав тиражируемых сегодня культурных образцов, вероятно, содержит слишком мало значимого для нового поколения, которое прекращает поэтому покупать книги, заменяя чтение други-

Таблица 10

**Сколько приблизительно книг имеется
в вашей домашней библиотеке?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

	<i>1995, N=2400</i>	<i>1996, N=2400</i>	<i>1997, N=2400</i>	<i>1998, N=2400</i>	<i>2000, N=2400</i>	<i>2002, N=2100</i>
Не имею домашней библиотеки	24	28	27	32	34	30
До 100 книг	34	34	37	35	35	37
100—300 книг	21	22	21	20	18	21
300—500 книг	11	8	9	7	8	7
500—1000 книг	6	5	4	3	3	3
Больше 1000 книг	4	2	2	2	2	1

ми видами культурного поведения, а значит — обращаясь к другим источникам ценностей и информации (см. выше о посетителях кино-театров, но то же самое можно было бы сказать про дискотеки, клубы, кафе и другие институты организации досуга и рекреативного пространства в крупнейших городах). Во-вторых, мы имеем здесь дело с резкой деградацией образованного слоя в провинции, распадом той советской научно-технической интеллигенции, которая обслуживала главным образом нужды ВПК и которая больше других категорий общества потеряла от реформ первой половины девяностых в социальном статусе, уровне жизни, престиже. Именно эти группы были главными, наиболее заинтересованными и активными массовыми читателями в советское время. В-третьих, резкое сокращение доходов у провинциальной интеллигенции, вкупе с прекращением книгопоставок в магазины периферийных городов (развалом общегосударственной системы книготорговли) и непомерным удорожанием доставки журналов по почте, которая остается монополией государства, привели к систематическому сокращению личного, семейного приобретения книг и журналов.

В более общем плане сегодня можно говорить о глубоком, воспроизводимом и расширяющемся разрыве между центрами и периферией постсоветского общества. Мы видим в этом выражение распада прежней модели государственно-централизованной организации общества, системы управления культурой. В плане книжного обеспечения, распространения журнальной печати, а значит, ценностей, задач и проблем, образов мира соответствующих продвинутых групп социума данный разрыв, насколько можно судить, проходит на уровне средних городов (с населением около 500 тысяч). «Ниже» этого уровня централизованные сети книжного и журнального распространения не дотягиваются, а самоорганизующихся групп и культурных форм выражения их ценностей, интересов, картин мира не возникает. Так создается обширная, охватывающая до двух третей нынешнего населения зона социокультурного провинциализма, где работают рудименты более архаичных культурных систем — радикалов советской культуры, эпигонских неотрадиционалистских, фундаменталистских и тому подобных представлений и символов. Если принять во внимание соответствующее падение книжной и другой обеспеченности средних школ, снижение уровня преподавания, требований и стандартов обучения, то указанный разрыв оказывается серьезным и в ближайшей временной перспективе.

Массовое чтение сегодня¹

Как показывают результаты исследования Левада-Центра в 2003 г., книги в современной России являются прежде всего инструментом первичной социализации, обучения самым общим навыкам более современной городской цивилизации (можно назвать ее западной). В этом смысле они — «учебник жизни» на нынешней стадии процессов модернизации в их сегодняшней российской разновидности. Как было и в начальные периоды модернизации, а далее — на каждом переломном этапе модерной культуры, более активными читателями при этом выступают женщины, молодежь, образованные слои, население столицы, а наиболее инертную среду в данном плане представляют самые старшие группы, пенсионеры, малообразованные россияне, жители сел и примыкающих к ним по образу жизни и стандартам культуры малых городов. В поколенческом плане пики активности чтения приходятся на фазу юности и социально-возрастные кризисы тридцати- и сорокалетия.

Свыше трети опрошенных в 2003 г. вообще не читают книг. Среди авторов книг, прочитанных нашими респондентами в последнее время, статистически хоть сколько-нибудь значимо выделяется лишь Д. Донцова: ее назвали 7% опрошенных (3%, по их словам, покупали в последнее время ее книги). По жанрам и типам литературы книги, наиболее активно читавшиеся опрошенными в последнее время, группируются так:

Таблица 11

Читаете ли вы книги, газеты, журналы? (В % к числу опрошенных, N=2100, сентябрь 2003)

	<i>Книги</i>	<i>Газеты</i>	<i>Журналы</i>
Постоянно	26	43	21
От случая к случаю	40	43	47
Никогда	34	14	32

¹ В основе этого раздела статьи — данные всероссийского опроса по теме «Запросы читателей и библиотека», проведенного Левада-Центром осенью 2003 г. по заказу Фонда «Пушкинская библиотека» (ответственные исполнители — Л. Гудков, Б. Дубин). Выборка по основным социально-демографическим параметрам — пол, возраст, образование, доход, тип поселения и др., — репрезентировавшая структуру населения России, составила 2100 человек. Полученные материалы более развернуто представлены в статье В.Д.Стельмах, см.: *Стельмах В.* Современная библиотека и ее пользователи // Вестник общественного мнения. 2004. № 1. С. 56–63.

Читаете ли вы книги?
(Тот же опрос; % к числу опрошенных и к каждой социально-демографической группе)

	<i>Посто- янно</i>	<i>От случая к случаю</i>	<i>Никогда</i>	<i>Всего человек</i>
В среднем	26	40	34	2093
<i>Пол</i>				
Мужской	22	40	38	961
Женский	30	40	31	1132
<i>Возраст</i>				
До 19 лет	34	47	20	159
20–24 лет	24	48	28	201
25–29 лет	31	42	27	222
30–34 лет	32	42	27	173
35–39 лет	19	48	33	171
40–44 лет	28	50	22	223
45–49 лет	31	42	27	169
Старше 50 лет	23	29	48	773
<i>Образование</i>				
Высшее и незаконченное высшее	52	36	12	330
Среднее и среднее специальное	27	47	26	1133
Ниже среднего	12	28	60	630
<i>Среднедушевой доход</i>				
Низкий (до 1100 руб.)	22	36	42	383
Средний (1100–3333 руб.)	24	38	38	1149
Высокий (более 3333 руб.)	34	45	21	384
Нет ответа:	34	42	24	177
<i>Социально-профессиональный статус</i>				
Руководители	36	42	22	58
Специалисты	43	46	11	275
Служащие	36	44	19	178
Квалифицированные рабочие	15	42	43	395

Таблица 12 (окончание)

	<i>Посто- янно</i>	<i>От случая к случаю</i>	<i>Никогда</i>	<i>Всего</i>
В среднем	26	40	34	2093
Неквалифицированные рабочие	16	45	40	130
Учащиеся	37	47	16	147
Пенсионеры	20	26	53	570
Домохозяйки	32	48	20	127
Безработные	17	45	38	135
Нет ответа:	40	41	19	79
<i>Размер населенного пункта</i>				
Москва и С.-Петербург	44	37	19	227
Большие города	31	44	24	347
Средние города	29	38	32	408
Малые города	22	40	38	567
Села	18	38	44	544

Таблица 13

**Книги, прочитанные за последнее время
(тот же опрос 2003 г.; в % к давшим положительный ответ)**

Классическая русская литература	3
Проблемная проза современных русских авторов	4
Исторические романы	4
Любовные романы	5
Детективы / боевики, триллеры	11
Фантастика/ фэнтези	5
Классическая зарубежная литература	4
Современная зарубежная литература	2
Публицистика, философия, психология, история, оккультизм	7
Деловая литература / бизнес / право / финансы	1
Учебная и методическая литература / энциклопедии, справочники	6
Детская литература	1

Приведем список наиболее читаемых авторов (название и авторы книг, прочитанных опрошенными в последнее время). На этот вопрос ответили 66% опрошенных (1377 человек), приведены те книги и авторы, которые названы примерно 1% опрошенных:

Таблица 14

**Книги, прочитанные за последнее время
(тот же опрос 2003 г.; в % к давшим положительный ответ)**

	<i>% упоминаний</i>	<i>Число упоминаний</i>
Д. Донцова	7	139
М. Митчелл. Унесенные ветром	4	86
Л. Толстой	2	36
М. Булгаков. Мастер и Маргарита	1	31
М. Дрюон	1	28
Т. Полякова	1	26
А. Пушкин	1	24
Т. Дашкова	1	23
В. Пикуль	1	21
Б. Акунин	0,9	19
Библия, Евангелие	0,9	18
С. Кинг	0,8	18
Ф. Незнанский	0,9	18
М. Шолохов	0,9	17
А. Толстой	0,8	17
В. Гюго	0,8	16
А. Чехов	0,7	15

79% опрошенных не покупали никаких книг или журналов. Покупали: детские книги (7%), детективы — 3%, публицистику, философию, психологию, оккультизм (2%), учебно-методическую, справочную литературу (1%), исторические романы (1%), фантастику/фэнтези (1,2%), современную серьезную русскую прозу (0,8%), деловую литературу (0,7%), современную зарубежную литературу (0,7%), любовные романы (0,6%), русскую классику (0,5%), зарубежную классику (0,3%).

**Названия и авторы книг,
купленных опрошенными в последнее время**

	<i>% упоминаний</i>	<i>Число упоминаний</i>
Д. Донцова	2,7	56
А. Маринина	2	42
Т. Полякова	0,6	13
Т. Устинова	0,5	10
А. Черкасов	0,5	10
Б. Акунин	0,4	9
Библия, Евангелие	0,4	9
А.и Б. Стругацкие	0,4	9
Дж. Роулинг	0,4	8

Массовая библиотека, ее абоненты и функции

Разгосударствление системы воспроизводства и распространения культуры, принципов и механизмов ее организации за девяностые годы самым драматическим образом сказалось на массовых общедоступных библиотеках, которые создавались и существовали в Советской России именно как государственные институты унифицированной идеологической мобилизации¹. Резкое сокращение их бюджетного финансирования, с одной стороны, приватизация книгоиздательской сферы, резко выросшие цены на книги, с другой, распад государственной системы централизованного и исчерпывающего информирования о книжных новинках, планового книгоснабжения библиотек любого уровня, вплоть до низового, с третьей, сделали проблемы эффективного и систематического пополнения библиотечных фондов в большинстве случаев нерешаемыми.

Так, в 1998 г. количество книг, пришедших в фонды публичных библиотек России, составляло менее 40% от того, которое поступало

¹ О месте библиотеки в обществе и советском типе массовой библиотеки см.: Гудков Л., Дубин Б. Библиотека как социальный институт // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1988. С. 287–300. Идеологические рамки и практическая политика комплектования советских библиотек в начальный период прослежена в кн.: Глазков М. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939). М., 2001.

в них в 1990 г. Соответственно и количество читателей с 1990 по 1998 г. снизилось на 18% (в городских библиотеках — на 21%), а число выданных им журналов и книг — на 11% (в городских библиотеках — на 14%). Иными словами, сокращение числа абонентов и активности обращения библиотечных книг происходило и происходит преимущественно за счет более активных, квалифицированных и требовательных читателей — жителей городов, людей активного возраста с высшим образованием. В самой трудной ситуации оказались при этом две категории читателей. Одну составляют наиболее развитые и рафинированные читатели, связанные с наиболее сложными образцами культуры и знания; более молодая и обеспеченная их часть, молодежь столицы и крупнейших университетских городов, нашла выход из этого положения и переключилась на чтение, в широком смысле слова, «модных» книг, довольно, но не слишком широкий круг которых только во второй половине девяностых годов и сложился (престижных новинок отечественной и переводной литературы и аналогичной продукции гуманитарных наук), причем молодежь приобретает эти издания исключительно путем покупки или берет их у коллег и друзей. Другую, более традиционную для Советской России категорию образуют самые «бедные», те, которые, как и раньше, вынуждены соглашаться только на «комплексный обед» — на то, что им предоставляет государство в виде стареющих, а значит во многом еще советских, фондов массовых бесплатных библиотек. По оценкам экспертов, половину библиотечных фондов сегодня «составляют книги практически не востребуемые, но на их хранение ежегодно затрачиваются огромные суммы»¹.

В описанных выше условиях роль массовой библиотеки в России все больше сводится сегодня к обеспечению этапа школьной социализации и первичному оцивиливыванию менее подготовленного контингента, не обеспеченного собственными культурными ресурсами. Характерно, что чаще всего в ней берут литературу по специальности; справочные издания; учебники; классику; детективы; любовные романы; издания по информатике; гляцевые журналы. Активнее всего ее посещают учащиеся, а больше всего от нее ждут «информации по любым вопросам». Библиотека сегодня, если полагаться на массовые представления о ней, — это своего рода «справочное бюро» для новобранцев книжной культуры, еще не включенных в дифференцированную и сложную ситуацию современной мультимедиальной цивилизации. Показательно, что чаще других в последнее время покидали библиотеку, судя по оценкам респондентов, более образованные, квалифицированные и высокостатусные жители Москвы и Петербурга,

¹ Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений. Вологда, 1998. С. 150–151.

Таблица 16

**Записаны ли вы в настоящее время в библиотеку?
(В % ко всем опрошенным и к соответствующим
социально-демографическим группам)**

	<i>Да, записан/-а в библиотеку в настоящее время</i>	<i>Нет, но был/-а записан/-а раньше</i>	<i>Нет и никогда не был/-а записан/-а</i>	<i>Всего</i>
В среднем	18	50	32	2093
<i>Пол</i>				
Мужской	14	51	35	961
Женский	21	49	30	1132
<i>Возраст</i>				
До 19 лет	58	25	17	159
20–24 лет	36	40	24	201
25–29 лет	19	53	28	222
30–34 лет	16	63	21	173
35–39 лет	12	51	38	171
40–44 лет	14	64	22	223
45–49 лет	13	46	40	169
Старше 50 лет	8	50	41	773
<i>Образование</i>				
Высшее и незаконченное высшее	34	56	10	330
Среднее и среднее специальное	19	53	29	1133
Ниже среднего	8	42	50	630
<i>Среднедушевой доход</i>				
Низкий (до 1100 руб.)	19	42	39	383
Средний (1100-3333 руб.)	14	51	35	1149
Высокий (более 3333 руб.)	25	55	20	384
Нет ответа:	27	48	25	177
<i>Социально-профессиональный статус</i>				
Руководители	33	47	20	58
Специалисты	30	58	11	275

Таблица 16 (окончание)

	<i>Да, записан/а в библиотеку в настоящее время</i>	<i>Нет, но был/а записан/а раньше</i>	<i>Нет и никогда не был/а записан/а</i>	<i>Всего</i>
Служащие	22	55	23	178
Квалифицированные рабочие	9	59	32	395
Неквалифицированные рабочие	15	46	38	130
Учащиеся	68	18	13	147
Пенсионеры	6	48	46	570
Домохозяйки	12	48	40	127
Безработные	12	40	49	135
Нет ответа	18	62	21	79
<i>Размер населенного пункта</i>				
Москва и С.-Петербург	17	60	23	227
Большие города	15	55	30	347
Средние города	19	50	30	408
Малые города	18	51	31	567
Села	19	41	40	544

Таблица 17

**Записаны ли вы в какую-нибудь библиотеку и пользуетесь ли ею?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

	<i>1994, женщины, N=2000</i>	<i>1999, все, N=2400</i>	<i>2003, все, N=2100</i>
Записан в одну или несколько и пользуюсь ими	20	18	18
Раньше был записан, но впредь не намерен пользоваться	50	37	50
Никогда не был записан в библиотеку	30	45	32

**По какой причине вы не пользуетесь библиотекой?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

	<i>1994, женщины, N=2000</i>	<i>1999, все, N=2400</i>	<i>2003, все, N=2100</i>
Мало читаю, не нуждаюсь в библиотеке	11	24	26
Библиотека, к которой я привык, закрыта	-	1	-
Нет времени	26	16	31
Беру книги у друзей, родных	21	21	14
Предпочитаю покупать книги	-	9	-
Пропала необходимость в библиотеке	-	8	-
В библиотеке нет нужных мне книг	3	3	4
У меня достаточно книг дома	31	10	13
Вообще не читаю, читаю только газеты, которые выписываю	24	27	-
Другие причины	3	2	15
Затрудняюсь, нет ответа	20	19	17

тридцати- и сорокалетние россияне. (Впрочем, и остаются в ней также более образованные и высокостатусные группы, использующие ее в качестве резерва, периодического целевого обращения, не желающие полностью отказываться от услуг библиотеки, хотя и явно недовольных ее нынешним комплектованием и фондами.)

Сравним приведенные цифры с данными предшествующих опросов ВЦИОМ.

Как видим, доля читателей, покидающих библиотеку, была в девяностые годы достаточно велика и за четыре последних года еще выросла. 83% опрошенных в 2003 г., по их заявлению, вообще не пользуются фондами библиотек. Причины, по которым жители России не пользуются библиотеками, характеризуют три относительно разных социокультурных контингента. На то, что они вообще мало читают или вовсе не читают, чаще других ссылаются *респонденты старше 50 лет, жители села, люди с образованием ниже среднего*. Дефицит времени для чтения в качестве причины непосещения библиотеки чаще называют социально активные группы, которые, как можно предположить, с наибольшим трудом преодолевают проблемы социальной адаптации — *30–40-летние, со средним образованием, служащие и квалифицированные рабочие*. Наконец, чаще других удовлетворены непо-

Социально-демографические характеристики респондентов, не пользующихся библиотеками¹
(в % к числу опрошенных, не записанных и не пользующихся библиотекой; сумма больше 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов, приведены только основные варианты)

	<i>Библиотека не нужна, мало читаю, нет времени ходить в библиотеку</i>	<i>Другие источники получения книг (покупаю, беру у друзей и т.п.)</i>	<i>Дома хранит книги</i>	<i>Нет поблизости библиотеки</i>
В среднем	69	17	16	12
<i>Возраст</i>				
До 29 лет	69	16	13	16
30-49	78	20	14	8
50 лет и старше	62	14	21	14
<i>Образование</i>				
Высшее	50	30	30	15
Среднее	70	20	17	11
Ниже среднего	76	6	10	13
<i>Социальный статус</i>				
Руководители	63	28	35	4
Специалисты	59	29	24	10
Служащие	77	18	19	10
Квал. рабочие	85	16	11	5
Неквал. рабочие	82	21	11	8
Учащиеся	53	9	17	43
Пенсионеры	60	11	20	15
Домохозяйки	63	21	6	21
Безработные	77	14	8	13
Москва + СПб.	54	28	41	41
Большие города	63	21	15	15
Средние	76	19	16	16
Малые	69	14	12	12
Село	75	10	11	11

Таблица 19 (окончание)

	<i>Библиотека не нужна, мало читаю, нет времени ходить в библиотеку</i>	<i>Другие источники получения книг (покупаю, беру у друзей и т.п.)</i>	<i>Дома хватает книг</i>	<i>Нет поблизости библиотеки</i>
<i>Среднедушевой доход</i>				
Низкий	75	10	9	16
Средний	68	17	16	12
Высокий	69	25	24	7

¹ Распределение ответов на вопрос: «КАКОВЫ ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ ВЫ НЕ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ БИБЛИОТЕКОЙ?»

хой собственной библиотекой и хорошей домашней библиотекой друзей высокообразованные *респонденты старше 50 лет, жители столицы, люди с более высокими доходами.*

Нынешние посетители массовых библиотек — это прежде всего женщины (мужчин среди постоянных пользователей чуть больше трети — 37%).

Как видим, у более обеспеченных и образованных опрошенных (специалистов, руководителей), особенно жителей столиц, возникают свои дополнительные каналы получения книг: обмен, рекомендации знакомых и родственников, при необходимости — покупка. Но они острее других сожалеют о том, что рядом, в пределах досягаемости, нет приличной или удовлетворительной библиотеки. Кроме них от отсутствия библиотеки страдают только школьники и студенты (это наиболее жалующаяся категория «нечитателей библиотек» — 43% при 12% средних по стране!). И острее всего не хватает необходимых библиотек именно в Москве. Это понятно: в столице доля людей с высшим образованием приближается к 40% взрослого населения, и характер нынешнего библиотечного обслуживания москвичей явно неудовлетворителен, чего нельзя сказать о сельских жителях, где, соответственно, и уровень запросов не так высок. Свои каналы обмена книгами, хотя и более суженным их ассортиментом, есть также у тех групп опрошенных, которые отличаются ограниченными материальными ресурсами или ограниченной мобильностью (неквалифицированные рабочие, служащие, домохозяйки, обменивающиеся друг с другом или берущие «почитать» у более обеспеченных детей и родственников, знакомых).

Кстати, имеет смысл подчеркнуть, что сам по себе уровень материальной обеспеченности (доход в семье) не имеет какого-либо значения: разница между высокообеспеченными и низкообеспеченными

россиянами в потребности библиотечного обслуживания невелика — она чуть больше статистически допустимых колебаний. Заметно более значимыми обстоятельствами являются культурная среда, разнообразие информации, образование и инструментальные интересы (профессиональная необходимость или учеба).

Небольшие подгруппы опрошенных не пользуются библиотекой из-за того, что она в нынешнем своем виде не в состоянии отвечать их запросам: нет необходимой им литературы, неудовлетворительное обслуживание и т.п. Среди этих респондентов заметно выше удельный вес молодых людей до 30 лет и учащихся (15% и 17%), руководителей (соответственно, 27%, то есть втрое выше среднего), относящих себя к более высоким статусным слоям (среднему высшему и высшему — 13% и 18%), предпринимателей — 25%, занятых более интеллектуальным трудом, связанных с информационными технологиями (14%). Как правило, это жители крупных городов.

В целом же абоненты чаще всего обращаются сегодня в библиотеки за справочной литературой, изданиями по специальности и для учебы; за ними следуют книги наиболее популярных жанров массовой словесности. Приведем наиболее распространенные ответы (табл. 20).

Таблица 20

**Какие издания вы обычно берете в библиотеке?
(В % к читателям библиотечных книг)**

Литература по специальности	35
Энциклопедии, справочники	27
Исторические романы	29
Учебная литература	24
Отечественная и зарубежная классика	22
Отечественные детективы и боевики	20
Любовные романы	18
Фантастика, фэнтези	16
Зарубежные детективы и боевики	14
Развлекательные («глянцевые») журналы	14
Книги по бизнесу, экономике	13
Книги по информатике, компьютерам	12

Для сравнения с этими «лидерами спроса» укажем, что современную отечественную прозу берут в библиотеках менее 1% тех, кто вообще пользуется их фондами, «толстые» литературно-художественные журналы — менее 2%.

Однако при этом 70% тех, кто пользуется книжными и журнальными фондами библиотек, находят в них всё, что им нужно. Лишь у совсем

уж редких читателей бывают трудности с литературой по специальности (8%), учебной литературой (6%), глянцевыми журналами (6%). Иными словами, абонентами библиотек сегодня остались именно те группы населения, чей мир массовыми библиотеками же сформирован и поддерживается, те, кто не обладает собственными, более богатыми и дифференцированными собраниями смысловых образцов и у кого, можно сказать, нет «своего», а есть только «самое общее». Поэтому ожидания и запросы, которые россияне обращают сегодня к библиотеке, — столь же общие и неопределенные: в ней хотели бы находить «информацию по любому вопросу» (39% абонентов), «любую интересующую художественную литературу» (20%), «любую необходимую специальную литературу» (10%), наконец — «доступ к Интернету» (10%).

Как видим, никаких следов книжно-журнального дефицита 1970–1980-х годов, систематического неудовлетворенного спроса читателей в библиотеках сегодня нет. Нет и тогдашних длинных очередей на самые популярные книги. Некоторые незначительные напряжения здесь сохраняются опять-таки лишь для более молодых абонентов и в основном — применительно к учебной и специальной литературе.

Любая библиотека воплощает дух сообщества, чьи ценностно-нормативные образцы комплектуются в книжном собрании того или иного объема, заданного устройства, функциональной направленности, уровня доступности¹. В структуре библиотек, составе библиотечных фондов и правилах их подбора, системе каталогов и картотек представлена воображаемая схема взаимодействия между обобщенным комплектатором и типовым абонентом. При эрозии и распаде того «большого» общества, уравнительно-антропологические принципы, социальные нормы которого представляла низовая, наиболее распространенная и самая доступная для жителей СССР массовая библиотека, воплощенный в ее структуре и составе тип жестко цензурированных, однонаправленных, авторитарно-дидактических коммуникаций все больше становился анахронизмом. С одной стороны, модель массовой библиотеки закладывалась в условиях, при которых большинство населения было деревенским, не имело письменно-печатного, школьного образования, так что библиотека выступала до-

¹ Данный подход к библиотеке как социальному институту был развит в 1950-х гг. Петером Карштедтом, чья не раз переизданная книга остается в этом отношении образцовой, см.: *Карштедт П.* Очерки по социологии библиотеки (реферат) // Библиотека и чтение: проблемы и исследования. СПб., 1995. С. 157–187; Он же. Историческая социология библиотек // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 87–120.

полнением к начальной и средней школе, работала во взаимосоотнесении с ними. Ситуация в корне изменилась после образовательной и урбанизационной криптореволюций 1950–60-х гг., когда — со второй половины 60-х — преобладающая часть населения СССР стала городской, а среднее образование было введено как всеобщее. Характерно, что именно с конца 1960-х — начала 1970-х гг. массовая общедоступная библиотека стала переживать серьезные организационные трудности (и была вынуждена это признать) — дефицит книг, относительное и увеличивающееся разнообразие читательских интересов, повышенные требования образованного контингента и его неудовлетворенность обслуживанием¹. Показательно и то, что с первой половины 1970-х стала явочным порядком дифференцироваться система книжного распространения в стране, в том числе — вневедомственно, не входившего в систему Госкомиздата и Минобраз: появились макулатурная серия, отделы книгообмена в магазинах, почтовый обмен по объявлению в газете и т.д.; в порядке самозащиты система породила «библиотечную серию», закрытые шкафы книг «повышенного спроса» для доверенных лиц и др. Но, с другой стороны, советская массовая библиотека, как ни парадоксально это по первому ощущению звучит, никогда и не была рассчитана на собственно массовый спрос, на обслуживание массовой литературой. Когда подобная популярная, жанровая литература к концу 1980-х гг. в бесцензурных условиях возникла и такой широкий одновременный спрос проявился без ограничений, это фактически перечеркнуло прежнюю библиотеку как действующий институт, обозначив смысловой конец, исчерпание ее функции как узла реальных культурных коммуникаций в обществе. После падения «железного занавеса», в условиях прокламируемой открытости, приоритета «общечеловеческих ценностей» претензии государства на монополию в культуре оказались полностью несостоятельными, а централизованное руководство культурой — патологически неэффективным. Тем самым функции общедоступной библиотеки, вне желания или нежелания ее работников, сузились до первоначаль-

¹ Одним из моментов этого кризиса, реакцией на него стало создание в крупнейших библиотеках — им. Ленина, им. Салтыкова-Щедрина, Юношеской, Детской — ведомственных социологических служб по изучению читательских интересов различных социально-демографических групп населения. Взаимодействие их с Министерством культуры, соответствующими отделами ЦК КПСС, Бюро по охране государственных тайн в печати (цензурой), с одной стороны, и возникающим в стране социологическим сообществом (Институтом социологических исследований, Институтом международного рабочего движения, Ленинградским государственным университетом), с другой, должно стать предметом специальных исследований.

ной социализации, а ее адресат — до контингента школьников или близких к ним по месту в социуме.

Массовая библиотека того типа, который сложился в «классические» советские и позднесоветские времена, сегодня снова фактически приравнена к нынешней средней школе. Так обстоит дело в смысле ее реально исполняемых, а не идеологически прокламируемых функций; так оно по составу основных читателей, книжным фондам и техническому обеспечению, по отсутствию для усредненного россиянина какой бы то ни было развитой, оформленной альтернативы. Не удивительно, что, завершив данный этап «обучения» социальным и культурным навыкам самого общего, среднего уровня, такую общедоступную библиотеку попросту покидают: рядовые читатели — переходя на привычный и безотказный телевизор, более требовательная и квалифицированная публика — к другим источникам книг и журналов и другим их типам, наконец, к сетевым коммуникациям, к иным медиа и формам общения, не обязательно опосредованного печатью и книгой.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ КАПИТАЛЫ СЕМЬИ И СИСТЕМНЫЕ ДЕФИЦИТЫ СОЦИУМА*

Состояние высшей школы в России на протяжении 1990–2000-х гг. вызывало заметный интерес более квалифицированной части населения, отдельных кругов общественности, социальных аналитиков. Что и понятно. С одной стороны, исследователями была достаточно рано зафиксирована и осознана полная непригодность прежних государственно-распределительных, ведомственно-иерархических структур подготовки специалистов, их трудоустройства, оплаты, продвижения в современных условиях, тем более — в рамках открытого общества¹. На социальном разломе конца 1980-х — начала 1990-х гг. как бы вышли наружу, стали видны системные ограничения, заложенные в основание репродуктивных институтов советского социума, и прежде всего — сама антропологическая модель «человека советского», которая задавала рамки всего дидактического процесса и во многом предопределяла его результат². С другой, обо-

* Печатается впервые.

¹ См., например: Высшая школа в зеркале общественного мнения. Обзор социологических исследований 1987–1988 гг. М., 1989; *Собкин В.* Социология образования. М., 1994; *Шереги Ф.* Социология образования: прикладной аспект. М., 1997; *Гудков Л.* Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения, 1998. № 4. С. 32–45; *Константиновский Д.* Динамика неравенства. М., 1999; *Полетаев А., Савельева И.* Спрос и предложение услуг в сфере среднего и высшего образования в России. М., 2001; *Фрумкина Р.* Реформа образования как проблема социального партнерства // Она же. Внутри истории. М., 2002. С. 118–132; Воспитание, образование, обучение в гражданском обществе. М., 2002; Образование: фетиш или необходимость? // Отечественные записки. 2002. № 1, 2 и др.

² Начальный этап формирования данной модели в последнее время все более внимательно анализируется историками, см., например: *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003.

значившиеся, как казалось на тот момент, возможности всерьез реформировать вузовскую систему — набор изучаемых дисциплин, характер преподавания, принципы организации — вроде бы давали институциональную основу для тогдашних коллективных надежд образованного слоя на движение страны в сторону либеральной, рыночной демократии, на изменение социально-профессиональной структуры социума, общий подъем квалификационного и цивилизационного уровня граждан, возможность формирования новых элит. Однако с ходом времени и в этой проблемной сфере, как и в большинстве других, под новыми вывесками или подновленной официальной риторикой все чаще обнаруживались силы и механизмы воспроизводства прежних централизованно-государственных порядков — торможения, блокировки, забалтывания и трансформирования в своих интересах каких бы то ни было перемен. Если на первом этапе в центр внимания исследователей и «задетых» слоев общества был поставлен вопрос об альтернативном (негосударственном и т. п.) образовании, задачах его *дифференциации*, расширения возможности выбора, повышения качества, то со временем фокусом напряжений все больше становилась проблема доступности высшей школы, в особенности — для социально уязвимых групп, а соответственно, напротив, *равенство шансов*, если вообще не уравнительность в данном вопросе.

Неудовлетворенность населения — и молодежи, и их родителей — наличным состоянием дел в этом плане вынуждала и по-прежнему вынуждает миллионы россиян из года в год искать обходные пути («нужных людей», «связи» и т. п.), позволяющие реализовать более высокие образовательные установки молодых поколений. Однако и сложившаяся система высшего образования, со своей стороны, обрастает всякого рода «приставками», тоже — в духе времени, со страной и народом — коммерциализируясь, но на свой лад и в свою пользу. Служащие государственной системы манипулируют доступом к образовательным благам и услугам, возможностью поступить в вузы как таковые или учиться в особенно престижных вузах, на престижных отделениях и специальностях. Демпфируя жесткость советских структур, это одновременно дает ведомственной номенклатуре разных уровней дополнительные возможности и преимущества (среди прочего — экономические)¹.

¹ В более общем плане проблема «связей», их институциональные рамки и социальные функции в советском и постсоветском обществе с разных точек зрения прослежены в серии работ последнего времени: *Гудков Л., Дубин Б.* «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3. С. 24–39; Они же. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Там же. 2003. № 3. С. 33–52; *Дезер М.* «Неформальные отношения»: как с ними быть? // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 45–52.

Оценки высшей школы и запросы к ней

В целом уровень удовлетворенности нынешней высшей школой среди российского населения можно назвать средним и даже ниже. Вот как градуируется массовая удовлетворенность различными сторонами вузовской системы обучения, ее сегодняшними возможностями¹.

Точки наибольшего напряжения (расхождения требований с реальностью) проступают здесь вполне отчетливо. То, что в них очевиден преобладающий в постсоветском обществе государственный патернализм и распространенная установка на уравниательность, понятно и не удивительно, но главное — в другом. Система вузовского обучения в России оторвана от мировой образовательной системы, ее не только педагогических стандартов и практики, но и от антропологии пост-модерного общества и человека. В других терминах, она не ориентирована на то, чтобы дать студентам хорошую специальность, пользующуюся общественным признанием и при этом хорошо вознаграждаемую (то, что само российское общество — уплощенное, косное и бедное, оставляю сейчас в стороне).

При этом структура и иерархия ожиданий, предъявляемых системе высшего образования со стороны населения в целом и молодежи в частности, фактически одинаковы. Но степень напряженности, разнообразия и артикулированности запросов и претензий к вузовской системе среди молодых россиян несколько ниже, чем среди населения в целом. На молодежь еще не давит груз нереализованных личных устремлений и базовых социальных дефицитов общества (главный из них в данном случае — соединение современной специализации с удачной карьерой, а особенно с хорошим заработком, о чем уже говорилось). Зато молодые россияне чаще упирают на то понимание значимости высшего образования, которое было характерно для интеллигенции, а потому вошло в преподавательскую риторику, язык «культурных людей» и проч.: предполагается, что вузовское образование дает возможность для более полной реализации склонностей и способностей человека.

¹ Далее использованы отдельные материалы исследовательского проекта ВЦИОМ «Анализ доступности высшего образования», осуществленного рабочим коллективом под руководством А.Левинсона в 2003 г. по гранту Фонда Форда. В рамках проекта были проведены общероссийские опросы всего населения и более молодого контингента россиян до 35 лет, которые далее и цитируются, а также серия качественных исследований в различных городах страны (беседы с учащимися, родителями, преподавателями) и др. Более полно полученные данные, соображения и выводы на их основе представлены в статьях М.Красильниковой, Л.Гудкова, Б.Дубина и А.Леоновой в журнале «Вестник общественного мнения» (2004. № 1. С. 26–55).

**Что вы думаете о нынешней системе высшего образования в России?
(В % ко всем опрошенным)**

	<i>Население, N=2000 че- ловек</i>	<i>Отношение положи- тельных ответов к отрицательным</i>
<i>Преобладание положительных оценок</i>		
Дает хорошие специальные знания	51:24	2,125
Приобщает к отечественной культуре	44:26	1,69
Дает общий кругозор	43:27	1,59
Позволяет реализоваться наиболее ода- ренным	45:32	1,4
<i>Преобладание отрицательных оценок</i>		
Дает возможность хорошей работы	37:47	0,79
Соответствует стандартам Западной Европы и США	16:41	0,39
Дает равные возможности всем бес- платно учиться	10:76	0,13

Доступность высшего образования как такового оценивается молодежью несколько выше, чем населением в целом, его более старшими подгруппами. Однако заметно хуже дело обстоит с хорошим, качественным образованием; и дело здесь, как можно предположить, не только в падении его среднего качества вслед за эрозией советской образовательной системы, но и в более высоких запросах молодежи по сравнению со старшими поколениями россиян. Как бы там ни было, недоступным высшее образование как таковое считают для себя сегодня значительно меньше молодых людей, чем россиян в целом, более старших жителей России. Так что проблема для молодежи теперь все больше в качестве вузовской подготовки — ее современном уровне, развитой специализации и перспективе на будущее, связи с завтрашним трудоустройством, формой занятости и типом труда, то есть со стратификацией общества, его более дифференцированной, гибкой и динамичной социально-профессиональной структурой.

Но вот расчет молодежи на бесплатное образование одинакового для всех уровня заметно более низок, чем среди российского населения в целом. Иными словами, советской привычки к государственному патернализму среди молодых людей меньше, а доля тех, кто считает возможным получить или сам заработать себе на более качественное обуче-

Таблица 2

Зачем сегодня прежде всего нужно высшее образование?
(Население, N=2000 человек; молодежь, N=3000 человек; в % к опрошенным контингентам; можно было выбрать несколько ответов)

	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь до 35 лет</i>
Чтобы стать хорошим специалистом	49	40
Чтобы найти хорошо оплачиваемую работу	60	53
Чтобы сделать карьеру	42	38
Возможность жить в культурной, образованной среде	12	11
Можно найти друзей, спутника жизни	8	5
Можно продлить годы учебы	4	3
Иначе будут считать неудачником	3	2
Иначе не стать культурным человеком	8	9
Иначе невозможно реализовать себя	16	24
Нет другого пути в науку	20	11
Затрудняюсь ответить	5	2

Таблица 3

Доступно ли сегодня высшее образование для таких людей, как вы?
(N=2000 и 3000 человек; в % к опрошенным контингентам)

	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь до 35 лет</i>
Да, практически любое	17	23
Да, но хорошее чаще всего недоступно	32	45
Нет, практически недоступно	40	27
Затрудняюсь ответить	11	5

ние, видимо, больше. Поэтому соотношение «допускающих самостоятельность» и «рассчитывающих на государственную опеку» среди населения и в молодежной подгруппе — диаметрально противоположное.

Понятно, что возможности оплачивать учебу в вузе кого-то из членов семьи у разных семей разные. Но различается и значимость высшего образования в различных группах, в разных по уровню семьях.

Таблица 4

**Высшее образование в России сегодня должно быть...
(N=2000 и 3000 человек; в % к опрошенным контингентам)**

	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь до 35 лет</i>
в основном бесплатным	55	41
и платным, и бесплатным	39	56
в основном платным	2	1
затрудняюсь ответить	4	2

Таблица 5

**Расходы домашних хозяйств на оплату услуг в системе образования
по группам населения с разным уровнем среднедушевого дохода¹**

<i>Доходные группы (=20 % населения)</i>	<i>Расходы на образование на одного члена домо- хозяйства в год, руб.</i>	<i>В том числе на ... (в %)</i>			<i>Расходы на образование, в % к по- требитель- ским расхо- дам семьи</i>
		<i>сред- нее</i>	<i>среднее професси- ональное</i>	<i>высшее профессио- нальное</i>	
1 минимальные доходы	29	33,9	22,1	22,7	0,4
2	78	22,8	21,8	42,6	0,7
3	159	17,7	13,9	52,4	1,0
4	380	12,7	15,0	62,7	1,6
5 максималь- ные доходы	557	12,6	14,0	62,2	1,3

Сравним данные недавнего статистического обследования домохозяйств России.

Как видим, абсолютная величина общих расходов на образование в полярных доходных группах различается на порядок (в 19 раз), хотя если брать структуру потребительских расходов семьи, то эти различия не так значительны (в три раза). При этом расхождения в затратах связаны именно с затратами на получение высшего образования: среднее обязательно и сравнительно общедоступно.

¹ Образование в Российской Федерации. Статистический сборник. М., 2003. С. 58 (данные 2001 г.).

**Какое образование вы считаете достаточным для себя,
для таких людей, как вы?
(N=2000 и 3000 человек; в% к опрошенным контингентам)**

	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь до 35 лет</i>
Менее 7–8 классов	3	Меньше 1
8–9 классов	6	2
10–11 классов	10	6
ПТУ	9	8
Техникум, ССУ	25	22
Вуз	36	45
Два вуза	4	11
Аспирантура	2	3
Колледж или университет за рубежом	Меньше 1	1
Затрудняюсь ответить	6	2

В этом смысле показательно, что разница между воображаемой нормой образования, достаточного для человека по оценкам населения в целом и молодежи в частности, относится не только к средней школе (все меньше молодых людей считают ее уровень «потолком» для себя) и не просто к наличию высшего образования, институтского диплома (среди молодежи преобладает ориентация на уровень вуза), но и ко все большему упору на два вуза, два высших образования. Очевидно, что второй вуз в представлениях молодых россиян должен, среди прочего, компенсировать недостатки первого — качество, специализацию, — должен в большей мере соответствовать структуре занятости и проч. Иными словами, данная подгруппа россиян видит решение проблемы не в том, чтобы наращивать качество имеющихся профессиональных знаний, а в том, чтобы дополнить наличный «капитал» другими знаниями и навыками, более востребованными на сегодняшнем рынке труда, или вовсе сменить профессиональную колею (так сказать, ход вбок или в обход, а не рывок вверх).

Символический капитал семьи, культурные ориентации молодежи и доступность образования как проблема

У молодых респондентов, как и у поколений их, условно говоря, родителей и предков по возрасту, явно различаются два уровня зафик-

сированных мнений относительно образования, его качества, системы и проч. Тут можно говорить о двух типах ориентаций, двух осях самосоотнесения.

С одной стороны, респонденты предъявляют интервьюеру сложившиеся в «большом» социуме, широко распространенные в массмедиа представления о том, *как это сейчас принято*, «как делаются дела в России». С другой стороны, в ответах фиксируется *собственная практика* решения жизненных проблем (включая уровень и качество образования как проблему), сложившиеся в ходе жизни навыки их рационализации.

В этом плане надо сказать, что явно преобладающее и в обществе, и в массе наших опрошенных мнение о неоспоримой значимости «денег» и «связей», подчеркивание важности «совета родных» при выборе образовательной стратегии (установленный для себя предел обучения, признаваемого «достаточным»; мотивы продолжения или прерывания учебы; выбор вуза, специальности и т.п.) фактически указывают на привычно зависимую, слабую в социальном и культурном плане позицию большинства респондентов. Они не располагают в должной мере ни деньгами и связями (высоко их при этом ценя), ни различными другими ресурсами, о которых просто не знают либо которые не считают важными, актуальными и проч.

Привычная социальная бедность или обыденный дефицит ресурсов выражается и в том, что респонденты в массе не привыкли к систематической рационализации собственного поведения. Отсюда их нередкие ответы типа «не думал об этом», «не знаю» и т.п. Отсюда же — слабая мотивация к получению высшего образования, оптимизации его качества. И это, заметим, при столь же согласованном мнении о престиже «современных» профессий, воплощающих инструментальную рациональность, высокую технологичность навыков и поведения — бизнесменов, экономистов, компьютерщиков, юристов и проч.

Центральный в этом плане факт состоит в том, что получение образования как такового вообще не является значимой проблемой для подавляющего большинства опрошенной молодежи.

Как видим, на первом месте для молодежи — как и для подавляющего большинства россиян в целом — стоят задачи *общей социальной адаптации*, удержания минимального уровня жизни «как у всех», а вовсе не проблемы качества обучения, качества жизни в целом. Отсюда указание молодых россиян на первоочередную значимость для них таких проблем, как «низкие доходы, постоянная нехватка денег в семье»; невозможность найти хорошую работу; отсутствие удовлетворительного жилья (отдельной квартиры); конфликты в семье; одиночество. Так что невозможность получить высшее образование, учиться в хорошем

Что в последнее время больше всего осложняет вашу жизнь, жизнь вашей семьи? (2003 г., молодежь до 35 лет, N=3000 человек, в % ко всем опрошенным, приводятся лишь наиболее значимые позиции из списка)

Низкие доходы, постоянная нехватка денег	54
Невозможность найти хорошую работу	26
Невозможность получить отдельную квартиру	20
Конфликты в семье	10
Плохое состояние здоровья	7
Невозможность учиться в хорошем вузе, получить высшее образование	6
Одиночество	6

вузе признается проблемой лишь 6% опрошенной молодежи (в подгруппе 18–19-летних эта доля возрастает до 10%, но и только).

Показательно, что и оценки школы, в которой учились респонденты, крайне слабо дифференцированы. Относительно школы преобладает мнение, что она была «никакая, ни хорошая, ни плохая, обычная» (46%). Другая половина молодых респондентов (43%) дает школе в целом позитивную оценку — «хорошая». Другими словами, у подавляющей части молодежи отношение к школе равнодушно-приемлющее, безальтернативное и в этом смысле — безоценочное.

В этом контексте рационализация собственных мотивов и поведенческих тактик (хотя и здесь чаще всего — в негативной форме) характерна лишь для узкой группы социально и культурно сильного меньшинства. Его отличают более высокие запросы к жизни, профессии, учебе в школе и вузе, а потому и более артикулированные, заинтересованные, взыскательные их оценки, включая, кстати, критические. Эта малая часть российского общества обладает символическим капиталом более высокого родительского образования, а значит — соответствующих навыков и запросов. В подобных семьях собрана более крупная и разнообразная по составу библиотека — то есть имеются собственные, независимые и более фундаментальные источники информации об окружающем мире и обществе. Соответственно, здесь у молодых людей чаще всего и можно встретить установки на социальное достижение, на дальнейшее повышение уровня аспираций. Для молодежи из такой социокультурной среды характерен более высокий уровень социальной контактности (социальности), навыки цивилизованного состязания и партнерских коммуникаций, умение решать интеллектуальные задачи. По их оценкам, респонденты из таких семей легче справлялись с учебными заданиями в средней школе,

были более коммуникабельными. Они легче преодолевали коллизии и напряжения по поводу учебы в общении с однокашниками, преподавателями, родителями. Применительно к данному меньшинству можно говорить о большем объеме *социокультурного капитала*.

В последний мы предлагаем включить ум, интеллект; знания (культуру); техники состязательного и партнерского взаимодействия (социабельность; навыки самостоятельного поиска); внутрисемейную солидарность. «Деньги» и «связи» в определенной мере *дополняют* набор перечисленных семейных и индивидуальных ресурсов этих продвинутых групп, являются как бы их продолжением и выражением. Но при этом, например, «деньги» здесь чаще связываются не просто с «покупкой» поступления в вуз или диплома, а с платой за более современное и высокое качество образования; «связи» означают поддержку и солидарность с себе подобными — качества, выработанные в процессах коллективного подъема и т.п. Соответственно, лишь в данной узкой подгруппе, вероятно, и стоит говорить о стратегиях *инструментального достижения ценностей* — к таким стратегиям и стратегическим ресурсам относится и «высшее образование».

Подобному более требовательному и более активному меньшинству противостоит абсолютное большинство россиян, масса социально слабых респондентов. Они учились или учатся в «обычной», нивелирующей всех средней школе советского типа, сложившейся как институт на фазе первичной модернизации, индустриализации, урбанизации. К тому же они зачастую учились без интереса, испытывали трудности в общении с учителями, переживали или переживают конфликты в школе и семье (в особенности последние характерны для выходцев из семей военнослужащих, милиции и т.п.). Сознание своей бедности, непригодности для более качественной учебы и работы оказывается чрезвычайно существенным, фактически лишая людей на будущее уверенности в себе, способности и воли к достижению. Отметим, что в большей степени эти клише самовосприятия присущи не самым бедным группам, а тем, кто находится на переломе от бедности к средним доходам, постоянно и с трудом подтягиваясь к образу жизни «как у всех». Такая самооценка становится у них основанием для психологической рационализации отказа от установки на достижение вообще, самооправданием своего нынешнего привычного состояния.

Здесь приходится говорить о стратегиях защиты от ценностей, признаваемых обществом в целом и даже, в ряде случаев, самими респондентами из данных депримируемых групп. В таких случаях соответствующие ценности и достижения (например, достаток, коммуникабельность, навыки неагрессивного взаимодействия и проч.) подверга-

ются смысловому снижению. Они переносятся на образы «других», «социально далеких» или «чужих» с соответствующей заведомо негативной оценкой их как «связей», «блата» и проч. В круг такого рода признаков чужого благосостояния, вызывающих напряжения и отрицательные чувства (отторжение, зависть, агрессию) для данных групп может входить и высшее образование.

В сравнении с этим, например, у предпринимателей и их детей, для которых тоже довольно характерно подобное чувство социального разрыва и своей отделенности от более высоких, престижных позиций в обществе, оно не блокирует аспираций и не становится тормозом достижений. Напротив, оно воспринимается как фактор, усиливающий стремление «наверх», к большей достижительности, к благосостоянию, активности, высокому качественному уровню жизни и работы.

В качестве жизненной перспективы масса социально слабых, естественно, избирает работу в государственном секторе. К этому чаще всего склоняются те, кто имеет менее высокое образование, старше по возрасту, чаще — женщины, иными словами, те, у кого ограничены ресурсы и потенциал активности, кто вынужден соглашаться на более пассивную, чисто исполнительскую деятельность. Напротив, молодые, более образованные и амбициозные респонденты чаще ориентированы на карьеру в частном секторе (наиболее предпочтительный вариант для них — российский филиал зарубежной фирмы). А это значит, что у них формируются соответствующие аспирации, запросы к окружающим и стандарты самооценки. Они чувствуют необходимость в дополнительной, более разнообразной и глубокой информации, требуют расширения кругозора и информационного поля, в определенной мере готовы соответствовать более высоким и жестким требованиям глобального рынка. Все это заставляет предполагать у них большую собранность и выраженную достижительскую ориентацию, стремление к более основательным знаниям и профессиональной компетенции.

Так предприниматели обнаруживают наивысшие показатели достижительских установок: они больше всего ценят компетенцию, трудоспособность, самостоятельность и «хорошую голову» — инициативу, изобретательность. Соответственно, они относительно меньше других групп опрошенных готовы признать ведущим фактором профессионального и жизненного успеха неформальные связи, коррупцию, с одной стороны, и чисто формальные статусные характеристики (наличие «корочек»). Напротив, привычный расчет на корпоративную сплоченность советского образца характерен именно для недостижительских групп — служащих и силовиков, наименее профессионально компетентной группы. Соответственно, она в наименьшей степени ориентирована на дифференцированное и качественное образование, на продвижение в связи с достоинствами работы, но, на-

против, ценит формальные критерии соответствия нормам поведения в замкнутых и иерархических структурах — прежде всего лояльность. Неквалифицированные рабочие в наивысшей степени демонстрируют комплекс «совка» — отсутствие установки на квалификацию, готовность халтурить, предпочтение привычки, «опыта» — профессиональным современным и меняющимся знаниям.

В общем смысле можно сказать, что в представлениях опрошенной молодежи, условно говоря, институтского и предынститутского возраста противостоят две разные модели образования — нацеленное на гарантированное *получение статуса*, в одном случае, и на *постоянное достижение*, повышение уровня, качества и разнообразия жизни — в другом. В первом случае образование оказывается лишь сертификатом социальной дееспособности, компетентности, лояльности к иерархическим принципам организации закрытого общества. Во втором — образование выступает предпосылкой более высокой и эффективной социальной индивидуальности, ориентированной на профессионализм, компетентность, эффективное достижение целей.

Культурные умения как фактор дифференциации

Рассмотрим понятие и проблему символического капитала подробнее. При этом важно помнить два момента. Во-первых, речь идет о привычно-необеспеченном, привычно-непритязательном, постдефицитарном (постсоветском) обществе. Поэтому любые проблемы «высоты», уровня, качества чего бы то ни было в позитивном смысле, вне сферы, где действуют зависть и рессантимент (будь то качество образования, товаров и услуг, жизни в целом), не являются для большинства членов этого общества первостепенными. Они (и соответствующие вопросы исследователей) даже не всегда понятны для них. Во-вторых, мы изучаем в данном случае не только те социальные переменные, которые можно эмпирически установить (скажем, уровень своего и родительского образования, объем домашней библиотеки и т. п.), но и культурные ориентации и установки, а они по большей части доступны лишь опосредованному пониманию, оценке, интерпретации, но прямого влияния на поведение респондентов, доступно эмпирической фиксации как наблюдаемый факт, могут и не иметь.

Если говорить об образовании, знаниях, культуре, то их качество, о чем уже упоминалось, имеет значимость лишь для достаточно узких кругов, слоев, групп, уже обладающих известным социальным и культурным капиталом, чаще всего — во втором поколении. Сюда относятся такие характеристики опрошенной молодежи, как высшее образование у родителей, более высокие в среднем доходы, цивилизацион-

ные и коммуникативные навыки, инструментальные умения — усидчивость, дисциплина, навыки самостоятельного поиска, анализа, общения, вообще навыки социальной и культурной *самостоятельности*, самоответственности, самодисциплины.

Именно тот факт, что респонденты данной подгруппы обладают не только знаниями и инструментами их самостоятельного умножения, поиска, «упаковки» и проч., но и привычно используют эти умения в коммуникации с себе подобными, в установлении различных связей с ними, тех или иных устойчивых форм солидарности (от профессиональных или по любительским интересам — до приятельских и дружеских), что они повседневно употребляют их как инструментальный посредник в социальной жизни, делает для них символическое, исключительно мифологизированное значение «денег» и «связей» — столь характерное для других групп, менее обеспеченных социальными и культурными капиталами, — вовсе не таким уж напряженным, гораздо более спокойным. Напротив, группы и слои, лишенные навыков как социальной состязательности, мирной конкуренции, так и внеконкурентной общительности, солидаризации на универсальных, неаскриптивных, вне­традиционных ценностях и значениях, склонны мифологизировать эти дефициты собственной повседневной жизни, изъяны своего «социального характера». Видя их у «других» и наделяя повышенной значимостью, сверхценностью, но в негативном залоге, с сознанием своей отделенности и обделенности, они уничижительно называют их «блатом», «коррупцией» и т. д. (речь не о том, что подобных явлений в российской социальной жизни нет, а о степени их реальной распространенности и, наоборот, заведомом преувеличении их значимости).

Иными словами, социально и культурно деприми­рованные слои подвергают те значения, которые выступают *инструментальными* навыками цивилизованности для относительно продвинутых групп, *вторичной* статусной *символизации*. В соответствии с собственным положением в обществе и самооценкой, они превращают данные значения как бы в аскриптивные признаки определенных, замкнутых, недоступных для них социальных групп и позиций. В таких случаях можно говорить о защите от признаваемых ценностей — защите путем снижения ценности, придания ей негативной семантики и переносе этой негативности на обобщенных «других». Для примера возьмем по отдельности несколько признаков, составляющих культурный капитал семьи респондента.

Образование родителей и культурные установки личности

Дети высоко образованных родителей более уверены в доступности для них высшего образования и в возможности устроиться на хоро-

шую работу (75% в сравнении с 61% детей, чьи родители имеют лишь начальное образование). В сравнении с семьями, где у родителей — начальное образование, дети родителей, имеющих высшее образование, вдвое реже предпочли бы работать на государственном предприятии и, напротив, в полтора раза чаще — на зарубежном (они вообще более сдержанно относятся к огосударствлению общественной жизни в России — контролю государства над величиной доходов, поездками за рубеж и т. п.). Дети высоко образованных родителей чаще учились в гимназиях или школах с усиленным преподаванием отдельных предметов, параллельно занимаясь при этом в музыкальных или художественных школах, уча иностранные языки. Они чаще считают залогом успеха в жизни именно высшее образование, собственное умение учиться и работать, самостоятельную подготовку к будущей учебе и работе, предприимчивость и инициативность, умение контактировать с людьми, но сравнительно реже — деньги, высокое положение и богатство родителей. Показательно, что они не только выше ценят институтское образование как таковое, но и более высоко оценивают саму нынешнюю систему высшего образования, поскольку умеют извлекать из нее пользу, находить применение своим способностям и удовлетворение запросам.

Сходным образом на молодежные оценки нынешней системы образования и возможности трудоустройства в ближайшем будущем влияет и такой фактор, как представление о доступности/недоступности высшего образования. Те, кто склоняется к первой точке зрения («доступно»), в качестве значимых факторов социального продвижения, успеха, повышения уровня чаще называют качества, которые у них *есть* (собственные ресурсы, о которых они знают и которыми умеют распоряжаться). Сторонники же мнения о недоступности высшего образования, коррумпированности преподавателей, невозможности продвинуться без связей и блата, выделяют в качестве решающих в жизни, напротив, такие ресурсы, которых у них *нет* (то есть качества и владения «других», которые для них, как они полагают, заведомо недостижимы).

Домашняя библиотека семьи как фактор дифференциации культурных установок

В том же направлении, как накопленный семьей образовательный капитал, воздействует такой фактор, как *объем* собранной домашней библиотеки. Домашнее собрание до 100 книг (2–3 книжные полки) обычно включает разрозненные, случайно доставшиеся или оставшиеся в доме издания — подарочные, учебные, подручные справочни-

Таблица 8

Какие факторы из перечисленных могут сегодня прежде всего гарантировать молодому человеку успех в жизни? (В % к группам по уровню доступности/недоступности образования; градуировано по первому столбцу; приводим лишь позиции, по которым отмечаются наибольшие расхождения между группами)

	<i>Считают, что высшее образование доступно</i>	<i>Считают, что высшее образование недоступно</i>
Умение работать, учиться	46	35
Предприимчивость, стремление к успеху	40	30
Деньги	36	48
Ум	33	27
Связи, знакомства	32	46
Умение контактировать с людьми	30	21
Высшее образование	27	20
Высокое положение родителей	9	18

ки и т. п. Домашние собрания в 300–500 книг — это уже действительно собрания: они начинают приобретать признаки структурности и чаще представляют собой начальный «культурный капитал» людей, первыми в своей семье получивших высшее образование. Библиотеки объемом свыше книжного шкафа (500 книг и более) отличаются принципиально еще большим разнообразием и систематичностью, включают книги разного типа — от профессиональных пособий до беллетристики, нередко представляя собой самостоятельные устройства памяти нескольких поколений и даже эпох, например коллекции журналов или извлечений из них и т. п. Предназначение таких библиотек и состоит в том, чтобы обеспечивать воспроизводство «культурного капитала» из поколения в поколение, выступая не только инструментом автономной социализации, но и символом надпоколенческой связи, собственно «культуры»¹. Приведем данные опроса всего населения (N=2004 человека, в % к числу ответивших).

¹ Более подробно о составе и динамике домашних книжных собраний в России 1990-х гг. см. статью «Массовое чтение и общедоступная библиотека» в настоящем сборнике.

Таблица 9

Объем домашней библиотеки

	<i>До 100 кн.</i>	<i>Более 500 кн.</i>
В целом довольны своей работой, профессиональным положением	64	80
В целом недовольны ими	33	19
<i>Обобщенное значение образования</i>		
Специальность	48	65
Зарплата	58	55
Карьера	43	38
Культурная среда	9	12
Самореализация	14	23
Занятия наукой	16	29
Главное — любой диплом	16	10
Главное — престижный вуз	8	7
Главное — интересная специальность	20	38
Главное — хороший заработок	48	44
<i>Доступно ли высшее образование для таких людей, как вы?</i>		
Да, любое	12	34
Да, кроме хорошего	28	33
Нет	49	24

Таблица 10

**Доступно ли сейчас для таких людей, как вы, высшее образование?
(2003, население в целом, N=2000; сравниваются «полярные»
группы опрошенных с соответствующими социальными
и культурными характеристиками)**

	<i>Высокий доход/низкий доход</i>	<i>Москва и СПб/село</i>	<i>Библиотека свыше 500 кн./ менее 100 кн.</i>
Да, любое	1,17	1,68	2,8
Да, но не самое качественное	1,15	1,15	1,17
Нет, недоступно	0,65	0,44	0,48

Таблица 11

Что мешает людям получить высшее образование?

	<i>Объем домашней библиотеки</i>	
	<i>До 100 кн.</i>	<i>Более 500 кн.</i>
Нет потребности	30	40
Низкое качество среднего образования	17	30
Нет денег для подготовки	71	63
Коррупция в вузах	48	49
Место проживания	11	19
Нужно кормить семью	20	26

Таблица 12

	<i>Объем домашней библиотеки</i>	
	<i>До 100 кн.</i>	<i>Более 500 кн.</i>
<i>Кто лучше учится в вузе?</i>		
Те, кто имеет жизненный опыт	15	8
Те, кто знают, зачем учатся	48	62
Те, у кого есть способности	43	54
<i>Что такое «хорошая работа»?</i>		
Хорошая зарплата	75	75
Интересная	44	64
Коллектив, социальные блага	33	33
Нужная людям	22	23
Престижная, уважаемая другими	20	25
Возможность карьеры	13	14
Требующая контактов с людьми	8	13
Дает возможность поехать	8	13

При этом фактор культурного капитала семьи — в данном случае объем домашней библиотеки — дифференцирует крайние группы даже более отчетливо, чем такие традиционно «сильные» факторы расчленения, как семейный доход или уровень урбанизированности (тип поселения). Сравним воздействие этих факторов.

Что обеспечивает «хорошую работу»?

	<i>Объем домашней библиотеки</i>	
	<i>До 100 кн.</i>	<i>Более 500 кн.</i>
Связи	46	36
Проф. образование	39	47
Целеустремленность	31	46
Хорошее высшее образование	24	24
Трудолюбие	24	23
Способности	23	34
Перспективная специальность	14	16
Деньги, богатые родители	18	7
Опыт работы	14	5

Как видим из только что приведенных данных, проблемой для россиян в массе выступает бедность собственных (семейных) ресурсов, а для обладающих большим символическим капиталом — бедность всего общества, неразвитость его структуры в целом. Дело — в отсутствии набора и системы ресурсозамен, страховочных и компенсирующих механизмов, которые могли бы демпфировать временную нехватку тех или иных отдельных ресурсов индивида или семьи, а не собственно в коррупции тех или иных вузовских преподавателей и проч.

Можно сказать даже больше. Каждая из двух рассматриваемых здесь полярных групп ориентируется на отличающиеся друг от друга антропологические стандарты — относительно иное представление о человеке, его возможностях и ответственности, движущих им силах, владении собой и проч. Для групп более символически обеспеченных более важными в этом отношении становятся способности человека, его заинтересованное отношение к себе, к работе, высокая оценка насыщенности и разнообразия жизни, а главное — его понимание собственных целей в жизни, инструментальное отношение к образованию и другим «капиталам», своим и семейным.

В подгруппе с более высокими символическими ресурсами чаще подчеркивают значение именно целевых, инструментальных составляющих жизненного поведения, среди большинства социально и символически «бедных» — первостепенную важность статусных характеристик, корпоративной солидарности.

Связь между различными компонентами символического капитала

Однако различные компоненты совокупного символического капитала индивида и его семьи действуют, конечно же, не по отдельности. Говоря социологически, они представляют оси социокультурной дифференциации общества, силовые тяги его структуры и — даже в статусно-иерархическом, дефицитарном позднесоветском социуме — соотнесены друг с другом. Подобное взаимовлияние различных

Таблица 14

	<i>Объем домашней библиотеки</i>	
	<i>До 100 книг</i>	<i>Более 500 книг</i>
Образование родителей		
<i>Матери</i>		
Ниже среднего	46	21
Среднее общее	28	19
Среднее специальное	16	27
Высшее	6	31
<i>Отца</i>		
Ниже среднего	43	17
Среднее общее	28	14
Среднее специальное	16	28
Высшее	6	34
Какое образование считаете для себя достаточным?		
10–11 классов	12	3
Техникум, ССУ	27	18
Вуз	28	53
Два вуза	1	9
Аспирантура	0,1	5
Довольны ли своим образованием?		
Вполне доволен	29	44
Совершенно недоволен	8	9
Возникла ли потребность в повышении квалификации?		
Да	38	55
Нет	62	45

символических тезаурусов семьи видно на данных о сочетании уровня образования родителей респондентов с объемом их семейной библиотеки, представлением о достаточном уровне образования для себя, удовлетворенностью им и установкой на повышение его качества (табл. 14).

Образовательные ориентации населения как независимая переменная

Теперь изменим исследовательскую оптику. Рассмотрим, как, наоборот, ценности и установки россиян в области образования влияют на их оценки образовательной системы, представления о жизненном успехе, его факторах и критериях. При этом слои населения, ориентированные на самый низкий уровень образования и считающие его для себя вполне достаточным, понятно, вообще не воспринимают сферу образования как область сколько-нибудь значимых для себя проблем. А вот установки на среднее специальное и на высшее образование характеризуют, напротив, заинтересованные и «проблемные» группы. Но они проблемны в разных отношениях и по-разному представляют себе систему образования, свое место в ней (данные опроса всего населения, N=2000 человек, в % к группам с соответствующими представлениями о достаточном образовании). Ориентированные на высшую школу сталкиваются с недоступностью для них именно качественного образования, тогда как готовые ограничиться средним специальным образованием, соответственно, полагают его для себя недоступным (и это главное), но четверть их все же затронута проблемами качества вузовского обучения. Однако наибольшие претензии у них — к средней школе. Среди ее проблем они выделяют высокую плату за обучение и имущественное неравенство учащихся, как можно думать, имея при этом в виду учебу своих детей, а в какой-то мере — и свой фрустрирующий опыт.

Как видим, среднее общее образование родителей дает в следующем поколении толчок уже к среднему специальному, а среднее специальное, *особенно матери,* — в свою очередь, к высшему. Но, конечно, и высшее образование родителей, *особенно отца,* подталкивает детей ориентироваться на высшее как уже достигнутый семьей стандарт.

Образовательные ориентиры российской молодежи

Уточним наблюдения, сделанные выше на материалах всероссийского опроса, применительно к молодым людям институтского и предынститутского возраста.

Считают для себя достаточным образование

	<i>Не выше среднего</i>	<i>Среднее спец.</i>	<i>Высшее</i>
Доступно ли высшее образование для таких людей, как вы?			
Да, любое	10	12	26
Кроме хорошего	18	27	43
Недоступно	59	50	24
Проблемы современной школы			
Наркомания, преступность в школе	42	52	49
Отсутствие интереса к учебе	35	43	46
Плохая материальная база школ, низкая дисциплина учеников	35	40	39
Высокая плата за обучение	31	37	30
Низкий уровень учителей	26	32	35
Невозможность поступить в вуз, на хорошую работу	21	28	35
Имущественное неравенство учеников	18	29	25
Необеспеченность учебниками	19	22	21
Высокая плата+низкое качество	11	14	17
Разрушение прежней системы школ	14	18	14
Плохие учебники	5	11	14
Слабая специализация	8	7	11
Плохое отношение к ученикам	7	7	11
Что мешает людям получить высшее образование?			
Нет потребности	32	31	36
Низкое качество среднего образования	11	18	25
Нет денег для подготовки	68	74	70
Коррупция в вузах	32	51	53
Место проживания	8	13	14
Нужно кормить семью	20	22	21
Что такое «хорошая работа»?			
Хорошо платят	74	75	71
Интересная	43	48	55

Таблица 15 (окончание)

	<i>Не выше среднего</i>	<i>Среднее спец.</i>	<i>Высшее</i>
Коллектив, социальные блага	31	35	31
Нужная людям	28	26	18
Престижная, уважаемая другими	17	25	21
Возможность карьеры	11	13	17
Требуемая контактов с людьми	10	8	13
Возможность поехать	5	8	13
Что обеспечивает «хорошую работу»?			
Связи	38	44	42
Профессиональное образование	34	43	41
Целеустремленность	26	36	42
Хорошее высшее образование	22	27	30
Трудолюбие	34	29	20
Способности	26	26	25
Перспективная специальность	13	14	20
Деньги, богатые родители	14	17	14
Опыт работы	16	14	14
Образование			
<i>Матери</i>			
Ниже среднего	67	41	22
Среднее общее	16	33	26
Среднее специальное	8	17	31
Высшее	4	6	19
<i>Отца</i>			
Ниже среднего	64	38	20
Среднее общее	18	30	26
Среднее специальное	7	18	28
Высшее	5	6	21

Таблица 16

Какое образование вы считаете достаточным для себя, для таких людей, как вы? (Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; в % к группам по уровню образования матери; без учета затруднившихся с ответом)

	<i>Начальное</i>	<i>Среднее общее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Высшее</i>
Не выше среднего	11	16	4	4
ПТУ	12	14	7	3
Среднее специальное	30	26	22	12
Вуз	39	34	48	54
Два вуза	4	6	12	18
Аспирантура	1	1	3	5

Таблица 17

Доступно ли сегодня высшее образование для таких людей, как вы? (Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; в % к группам по уровню образования матери; без учета затруднившихся с ответом)

	<i>Начальное</i>	<i>Среднее общее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Высшее</i>
Да, практически любое доступно	17	17	23	34
Не всякое, хорошее чаще недоступно	38	41	48	48
Нет, практически недоступно	41	35	25	14

В дополнение к сказанному добавим, что высшее образование родителей ориентирует их детей не просто на высшее образование как таковое (на «диплом»), но на его качество, на более богатые ресурсы профессионализма, компетентности, широту кругозора и проч., дающие более высокие возможности и на рынке труда. Так что дети из семей, где родители закончили вузы, гораздо чаще считают «нормальным» теперь уже два образования и аспирантуру, причем видят в этом и желательный уровень для себя лично, и ресурс социального подъема в более общем плане, для каждого молодого человека.

Как видим, с одной стороны, высшее образование родителей делает вуз для их детей более доступным. Но оно же предопределяет и более высокие требования молодых респондентов, поддержанных в этом родителями, к качеству образования (при достаточно высоком, отметим, сознании недоступности качественного вуза). Дети высоко образованных чаще знают, куда они смогут поступить без «блата» и в этом смысле

Таблица 18

Знаете ли вы вуз, в который вы смогли бы поступить без денег и связей, если бы захотели? (Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; в % к группам по уровню образования матери; без учета затруднившихся с ответом)

	<i>Начальное</i>	<i>Среднее общее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Высшее</i>
Да	28	26	36	52
Нет	48	49	45	33

Таблица 19

Чем сегодня молодежи прежде всего гарантирован успех в жизни? (Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; в % к группам по уровню образования матери; без учета затруднившихся с ответом, приводятся лишь наиболее значимые позиции)

	<i>Мать с образованием ниже среднего</i>	<i>Мать с высшим образованием</i>
Деньги	45	38
Связи	40	40
Умение работать, учиться	38	39
Стремление к успеху	34	38
Ум	29	35
Высшее образование	23	25
Умение контактировать с людьми	21	30
Высокое положение родителей	17	12

более уверены в себе, а потому ниже ставят роль «взятки» как гарантии поступления в вуз и жизненного успеха. Можно предположить, что при этом «связи» и «деньги» вообще имеют для них иное, более инструментальное значение. Так, деньгами они могут оплатить более качественное образование, связи — это капитал социальности и социальности как их родителей (солидарности слоя, группы), так и их самих.

Понятно, что молодые россияне, располагающие в семье бóльшим символическим капиталом, и менее привязаны к государству. Зависимое и подтачиваемое постоянным недовольством сознание государственной опеки, расчет на гарантированный общий минимум и брюзжание по поводу его недоступности характерно для них в гораздо меньшей степени, чем для остальных и для российского населения в массе.

Таблица 20

Если бы у вас была возможность выбирать, где бы вы предпочли работать? (Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; в % к группам по уровню образования отца; без учета затруднившихся с ответом)

	<i>Отец с образованием ниже среднего</i>	<i>Отец с высшим образованием</i>
На государственном предприятии	43	23
В местной российской частной фирме	20	24
На зарубежном предприятии	24	36
Для меня это не имеет значения	8	11

В этом плане можно сравнить воздействие на ценности молодежи в сфере образования, оценки нынешней образовательной системы и запросы к ней такого комплексного показателя, как ориентация на себя, навыки рационализации своего поведения, установка на коммуникацию и контакты/ориентация на статус, деньги и связи родителей. Воспользуемся для этого ответами на вопрос о факторах жизненного успеха и, представив их как независимые переменные, проследим за тем, как они влияют на образовательные установки и оценки личности.

Отметим в первой группе молодежи — ориентированной на статусно-дефицитарные капиталы родителей — разрыв между сознанием возможностей, открываемых более качественными формами образования (аспирантура, учеба за рубежом) и подчеркиванием недоступности высшего образования, тем более — качественного, для себя лично. Для оценки значимости собственно культурных факторов (ожиданий, мнений, оценок) в исследованиях культурной и социальной динамики добавим, что степень различий в образовательных *установках* между группами, высоко оценивающими в качестве фактора социального продвижения и жизненного успеха статусно-дефицитарные капиталы семьи (деньги, связи, высокое положение родителей), с одной стороны, и группами, делающими «ставку» на высшее образование, с другой, вполне сопоставима с размахом колебаний соответствующих оценок под воздействием традиционно «сильных» *социально-демографических факторов*. Для сравнения достаточно взять из последних уровень доходов семьи и степень урбанизированности ее образа жизни — тип поселения.

Таблица 21

Чем сегодня может быть прежде всего гарантирован молодому человеку успех в жизни? (Молодежь до 35 лет; N= 3000 человек; в % к группам по типу ориентаций, без учета затруднившихся с ответом)

	<i>Статусно-дефицитарные капиталы семьи</i> 1	<i>Достиженческие способности личности</i> 2	<i>Высшее образование как капитал</i> 3
<i>Доступно ли для таких людей, как вы, высшее образование?</i>			
Да, любое	20	25	27
Да, но кроме хорошего	45	45	45
Нет, недоступно	30	24	23
<i>Какое образование вы считаете для себя достаточным?</i>			
Не выше среднего	9	8	6
ПТУ	9	8	4
Среднее специальное	23	21	20
Высшее	44	46	50
Два вуза	9	11	14
Аспирантура	2	3	4
<i>Какое образование дает сегодня человеку наилучшие возможности?</i>			
Не выше среднего	1	1	Меньше 1
ПТУ	2	2	1
Среднее специальное	5	5	2
Высшее	41	39	41
Два вуза	18	20	26
Аспирантура	9	10	10
Колледж или университет за рубежом	17	18	15

1 — связи, деньги, положение родителей

2 — стремление к успеху, контактность, умение работать и учиться

3 — высшее образование

**Какое образование вы считаете для себя достаточным?
(Молодежь до 35 лет; N=3000 человек; сравниваются «полярные»
группы опрошенных с соответствующими социальными
и культурными характеристиками)**

	<i>Высокий доход/низкий доход</i>	<i>Москва/село</i>	<i>Фактор образования/фак- тор денег и связей</i>
Не выше среднего	0,42	0,5	0,66
ПТУ	1,1	0,54	0,44
Среднее специальное	0,99	0,79	0,87
Высшее	1,08	1,9	1,14
Два вуза	1,5	2,33	1,56

Вместо заключения

Система образовательных институтов (средняя и высшая школа) претерпевает в сегодняшней России серьезные напряжения. В целом они связаны с тем фундаментальным обстоятельством, что сфера образования — как и вся репродуктивная система советского общества вместе с ее антропологической основой, соответствующим базовым типом человека-работника, исполнителя, — была функционально организована в расчете на комплекс задач скоростной, ведомственно-централизованной и военизированной индустриализации страны, для поддержания сложившейся в 1930–1950-х гг. и в дальнейшем лишь деградировавшей системы социально-профессиональных статусов и социальных ролей, набора специальностей, тарификационной сетки и т. п. Для нее был характерен разрыв между уровнем общего образования, идеологической дрессуры в средней школе и требованиями относительной дифференциации и специализации в вузе (а значит, между минимальной пайкой для всех и чуть более хлебной — для избранных и отмеченных); между образованием и системой трудоустройства (уровнем притязаний и потолком их социально допущенной реализации); между образованием и социальным вознаграждением, статусно-ролевой структурой общества, возможностями социальной мобильности и достижений в нем.

В сравнительно-историческом плане можно видеть за этим столкновение в одном времени и месте различных фаз, версий, ценностных приоритетов модернизации — причем не просто идеологический и групповой конфликт «в верхах», но введенный в саму структуру ба-

зовых институтов общества, его репродуктивных подсистем. Важно, что все эти разрывы носили принципиальный, институционализированный характер, поэтому попытки в последние годы решить порождаемые ими проблемы идеологическим путем (псевдосоциалистические лозунги социальной справедливости и формального равенства; идеи русской исключительности — «духовности», «соборности»; начала православного воспитания и проч.) не могут дать социального эффекта: трансформации подлежит вся система. Данное громоздкое целое уже давно, по меньшей мере со второй половины 1960-х — начала 1970-х гг., переживало эрозию и распад. Однако с максимальной остротой социальная неэффективность и экономическая расходность сложившейся образовательной системы проявилась уже в постсоветские годы — в связи с внутренними процессами в экономике, политике, культуре и управлении ею, как стагнационными, так и ориентированными на реформы, но и в общемировом социально-экономическом и политическом контексте, куда Россия 1990-х — начала 2000-х гг. как будто бы стремится, пусть и на уровне официальных деклараций, вписаться.

В этих условиях социокультурная жизнь и структура общества раскололась и фрагментировалась. Она (это легко видеть по географическому пространству страны, зонированию крупных городов и проч.) распалась на более широкие зоны массового — пассивного или чисто реактивного — выживания, социального и культурного упрощения, даже деградации, с одной стороны, и участки, очажки ускоренного и не всегда управляемого нарастания сложности социальных отношений, культурных запросов, ролевой структуры, символических медиа с другой. Отзываясь на эти последние, рынок труда тоже переживает заметные напряжения. Он (а через него — давящий извне глобальный рынок и мировая система разделения труда) все чаще выступает с более современными запросами на знания, умения, специальности, которые, с одной стороны, слабо обеспечены сложившейся за десятилетия системой подготовки в российской средней и высшей школе, а с другой — не стыкуются со стагнационными и инволюционными тенденциями на других уровнях, в иных институциональных отсеках общества; с одной стороны — позитивно воспринимаются более «модерными» группами общества, урбанизированной и прозападной молодежи, взыскательной в плане характера труда, статуса, гратификации, образа жизни и ориентированной на качественное образование, высоко ценятся ею, а с другой — не поддержаны или недостаточно позитивно поддержаны более общей системой культурных ценностей и приоритетов, норм и санкций, так или иначе работающих и укорененных в нынешнем социуме. Между названными участками и зонами возник, продолжает расти и болезненно осознается разрыв — иму-

щественный, социальный, культурный, географический. И это одна группа проблем. Другая связана с институциональным обеспечением новых и более сложных форм социальной, профессиональной, интеллектуальной жизни: среди отличительных черт элиты — способность к воспроизводству, и она сейчас в России находится под вопросом.

Образовательная система, ее руководство оказываются лишь очень ограниченно способными к реформированию и самореформированию — к диверсификации функциональных типов и качественных уровней образования, к все более широкому разгосударствлению репродуктивных институтов, к повышению роли учащихся в формировании их собственных учебных планов, к началам студенческой самоорганизации и самоуправления в учебном процессе, к систематической оценке преподавателей студентами и т.д. Реакция ведомства во многом сводится сегодня к очень медленной адаптации сложившегося прежде порядка, его прилаживанию или мимикрии к новым запросам российского общества и «большого» мира. При этом издержки по обеспечению этой адаптации — подготовка преподавателей на современном уровне, техническое обеспечение занятий, возможность зарубежных стажировок и проч. — фактически перекладываются ведомственным руководством как раз на те продвинутые и динамичные, культурно более развитые и требовательные, несколько выше (но только в сравнении с усредненным уровнем жизни основного населения) обеспеченные, однако не пользующиеся статусно-должностными привилегиями группы в обществе, о которых говорилось выше. Им предлагается (и они буквально вынуждены сегодня) оплачивать разницу между требованиями вузов — особенно хороших и престижных, где выпускниками спецшкол и тому подобным контингентом задана высокая планка требований, но и создана более сложная, более современная социокультурная среда — и поточной «продукцией» обычной, массовой средней школы. В 2001–2002 гг. около половины первокурсников России (49 %) учились уже на платной основе¹. Но фактически, учащиеся и их семьи помимо воли оплачивают при этом лишь сохранение прежней образовательной системы, ее неспособность или нежелание меняться. При этом практически все заинтересованные и платежеспособные лица (абитуриенты, их родственники) по-прежнему предпочитают решать свои проблемы по отдельности, частным и кейсовым путем, «договориться по-семейному», а не создавать открытые формы партнерства и взаимопомощи — ассоциации по защите своих прав и интересов, социальные службы, информационные агентства и другие органы коллективного давления на ведомственные

¹ См.: *Клячко Т.* Модернизация российского образования // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 49.

структуры, способные хоть в какой-то мере сдержать и ограничить бесконтрольный произвол государства. Никаких аналогов, например, Союза потребителей либо Комитета солдатских матерей в данной сфере не возникло, как и ничего подобного западным студенческим движениям 1960-х годов или объединениям протеста в Восточной Европе 1970–1980-х на российском постсоветском пространстве не было.

СПОРТ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ПРИМЕР РОССИИ*

Интерес социологов к спорту связан с самим «проектом» социологии как программы исследования современных обществ. В этом смысле социолога не слишком занимают мифологические «истоки» спортивных состязаний — гомеровские ристалища племенных вождей или Олимпийские культовые игры в честь высших богов, бои профессиональных гладиаторов в Риме¹ или турниры средневековых рыцарей. Социологию в первую очередь интересует место спортивных занятий и достижений в процессах индустриализации, урбанизации, демократизации европейских стран, при становлении в них гражданского общества и буржуазного миропорядка, в формировании национального государства и национальной культуры (выработке и поддержании системы символов национальной идентичности) в Европе, а далее — при переходе Запада к массовому социуму, цивилизации досуга, обществу глобальных зрелищ и проч.

Показательно, что первые труды по социальной истории и социологии спорта датируются именно переходными периодами новейшей истории — фазами становления в Европе современного массового общества, развития массовых социальных и культурных движений. Таковы, в частности, 1910-е годы, когда, обобщая опыт прежде всего молодежных, женских, туристических, гимнастических движений в Германии начала века, нередко отличавшихся националистическим уклоном, выдвигавших идею и символику возрождения нации и т. п. (типа «Wandervogel» во главе с берлинским учителем Карлом Фишером), появляются работы, связывающие спорт с культурой, национальной культурой и воплощенным в ней представлением о человеке¹. Кроме собственно фиксации идущих социальных процессов,

* Опубликовано: Вестник общественного мнения. 2004. № 2(70). С. 70–80.

¹ Этот пример, как и ряд других полезных соображений по тексту, подсказан Кириллом Кобриним, которому я приношу глубокую благодарность.

возникающих напряжений между группами и поколениями, эти работы в той или иной форме выражают реакцию интеллектуальных элит на феномены стандартизации и коммерциализации культуры, массового тиражирования образцов поведения, мышления, чувствования, ювенилизации культуры и общества, с одной стороны, и на укрепляющийся в ряде массовых движений, в массовых настроениях культ национализма, фашизацию масс — с другой. Особенно остро это сказывается на следующем этапе значительного публичного интереса к спорту, в 1930-х годах. С критикой спортивного духа современности в это время выступают Х.Ортега-и-Гасет, Й. Хейзинга, Ф. Знанецкий, социологи франкфуртской школы и близкого к ней круга (З. Кракауэр). Становление же систематической социологии спорта как дисциплины приходится на рубеж 1950–1960-х годов, когда — в рамках нарождающихся исследований «массового общества» — появляются культурологические и эмпирико-социологические разработки Р. Каюа, Г. Плеснера (спорт и игра), А. Гелена, Ж. Дюмазедье (спорт и досуг), Э. Морена, Ж. Фридмана (спорт и массовая культура).

Решающими для социолога характеристиками современного («модерного») спорта по сравнению со зрелищами тех либо иных состязаний в архаических, закрытых традиционных сообществах и в рамках ритуально-культурного обихода, с демонстративно-символическими практиками привилегированных высших слоев в аскриптивном сословно-иерархическом социуме, выступают, суммарно говоря, следующие:

а) спорт становится в принципе общедоступным для всех граждан общества — как для самих спортсменов, так и для зрителей;

б) спорт институционализируется и профессионализируется, выделяясь в сферу специализированных достижений со своей социальной организацией (комитеты, общества, клубы, советы и др.), системой кодифицированных социальных ролей и коллективных норм поведения;

в) спорт становится механизмом социальной мобильности, системой подготовки соответствующих локальных или национальных элит — как по линии собственно спортивных побед (культ «звезд» с их ролевым репертуаром и публичным образом жизни²), так и по линии общественного управления этой деятельностью, ее государственно-бю-

¹ См., например: *Steinitzer H. Sport und Kultur. München, 1910; Fendrich A. Der Sport, der Mensch und der Sportmensch. Stuttgart, 1914; Risse H. Soziologie des Sports. Berlin, 1921.*

² Показательна в этом плане карьера Арнольда Шварценеггера: эмигрант из Австрии в США, построивший тело культуриста в расчете на публичный показ, тиражирует свою популярность с помощью глобальных массмедиа, участвуя на правах главного героя в базовых сюжетах американской национальной кино-мифологии (спасение страны и человечества), а затем использует этот суперсовременный ресурс, финансы и связи в политической элите для победы в соревновании на роль губернатора крупнейшего южного штата Калифорния.

рократической организации (чиновники соответствующих ведомств, советники и эксперты местного или национального масштаба);

г) идея спорта как типа деятельности, профессиональной или любительской, набирающие силу движения по активизации массовых занятий спортом, престиж спортивных побед и выдающихся спортсменов соединяются с духом более широких локальных, региональных, национальных сообществ и ассоциаций, с их символикой, ритуалами интеграции, коллективной меморизации и воспроизводства; эти процессы охватывают города и их районы, культурно-исторические и политико-географические области вплоть до национального государства с его «интересами», а значит, включаются в систему международных отношений, будь то механизмы символической консолидации государств либо их прямая конфронтация;

д) спорт делается не просто общедоступным и социально значимым, но и универсалистичным, техничным, рациональным — вводятся условные, но всеобщие и обязательные меры достижений и их сравнения, разрабатываются наиболее рациональные способы технической подготовки спортсмена и проверки его соответствия должным кондициям (вес, неприменение допингов); все эти моменты открыто предъявлены социуму, его экспертным представителям, интересующейся публике, средствам массовой коммуникации, а соответствующие показатели опосредованы универсальными, высокоточными техническими приборами и аппаратами.

К антропологии «человека спортивного». Для современных обществ и всей культурной программы модерности XIX — первой половины XX в. принципиально то, что значения инструментальности, техничности (причем именно техник тела, т.е., казалось бы, «самой природы» или вневременных элементов устойчивой традиции, фиксируемой антропологами, — см. известную работу Марселя Мосса¹) соединяются здесь, во-первых, с идеей универсального достижения идеального антропологического образца и, во-вторых, с символами новой, посттрадиционной коллективной солидарности. Идея и идеология овладения собой, «преодоления» себя с помощью рациональных усилий и технических средств ради воплощения идеальных представлений о человеке и обществе, ценою предельного напряжения, а нередко и большого риска²,

¹ Мосс М. Техники тела // Он же. Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996. С. 242–263.

² См. об этом: Baudry P. Le corps extrême: approche sociologique des conduites à risque, Paris, l'Harmattan, 1991; Duret P. L'héroïsme sportif. Paris: PUF, 1993; Queval I. Le dépassement de soi, figure du sport contemporain // Le Débat. 2001. № 114. P. 103–121.

ставят спорт в непосредственное соседство с аналогичными стимулами деятельности в новом искусстве, изобретательстве и вообще любом творчестве, в систематическом оцивилизовывании повседневности.

Важно, что за культом тела, практиками физического воспитания, средствами тренировки и другими устройствами самокультивации стоит обобщенная идея совершенного человека и абсолютного здоровья, как, скажем, за индустрией косметики, что отметил уже Бодлер, — абстрактная идея абсолютной, нечеловеческой, едва ли не сакральной чистоты (идеальной свежести)¹. Сами эти смысловые образования, точнее их прообразы или компоненты, конечно же, входят в мифологические и религиозные системы разных времен и народов, равно как многочисленные и даже весьма рафинированные практики овладения телом, усиления возможностей тела известны в архаических обществах Индии, Китая и проч. Тем не менее там они, как и в случае с изобретением пороха или печати (продолжим известный ряд веберовских примеров из «Протестантской этики»), не привели к образованию институциональных, технологизированных систем соревновательного спорта, рационального ведения войны, массового книгопечатания — систем, способных к наращиванию результативности и качества работы, к постоянному саморазвитию.

В данном же случае, относящемся к Европе новейшего времени, эти представления были соединены с идеей самоуправяемого и самоответственного, социально заинтересованного и активного индивида, вырабатывающего или переводящего данные идеи и представления в инструментальный план исполнения, находящего для их реализации рациональные, универсальные, чисто технические средства². Соответственно, они оказались активно включены в широкий культурный проект построения нового общества и нового человека, связанный с интересами и целями поднимающихся социальных слоев, элитных групп, массовых движений. Спорт как система воплотил в себе идеи и черты укorenившего его общества, и напротив: спортивное отношение к себе и другим, метафорику соревнования, рекордов, рейтингов и проч. стало теперь возможно переносить на внеспортивную реальность, поведение в сферах современной политики, бизнеса, искусства. Точнее говоря, на все сферы, освобождавшиеся от власти традиционного авторитета и становящиеся в этом плане символическим воплощением «нового», современного. Ведущими и модельными для всех остальных выступали при этом области собственно технических изобретений и усовершенствований, по определению свободные от тради-

¹ Критику подобных представлений см.: *Sfez L. La santé parfaite. Critique d'une nouvelle utopie.* Paris: Le Seuil, 1995.

² См.: *Ehrenberg A. Le culte de la performance.* Paris: Calmann-Levy, 1991.

ции, а потому и заведомо «современные» (соединение состязательного момента с техническими новинками порождало такие разновидности спорта, как радио, вело-, авто- и мотоспорт, самолетный спорт и т. д.). Техничность и состязательность могли при этом относиться не только к силе и выносливости, как в атлетических видах спорта, но и к ловкости (гольф, бильярд), интеллектуальным способностям (шашки, шахматы).

Синтез перечисленных моментов определяет социо-образующую (социативную) роль спорта как своеобразного выражения «духа общества»¹. Возникновение спортивных объединений приобретает лавинообразный характер вместе со становлением национальных государств в Европе. Так во второй половине XIX века в большинстве европейских стран возникают и множатся спортивные ассоциации различного уровня. Начало этому движению положила Великобритания с ее футбольными и атлетическими объединениями; moreover, спортивные клубы здесь возникали уже с 1810-х гг., причем прежде всего — в колониях, где выступали механизмами сплочения представителей метрополии в инокультурном окружении и ритуалы их солидарности со значениями и символами далекого «центра», мемориальные акции в дни государственных праздников и т.п. В 1896 г. учреждаются международные Олимпийские игры (Россия участвует в них лишь с 1912 г.), в конце 1890-х гг. общенациональные спортивные ассоциации появляются во Франции, Италии, Германии.

В этом современном качестве спорт — феномен XIX и XX веков². Как явление культуры данный процесс зафиксирован в европейских языках между 1820 и 1840 гг.: тогда в публичный обиход, печать входят сами слова «спорт», «спортсмен». «Родина» современного и массового спорта, как уже говорилось, — Великобритания. В его культурных истоках здесь — либо традиционные, «народные», «местные», нередко молодежные (то есть социализационные и инициационные) игры, связанные с праздничной обрядностью, либо закрыто-аристократические состязания, ритуалы сословной принадлежности, кодифицированные и универсализированные теперь до соревнований региональных, профессиональных клубов и сообществ. Отсюда — распространенность и престиж таких видов спорта, как регби, гребля, бокс, футбол, теннис, скачки³.

¹ См. об этом, например: *Callède J.-P. L'Esprit sportif. Essai sur le développement associatif de la culture sportive.* Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 1987.

² *Vigarelo G. Le temps du sport // L'avènement des loisirs: 1850–1960/ Corbin A., ed. Paris: Aubier, 1995, p. 193–221.*

³ Подробнее см. в образцовой монографии: *Lejeune D. Histoire du sport, XIX–XXe siècles.* Paris: Christian, 2001.

Развитие массового спорта, на мой взгляд, имеет смысл поставить в связь с параллельно формирующейся в Европе *идеологией ювенильности и становлением молодежных движений*, с одной стороны, и с расширением, структурированием, институционализацией досуга, *идеологией «цивилизации досуга», индустрией туризма, консьюмеристских благ и развлекательных услуг* вообще — с другой¹. Точнее, вероятно, будет сказать, что среди первоначальных форм поддержки и распространения любительского спорта ведущей социальной опорой ему выступают молодежные и локальные ассоциации, течения, союзы. Далее спорт институционализируется, соединяясь с процессами формирования более широких коллективных идентичностей — крупных регионов, наций. А «завершается» этот процесс в интернациональном обществе глобальных зрелищ, резко разделенном на *команды* подготовленных профессионалов, *массы* зрителей (включая рассеянных телезрителей вполглаза, находящихся у себя дома) и сплоченные *клаки* фанатов. Речь здесь, понятно, не о хронологической последовательности исторических событий, а о типологических стадиях процесса, реконструируемого социальным аналитиком.

Об инструментальном отношении к телу и его возможностям уже говорилось. Вместе с тем в спорте всегда присутствует принципиально другой, символический момент. В частности, он связан с экспонированием тела спортсмена и представлением тренированных тел, их соревнований — зрителям. В этом смысле Ю. Левада говорит о целевых (спортивных) и ролевых (театральных) компонентах любой игры, включая спортивную, и видит в этих последних типологически и исторически «первичную структуру», «универсальное условие», «своего рода всеобщий знаменатель» всяких игр, который как бы включает, а точнее говоря — санкционирует собственно инструментальное поведение и техническое отношение к телу, перевод достижений в количественную форму и т.п.²

Подобное «экспозиционное», по формулировке Вальтера Беньямина, отношение к телу, своего рода «культ тела»³, вводит современный спорт в широкий круг процессов тренажа и представления идеальных тел, выступая составной частью или тиражированной версией

¹ См. об этих процессах: *Dumazédier J. Vers une civilisation du loisir?* Paris: Seuil, 1962; *Augé M. L'impossible voyage: Le tourisme et ses images.* Paris: Payot & Rivages, 1997; *Yonnet P. Jeux, modes et masses: La société française et le moderne 1945–1985.* Paris: Gallimard, 1986.

² См.: *Левада Ю. Игровые структуры в системах социального действия // Левада Ю. Статьи по социологии.* М., 1993. С. 109.

³ См. о нем: *Perrin E. Culte du corps. Enquête sur les nouvelles pratiques corporelles,* Lausanne: P. M. Favre, 1985; *Turner B. The Body and Society.* London: Sage, 1996.

большого проекта воспитания современного человека, также входящего в обобщенную программу модерна. Говоря о демонстративном, показном, я вовсе не имею сейчас в виду чью-то персональную психологическую зависимость, нарциссизм тех или иных индивидов либо даже отдельных «обществ»¹. Дело в ином: в систематическом культивировании начал и правил социальности, социабельности, солидарного и состязательного взаимодействия, с одной стороны, и открытости, публичности, обращенности поведения к различным и обобщенным воображаемым партнерам — с другой (можно сказать, что в каждом театре содержатся два театра — актерский и зрительский). В соединении данных компонентов действия они составляют смысловое ядро проекта модерна и обосновывающей его программы культуры. Отсюда и роль «внешнего», визуально представленного в современную эпоху, когда, что характерно, и создаются, распространяются, укореняются — поскольку становятся функционально необходимыми и настоятельно востребованными — общедоступные, технологичные визуальные средства массовых коммуникаций.

Обратимся к более широкому контексту. Характерно, что публичными на протяжении XX в., и особенно к его концу, становятся не только средства *личной* гигиены и косметики в супермаркетах, печатной, уличной и телевизионной рекламе (включая пропаганду косметических операций, замены или наращивания органов, особенно наиболее «выставочных», либо, напротив, удаление тех или иных природных, индивидуальных особенностей тела²), но совместное употребление технологий «телостроительства» в фитнес-клубах, тренажерных залах, на корпоративных вечеринках и проч. Причем именно коллективный, публично представленный «другим» характер соответствующих действий и используемых при этом технических приспособлений («клуб») выступает как для участников, так и для зрителей символом современного, нового, что и делает их социально притягательными. Параллельно мифология и антиутопия искусственного, отчужденного тела, включая изменение пола или даже обретение внечеловеческих черт и свойств, развивается в массовых искусствах, особенно визуальных (впрочем, она, стоит отметить, сопровождала коллективное воображение модерна с самого ее начала и на всем протяжении —

¹ Характерный пример здесь — нередкая в Европе идеологическая оценка современного американского общества как инфантильного и самоупоенного, отсюда и трактовка американских бодибилдеров как «стахановцев нарциссизма», см.: *Courtine J.-J. Les stakhanovistes du narcissisme. Body building et puritanisme ostentatoire dans la culture americaine du corps// Communications, 1993, N°56, p. 225-251.*

² *Turner B. Regulating Bodies. Essays in Medical Sociology. London: Routledge, 1992.*

от «Франкенштейна» и «Голема» до нынешнего реплицируемого «Терминатора» 1–3).

В этом смысле тело — точнее, формы социального представления и употребления тела как символа индивидуальной и коллективной идентичности — выступает, если применить к нему известное выражение Х.-Р. Яусса о новейшей лирике, «парадигмой современного». На процессах развития, динамике, взлете, противоборстве и затухании тех или иных форм отношения к телу можно исторически и социологически реконструировать современное общество и модерную эпоху¹. Воображаемым смысловым пределом здесь выступают альтернативные по отношению к массовому культу усовершенствуемых и демонстрируемых тел негативные формы символического умаления, унижения, уничтожения телесного в демонстративных акциях современного и постмодерного искусства — хепенингах, перформансах и проч.

Характерны в данном плане напряжения и конфликты ориентаций, ожиданий, оценок, санкций в ролевом самоопределении спортсмена как одного из вариантов социально зрелой личности современного типа. Назову лишь некоторые, наиболее общие: это напряжения между личной выгодой и ответственностью перед другими (иначе: личными целями и нормативными требованиями кооперации — игра в команде, лояльность клубу); агрессивностью и дружелюбием (социальностью); подчинением авторитету (тренеру, капитану) — ценностями равенства (команды); риском и расчетом (или риском и безопасностью); физической силой и интеллектуальными способностями при различном социальном престиже того и другого. В конечном счете их можно представить как разные планы выражения одного конструктивного противоречия — между ценностями инициативы (свободы) и порядка (взаимности, согласованности перспектив и ожиданий). А это и есть ключевая проблема посттрадиционного общества. Если обобщить и суммировать элементы «идеологии спорта», то их квинт-эссенцию составляют: презумпция равенства, возможности (неограниченного) достижения, дух команды (формы и значения позитивной социальности). В данном комплексе идей можно видеть своеобразное выражение базовых предпосылок и составных частей демократии, буржуазной демократии. Однако уже как сложившаяся социокультур-

¹ *Starobinski J. Brève histoire de la conscience du corps // Genèse de la conscience moderne/ Ed. par R. Ellrodt. Paris, PUF, 1983, p. 215-229; Le Breton D. Anthropologie du corps et modernité. Paris: PUF, 1995; Becker A. Body, Self and Society. Philadelphia: Pennsylvania UP, 1995* (название книги полемически отсылает к известному посмертному сборнику трудов Дж. Г. Мида — «Mind, Self and Society», 1934).

ная форма спорт (вместе с другими феноменами современной эпохи — например, литературой или модой) включается, далее, в структуры взаимодействий разных по типу и ориентациям групп, ассоциаций, подсистем, «больших» обществ, подчиняясь соответственно различным идеологическим заданиям и давлениям, политическим программам¹. При сохранении конструкции спортивного состязания его смысл переживает при этом трансформации, в том числе — самые радикальные.

Коренные исторические метаморфозы спорт в той его трактовке, которую я здесь развиваю, претерпевает в постсовременном, собственно массовом и, далее, глобальном обществе. Условно можно датировать этот процесс «завершения» современного спорта периодом между Второй мировой войной и началом 1970-х гг. и связывать его, в общем смысле, с переходом от *спорта-участия* к *спорту-зрелищу* или от *спорта любителей* через спорт делегируемых представителей социума (района, города, страны) к спорту *наемных (оплачиваемых) профессионалов*. К главным переменам здесь я бы отнес следующие:

а) тотальная коммерциализация профессионального спорта, связанная с концом идеологии национальных государств, а значит национальных команд и проч. (любого спортсмена мира можно купить для региональной клубной команды, а соответственно, он может войти и в национальную сборную); с другой стороны, любительский спорт находит завершение во все расширяющейся платной индустрии оздоровительных услуг, предоставляемых как индивидам, так и группам относительно состоятельных потребителей;

б) массмедиазация спорта в «обществах зрителей»²; доля занимающихся спортом и посещающих спортивные состязания в качестве зрителей сегодня в среднем на порядок-два меньше доли телезрителей спортивных передач;

в) повсеместное применение допингов, за которым стоит высокая проблематичность «тела», как и всего «естественного», «нормального» и «нормативного» в постсовременной культуре; неопределенность

¹ *Hoberman J. Sport and Political Ideology. London, 1984; Brohm J.-M. Sociologie politique du sport. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1992; Géopolitique du football/ Boniface P., ed. Bruxelles: Editions complexe, 1998. На советском материале см.: Прозуменищikov М.Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004.*

² *Whannel G. Fields in Vision — Television Sport and Cultural Transformation. London: Routledge, 1992; Le spectacle du sport/ Leconte B., Vigarello G., dir. Paris: Seuil, 1998; MediaSport / Ed. by Wenner L. London: Routledge, 1998; о зрительском спорте в современной России см.: Edelman R. There Are No Rules on Planet Russia: Post-Soviet Spectator Sport// Consuming Russia: Popular Culture, Sex, and Society since Gorbachev/ Ed. by A.M.Barker. Durham; London, 1999, p. 217–242.*

нормы делает допустимой технологизацию достижения любыми средствами¹;

г) непрекращающиеся открытые войны болельщиков («фанатов»), акты прямой коллективной агрессии как внутри локальных сообществ (межклубные), так и на международных встречах².

Спорт в советском социуме: «человек спортивный» и «человек советский». Специфические формы приобретает спорт в тоталитарных обществах — например, в СССР конца 1920-х — середины 1950-х гг. Это относится к разным его сторонам: к обобщенному значению занятий физической культурой — в данном случае оно состоит в подготовке верного и безотказного бойца по программам вроде ГТО в организациях типа ДОСААФ; к смысловому наполнению роли спортсмена; к принципам организации спортивной подготовки (теперь это не личное и даже не командное достижение, продемонстрированное в ходе состязания, а символический престиж страны в принципиальном соревновании двух систем и геополитические виды партии-государства); вообще к выдвигению спорта в ранг государственных приоритетов и озабоченности верховной власти, включая первое лицо персонально, «здоровьем нации».

Первый Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке (1919) сразу обозначил заинтересованность государства в руководстве спортом, его претензии на ведущую роль в организации массовых занятий физической культурой. В августе 1920 г. при Главном управлении Всевобуча был создан Высший совет по физической культуре во главе с Н. Подвойским; в 1923 г., после реорганизации Совета, его возглавил Н. Семашко³. С 1922 г. начинает

¹ См.: *Andrieu B.* Le corps dispersé: une histoire du corps au XX siècle. Paris: L'Harmattan, 1993; *Drugs in Sport.* Champaign: Human Kinetics Books, 1988; *Ergogenics: Enhancement of Performance in Exercise and Sports* / Eds. D. Lamb, M. Williams. Dubuque: W.C. Brown & Benchmark, 1991.

² См., например: *Broussard P.* Génération supporter: enquête sur les ultras du football. Paris: Robert Laffont, 1990; *Fanatics!: Power, Identity and Fandom in Football* / Ed. by A. Brown. London: Routledge, 1998. О трансформации этого явления на отечественной почве — погромных событиях на московском Охотном ряду в июне 2002 г. — см.: *Левада Ю.* В какие игры играют толпы. Социологические заметки на актуальную тему // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 4. С. 59–61.

³ См. подготовленный под редакцией последнего сборник: *Физическая культура в научном освещении.* М., 1924. Для стран задержанной или традиционализирующей модернизации вообще характерно подобное соединение символов современного общества — идей и риторики спорта, культуры, науки — под эгидой государства и его ведомственно-бюрократических органов.

выходить ежемесячный иллюстрированный журнал «Физкультура и спорт», несущий не только идеи спортивного движения, но и визуальные образцы «спортивности». Годом позже создается одноименное издательство, выпускающее соответствующую пропагандистскую, учебно-методическую, литературную и художественную продукцию (плакаты, открытки). С 1924 г. выходит в свет массовая газета «Красный спорт» (в 1946 г. переименована в «Советский спорт»).

Постановление ЦК РКП о задачах партии в области физической культуры (июль 1925 г.) подчеркнуло значение спорта как 1) одной из сторон культурно-хозяйственной и военной подготовки советской молодежи, 2) важного метода воспитания и 3) действенного средства сплотить население вокруг партийных, советских и других организаций, которые, согласно постановлению, и вовлекают массы в общественно-политическую жизнь¹. Идеология спорта развивается параллельно в нескольких контекстах — милитаризации общества и подготовки населения к войне, защите отечества; выработки определенной культуры современного промышленного труда; массового внедрения повседневных навыков гигиены. При этом за различными направлениями пропагандистской работы стоят разные заинтересованные группы советских руководителей разного уровня, между которыми на тех или иных этапах жизни страны идет конкуренция и борьба².

В 1931–1934 гг. в СССР был разработан комплекс норм ГТО первой и второй ступеней (включая, с декабря 1933 г., комплекс БГТО трех ступеней для детей 11 лет и старше). С 1935 г. начинается создание в массовом порядке Добровольных спортивных обществ (ДСО), возникают первые детские спортивные школы (1934). Спортивные клубы формируются по трем организационным линиям — профсоюзного движения, ДОСААФ и Вооруженных сил. С 1934 г. вводится — параллельно с аналогичными процессами огосударствления производства, науки, искусства — звание заслуженный мастер спорта СССР и спортивный судья всесоюзной категории. В 1934 и 1935 гг. получают государственные награды Московский и Ленинградский институты физической культуры. С 1937 г. устанавливается единая Всесоюзная классификация спортивных разрядов и званий.

¹ О практической реализации этих идей в историческом контексте см. подробнее: *Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб, 2000. С. 75–124; об организационно-идеологической стороне дела: *Пономарев Н.И.* Социальные функции физической культуры и спорта. М., 1974; *Советская система физического воспитания*/ Под ред. Г.И.Кукушкина. М., 1975; *Платонов В.Н.* Теория спорта. Киев, 1987.

² Подробнее см.: *Плаггенборг Ш.* Указ. соч. С. 83–110.

Программы и практики физического воспитания на десятилетия включаются в один ряд с аналогичными направлениями всеобщей социализации, формирования особого «нового человека» через государственные органы и учреждения — с трудовым, политическим, нравственным, эстетическим и другими ветвями воспитания. Особый упор по всем этим направлениям делается на двух аспектах: 1) формировании индивидуальной активности человека, 2) развитии начал и навыков его общения¹. Обе эти антропологические составляющие — заинтересованное, практическое-деятельное отношение к себе и к миру, с одной стороны, и развитые формы повседневной социальности (коллективизм), с другой, — квалифицируются в отечественной пропаганде, демонстрируются Западу как уникальные завоевания и преимущества социалистического строя. Вместе с тем, они представляют и постоянную проблему для всех систем производства, социальной жизни, воспитания, неустраняемую в государственном порядке на протяжении десятилетий существования советского строя. Этот момент крайне важен, поэтому скажем о нем несколько подробней.

Индивидуализм и соревновательность, активность и рациональный расчет, ориентация на обобщенные ценности, идеалы, нормы и установка на позитивное взаимодействие с «другими» входили на протяжении XIX–XX вв. в широкий европейский проект модерна. Они составили антропологический план программы культуры, воплотились в базовых институциональных структурах обществ западного типа, вошли в ткань повседневной жизни. Между тем большинство населения пореволюционной России по-прежнему составляли сельские жители, формы коллективного существования которых определялись авторитарной конструкцией трехпоколенной семьи и деревенской традицией, пусть и заметно эрозирующейся, теряющей безусловную авторитетность. Массовыми (и в этом плане — современными) институтами для той части из них, кто покидал деревню, выступали лишь армия и фабрика, иначе говоря — жесткие, по преимуществу опять-таки авторитарно-иерархические формы взаимодействия, нормы социальности. К тому же большинство населения годами жило в экстраординарных условиях сначала мировой, а потом гражданской войны, централизованной мобилизации всех ресурсов и неизбежного при этом резкого упрощения структуры общества, мирных форм социальной жизни.

Укреплявшаяся в 1920-е и первую половину 1930-х гг. советская власть сделала социальное упрощение одним из ведущих направлений деятельности, подвергая диффамации, упразднению и репрессиям

¹ См.: Пономарев Н.И. Указ. соч. С. 83 и далее.

большинство форм общественной самоорганизации, публичного действия и взаимодействия, сложившихся как до революции, так и в переходный период после нее¹. Вместо них по инициативе сверху создавались социальные структуры, максимально прозрачные для ведомственного управления и подконтрольные власти, в системе которой военно-репрессивные формы воздействия все плотнее объединялись с хозяйственным контролем и идеологическим давлением. Кроме того, идеология победителей диктовала символический и фактический разрыв с дореволюционным прошлым, с одной стороны, и буржуазным Западом, с другой. Мифология осажденной крепости с «врагами» и снаружи, и внутри, где постоянно требовались исключительная бдительность и самопожертвование, становилась выражением «особого пути» Страны Советов. Все это самым серьезным образом влияло на антропологические характеристики «человека советского». Парализация личной инициативы и упразднение множественных форм репрессивной социальности, принципы тоталитарной организации социальной жизни в СССР и странах близкого типа приходили в непримиримый конфликт с теми индивидуалистическими началами и социальным разнообразием современных обществ, на основе и в контексте которых сложился современный спорт как относительно автономный социальный институт (впрочем, то же можно сказать о современном производстве, науке, культуре). Порожденные этим жестким контролем дисфункции в поведении и выступлениях советских спортсменов — психологические стрессы, профессиональные срывы, бытовые девиации — провоцировали еще большее усиление надзора со стороны ведомственной власти, вызывали недовольство «центра», негативные санкции, а это, в свою очередь, увеличивало напряжения в клубе, команде, сознании спортсмена.

Развитием советского спорта в *административном* плане заведовал соответствующий Комитет при Совмине СССР, параллельно вопросы спорта курировались высшими органами *партийного* руководства (отделом пропаганды или, в некоторые годы, административным отделом ЦК). Понятно, что вместе с другими направлениями «народного хозяйства» спорт — его организация, «материальная база», сами спортсмены, их рекорды — составляли принадлежность государства и подлежали централизованному планированию сверху. Спорт входит в планово-отчетные показатели работы различных ведомств, органов власти всех уровней. При этом высшим руководством страны, его от-

¹ Краткий, но выразительный перечень добровольных обществ и союзов (включая спортивные), существовавших в России 1917–1937 гг. и последовательно уничтоженных советской властью, см. в кн.: Коржихина Т.П. «Извольте быть благонадежны!» М.: РГГУ, 1997. С. 347–356.

делениями на местах планируются не только спортивные мероприятия, выступления спортсменов, но и их результаты, победы¹. План выступает инструментом контроля, а его невыполнение — основанием для негативных санкций сверху, которые — по законам заложничества — распространяются на всю команду, клуб, район или город.

Спортсмен в таких рамках может быть только частью номенклатурно-бюрократической системы, хотя наличие специализированного, профессионального спорта на всем протяжении советской истории из идеологических соображений отрицалось как «буржуазное явление», а индивидуалистическому, достижительскому и профессиональному «спорту» («культу рекордов», «фабрике звезд», «звездной болезни») противопоставлялась добровольная и коллективная «физическая культура» всех. Между тем символические «моральные» поощрения (звания, медали, дорогие подарки) и денежные вознаграждения (дотации, стипендии, премии) сопровождали советский спорт уже с середины 1930-х гг. Судя по архивным документам, которые приводит известный спортивный журналист, историк спорта Аксель Варганян, приказами Совнаркома, а впоследствии Совмина СССР за 1945, 1947, 1954, 1959 и последующие годы были учреждены нагрудные знаки, поощрительные денежные премии и ежемесячные стипендии чемпионам, рекордсменам, призерам соревнований различных уровней, их тренерам и руководителям команд. Соответствующие денежные выплаты в сумме значительно превосходили среднедушевой доход в СССР этих лет (прибавим к ним, в более поздние времена, валюту, чеки, возможность покупки в «Березках», а также разнообразные формы блага, связанные с массовым авторитетом и престижем спортсменов)².

¹ Аналогичная практика в руководстве советской наукой позднее пародируется в известной реплике «оттепельного» фильма Михаила Ромма «Девять дней одного года» (1962): «Откроем частицу в текущем квартале».

² Из постановления от 25 марта 1959 г.: за победы на чемпионатах СССР (бокс, борьба, велоспорт, гимнастика (многоборье), конькобежный спорт (многоборье), легкая атлетика (десятиборье, пятиборье, марафон, ходьба на 50 км), лыжные гонки (50 км), современное пятиборье, футбол и хоккей с шайбой): 1-е место (500 рублей — игроку, 200 — тренеру), 2-е (300), 3-е (200). На чемпионатах Европы: 1-е (500, 300), 2-е (300, 200), 3-е (200, 200). На чемпионатах мира: 1-е (1500, 500), 2-е (500, 200), 3-е (300, 200). Рекорды: а) мира (1500, 500); б) Европы (500, 300); в) СССР (500, 200). 11 августа 1966 года Совет Министров разрешил платить первой шестерке — спортсменам и тренерам: 1-е место (2000, 1000), 2-е (1200, 800), 3-е (800, 600), 4-е (400, 300), 5-е (300, 200), 6-е (200, 100). 2 февраля 1976 года вновь повышается плата спортсменам и тренерам: 1-е место — по 4000 рублей (400 — в инвалюте), 2-е — по 2000 (200), 3-е — по 1500 (150), 4-е — по 1000 (50), 5-е — по 700 (35), 6-е — по 500 (25) и т.д. Кроме того, спортсмены получали от государства долговременные стипендии.

До Второй мировой войны советские спортсмены не выезжали на соревнования за рубеж, лишь с 1952 г. им было высшей властью разрешено участие во всемирных Олимпийских играх. После Второй мировой войны спорт — наряду с успехами в наращивании вооружений, соответствующими разработками в науке, победами в космосе и балете — составлял приоритетную сферу государственного внимания и контроля, поскольку рассматривался в рамках антагонистической борьбы двух политических систем. Спортсмен, не оправдавший возложенных на него государством надежд, особенно на международных соревнованиях, трактовался как правонарушитель: он подвергался внеправовым государственным санкциям различной степени жесткости, мог быть дисквалифицирован, лишался различных социальных благ (от обещанной отдельной квартиры до намеченных поездок за границу). Внутри страны шло не менее острое соперничество различных ведомств и их руководителей за подопечные спортивные клубы (скажем, между «Динамо» и ЦДСА, «Динамо» и «Спартаком»). Борьба между высокими покровителями дублировалась на низовых уровнях общества, в группах массовых болельщиков.

При этом значительным смысловым трансформациям в советском, а отчасти в постсоветском контексте подвергаются и более широкие значения молодости, здоровья. Молодость выступает символическим олицетворением страны, системы, их победного и гарантированного будущего. Поскольку же соответствующие структуры воспитания, контроля, коллективной лояльности и на уровне официальной идеологии, и в реальной межличностной практике последовательно подавляют символы и значения достижительности (соревноваться могут только системы, но не люди), то молодежный отрезок жизни — вместе с занятиями спортом, физической культурой, культивированием тела, вообще занятиями своей внешностью — включается в традиционалистско-жесткий жизненный сценарий, закрытый кодекс норм и санкций. Фигуры обобщенного «другого» (разнообразных партнеров в тех или иных отношениях) и воображаемый взгляд этого «другого» как презумпция нерепрессивной социальности закреплены тем самым

Согласно списку, поступившему в ЦК из Комитета физкультуры в июле 1952 г., 534 спортсменам по 22 видам спорта ежемесячно выплачивалось от 1200 до 3000 дореформенных рублей (см.: *Вартаган А.* Профессиональный спорт в СССР учредил Сталин // Спорт-Экспресс. 2001, 30 июля. С. 8). При этом советский спорт был и продолжал до самого конца СССР оставаться расходной, убыточной статьей в бюджете государства. Например, в конце 1980-х гг. на ежегодное содержание 558 команд мастеров по игровым видам спорта расходовалось около 300 млн. рублей, что в шесть раз превышало совокупные доходы от турниров с их участием (50 млн. руб.).

за коротким, переходным временем юности, в социальном плане еще не самостоятельной, — условно говоря, «брачным» периодом временно допускаемой относительной свободы, публичности и состоятельности поведения. Затем они — а вместе с ними и заинтересованность своим телом, внешностью, поддержание их на цивилизованном уровне, «забота о себе» или «работа над собой», по известной формулировке позднего Мишеля Фуко, — вытесняются из обихода именно как молодежные, «по возрасту» не подходящие старшим. Итог состоит в том, что за узкими пределами молодежной когорты универсально-инструментальное и демонстративно-символическое, но в любом случае — активное отношение к способностям и возможностям тела сменяется у абсолютного большинства советских людей пассивной тревогой о своем физическом здоровье и невротическим самолечением при постоянных жалобах на ухудшение самочувствия.

Спорт в общественном мнении сегодняшней России. Спорт как занятие и как коллективное зрелище не относится к числу тем, наиболее интересных для россиян: соотношение явно интересующихся и столь же выраженно не интересующихся им устойчивое и держится на уровне 3:5 (см. табл. 1).

При этом повышенный интерес к спорту, спортивным соревнованиям — и участнический, и зрительский — явно концентрируется в городах, среди самых молодых мужчин. В группе респондентов 25–39 лет он уже устанавливается на нормативном уровне, совпадая с усредненными показателями по населению в целом, а далее резко и неуклонно снижается.

При этом заявленный интерес к спорту — это по преимуществу интерес болельщика, следящего за спортивными состязаниями и победами со стороны. Включенность в персональные занятия спортом и да-

Таблица 1

**В какой мере вас интересует спорт, спортивные состязания?
(В % к опрошенным в каждом исследовании)**

	2001, N=2000 чел.	2002, N=2000 чел.
Совершенно не интересует	30	26
Не очень интересует	19	21
В какой-то мере интересует	20	22
Во многом интересует	17	19
Чрезвычайно интересует	14	11
Затрудняюсь ответить	0	1

**В какой мере вас интересует спорт, спортивные состязания?
(2002, N=2000 человек, в % к опрошенным; данные
по затруднившимся с ответом не приводятся)**

	<i>Не очень интересует и совершенно не интересует</i>	<i>Интересует в какой-то мере</i>	<i>Интересует во многом и чрезвычайно</i>
Мужчины	24	24	52
Женщины	65	21	13
15–24 лет	33	22	45
25–39	42	25	33
40–54	48	25	27
55 и старше	64	17	19
Образование ниже среднего	55	18	27
Среднее	43	24	33
Выше среднего	42	25	33
Москва + СПб	45	21	34
Большой город	45	23	32
Средний город	45	24	31
Малый город	49	20	31

же посещение стадионов, где происходят спортивные соревнования, на порядок уступает зрительскому интересу, который к тому же проявляется более регулярно.

Как видим, интерес к спорту (впрочем, и к политике, религии, культуре и другим сферам социальной жизни) у россиян в основном массмедиаальный. При этом из средств массовой коммуникации любители спорта предпочитают в качестве источника информации — опять-таки на порядок чаще — телевизор, а не газету, хотя аналитические качества спортивных газет в постсоветские годы стали заметно выше и прежних газетных, и новых телевизионных. Тем не менее с той или иной регулярностью читают «Спорт-Экспресс», по их признанию, 3% населения (май 2003, N=2100 человек), тогда как спортивные телепрограммы хотя бы иногда смотрят, по их свидетельству, 45% (2002, N=2000 человек).

Членство в тех или иных добровольных общественных ассоциациях — любых — среди россиян не превышает уровня нескольких про-

Таблица 3

**Как часто вы...
(2002, N=1800 человек, в % к опрошенным)**

	<i>занимаетесь спортом</i>	<i>ходите смотреть спортивные состязания</i>
Ежедневно	4	1
2–3 раза в неделю	4	1
1 раз в неделю	6	2
1–3 раза в месяц	4	5
Реже	8	11
Никогда	70	76
Затрудняюсь ответить	0	1

Таблица 4

**Спортивные состязания по каким видам спорта вы...
(2001, N=1600 человек, в % к опрошенным)**

	<i>посещали в течение последних 12 месяцев</i>	<i>регулярно смотрите по телевизору</i>
Футбол	8	29
Фигурное катание	0	20
Хоккей	1	17
Гимнастика	0	9
Легкая атлетика	0	8
Плавание	0,5	6
Автогонки	0	6
Ничего из перечисленного	92	36

центов. Так и членами спортивных обществ в 2002–2003 гг. называли себя 1,5–2% опрошенных.

К представителям элиты видных отечественных спортсменов россияне относят крайне редко (2–3%) и чаще других называют при этом Павла Буре. К самым выдающимся советским спортсменам в 1989 г. (N=856) россияне причислили — в порядке убывания показателя — С. Бубку (8%), А. Карпова (7%), О. Блохина (6%), Г. Каспарова, В. Сальникова и Л. Яшина (по 5%), А. Сабониса (4%), И. Роднину и А. Зайцева (те же 4%). 59% затруднились ответить на этот вопрос. Лю-

бопытно, что Карпова и Каспарова россияне примерно столь же часто оценивают негативно (они «пользуются популярностью, но не нравятся» соответственно 2 и 5% опрошенных в том же 1989 г.). Среди любимых спортсменов в 1994 г. (N=3000) фигурировали С. Бубка (3%), И. Роднина и А. Зайцев (2%), Д. Марадона, В. Третьяк и Л. Яшин (по 2%); две трети опрошенных затруднились назвать такую фигуру.

Можно расширить временные горизонты, результат окажется почти тем же. Среди самых выдающихся спортсменов XX в. в 1998 г. (N=1600 человек) были названы — по нарастанию показателя — В. Фетисов (2%), Пеле, В. Третьяк, Л. Яшин (по 3%), С. Бубка (4%), И. Роднина (5%), П. Буре (8%). Примерно так же выглядел в 2000 г. (N=1600 человек) итоговый список самых великих спортсменов за последнюю тысячу лет (невзирая на тысячелетний горизонт, россияне не забыли упомянуть классического борца, в период опроса участвовавшего в кампании по выборам в Государственную думу): А. Карелин (3%), П. Буре и Пеле, В. Третьяк и И. Роднина (по 4%), В. Фетисов (7%), Л. Яшин (10%). К «русским кумирам XX века» («закрытый» вопрос, N=1600 человек) россияне в том же году причислили И. Роднину и Л. Яшину (по 8%); их называли чаще, чем «деятелей культуры» — И. Репина и Ф. Шалапина, А. Чехова и М. Булгакова, М. Шолохова и Д. Шостаковича, М. Плисецкую и И. Бродского. Однако в символическом образе России, российского народа «победы наших спортсменов» занимают самое скромное место: их назвали опять-таки лишь 2% опрошенных (1997, N=2400, «закрытый» вопрос).

В ходе зимней Олимпиады 2002 г. в Солт-Лейк-Сити выступления российских спортсменов чаще огорчали россиян (25%), радовали — 16%, то радовали, то огорчали 35% (21% респондентов не следили за этими событиями). Причем более важными для опрошенных были именно *победы российских спортсменов*, а не просто *выступления сильнейших участников* как таковых (75% против 14 соответственно). Поэтому и полученные российскими спортсменами неудовлетворительные результаты так задели россиян, вызвав очередную вспышку негативного патриотизма.

Можно подвести итог. Интерес к спорту в сегодняшней России исключительно телевизионный, зрительский, но даже здесь он почти «аскриптивно» сосредоточен в слое молодых горожан мужского пола. Представления о спорте, как и о науке, о литературе и других сферах символического выражения, по преимуществу связаны с национально-государственным престижем на международной арене, но прежде всего — в негативном залоге («нас не уважают, обижают» и т.п.). Характерно, что спортсмены из других стран мира крайне редко присутствуют среди наиболее любимых россиянами, лучших за сто или тысячу лет и т.п.

Концентрированность интереса к спорту исключительно в узкой молодежной подгруппе снижает возможности спортивных символов, фигур и побед спортсменов — в отличие от фигур вождей и полководцев — олицетворять страну и ее элиту в общенациональном масштабе, в целом. Поэтому и образы героев национального спорта, спортивных побед заметно сдвинуты в коллективном воображении к советской эпохе — ностальгически конструируемому брежневскому времени, периоду, как считает большинство россиян, наибольшей интегрированности и сбалансированности социума, его открыто демонстрируемой вовне силы и мирового авторитета. Речь — как и в других случаях — идет о годах правления именно Брежнева, а не Сталина: скажем, легендарные футболисты и хоккеисты, бегуны и борцы 1930–1950-х гг. среди наиболее ярких и любимых фигур отечественного и мирового спорта никогда не называются респондентами.

Вместе с тем, можно говорить об эрозии и распаде коллективной памяти, ослаблении и деформации ее структур. Перенос центра тяжести в трансляции общих символов исключительно на сегодняшний общедоступный телевизор, а также напряжения и разрывы в межпоколенческих ориентациях и отношениях нынешних россиян (оба эти процесса, конечно, связаны) блокируют передачу символических образов — включая знаковые фигуры лучших спортсменов — другими средствами, в том числе внутри семьи, через устные рассказы, по старым фотографиям, газетам и проч. Видимо, этим объясняется выпадение из круга сколько-нибудь значимых сегодня имен не только знаменитых еще не столь давно «звезд» раннесоветского спорта (например, В. Бобров), но и таких более поздних фигур, как братья Майоровы и Л. Латынина, В. Куц и В. Брумель, Л. Жаботинский и Л. Пахомова, М. Ботвинник и В. Спасский, И. Пресс и Ю. Власов, равно как и многих других.

Иными словами, данный материал тоже показывает, что общий контур коллективной идентичности в сегодняшней России существует в ослабленном виде и ностальгическом залоге. Он задан представлениями о коллективной общности советского типа и советского же периода истории России, а символическим «соединением» нынешнего времени с «тогдашним» выступает образ президента Путина. Характерна в этом плане знаковая роль последнего в восстановлении советской государственной символики на рубеже XX и XXI веков, как и позднейшее высочайшее внимание к «массовой физической культуре» (против фитнес-клубов «для избранных»), демонстративные заявления президента последних лет, претендующие на возвращение российскому спорту прежнего государственного значения и мирового авторитета.

К этому комплексу символических действий власти, демонстративно претендующей в последние годы на контроль едва ли не над всеми сферами социальной жизни в стране, относится также проявление высшей озабоченности состоянием здоровья российского населения, и в частности российских женщин, их фертильностью, воспитанием (в том числе православным и военно-патриотическим воспитанием) новых поколений, иными словами — централизованной работой репродуктивных подсистем социума, плановым воспроизводством кондиционного «человеческого материала» как государственного ресурса.

V. ГРАНИЦЫ И СИМВОЛЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ПРОШЛОЕ В СЕГОДНЯШНИХ ОЦЕНКАХ РОССИЯН*

Отсылка к общему прошлому — одна из немаловажных составляющих в системе коллективных представлений¹. Для россиян это едва ли не главный компонент в структуре идентификации, в совокупности образов себя, своего народа. Причем за последние годы значимость этой составляющей еще возросла. Между тем многие помнят, что именно в конце 80-х—90-х (и наиболее остро — в 1987—1991 гг.) историческое прошлое страны подвергалось в средствах массовой информации самому активному пересмотру и переоценке, а различные его периоды и олицетворявшие их символические фигуры — особенно жесткой критике то справа, то слева. Представители либерально-реформаторского фланга стали говорить о «нашем непредсказуемом прошлом». Их оппоненты патриотических, а потом — коммуно-патриотических взглядов затревожились было об «очернении». Однако

* Опубликовано: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1996. № 5. С. 28—34.

¹ Среди общесоциологических концепций памяти, прошлого и «слоев» (типов) времени основополагающими остаются труды школы Дюркгейма, и прежде всего работы М. Хальбвакса о социальных (коллективных) рамках памяти, развитые позднейшими исследователями, см.: *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. P., 1952; *Gurvitch G.* Les cadres sociaux de la connaissance. P., 1966; *Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. P., 1975; *Judy H.-P.* Mémoires du social. P., 1986; *Namer G.* Mémoire et société. P., 1987, а также: *Terdiman R.* Present Past: Modernity and the Memory Crisis. Ithaca; London, 1993; *Huyssen A.* Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. N.Y.; L., 1995; *Ricoeur P.* La mémoire, l'histoire, l'oubli. P., 2000. Разработку проблемы в отечественной социологии 1970—80-х гг. см.: *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 39—49, 50—60, и его же более позднюю работу: «Человек ностальгический»: Проблемы и реалии // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 6. С. 7—13.

сопоставим в динамике пять наиболее значимых позиций на ценностной шкале таких представлений о своем народе как целом (данные опросов «Советский человек» в 1989 и 1994 г. по России; в скобках — проценты от числа опрошенных в каждом исследовании).

Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?

1989	1994
Место, где я родился и вырос (38)	Место, где я родился и вырос (41)
Государство, где я живу (27)	Наше прошлое, наша история (37)
Наше прошлое, наша история (26)	Наша земля, территория (25)
Язык моего народа (25)	Язык моего народа (19)
Родная природа (15)	Родная природа (18)
	Государство, где я живу (18)

Как видим, «государство» явно подвинулось ближе к концу этого списка и как бы уступило место «прошлому», которое, впрочем, и в 1989 г. входило в тройку лидирующих позиций. Понятно, что речь в этих опросах велась о двух разных государствах. В первом случае это СССР, во втором — Россия. Произшедшее уже за самые последние пять лет изменение этих самых общих, базовых рамок идентификации существенно повлияло на представления как бы «тех же самых» россиян о себе, и в том числе — о своем прошлом, его объеме и содержании. Повлияло, но как именно? Некоторые соображения на этот счет и предложены в настоящей статье.

В середине 1996 г. только 10% российских опрошенных понимали под «родиной» Советский Союз (по данным июльского опроса, среди самых молодых такой позиции держатся меньше 4%, среди самых старших — 16%); 34%, говоря «родина», имеют в виду как целое, как самую общую инстанцию отсчета — Россию. А в 1991 г. (напомню данные все-союзного исследования ВЦИОМ в январе 1991 г., 2700 респондентов по России) трое из каждых пяти опрошенных российских граждан взаимотождествляли Россию и СССР и лишь каждый четвертый этого не делал; в марте того же 1991 г. гражданином России себя считал каждый четвертый российский респондент, гражданином СССР — 63%.

При этом отношение к прошлому страны у многих опрошенных было в тот период крайне неопределенным, внутренне противоречивым, конфликтным. По многим вопросам доли выбиравших положительные и отрицательные ответы и затрудняющихся определить свою позицию оказывались в целом по выборке практически равными («три трети»). Вот, например, как распределялось тогда согласие и несогласие с некоторыми распространенными и соседствовавшими в прессе, на радио и телевидении суждениями о советской эпохе (январь 1991 г.):

	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Это история героических побед и свершений	56	22	22
Это одна из трагических страниц мировой истории	41	23	35
Это противоречивый, но в целом верный путь	39	30	30
Это история преступлений, нищеты и массового безумия	36	30	34
Это история захватов и подавления самостоятельности народов и государств	30	36	33

Среди предусмотренных в анкете ответов на вопрос: «Что СССР дает своим гражданам?» респонденты в 1991 г. вдвое чаще выбирали «отрицательные» подсказки. Сравним уровень значимости (всеобщности) пяти ведущих позитивных и негативных ответов (их можно было выбрать несколько; тот же январский опрос 1991 г.):

дефицит, очереди, нищенское существование	66	мирное небо над головой	29
ощущение бесправия, постоянные унижения	26	чувство принадлежности к советскому народу	15
прозябание на обочине мировой цивилизации	25	систему социальной защиты населения	15
чувство обреченности	16	гарантированный прожиточный уровень	8
страх перед всесильными органами власти	9	гордость за социалистическое отечество	3

Во второй половине 90-х по отношению к «истории» у россиян явно преобладают позитивные оценки (здесь и далее — данные июльского мониторинга 1996 г., 2400 опрошенных по России). Наиболее распространенные чувства — это «гордость, восхищение» (18%), «интерес, желание узнать побольше» (22%) и даже «надежда, уверенность в лучшем будущем» (34%). Напротив, столь характерные для рубежа 80–90-х гг. «стыд, безнадежность» при мысли о прошлом испытывают лишь 5%, «тоску, отчаяние» — 6% (да и затрудняются с ответом, в общем, немногие — около 13%). Каково при этом содержание образа истории, как он выстроен «в глубину»? Привожу пять наиболее значи-

мых «подсказок», каждая из которых названа как минимум 10% вошедших в выборку и которые дают заметную дифференциацию по социальным характеристикам опрошенных (июль 1996 г., в % к социально-демографическим и электоральным группам).

Что в нашей истории вызывает у вас наибольшую гордость?

	<i>Победа в войне</i>	<i>Терпение народа</i>	<i>Великая литература</i>	<i>Древность, старина</i>	<i>Советское государство</i>
В целом по выборке	44	39	19	16	12
<i>Образование высшее</i>					
До 39 лет	26	41	42	26	5
40 лет и старше	39	36	37	15	10
<i>Не высшее образование</i>					
До 39 лет	39	38	20	18	7
40 лет и старше	52	40	12	13	17
<i>Тип поселения</i>					
Москва и СПб	35	35	24	24	10
Большие города	40	38	25	16	11
Малые города	44	40	18	16	13
Село	50	42	14	13	11
<i>Голосование на выборах 1995 г.</i>					
«Женщины России»	51	34	23	14	8
НДР	39	48	35	25	4
«Яблоко»	37	32	25	25	5
КПРФ	61	34	11	11	32
КРО	48	32	17	10	16
ЛДПР	56	44	4	15	14
ПСТ	62	34	22	17	0
<i>Голосование на выборах 1996 г. (1 тур)</i>					
Б. Ельцин	39	46	20	16	5
В. Жириновский	44	33	5	17	13
Г. Зюганов	56	37	12	11	28
В. Лебедь	53	39	16	15	14

	<i>Победа в войне</i>	<i>Терпение народа</i>	<i>Великая литера- тура</i>	<i>Древ- ность, старина</i>	<i>Совет- ское госу- дарство</i>
Г. Явлинский	32	38	33	26	4
Не участвовал	38	37	25	19	6

На первый взгляд «советское государство, могущество СССР» (полный текст соответствующей подсказки) занимает среди предметов исторической гордости достаточно скромное место: в первую тройку «собственная гордость» советских людей (по Маяковскому) входит только у электората КПРФ и, в несколько меньшей степени, ее лидера Г. Зюганова. Но ограничивается ли «советское наследие» в списке подсказок только этим пунктом? Очевидно, нет. Фактически из первых позиций списка прокоммунистическим сознанием явно отторгаются только «великая литература» и «древность, былинная старина» — предмет повышенной и даже несколько взвинченной гордости молодых и образованных жителей столицы, голосующих за НДР и «Яблоко» с его лидером (у более молодой части респондентов с образованием «великая русская литература» — даже главный синоним славного прошлого). Ключевым событием прошедшего — символическим фокусом воображаемого «собрания» общества как целого, мысленной организации этого целого и особого плана его представления в коллективном сознании (в «семействе» самопредставлений общества) — остается кульминационный пункт истории СССР, победа в Отечественной войне, а ведущим качеством человека — его удостоившаяся в свое время сталинской здравицы способность выжить, безграничное (страдательное либо реактивное) «терпение»; напомним, что «терпеливость», по данным опроса 1989 г. «Советский человек», была вторым по значимости — после «простоты» — качеством в образе русских у самих россиян¹.

Можно сказать, что за последние пять лет соответствующие интегративные ценности и символы были осознаны большей частью населения Российской Федерации как «прошлое» (для многих — утраченное, и притом невозвратимо), а далее — как бы расподоблены с образом СССР, «наследием советской эпохи», и перенесены уже на представления о России, приобретая в этом качестве исключительно «российских традиций» даже повышенную значимость. Стоит отметить, что высокий уровень этой значимости общего, хотя и утраченного, прошлого — то есть важность именно традиционалистских составля-

¹ «Советский простой человек»: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 141–145.

ющих в риторической фигуре коллективного «мы» — обеспечивается и поддерживается сегодня как раз теми группами населения России, которые по ряду социальных и культурных характеристик более продвинуты. Это прежде всего люди с высшим образованием, жители Москвы и Санкт-Петербурга, крупных городов, электорат «Яблока», НДР, «Женщин России», партии Святослава Федорова (но несколько чаще — респонденты со средними и низкими доходами). Кстати, именно они же чаще других согласны с мнением, будто Россия возвращается сегодня к своим духовным истокам (с этим согласились 50% опрошенных с высшим образованием, 52% жителей Москвы и Санкт-Петербурга при 32% людей с образованием ниже среднего и стольких же сельских жителей; 62% электората «Женщин России» и 56% эндээровцев при 24% голосовавших в 1995 г. за КПРФ). Вот как распределяется по разным группам значимость традиционалистских, гражданских и моральных компонентов русского самоопределения (июль 1996 г., в % к соответствующим социально-демографическим и электоральным группам).

**Что из перечисленного наиболее важно для того,
чтобы считаться русским человеком?**

	<i>Тради- ции</i>	<i>Пред- ки</i>	<i>Право- славие</i>	<i>Язык</i>	<i>Граж- дан- ство¹</i>	<i>Нравст- венные идеалы</i>
В целом по выборке	56	36	18	50	10	41
До 24 лет	56	36	18	49	14	40
25–40	57	37	16	51	10	40
40–55	54	35	20	48	9	45
Старше 55	53	37	19	52	11	40
Высшее образование ²	59	41	20	52	6	45
Среднее	56	35	16	49	11	41
Ниже среднего	52	37	20	51	12	39
Москва и СПб	58	30	17	54	6	53
Большие города	55	35	24	49	11	45
Малые города	56	41	15	52	12	38
Село	51	33	19	46	10	38
<i>Голосование на выборах 1995 г.</i>						
«Женщины России»	65	39	23	51	17	36
НДР	46	45	20	47	8	36

	<i>Традиции</i>	<i>Предки</i>	<i>Православие</i>	<i>Язык</i>	<i>Гражданство¹</i>	<i>Нравственные идеалы</i>
«Яблоко»	63	35	19	45	10	37
КПРФ	57	37	18	50	9	42
КРО	50	42	18	52	6	41
ЛДПР	41	45	8	55	8	45
ПСТ	49	43	30	50	14	37
<i>Голосование на выборах 1996 г. (1 тур)</i>						
Б. Ельцин	54	32	23	52	9	44
В. Жириновский	51	50	18	51	18	37
Г. Зюганов	57	39	17	48	10	41
В. Лебедь	59	40	16	56	6	44
Г. Явлинский	57	40	19	49	8	48
Не участвовал	54	34	15	49	14	38

¹ По паспорту.

² Включая незаконченное высшее.

Подобные компоненты, как можно видеть, соединяются в коллективном сознании этих групп с обобщенными моралистическими представлениями и высоким — опять-таки несколько взвинченным — миссионерским престижем интеллигенции. Один признак при этом как бы служит социально и лично приемлемой интерпретацией (гарантией, условием признания) другого, так что в различных обстоятельствах ведущим выступает то первый, то второй. Как ни парадоксально — если вспомнить историю этого понятия и группы его «западнических», а потом «безродных» носителей, — сегодня респонденты с высшим образованием считают воплощением национального характера «русскую интеллигенцию» так же часто, как и «простых людей» (июль 1996, в % к группам по возрасту и образованию).

В ком лично для вас воплощен русский характер?

	<i>Простые люди</i>	<i>Наши предки</i>	<i>Интеллигенция</i>	<i>Старая эмиграция</i>
В целом по выборке	39	38	20	6
До 24 лет	32	30	26	6

В ком лично для вас воплощен русский характер?

	<i>Простые люди</i>	<i>Наши предки</i>	<i>Интеллигенция</i>	<i>Старая эмиграция</i>
25–40	35	35	21	9
40–55	40	45	20	6
Старше 55	46	42	15	3
Высшее образование	33	37	33	11
Среднее	38	36	22	6
Ниже среднего	43	43	12	4

И если в перечне тех черт национального характера и уклада жизни, которые утрачены за советское время, данные «продвинутые» группы чаще других респондентов выделяют «идею монархии, дух аристократии», «офицерскую честь», «православную веру» и «великую культуру», то в списке потерянного уже за годы новейшей, собственно российской истории (после 1991-го) — «гордость за свою большую и сильную страну» и «ведущую роль в мире, мировое лидерство».

Утраченные после революции черты национального характера и уклада

	<i>Ничего не утратили</i>	<i>Общинный дух</i>	<i>Трудолюбие</i>	<i>Офицерскую честь</i>	<i>Совестливость</i>	<i>Православную веру</i>	<i>Великую культуру</i>
В целом по выборке	24	12	25	16	28	23	19
<i>Образование высшее</i>							
До 39 лет	18	9	24	26	22	31	33
40 лет и старше	28	17	30	21	27	25	19
<i>Не высшее образование</i>							
До 39 лет	21	13	23	14	26	21	20
40 лет и старше	28	11	25	15	30	24	15
<i>Голосование на выборах 1995 г.</i>							
«Женщины России»	11	9	34	22	30	36	21
НДР	22	11	25	22	40	27	20
«Яблоко»	20	16	28	24	26	30	23

	<i>Ниче-го не утра-тили</i>	<i>Общин-ный дух</i>	<i>Тру-доло-бие</i>	<i>Офицер-скую честь</i>	<i>Совест-ливость</i>	<i>Право-слав-ную веру</i>	<i>Вели-кую куль-туру</i>
КПРФ	37	11	19	10	24	19	11
КРО	26	23	35	13	35	28	22
ЛДПР	18	7	22	30	31	37	20
ПСТ	15	12	44	29	37	29	17
<i>Голосование на выборах 1996 г. (I тур)</i>							
Б. Ельцин	20	11	29	22	30	28	25
В. Жиринов-ский	24	8	19	33	37	33	16
Г. Зюганов	34	12	20	10	26	19	12
В. Лебедь	26	11	27	18	27	26	19
Г. Явлинский	25	14	24	23	29	29	18
Не участвовал	20	14	25	12	26	20	19

Утраты после 1991 года

	<i>Ста-биль-ность</i>	<i>Дружба народов</i>	<i>Равен-ство людей</i>	<i>Доб-рота людей</i>	<i>Гордость за страну</i>	<i>Миро-вое ли-дерство</i>
В целом по выборке	64	25	24	22	17	9
<i>образование высшее</i>						
До 39 лет	48	19	32	26	20	13
40 лет и старше	67	20	26	20	22	13
<i>Не высшее образование</i>						
До 39 лет	64	28	22	20	16	10
40 лет и старше	67	25	24	23	18	8
<i>Голосование на выборах 1995 г.</i>						
«Женщины России»	77	25	14	37	17	10
НДР	61	20	27	17	17	13
«Яблоко»	62	24	28	28	16	10
КПРФ	76	25	30	25	18	8

	<i>статильность</i>	<i>дружба народов</i>	<i>равенство людей</i>	<i>доброта людей</i>	<i>гордость за страну</i>	<i>мировое лидерство</i>
КРО	80	21	16	30	15	6
ЛДПР	74	19	42	13	23	11
ПСТ	74	26	32	31	10	7
<i>Голосование на выборах 1996 г. (1 тур)</i>						
Б. Ельцин	58	25	19	22	19	8
В. Жириновский	60	25	28	12	26	7
Г. Зюганов	72	26	26	23	17	11
В. Лебедь	71	26	23	24	24	8
Г. Явлинский	64	23	29	27	16	9
Не участвовал	62	26	24	21	15	11

Можно видеть, что картины ценностных предпочтений у, казалось бы, полярно противоположных по своим интеллектуальным ресурсам и социальному положению групп различаются в композиционном отношении не принципами, а всего лишь акцентами. Ретроспективистская ориентация, популизм, уравнительность (и определенный уровень ксенофобии¹) — такие же устойчивые черты интеллигентского менталитета, как и «обыденного» или «низового» сознания. При этом и те и другие — вовсе не плоды «новейшей» ситуации или некоей государственно взыскуемой «новой идеологии», а продукты долговременного распада старых институциональных и социальных структур советского общества, скреплявшего его идеологического каркаса и повседневного символического обеспечения. Кстати, такой новейший феномен, как массовое религиозное обращение в православную веру, на принципиальную конфигурацию оценок дореволюционного, а особенно советского прошлого во всем, что напрямую не затрагивает статус верующих и положение церкви, в общем не влияет, как, кстати, и на уровень ксенофобических настроений (в % к группам верующих и неверующих):

¹ См.: Гудков Л.Д. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Экономические и социальные перемены... 1996. № 5. С. 22–27.

	<i>Неверующие</i>	<i>Православные</i>
<i>Предметы гордости в прошлом</i>		
Победа в войне	49	42
Терпение народа	38	43
Литература	19	19
Древность, старина	14	19
Советское государство	12	10
Святые, праведники	3	9
<i>Потеряли за годы советской власти</i>		
Единство народа	11	14
Трудолюбие, скромность	24	27
Монархию, аристократию	3	7
Офицерскую честь	16	16
Честность, прямоту	29	28
Православную веру	19	29
Великую культуру	18	19
Ничего не потеряли	28	22
<i>Потеряли с 1991 года</i>		
Стабильность	65	65
Равенство людей	25	22
Дружбу народов	23	23
Человеческую доброту	20	23
Гордость за страну	19	17
Мировое лидерство	8	10
<i>Телевидение целенаправленно разрушает русские традиции</i>		
В целом согласны	48	53
В целом не согласны	34	34
Затруднились ответить	18	13

Массово-бытовой и интеллигентско-идеологический традиционализм ориентаций (со всеми их составляющими и сопутствующими) здесь смыкаются. Фактически главный и единственный пункт интеллигентской картины прошлого, пока не подлежащий переоценке, — это осуждение сталинских репрессий подавляющей частью более молодых, образованных и урбанизированных жителей сегодняшней России.

Масштабы сталинских репрессий преувеличены

	<i>Согласны</i>	<i>Не согласны</i>	<i>Затруднились ответить</i>
В целом по выборке	29	43	28
<i>В группах по возрасту</i>			
До 24 лет	15	47	38
25–40	24	48	28
41–55	32	43	25
56 лет и старше	40	34	26
<i>В группах по образованию</i>			
Высшее	22	64	14
Среднее	24	47	29
Ниже среднего	36	30	34
<i>В группах по месту жительства</i>			
Москва и СПб	22	60	18
Большие города	30	48	22
Малые города	29	42	29
Села	30	32	38
<i>В группах по голосованию 1995 г. (в Думу)</i>			
«Женщины России»	22	54	24
НДР	22	52	26
«Яблоко»	23	56	21
КПРФ	49	27	24
КРО	20	59	21
ЛДПР	36	50	14
ПСТ	27	55	18
<i>В группах по голосованию 1996 г. (президентские, I тур)</i>			
Б. Ельцин	23	50	27
В. Жириновский	33	51	16
Г. Зюганов	43	29	28
В. Лебедь	27	47	26
Г. Явлинский	25	53	22
Не участвовал	24	43	33

Посмотрим подробнее на взаимные соответствия и связи между идеологическим традиционализмом и оценками сталинской эпохи. Вот как оценивается прошлое и нынешнее положение с традициями в стране глазами тех, кто считает масштабы сталинских репрессий преувеличенными нынешней прессой, и несогласных с этим мнением (в % к группам по вертикали).

Масштабы сталинских репрессий сильно преувеличены

	<i>В целом согласны</i>	<i>В целом не согласны</i>
<i>Компоненты «русского»</i>		
Традиции	46	58
Предки	43	36
Православие	15	23
Язык	51	52
Гражданство по паспорту	11	10
Нравственные идеалы	41	46
<i>Предметы гордости в прошлом</i>		
Победа в войне	54	39
Терпение народа	38	40
Литература	13	26
Древность, старина	10	22
Советское государство	20	7
<i>Телевидение целенаправленно разрушает русские традиции</i>		
В целом согласны	72	44
В целом не согласны	20	49
Затруднились ответить	8	7

Изменим точку отсчета. Взглянем, наоборот, как складываются оценки сталинских репрессий и сегодняшнего отношения к прошлому в России в сознании тех, кто видит в нынешнем телевидении угрозу идеалам русского народа и кто такой опасности не ощущает или ею не обеспокоен (в % к группам по вертикали).

Сегодняшнее телевидение разрушает русские традиции

	<i>В целом согласны</i>	<i>В целом не согласны</i>
<i>Масштабы сталинских репрессий сильно преувеличены</i>		
В целом согласны	41	18
В целом не согласны	38	62
Затруднились ответить	21	20
<i>Олицетворения русского характера</i>		
Простые люди	46	31
Наши предки	44	35
Интеллигенция	16	29
Старая эмиграция	6	7
<i>Предметы гордости в прошлом</i>		
Победа в войне	51	36
Терпение народа	39	42
Литература	16	27
Древность, старина	15	20
Советское государство	16	5
Святые, праведники	8	3
<i>Россия сегодня возвращается к своим духовным истокам</i>		
В целом согласны	36	53
В целом не согласны	39	26
Затруднились ответить	25	21

Напомню, что и сама советская интеллигенция новейшего времени, конститутивного для себя периода 1950–1980-х гг., возникла, сплотилась и упрочилась именно вокруг неприятия истребительных «крайностей» террористической политики Сталина и сталинизма, в стремлении отчеркнуть, зафиксировать и осознать их как «прошлое», возврата к которому нет (эти черты еще недавнего и незабытого тогда прошлого — своеобразная «травма социального рождения» данного слоя или группы¹). За десять последних лет постсоветское общество описало и в этом отношении новый круг. Совместить претен-

¹ См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва; Харьков, 1995. С. 156–160, а также статью «Сталин и прочие» в настоящем сборнике.

зии на статус «великой и сильной державы» с «национальной идеей» и «русскими традициями» во многом хотели бы сегодня, среди прочих, и образованные, урбанизированные слои. Однако ностальгия по прошлому не знак памяти, а, напротив, рубец забвения, и памятники занимают и заслоняют место не только тех, кого уже нет, но и того, что опять не сделано сегодня. В определенном смысле сознание, структура личности советского человека оказались более устойчивыми постройками, чем лагерные бараки, колючая проволока и сторожевые вышки. Пережив последние, они все еще продолжают — и в немалой степени — оставаться значимым фактом и фактором современной ситуации в России.

ЗАПАД ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ: ОБРАЗ «ДРУГОГО» В СТРУКТУРЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Вначале — напоминание о нескольких сравнительно недавних фактах и сопутствующих им обстоятельствах, о которых тем не менее уже приходится напоминать. Для общественного мнения России, отечественных массмедиа на рубеже 1980–1990-х гг. была характерна весьма высокая оценка западного общества, его экономики и политических установлений, образа жизни в целом. «Запад» на тот момент — момент не первый в жизни России, но по-всегдашнему короткий — стал воображаемой фигурой притягательного, желанного, даже вожденного «Другого». За ним, почти на подростковый манер, мечтали следовать, ему, как своего рода авторитетному взрослому, хотели подражать.

Контрастным фоном, контражуром для подобных ориентиров служила крайне негативная самоквалификация советских людей и советского общества, быстро утвердившаяся в наиболее популярных тогда массмедиа и распространившаяся по стране к концу восьмидесятых. Предельно низкие оценки экономических и политических институций СССР, всего прежнего советского опыта — вместе с высокими массовыми оценками печати, радио, телевидения, день за днем, напротив, набиравших новый голос и подчеркивавших необходимость общественных реформ, разрыва с «прошлым» — поддерживали в 1989 г. около 40% опрошенных в России; примерно столько же, даже чуть больше, затруднились с ответом. В конце 1991 г. 60% из 6600 опрошенных оценивали западный образ жизни положительно (11% — отрицательно, 28% затруднились с ответом).

Эта тенденция ощущалась даже в переломном 1992 г., хотя показатели позитивных ориентаций на страны Запада уже начали снижаться.

* Опубликовано: Космополис. 2003. № 1(3). С. 137–153.

**На какие страны нужно прежде всего ориентироваться России
при выборе пути развития?
(Респонденты могли выбрать несколько ответов)¹**

	<i>1991, N=1000</i>	<i>1992, N=1000</i>
Страны Западной Европы	30	24
Страны Восточной Европы	4	4
США	33	28
Японию	31	25
Южную Корею	7	7
Страны ислама	1	2
Затрудняюсь ответить	32	45

Напротив, стала быстро расти доля затрудняющихся с ответом на подобные вопросы (а это обычно предвещает коренную перемену в оценках).

К 1994–95 гг. композиция оценок россиянами «западного» и «своего» резко изменилась. На это повлияли в сумме многие факторы. Напомню лишь некоторые: не предвиденные массой россиян и остро, даже панически пережитые первые результаты гайдаровских реформ, к тому же крайне плохо представленных и растолкованных инициаторами обществу (скачок цен, девальвация сбережений, начатки социальной дифференциации, непонятной и нестерпимой для уравнительного сознания подавляющего большинства, чьи оценки стали к тому же тиражировать массмедиа); резкий разрыв президента Ельцина с ключевыми фигурами реформаторов, а тем самым — с поддерживающими их наиболее активными, квалифицированными, успешными слоями общества; идейное разложение массовой интеллигенции и ее уход с политической и социальной авансены; наконец, растущая изоляция России в мировом общественном мнении (в связи с жесткой ельцинской тактикой подавления октябрьского путча 1993 г. и растущей «неуправляемостью» первого лица России, началом чеченской войны в 1994 г., значительно усилившимися позициями силовиков в руководстве страной).

Накладываясь друг на друга и резонируя друг другу, перечисленные процессы дали парадоксальный результат. Преобладающая часть насе-

¹ Здесь и далее данные опросов ВЦИОМ приводятся в % к числу опрошенных в данном исследовании или, при сопоставлениях за несколько лет, в каждом из ряда ему подобных.

ления России, вопреки тогдашней риторике коммунистов и паническим штампам массмедиа относительно «раскола» страны, но заодно с той же, как будто бы не вызывавшей у него доверия властью, с потерявшей социальный статус и монопольный культурный авторитет интеллигенцией, с набравшей собственную силу региональной номенклатурой (при заметном ослаблении федерального центра) явно усилила ориентации на символы национального целого, значения державного приоритета и престижа, картины давнего и не такого уж давнего, но уже хорошо забытого советского прошлого, ретушированные теперь стараниями телевидения и прессы в ностальгически-радушных тонах.

Воплощением уравнилельных социальных идеалов патерналистски ориентированного большинства стала — по контрасту с еще совсем недавними, но уже негативно переоцененными временами Горбачева и Ельцина — «эпоха Брежнева». Для нашей темы важно отметить, что параллельно шла такая же по направленности и темпам переоценка «Запада»: и за тем, и за другим стояло массовое разочарование в собственной вчерашней эйфории. Самобичевание конца 1980-х гг. трансформировалось в самонаказание 1993–1995 гг., а его груз переложили на символические фигуры ближайших «виновников». Соответственно, на горбачевско-ельцинское, еще совсем недавнее время россияне перенесли и свою прежнюю нищету, униженность и бесправие десятилетий советской жизни. Российские оценки Запада в его отношении к России стали год за годом меняться.

В сентябре 1996 г. (N=2400) уже 20% опрошенных ответили, что их соотечественникам стоит ориентироваться сегодня на советский образ жизни, 47% — что на «традиционный русский» и лишь 11% — на западный (22% затруднились с ответом). В следующем, 1997-м, из 1600 россиян, отвечавших на вопрос о том, кем по отношению к России выступают сегодня крупнейшие западные страны (США, Германия, Великобритания, Япония и другие), 28% назвали их «партнерами Рос-

Таблица 2

Согласны ли вы с тем, что Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду?

	<i>1994, N=1700</i>	<i>1995, N=2000</i>
Полностью согласен	27	35
Скорее согласен	19	20
Скорее не согласен	25	14
Целиком не согласен	14	8
Затрудняюсь ответить	15	23

Таблица 3

Вы согласны с тем, что Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства, что нам и сегодня никто не желает добра?

	1994, N=3000	2000, N=1600
Совершенно согласен	18	28
Скорее согласен	24	38
Скорее не согласен	26	21
Целиком не согласен	12	6
Затрудняюсь ответить	20	7

Таблица 4

На чей опыт стоит скорее ориентироваться при продолжении реформ в России? (2000, N=1600)

США, страны Западной Европы	14
Развитые страны третьего мира (Южная Корея и др.)	3
Коммунистический Китай	7
Не следовать чужим образцам, а глубже изучать исторический опыт России, следовать ее традициям и особенностям	63
Затрудняюсь ответить	13

сии, имеющими с ней общие интересы», а 51% — «противниками России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» (21% затруднились с ответом). За вторую половину девяностых ко многим россиянам как бы вернулось прежнее, как еще недавно казалось — оставленное в советском прошлом, чувство «осажденной крепости».

К началу третьего тысячелетия в массовых оценках различных ображаемых стратегий экономического, политического, цивилизационного развития России возобладала идея «особого пути».

Quo vadis?

Впрочем, ничего сколько-нибудь содержательного об этом «пути» социологам узнать не удастся. Указаниями на его как будто бы наличие или презумпцию такового россиянам обычно служат ссылки на пространственную принадлежность России как к Европе, так и к Азии, на историческую роль страны в защите Европы от татаро-

монгольского нашествия. Характерно, что эти отсылки остаются исключительно внешними: они относятся к далекому и чужому, но ни слова не говорят о смысле и направленности «своего пути». Вряд ли это случайно. Скорее, дело здесь в том, что значение категории «свой путь» в общественном мнении России не эмпирическое, а символическое. Эта категория с ее смысловым ореолом лежит в основе мифа, или мифологического комплекса, российской исключительности.

Вообще говоря, те или иные относительно целостные образы коллективного «я», которые соотносятся с недостижимым, вневременным началом (как и неотвратимым, запредельным концом), присутствуют в сознании людей, в массовом политическом обиходе практически всех эпох и культур Нового времени. Важно, в какие структуры, какими группами элиты, политическими партиями, социальными движениями и для каких задач эти архаические, традиционные или неотрадиционалистские элементы берутся в работу, в какую социально-историческую ситуацию, с расчетом на кого и какие задачи включаются, какую смысловую огранку при этом проходят и какую роль в данное время играют, каков их удельный вес среди других по типу коллективных и индивидуальных представлений. В частности — какие смысловые, культурные «этажи» надстроены, условно говоря, «над» ними. Так, например, однозначный выбор Запада в качестве политического и экономического ориентира лидирующими группировками элиты в бывших странах восточного блока, давление общемирового контекста плюс соответствующие экономические, политические, культурные традиции основных групп населения в этих странах решающим образом сдерживают политические амбиции и потенции тамошних приверженцев национализма и фундаменталистской риторики (как, с другой стороны, и сторонников прежнего социалистического пути)¹.

В целом роль описываемого комплекса в сегодняшней России, который, по сравнению с 1920–1930-ми гг., носит, конечно, уже не столько миссионерско-завоевательный, сколько эскапистско-охранительный характер, — служить для коллективного сознания механизмом защиты и компенсации в процессах самоопределения и самоотнесения с фигурами значимых «других». Речь идет именно о воображаемых структурах символической идентификации, а не об инструментальном достижении значимых коллективных целей (как внутренних, так и внешних) и не об адаптивном опыте вольного либо неволь-

¹ См. об этом: *Tismaneanu V. Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. Princeton, 1998; *Verdery K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York, 1999; *Колодко Г.В.* Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. Минск, 2002.

ного и для страны в целом, и для ее жителей существования в современном мире. Реальным мобилизационным или интегративным значением, консолидирующей силой в политической и социальной жизни данный смысловой комплекс, видимо, никогда не обладал, не обладает и сейчас. Если говорить о символике и риторике «пути», то их функция состоит в том, чтобы обозначать саму форму главенствующей ценности — непринадлежности общему миру, исключительности, нерационализируемости, недоступности ценностного ядра коллективного «я» («мы») России для любых хоть сколько-нибудь определенных формулировок. Метафора «пути» и есть способ представления этой ключевой, доминантной ценности, ее, так сказать, экспозиционная формула.

В связке основных компонентов российской национально-политической мифологии (миф о Западе, миф о великой державе, миф о внешней угрозе, или враге, и миф об особом человеке, увенчанные, как своего рода замковым камнем, знаковой фигурой такого «нового человека», вождя, спасителя от угрозы и вожакого на пути) роль двигательного стимула, пускового механизма играет именно представление о Западе. Речь, конечно, о «нашем», в России выработанном образе западного мира для собственного употребления. В структуру мифологического комплекса входит особая смысловая граница, отделяющая «нас» от «них» (кроме того, в отечественной «географии ностальгии»¹ граница между Европой и Азией дает возможность причислять себя то к одной, то к другой символической зоне, активизируя всевозможные евразийские или туранские идеи). Двойственность в понимании «Запада» крайне важна, поскольку «русский путь» в любом случае отсчитывается от этого мифологического начала координат. Заметим, что мифологизированные фигуры обобщенного «Другого» неотъемлемы от процессов национально-культурной идентификации модернизирующихся обществ Запада². С теми, однако, отличиями, что они, во-первых, все-таки не выступают при этом в роли стимула собственного движения и/или источника оценки, одобрения, поддержки извне; во-вторых, они характеризуют самые ранние стадии модернизации и, в-третьих, далее демифологизируются и рационализируются усилиями различных элитных групп в образы экономических, политических, культурных и прочих акторов — партнеров ли, конкурентов или соперников, но в любом случае самостоятельных участников взаимодействия.

¹ *Bishop P.* An Archetypal Constable: National Identity and the Geography of Nostalgia. London, 1995.

² О подобных образах Востока в европейском сознании см., например: *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Иначе складывается семантика воображаемого Запада в России. Его образ как будто бы придает смысл заложенному в базовый миф псевдоразвитию, указывая некое направление движения («технологический прогресс», «цивилизованный быт», «потребительское благополучие»). Вместе с тем, данный смысловой ход парализует возможность собственно политического достижения подобных целей. Ведь все перечисленные преимущества европейских обществ воспринимаются как нечто «готовое» — чисто инструментальное, доступное механическому заимствованию и использованию. Характерна, к примеру, ходовая в российских массмедиа, языке публичной политики конца 1980-х — начала 1990-х гг. утопическая формула «нормального общества», «нормальной экономики»¹. Определившие и по сей день определяющие результативность этой экономики базовые системы и институты западного мира — демократия, рынок и социально-символический смысл денег, право и суд, культурные и религиозные ценности в их собственной, долгой и трудной истории — в расчет, как правило, не берутся.

Для русского мифа путь, вообще способность меняться, открытое будущее — это, по обиходной формуле Бердяева, «судьба России»². В описываемом мифологическом комплексе Россия всегда предстает сферой чистых потенций, отсюда вся символика ее вечной молодости, неисчерпаемых ресурсов, будь то природных, будь то людских, витальных. Запад же воспринимается как уже реализовавшийся, статичный и в этом смысле относящийся едва ли не к прошлому. Но поскольку заимствовать западную технологию и благополучие сами по себе никак не получается, да и попросту невозможно, то их, в свою очередь, наделяют негативными значениями соблазна, антинациональных начал, губительных для «русского духа», чуждых России. Соответственно, образ «Запада» в подобном самоопределении от противного приобретает черты демонического соблазнителя, а его представители выступают «агентами» мирового заговора против России, геноцида русских. В более мягком варианте — по известной басенной формуле «зелен виноград» — достижения Запада переоцениваются как не-

¹ См. об этом: *Berelowitch A. L'Occidente o l'utopia di un mondo normale*// Europa, Europe, 1993. № 1, p. 31–43; *Berelowitch A., Wieworka M. Les Russes d'en-bas. Enquête sur la Russie post-communiste*. Paris, 1996, p. 68–70.

² Впрочем, подобные формулировки, соединяющие метафорику юности (открытости будущему), исканий и коллективного пути, — вполне стереотипная характеристика определенной фазы запоздалой модернизации. Им можно без труда подобрать параллели, например, в немецкой или испанской, венгерской или аргентинской культуре, где группы и кружки носителей соответствующих идеологием тоже будут описывать себя в категориях «нового» и «молодого».

существенные, ненужные и мелкие в сравнении с тем главным и заветным, чем, как подчеркивается, всегда владела Россия («духовность», «соборность», «русский характер»). Далее следует очередное «разочарование в Западе» с подростковой агрессивной обидой на него, на его недостаточное внимание, уважение, помощь, — вся классическая симптоматика эмоциональной зависимости, безуспешного стремления от нее освободиться и неизбежно связанного с этим обстоятельством рессантимента. Так и получается, что три четверти российских респондентов, по их заявлениям, не доверяют западным предпринимателям, три пятых (а среди людей с высшим образованием — даже две трети) уверены, что Запад, его экономические и финансовые организации хотят не помочь России, а ее поработить и проч.

Наконец, именно действия «Запада» в их мифологическом преломлении оправдывают вполне реальное существование всех политических, военных, идеологических институтов по поддержанию границ российской державы, обеспечению ее безопасности. Тут, в частности, возникает и характерная апелляция к промежуточному положению страны между Западом и Востоком, о которой уже упоминалось¹. Впрочем, образ Востока в подобной геополитической мифологии — точно такая же двойственная структура, как «Запад». Восток, Азия (прежде всего — Китай, в какой-то мере Япония) предстают то враждебными России — поскольку она часть Европы, «великая страна», входит в «большую восьмерку», — то, напротив, выступают воображаемым союзником России в ее экономическом, политическом, цивилизационном противостоянии Западу, прежде всего США. В любом случае, отмеченной позицией остается именно «Запад». Образ «Восто-

¹ Опять-таки, болезненное и вместе с тем миссионерское сознание своей лимитрофности (постоянного пребывания на границе — между Западом и Востоком, между «цивилизацией» и «варварством») — такой же устойчивый штамп в идеологическом самоопределении наций на стадии запоздалой модернизации, как подчеркивание своей молодости и «новизны», о котором шла речь выше. Материал об этом см., например: *Ara A., Magris C. Trieste: Un'identità di frontiera.* Torino, 1982; *Applebaum A. Between East and West: Across the Borderlands of Europe.* New York, 1994; *Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания.* СПб, 2001; *Dubin B. The West, The Border, and the Unique Path: Symbolism of the «Other» in the Political Mythology of Contemporary Russia // Russian Politics & Law, 2002, vol.40, N2, pp.5-29.* Однако нельзя исключить здесь и чисто имитационный момент: поисковые, маргинальные на данный момент фракции образованного сословия оказываются наиболее чувствительны не к символам и значениям стабильности, традиции и прочего в образе развитых, «зрелых» обществ (они-то как раз недоступны, и от них заведомо дистанцируются), а именно к наиболее проблематичным и потому заметным, бросающимся в глаза сторонам самоопределения в таких же «переходных» условиях и ситуациях более близких стран.

ка» в таких уравнениях вторичен: он — производное от соответствующих российских оценок «Запада».

В этой своей двойственности русский миф (с включенной в него конструкцией воображаемого партнера как способом самоопределения «от противного») выступает механизмом консервации культуры и общества. Парные образы себя и отчужденного «Другого» моделируют домодерные, простые, замкнуто-иерархические и неравноправные взаимоотношения, характерные для традиционного, сословно-статусного или «закрытого» общества. А ценностный барьер, делящий мир на «наш» и «их», позволяет переключать оценки и смысл действий участников мифологического сюжета по собственному усмотрению, при всех смысловых перипетиях сохраняя доминирующую позицию за собой. «Другой» здесь не более чем превращенная фигура собственной несамостоятельности и несостоятельности. Под давлением мифологических структур самосознания и восприятия окружающего проблемы практического понимания социальных и политических партнеров отодвигаются на задний план. Мифологический образ врага и угрозы вытесняет, замещает задачи рационального взаимодействия с другими в общем, реальном, немифологизированном времени нынешнего дня, практического действия¹.

Жить — да, а так — нет

В конце 80-х идею исключительности своей страны разделяла лишь крайне незначительная часть россиян. Но если тогдашнее чувство своей экономической и цивилизационной отсталости дополнялось и уравновешивалось надеждами на возможность почерпнуть достижения Запада, то за вторую половину девяностых негативный опыт собственных попыток социальной адаптации, всего очередного разового «ускорения» страны, сознание новой модернизационной неудачи вы-

¹ Проблематичность символического целого и сверхсосредоточенность на внешней границе делает столь же проблематичными для сознания российских масс и их «элит» границы внутренние. Отсюда, в частности, повышенное значение всей проблематики регионов и регионализации России, в которой (см. так называемую проблему Курил или отношение к мигрантам из Китая) упорно не расклеиваются прагматические и символические аспекты. Для примера можно было бы взять США, где мифология Севера и Юга, а затем фронта, с одной стороны, и «глубинки», с другой, исторически выделились в символические планы идентификации, а политические и правовые аспекты проблемы оформились на уровне политического сообщества и гражданского общества в виде штатов со своими законами, законодательными и судебными органами и проч.

С каким из следующих суждений вы бы скорее согласились?

	<i>1989, N=1250¹</i>	<i>2000, N=1600</i>
Россия отстала от большинства передовых стран	72	50
Россия всегда была в числе первых и не уступит эту роль никому	2	10
Россия развивается по своему, особому пути	11	34
Затрудняюсь ответить	14	6

звали к жизни старую российскую мифологию особого пути. Вместе с нею реанимировалось входящее в уже упоминавшийся мифологический комплекс исключительности представление об уникальных достоинствах русского человека («простота», «открытость»), теплоте и задушевности отношений между людьми «как таковыми», воспринимаемыми словно бы вне и поверх социальных статусов и различий, ролевых стандартов, групповой принадлежности, институциональных норм поведения и проч.

За вторую половину 1990-х гг. расхождение между образами России и Запада стало в сознании респондентов неустранимым фактом (тем более что антизападная риторика из арсенала РКП к этому времени перешла в официальный язык позднеельцинской внешней политики, стала все ощутимей присутствовать в лексиконе массовых коммуникаций, государственных каналов телевидения, официальных выступлений православных иерархов). Оно для россиян коренится теперь уже не просто во временном отклонении России от общих путей мирового развития, в цивилизационной отсталости, которую можно-де преодолеть очередной мобилизацией сил, общим рывком и т.п. Как представляется большинству российского населения, за годы советской власти фундаментально изменился сам склад людей в России.

Свыше половины россиян в середине и второй половине 1990-х гг. устойчиво признавали, что не чувствуют себя европейцами, не ощущают принадлежности к европейской культуре.

Элементы демонстративного сближения с Западом во внешней политике первых лет путинского президентства несколько смягчили мысленное противостояние российского и западного путей развития (формулировка ответов в этих более поздних опросах изменена).

¹ Опрос «Советский человек», формулировки подсказок условно приравнены к формулировкам в опросе 2000 г.

Таблица 6

Согласны ли вы с тем, что за годы советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить?

<i>Варианты ответов</i>	<i>1994, N=2000</i>	<i>2000, N=1600</i>	<i>2003, N=2000</i>
Согласен	54	68	57
Не согласен	29	21	32
Затрудняюсь ответить	17	11	11

Таблица 7

Ощущаете ли вы себя европейцем?

	<i>1995, N=2000</i>	<i>1996, N=2400</i>	<i>1997, N=1600</i>	<i>2003, N=1600</i>
Часто	10	9	12	12
Иногда	13	14	16	14
Редко	18	17	18	18
Никогда	56	57	52	55

Таблица 8

Ощущаете ли вы себя европейцем?

	<i>1998, N=1500</i>	<i>1999, N=1600</i>	<i>2000, N=2000</i>	<i>2001, N=2000</i>
Да	24	30	53	52
Нет	55	54	45	47
Затрудняюсь ответить	21	16	2	1

Таблица 9

**Хотели бы вы жить в России так, как живут люди на Западе?
(1999, N=1600)**

Да	48
Нет	34
Затрудняюсь ответить	18

При этом желание существовать на том уровне, на каком в среднем живут люди на Западе (обобщенный стандарт восприятия обществ высокого благосостояния и гарантированной стабильности), сохраняется у преобладающей части респондентов. Однако оно соседствует в их сознании с укрепившимся за вторую половину девяностых ощущением непреодолимой дистанции между Западом и Россией, между жителями западного мира и российскими людьми, идеологическим отторжением от образцов западной массовой культуры — например, кинофильмов и телесериалов.

Осознание подобного разрыва по разным смысловым направлениям и осям, собственно, и приняло форму двойного отрицания — представлений россиян об уникальности своего пути. Запад, особенно его культура, история, нынешний ценностный плюрализм, современная «духовная жизнь» — и в куда меньшей степени технические достижения, цивилизационные удобства, экономические преимущества, к которым большинство россиян относится вполне прагматично-потребительски, стали, по массовым стереотипным оценкам, не просто недостижимы, но не нужны, больше того — вредны для России. Разумеется, речь идет об очень стандартизированных образах Запада и его столь же обобщенных идеологических оценках. Известное смягчение позиций и здесь, как уже говорилось, относится к 1999 г., началу путинского президентства и соответствующего, хоть и непоследовательного, изменения акцентов во внешнеполитической риторике.

В этом смысле можно предположить, что дистанцированно-настороженное и негативное отношение к образу Запада на уровне самых общих массовых оценок представляет собой, среди прочего, производное от осознания респондентами внутрироссийского разлада и неуправляемости жизни. А оно, в свою очередь, по конструкции политической власти и устройству массовой политической культуры в России, выступает производным от констатации бессилия и неавторитетности центральной власти, прежде всего — фигуры первого лица в государстве. Так что вместе с ослаблением привычной для массы подопечных авторитарной роли «вождя» коллективное ощущение окружающего политического и социального хаоса обостряется, вслед за самооценкой падает и воображаемый престиж страны в общественном мнении, что ведет к мысленному отторжению и от обобщенного образа Запада¹.

Пользуясь психоаналитическими метафорами, можно сказать, что здесь действует логика переноса и вымещения собственных неудач.

¹ Некоторые данные и соображения о действии этого механизма на протяжении позднесоветской и постсоветской истории см. в статье «Сталин и прочие» в настоящем сборнике.

**Хотели бы вы жить в России так, как живут люди на Западе?
(1999, N=1600)**

	<i>1996, N=1700</i>	<i>1997, N=1700</i>	<i>1998, N=1600</i>	<i>1999, N=1700</i>	<i>2002, N=1600</i>
Полностью согласен	24	31	36	29	39
Скорее согласен	24	22	25	22	28
Скорее не согласен	24	22	22	23	22
Целиком не согласен	12	13	11	13	6
Затрудняюсь ответить	16	12	6	13	5

Причем действует в несколько ступеней, переключая неудовлетворенность и раздражение на фигуру вождя, обобщенный престиж коллективного целого, наконец, на образ «Другого». Допустимо сказать и по-иному: носители описываемого здесь сознания согласны признавать других, выражают в них нужду и хорошо относятся к «другим», только когда им самим хорошо, — это, так сказать, любовь по праздникам (говоря еще короче, это логика «Ты меня уважаешь?», которой — в качестве второго смыслового полюса идентификации — противостоит логика будней: «Ты кто такой?»). Если для того, чтобы почувствовать себя самим собой нужна, по известной формулировке М. Жванецкого, «большая беда», то для того, чтобы без раздражения признать другого, россиянам необходимо, вероятно, ощущение или хотя бы иллюзия относительной стабильности.

О величии и признаках оного

При работе с массовыми оценками своего положения, положения страны из разряда тех, которые приводились в статье, всегда нужно учитывать, в какие воображаемые конструкции самоопределения эти оценки для опрашиваемого включены. В зависимости от того, с кем в качестве референтных инстанций себя мысленно соотносят при этом респонденты, в плоскости какого типа поведения (пассивно-адаптивного, целедостижительского, символическо-идентификационного) они себя сейчас рассматривают, групповые и массовые мнения о как будто бы «одном и том же» предмете могут существенно различаться количественно, но главное — они имеют разный смысл. Хороший пример такого расслоения и сочетания разноуровневых оценок — коллективные представления россиян о России как великой стране или тем более великой державе.

Таблица 11

Является ли Россия в настоящее время великой державой?

	1999, N=1600	2000, N=1600	2001, N=1600	2005, N=1600
Да	31	53	40	30
Нет	65	43	56	66
Затруднились ответить	4	4	4	4

Таблица 12

Согласны ли вы, что Россия к настоящему времени утратила в мире роль великой державы? (май 2002, N=1600)

Согласен	68
Не согласен	30
Затруднились ответить	2

В период президентства В. Путина, именно внешнеполитическая линия руководства которого признается россиянами едва ли не единственной успешной, мнения респондентов о величии России тоже год от года менялись.

При несколько иной формулировке, которая исподволь подчеркивает болезненную, но тем более значимую для россиян семантику «потери», доля тех, кто не относит сегодняшнюю Россию к числу великих держав, превышает даже две трети респондентов.

При этом в сумме 83% опрошенных в том же исследовании полагают, что роль «великой державы» Россия утратила при Горбачеве и Ельцине.

Однако подобные оценки совершенно меняют содержание и вектор, как только меняется их ориентир, референт, как только сдвигается фокус ситуации, по-иному выстраиваются ее идентификационные рамки. Стоит включить в такие автоквалификации образ «Другого», и самооценки приобретают «боковые», дополнительные значения символического престижа страны в мире, по сравнению с другими, «более великими» и проч. Признать умаление подобного престижа или, что то же самое, взгляд «Другого» на себя, для описываемого типа сознания недопустимо (но и отрешиться от него невозможно)¹. Так

¹ Видимо, подобный ход мысли — типовой для двойного самоопределения в обществах поздней модернизации. В России его осознал и сформулировал уже Пушкин в письме П. Вяземскому 1826 г.: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М., 1958. С. 208) (благодарю Н.Н. Игрунову, напомнившую мне этот текст).

Таблица 13

На какое отношение со стороны других стран мира может сегодня претендовать Россия?¹ (2001, N=1600)

К России должны относиться на равных, как к великой державе, считаясь с ее интеллектуальным потенциалом, богатством ресурсов	67
К России должны относиться с пониманием и, учитывая ее нынешнее положение, оказывать ей поддержку	31

Таблица 14

Какие страны из следующего списка вы бы могли назвать великими? (Январь 2002 г., N=1600; приводим лишь наиболее значимые позиции в порядке убывания значимости)

США	61
Россия	42
Япония	41
Германия	32
Англия	29
Китай	24

Таблица 15

Что, по вашему мнению, прежде всего должно быть в стране, чтобы она считалась великой? (Сумма ответов превышает 100%)

	1998, N=1600	1999, N=1600	2000, N=1600
Высокоразвитая промышленность	70	74	69
Высокий уровень благосостояния граждан	62	72	64
Соблюдение прав и свобод человека	32	41	39
Богатые природные ресурсы	16	24	29
Великое культурное наследие	24	27	27
Ядерное оружие	14	27	27
Обширная территория	6	8	11
Другое	1	0	1
Затруднились ответить	4	4	2

¹ Вопрос заказан И.М. Клямкиным (Фонд «Либеральная миссия») и используется здесь с его любезного разрешения.

что конфигурация приведенных оценок собственного величия при этом попросту переворачивается.

Горожане России на рубеже 2002–2003 гг. относятся к величию державы несколько сдержанней, но и среди них доля сторонников первого мнения достигает почти трех пятых. Нужно учесть, что в образ своей страны и в образ великой страны как таковой вкладывается при этом существенно разное содержание.

Итак, великая страна — это, по мнению россиян, страна развитая, с высоким уровнем промышленности и благоденствия, общество социальной защищенности, гражданских прав и свобод. Совсем иные признаки подчеркиваются россиянами в образе своей страны как великой державы.

Обратим внимание на одно обстоятельство: судя по данным таблицы 15, в образе великой страны для россиян растет значение прежде всего таких составляющих, как обширная территория, богатые природные ресурсы, наличие ядерного оружия. Но именно эти характеристики (см. таблицу 16) и составляют для россиян патент на величие их страны. Что касается милитаристской компоненты в образе страны, то в умах практически половины населения по-прежнему сохраняется представление о России как СССР периода холодной войны. Модернизация по военизированному образцу, кажется, уже давно

Таблица 16

Выберите две-три позиции, по которым Россию в первую очередь следовало бы назвать великой державой (сумма ответов превышает 100%)

	<i>2001, N=1600</i>
Соблюдение прав и свобод граждан	1
Высокий уровень благосостояния граждан	1
Высокий культурный уровень населения	1
Высокое историческое предназначение России	5
Богатое культурное наследие	8
Особые таланты и величие духа народа	12
Великая история	14
Военная мощь, ядерное оружие	20
Огромная территория	23
Богатые природные ресурсы	28
Не считают Россию великой державой, затруднились ответить	60

и наглядно показавшая экономическую и социальную неэффективность не только ВПК, но и всего общества, построенного по его модели, тем не менее сохраняет для многих свою притягательность¹.

Таблица 17

Будут ли в мире уважать нашу страну, если, достигнув высокого уровня благосостояния граждан, она перестанет быть сильной военной державой? (2001, N=1600)²

Да, будут	51
Нет, не будут	46
Затруднились ответить	3

От «чужих» к «своим»

Как бы там ни было, сложившееся к середине 90-х гг. сдержанно отстраненное отношение к общественному устройству, культуре, образу жизни стран Запада сохраняется у большинства россиян — от более чем половины до двух третей, по разным вопросам (соответственно, доля их оппонентов, опять-таки по различным вопросам, составляет примерно от 20—25 до 34—38%).

Соответственно, в качестве реакции на подобное неразрешимое внутреннее напряжение, на собственный ценностный конфликт (*double bind*, в терминологии Г. Бейтсона и культурантропологов психоаналитической школы), стереотипизированный образ Запада, Европы стал подсознательно наполняться для россиян отрицательными значениями и коннотациями. Если известные преимущества в уровне и образе жизни, в нормализации формальных «отношений между государством и гражданином» российские респонденты готовы признать за Европой, то в неформальных, аффективных «отношениях между людьми» для них очевиден приоритет России (см. табл. 20; июль 2002, N=1600).

При этом люди в зарубежных странах, по мнению россиян, вообще заметно чаще интересуются происходящим в России, нежели россияне (но особенно — сам респондент) — происходящим за рубежом. Рос-

¹ О символическом значении армии и армейских образцов социального порядка, включая опять-таки фигуру вождя, для массового сознания см. статью «Модельные институты и символический порядок» в настоящем сборнике.

² Связь между «уважением» и «вооружением» метко выразил в свое время сатирик последних лет габсбургской империи и нарождающегося Третьего рейха Карл Краус: «Государственный строй могуч.// Невыносимо воняет сургуч.// Идет победоносное наступление.// поэтому эмиграция — преступление. // Все это ясно без лишних слов.// Тем более что за слова сажают.// Тем более что нас уважают.// Мы вооружены до зубов» (пер. Викт. Топорова).

Таблица 18

В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства? (2000, N=1600)

Это универсальный образец общественного устройства, который целиком подходит для российских условий	4
Это образец общественного устройства, который можно приспособить для российских условий	15
Не вполне подходит для российских условий, вряд ли может прижиться в России	30
Совершенно не подходит для российских условий, противоречит укладу жизни русского народа	37
Затрудняюсь ответить	13

Таблица 19

Насколько важно для России влиться в мировую культуру, воспринять образ жизни большинства развитых стран мира? (2000, N=1600)

Очень важно	14
Довольно важно	24
Не слишком важно	31
К этому вообще не нужно стремиться	20
Затрудняюсь ответить	11

Таблица 20

	<i>Отношения между гражданином и государством более нормальные, человеческие</i>	<i>Отношения между людьми более человеческие, добросердечные</i>
В Западной Европе	38	19
В США	20	11
В России	14	44
Затрудняюсь ответить	29	26

сия важнее для Европы и Запада, чем Европа и Запад для России и уж тем более — для каждого конкретного россиянина, как бы хотят подчеркнуть респонденты. По данным апрельского опроса ВЦИОМ в 2000 г. (N=1600), соотношение интересующихся и неинтересующихся выглядит в этих случаях как 48:36 (люди Запада интересуются/не интересуются Россией), 40:44 (люди в России интересуются/не инте-

Таблица 21

	<i>Большинство россиян относятся к странам Запада...</i>	<i>Большинство людей на Западе относятся к России...</i>
с уважением	34	8
с сочувствием	3	24
с тревогой	10	12
с презрением	3	21
со страхом	4	5
без особых чувств	35	19
затрудняюсь ответить	11	13

ресуются происходящим на Западе) и 37:61 (сам респондент интересуется/не интересуется происходящим на Западе).

Больше того, россияне, по их самооценке, относятся к странам Запада не только более спокойно и менее заинтересованно, но и, как они считают, заметно более уважительно. Россия же для людей Запада представляет собой, по мнению россиян (классическая логика «переноса»), объект куда более заинтересованных, эмоционально окрашенных, но и противоречивых переживаний, в которых, по мнению российских респондентов, переплетаются тревога, презрение и сочувствие (2000 г., N=1600).

Для изменения вектора прозападных (со всеми вышеприведенными оговорками) ориентаций российского населения показательны сдвиги в отношении россиян к образу США. В целом эти установки и их динамика подробно описаны в работах последнего времени¹, остановлюсь лишь на двух моментах, важных для моей непосредственной темы.

Во-первых, при общих позитивных оценках США, переставших для абсолютного большинства россиян быть «главным военным противником» их страны, в структуре подобных оценок сохраняется двуслойность. Главными характеристиками США в общественном мнении россиян выступают черты «богатой страны» и «сильной военной державы»: они собирают абсолютное большинство — по данным

¹ См. об этом: *Гудков Л.* Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2. С. 32–48; *Левада Ю.* Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября в общественном мнении России и мира // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5 (61). С. 7–18; Общественное мнение — 2002. М., 2002. С. 166–176.

2001 г., 61 и 51% опрошенных соответственно (военная мощь собственной страны выглядит в сознании жителей России, как мы только что видели, куда скромней). Вместе с тем, второй план коллективного образа США в общественном мнении России составляют уже отрицательные оценки: США, как считает очень значительная часть респондентов, «вмешиваются в дела других стран, навязывают им свои ценности и порядки» (51%), «стремятся прибрать к рукам все богатства в мире» (40%). Эта двуплановость явственно выступила в двойственных оценках событий 11 сентября 2001 г. в общественном мнении России. По одной линии оценивалось значение происшедшего для народа, «простых людей», по другой — для США как государства, для политического и военного руководства страны.

Во-вторых, за 90-е гг. изменилось соотношение «удельных весов» Европы и США в массовом российском образе Запада. В конце 1980-х гг. наиболее ценными для тогдашней России были достижения Японии, затем — США и других развитых западных стран. В 1991–1992 гг. — напомним данные, приводившиеся в таблице 1 — среди воображаемых коллективных ориентиров на первое место вышли США, которым, впрочем, лишь незначительно, на 2–3%, уступали в этом качестве Япония и страны Западной Европы. Сегодня россияне рекомендуют ориентироваться во внешней политике прежде всего на страны Западной Европы (по данным опроса 1600 человек в январе 2003 г., таково мнение 51%), на Украину, Белоруссию, другие страны СНГ (38%) и в заметно меньшей степени — на США (26%), к которым в этом смысле гораздо теснее, чем прежде, примыкают в массовом сознании россиян Япония (23%) и Китай (21%). Можно сказать, что «дальние другие» в коллективном воображении россиян так и остались далекими, если не стали еще дальше. Более близкими вновь оказались «свои».

СТАЛИН И ПРОЧИЕ ФИГУРЫ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В КОНСТРУКЦИИ «ПРОШЛОГО» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

К 55-летию победы над фашизмом 9 мая 2000 г. в Кремле была открыта мемориальная плита работы Зураба Церетели в честь героев Второй мировой войны. Список из 18 позиций начинался с фамилии Сталина (еще за год до этого она фигурировала исключительно на плакатах демонстрантов от КПРФ 7 ноября, в день официального праздника Октябрьской революции в СССР, и в выступлениях лидера коммунистов Г. Зюганова, который в 1999 г., в связи со 120-летней годовщиной со дня рождения генералиссимуса, назвал его «человеком, выигравшим войну» и «самым великим государственным деятелем в истории России XX века»). В том же 2000 г. были выпущены юбилейные медали в честь Потсдамской конференции 1945 г., на которых также был выбит портрет Сталина. В поздравительной речи к Дню победы в 2000 г. президент России В.В. Путин обратился к согражданам со словами «братья и сестры», которые памятливы старшим поколениям россиян по радиообращению Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. Наконец, комментируя по телевидению праздничные события того же дня в 2000 г., Никита Михалков высказал соображение о том, что было бы «справедливо» вернуть нынешнему Волгограду его прежнее имя — Сталинград¹.

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1(63). С. 13–25; № 2(64). С. 26–40. Здесь расширено и дополнено новыми данными и отсылками к новейшей литературе.

¹ Судя по опросу 2001 г. (N=1600), россияне на тот момент все-таки скорее не поддержали бы подобную идею. «За» нее высказались тогда 22% опрошенных, затруднились ответить 24%, высказались против — 54%. К январю 2003 г. доля не поддерживающих переименование практически не изменилась (52%), сократилось число неопределившихся (17%). Соответственно, доля полностью или до известной степени разделяющих идею переименовать Волгоград достигла 31%.

Прошли два года, и в ноябре 2002 г., в дни, когда на встрече с представителями высшего офицерского состава российской армии президент принял их предложение вернуть на красное военное знамя России пятиконечную звезду, вопрос о переименовании города подняли в Думе самого Волгограда. На рубеже XX и XXI веков символические попытки вернуть имя и фигуру Сталина в официальный пантеон героев России становятся все чаще, а уровень, на котором эти попытки предпринимаются, — все выше. Десять лет назад это было или казалось невероятным — и так думали не только активисты «Московской трибуны» или инициаторы общества «Мемориал». В это не поверили бы, да и действительно не верили тогда сами массовые респонденты. Отвечая в 1991 г. на вопрос «Кого из названных государственных, общественных, культурных деятелей России и СССР будут вспоминать через десятки лет?», меньше 1% из 2100 опрошенных отметили в предлагавшемся списке фамилию Сталина. Как же это стало реальным за десять минувших лет и что произошедшее значит? Как можно его понимать?

Фигура «вождя» и социально-политические перемены 1990-х годов

Во второй половине 1980-х, на период начала общенациональных социологических опросов в СССР, И.В. Сталин был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечной печати и других массмедиа самой массовой, острой и практически единодушной критике¹. В его символическом образе, как ни в одном другом, в формулах «культ Сталина», «сталинизм», «сталинщина», «сталинская система» для политологов, историков, правозащитников, журналистов, ставших влиятельными публичными фигурами, воплощались на тот момент все отрицательные, бесперспективные, разрушительные черты советского централизованно-иерархического, командно-принудительного, репрессивного устройства политической и экономической жизни, общества в целом. Предполагалось, что от этого страна будет теперь уходить, расставаясь, среди прочего, и со сторонниками «сталинского пути» как олицетворения всего советского, представленными в руководящих орга-

¹ Обзор и анализ тогдашней ситуации, ее динамику вместе с библиографией наиболее заметных публикаций того времени о Сталине и сталинизме см.: *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5 (особенно с. 41–45). Об эволюции и столкновении подходов в трактовке фигуры Сталина, его окружения, всей сталинской эпохи среди отечественных историков на протяжении 1987–1990 гг. см.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.

нах государства. Функция публичных апелляций к имени Сталина и к сталинской эпохе для этого периода определялась именно данным политическим и идеологическим противостоянием «старого» и «нового», «реформаторов» и «консерваторов» фактически в одном вопросе — вопросе о судьбе СССР как военизированной державы и «закрытого общества», изолированного от мира.

Тем самым в обобщенной фигуре Сталина для массового сознания соединялась на тот момент семантика предельно высокой значимости и вместе с тем предельно негативной оценки, заданной популярными политиками, авторитетными массмедиа. Резко выраженная и неустрашимая двусмысленность сталинского образа сохранилась и в дальнейшем. Можно предположить, что, среди прочего, данный момент в значительной степени составляет смысловой потенциал фигуры Сталина в сознании россиян и сегодня. В его двойственном образе наряду с прочим символически представлено раздвоение и двоемыслие, привычное для советского образа жизни, для наследующих ему россиян в целом, для слоя интеллигенции в частности. Но представлено это двоемыслие в данном случае так, что возвышается и демонизируется прессой, кино, телевидением, литературой до сверхъестественного сочетания несочетаемого¹.

Впрочем, подобное приращение сталинской фигуре исполинских масштабов и сверхъестественных черт было характерно уже для начальных этапов мифологизации вождя. Таков его образ как воплощенного «князя тьмы» в «Розе Мира» Даниила Андреева, следы подобной гиперболизации видны в «Оде» Мандельштама и т.д.; сегодня эти тенденции охотно стереотипизируются эпигонами — таков демонизированный вождь в мистическом романе Е. Вепрева «Сталина не знал никто» (1996), Сталин-антихрист в романе Н. Никонова «Стальные солдаты» (2000) и др. Циклопические усилия по «сакрализации» образа вождя, образчики которых дала и эпоха гласности («Тайный советник вождя» В. Успенского, 1989–1990; «Диктатор» А. Марченко, 1997; «Смерть титана», С. Есина, 2001, и др.), рано или поздно должны были вызвать его столь же символическое поругание — более раннее и сравнительно умеренное у Солженицына («В круге первом»), затем гротескно-сатирическое у Виктора Коркия («Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили») и Аксенова («Московская сага»), более позднее и беспардонно циническое у Владимира Сорокина («Голубое сало»). Двой-

¹ См. об этой теме: *Marsh R.J. Images of Dictatorship : Portraits of Stalin in Literature.* London; New York, 1989 ; *Idem. Literary Representations of Stalin and Stalinism as Demonic // Russian Literature and its Demons/ Davidson P., ed.* New York ; Oxford, 2000, p. 473–511; *Добренко Е. Сделать бы жизнь с кого? Образ вождя в советской литературе // Вопросы литературы.* 1990. № 9. С. 3–34.

ственность — ведущая черта сталинского образа в либерально-критических портретах вождя в неподцензурной литературе 1960–1980-х гг., романах «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, «На другой день» Александра Бека, «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, повестях Д. Гая «Телохранитель», Л. Лиходеева «Поле брани, на котором не было раненых» и др. Демоническая соблазнительность, опасная привлекательность этой двойственности для интеллигентского сознания была самокритично отмечена Андреем Синявским в автобиографическом романе «Спокойной ночи»; как болезненная, неподвластная сознательному контролю сосредоточенность на сталинской фигуре отразилась в автобиографии Александра Зиновьева «Русская судьба». Подобное не поддающееся рационализации смысловое сочленение, суггестивное семантическое образование, в свою очередь, выступает для авторов ходовых историко-патристических романов о прошлом, давнем и недавнем, и массы их читателей показателем некоей экстраординарной мощи, которая «по праву силы» как бы отменяет на неопределенное время («час Ч») сложившийся строй жизни, рутинные действия непопулярных и неавторитетных властей, писанный, но не исполняющийся ни властью, ни людьми закон и т.д.

Чем ниже, замечу для дальнейшего, уровень авторитетности каких бы то ни было публичных фигур в массовом сознании, чем уже и единообразнее круг признаваемых массой «лидеров» общественного мнения, тем выше индивидуальные и совокупные символические акции подобных обобщенных фигур двойной, позитивно-негативной самоидентификации населения. Помимо присоединения тех или иных отрицательных черт к самой центральной фигуре символического пантеона, они могут быть «отслоены» от нее и персонифицированы в отдельных образах-масках, которые соотносятся с главным героем или с дополняющими его персонажами, его позитивными дублерами. В обобщенных наборах массовых авторитетов прошлого (см. о них ниже) такими выступают для опрашиваемых социологами россиян, например, Наполеон — негативный дублер позитивно оцененных фигур отечественных полководцев Кутузова и Суворова, или Гитлер как своеобразный контражур для фигуры Георгия Жукова; последний, в свою очередь, фигурирует в массовом сознании на правах «ослабленного» позитивного дублера Сталина как военачальника, полководца. Позже такой контрпроекцией для массового образа Владимира Путина становятся теряющие самостоятельное значение фигуры Горбачева и Ельцина (отметим, что подобный демонический, «черный» компонент практически отсутствует в массовых представлениях, например, о Брежневе).

Стоит напомнить, что высокий семантический потенциал в его двойственности был, в частности, накоплен Сталиным как символи-

Таблица 1

**Назовите, на ваш взгляд, самого страшного
для истории России человека (1999, N=1600)¹**

И. Сталин	24
Б. Ельцин	15
В. Ленин	7
М. Горбачев	6
Л. Берия	5
.....	
Затруднились ответить	25

Таблица 2

**Кого из нижеследующего списка вы бы могли назвать
«злым гением» России XX века? (1999, N=1600)**

И. Сталин	21
Л. Берия	15
М. Горбачев	12
Б. Ельцин	10
В. Ленин	9
А. Чубайс	8
Б. Березовский	5
.....	
Затруднились ответить	11

ческой фигурой в 1960-х — начале 1970-х гг., когда имя и изображение вождя, после выноса его тела из мавзолея в 1961 г., были вытеснены из публичной жизни в негласную «серую зону». Именно в качестве запретных, но этим отчасти и притягательных, они со временем, по мере разложения режима, стали демонстративно культивироваться отдельными группками населения как на периферии страны (в Закавказье, особенно, конечно, в Грузии, где в семидесятые годы практиковались полуофициальные экскурсии по сталинским местам для туристов), так и в ее центре (появление любительски размноженных сталинских фото на ветровых стеклах грузовых автомобилей, торговля ими из-под полы в подмосковных электричках, просталинские аллюзии в стихах поэтов коммуно-державной ориентации — Феликса Чуева и др.).

¹ Здесь и далее во всех случаях, кроме специально оговоренных, данные общенациональных репрезентативных опросов ВЦИОМ приводятся в процентах от числа всех опрошенных в данном исследовании или в каждом указанном из серии аналогичных исследований.

К тому же 1965–1966 гг. — начальный этап укрепления и легитимации Брежнева в составе тогдашнего коллективного руководства — были отмечены полузамаскированными попытками «реабилитировать» Сталина со стороны определенных группировок на политическом верху¹. Отзвуки этого, слухи об этом просачивались в круги интеллигенции, доходили до «низов». Затем, уже в зрелые и поздние брежневские времена (конец 1970-х — начало 1980-х гг., особенно в связи со столетием Сталина в 1979 году) имя и образ вождя усилиями всей системы партийно-государственной пропаганды были постепенно не просто возвращены в печать, кино, учебники истории, но стали переозначиваться в сугубо позитивном плане. Фоном для подобных предприятий служила, с одной стороны, все более рутинизирующаяся пропаганда имени и фигуры Ленина, казалось терявшая сколько-нибудь широкую и содержательную поддержку населения², а с другой — начавшие с 1970–1971 гг. все шире тиражироваться вновь идеологемы «советского народа» и «советского человека» как неких особых исторических феноменов. При этом с фигурой Сталина, его стилем руководства, способностями «великого стратега» стала связываться индустриально-военная мощь советского государства и победа в Отечественной войне. Война же — в дополнение, а потом отчасти и «на смену» Октябрьской революции — как раз в этот период начала в СССР публично получать значение центрального события всей советской истории, вообще истории XX века³.

В первом опросе по программе «Советский человек» (1989, N=1250 россиян) фамилия Сталина замыкала первую десятку «выдающихся людей всех времен и народов», которые респонденты назвали по собственному выбору. Сталина причислили тогда к «выдающимся» 12% опрошенных; безоговорочно же первое место в сформированном таким образом списке отводилось Ленину — его без «подсказки» в анкете назвали 75%. При этом Сталина чаще других групп называли опрошенные самого старшего и наиболее молодого возраста, со сред-

¹ Один из косвенных следов этой борьбы — «утечка» на Запад как полицейской сводки, компрометирующей дореволюционное прошлое вождя, так и трех заключительных томов собрания сталинских сочинений, полностью подготовленных к печати, но не успевших выйти в СССР при жизни автора; в 1967 г. их издал Стэнфордский университет.

² См. об этом, например: *Van Goudeover A.P.* The Limits of Destalinisation in the Soviet Union. Political Rehabilitations in the Soviet Union since Stalin. London; Sidney, 1986; *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в советской России. СПб., 1997. С. 236–237.

³ См. об этом: *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа// Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 5. С. 12–19.

ним образованием и ниже. Еще один характерный для того времени нюанс: значимость фигур Сталина и Ленина в массовом сознании были на этот момент во многом противоположны. И чем чаще в названных или в каких-то других подгруппах опрошенных к «выдающимся» причисляли Сталина, тем реже, напротив, в этом качестве называли Ленина (эхо публицистики и искусства времен оттепели, чьи идеи и представления «шестидесятники» перенесли уже в перестроечную прессу и массмедиа). Таковы были на тот момент авторитеты прошлого. Первые же места в списках актуальных героев года на протяжении 1988-го — начала 1990-х гг. неизменно занимали фигуры вождей-реформаторов — сначала Горбачева, затем Ельцина.

С 1992—1993 гг. описанная символическая композиция начала меняться. События вокруг Фороса, распад СССР и уход Горбачева с политической авансцены; в спешке не понятые (да не объясненные толком), но остро воспринятые и тяжело пережитые массами первые негативные последствия гайдаровских реформ; резкий разрыв Ельцина с прореформаторскими фигурами в политике и экономике; последовавшая за ним самоизоляция президента и радикализация политического противостояния в «верхах»; усиление позиций «силовиков» во власти (армия и секретные службы — наименее реформируемые и наименее реформировавшиеся части унаследованной от прошлого советской системы); затем расстрел Белого дома по ельцинскому приказу и т.д., — все это самым отрицательным образом повлияло на сим-

Таблица 3

Как бы вы оценили роль Сталина в мировой истории? (1994, N=3000)

В целом положительная	28
Незначительная	5
В целом отрицательная	47
Затруднились ответить	20

Таблица 4

Кого из названных ниже людей вы считаете самым выдающимся политическим/общественным деятелем за всю историю России после 1917 года? (1998, N=1600)

Ленин	21
Сталин	15
Сахаров	11
Андропов	8
Брежнев	5
.....	
Затруднились ответить	12

волическую значимость образов реформаторов, всех идей и символов реформ в массовом сознании россиян. Фигура Сталина, вместе с риторикой «стабильности и порядка», а также с образом брежневской эпохи, которая — по контрасту с «хаосом» и «беспределом» окружающей жизни — стала все чаще вспоминаться большинством российского населения с ностальгией, начали, напротив, набирать положительный потенциал массовых оценок.

Условно назовем этот первый аспект оценок (переоценок) сталинского образа в России середины и второй половины 1990-х гг. «делиберализацией» общественного сознания — «освобождением» от сравнительно внешних и, как оказалось, весьма нестойких новых представлений об обществе и человеке, от элементов реформаторской риторики, которую несколько лет вносили в него средства массовой информации, сами первые лица страны, тогдашние лидеры общественного мнения. Есть и другой аспект. Он связан с укрепляющимися параллельно настроениями изоляционизма, «неотрадиционализацией» массового сознания¹. Эти настроения во многом выразили первичную, шоковую реакцию большинства на распад СССР и были многократно усилены воздействием первых экономических сдвигов и тех перемен на политическом верху, в массмедиа, о которых говорилось выше. По крайней мере, новые акценты в массовых оценках россиянами обобщенного образа «Запада», «западной культуры» появились уже к концу 1992 г.

Напомним, что для общественного мнения и средств массовой коммуникации в России на рубеже 1980–1990-х гг. была характерна весьма высокая оценка западного общества (прежде всего Японии и США), его экономики и политических установлений, образа жизни в целом. Негативным фоном для нее служила быстро распространившаяся в конце 80-х крайне низкая оценка экономических и политических институций СССР, всего советского опыта. В 1989 г. такую отрицательную оценку всего советского поддерживали порядка 40% населения, еще примерно столько же, даже чуть больше, затруднялись с ответом². В конце 1991 г. 60% из 6600 опрошенных оценили западный образ жизни положительно (11% — отрицательно, 28% затруднились с ответом). Эта тенденция ощущалась еще в 1992 г., хотя показатели позитивных ориентаций на страны Запада начали снижаться. Напротив, стала быстро расти доля колеблющихся в оценках Запада, западной экономической помощи России, влияния западной культуры и доля затрудняющихся с ответом на подобные вопросы. В октябре 1992 г. (N=1500) уже 52% опрошенных оговорились, что «страна должна быть открыта для

¹ Об этом процессе и его механизмах см.: *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм // *Экономические и социальные перемены...*, 1997. № 2. С. 25–33.

² См.: *Есть мнение! Итоги социологического опроса.* М., 1990. С. 284.

западной культуры, но так, чтобы не пошатнулись русские устои», а четверть высказала резкую, полностью отрицательную оценку культуры Запада как «неприемлемой, чуждой для нас». Поддерживающие идею свободного обмена культур остались в меньшинстве (13%).

К 1994, а особенно — к 1995 г. композиция оценок россиянами «западного» и «своего» резко изменилась¹. На этот процесс повлияли многие факторы, начиная с развязывания силовиками чеченской войны, которая в первое время была весьма позитивно оценена большинством российского населения, напуганного непонятными террористическими эксцессами. Пробуксовка последовательного реформирования социальной системы, а затем фактический отказ от них и направленное торможение экономической, социальной, культурной дифференциации общества, усложнения его структур, с одной стороны, и ослабление независимости различных институтов, инициативных групп, с другой, повлекло за собою расширение поля действия интегративных символов и церемоний причастности «всех» к коллективному целому воображаемой единой державы. Область «общего» как «высокого» и не имеющего отношения к повседневной реальности в подобных условиях общественной стагнации, которые отнюдь не уникальны для мировой истории и не раз повторялись даже в истории России, задается и принимается массой как предельное по масштабам национально-державное «мы». В коллективном сознании, в образе

¹ Подробнее обо всем этом процессе перемен в массовых оценках «Запада» см.: *Дубин Б.* Зеркало и рамка: национально-политические мифы в коллективном воображении сегодняшней России // *Знание — сила*, 1999. № 9/10. С. 51–58; он же. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // *Мониторинг общественного мнения...* 2000. № 6 (50). С. 25–35, а также статью «Запад для внутреннего употребления» в настоящем сборнике. Напомню, что во многом похожий перелом, сопровождавшийся ростом шовинизма и ксенофобии, наблюдался в советском обществе и его идейной, политической верхушке на переходе от 1920-х к середине 1930-х гг. Достаточно сравнить пред- и пореволюционные оценки российской политической, экономической, цивилизационной отсталости и западной развитости, например, у Ленина, Луначарского или Горького со сталинскими оценками русского народа как самого советского, самого революционного во второй половине 30-х, давшими новое начало пропагандистской идеологии превосходства России и СССР над Западом. Разгром еще недавно ведущей, а теперь «вредительской» исторической школы М. Покровского во второй половине 30-х силами М. Нечкиной и других разворачивался, среди прочего, по этой линии — его соратников и учеников били за недооценку роли русского народа и государства, за пропаганду контрреволюционных и буржуазных идей. См. об этом: *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества. (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // *Отечественная история*, 1996. № 1. С. 104–120.

мира, транслируемом через массмедиа, это «мы» противопоставлено столь же предельному «они», под которым понимаются любые чужаки – этнические, расовые, политические, цивилизационные.

Так, на правах «ближайших» или даже «внутренних» чужаков в массовых установках и оценках начали фигурировать «лица кавказского происхождения», иммигранты, а в качестве чужаков «дальних» – страны Запада, прежде всего США. В сентябре 1996 г. (N=2400) уже 20% опрошенных россиян ответили, что их соотечественникам стоит ориентироваться сегодня на советский образ жизни, 47% – что на «традиционный русский» и лишь 11% – на западный (22% затруднились с ответом). В следующем, 1997 году из 1600 респондентов, отвечавших на вопрос о том, кем по отношению к России выступают сегодня крупнейшие западные страны (США, Германия, Великобритания, Япония и другие), 28% назвали их «партнерами России, имеющими с ней общие интересы», а 51% – «противниками России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» (21% затруднились с ответом). В коллективном сознании россиян второй половины 90-х начал – не без поддержки массмедиа – стал регенерироваться образ «врага», стало возвращаться чувство «осажденной крепости», еще недавно казавшееся навсегда ушедшим¹.

Стоит вместе с тем подчеркнуть, что интегративная сила персонализированных авторитетов, фигур государственно-политического ру-

Таблица 5

Согласны ли вы с тем, что западная культура оказывает отрицательное влияние на положение дел в России?

	1996, N=1700	1997, N=1700	1998, N=1600	1999, N=1700	2002, N=1600	2006, N=1600
Полностью согласен	24	31	36	29	39	33
Скорее согласен	24	22	25	22	28	30
Скорее не согласен	24	22	22	23	22	25
Целиком не согласен	12	13	11	13	6	7
Затрудняюсь ответить	16	12	6	13	5	5

¹ См. об этом: Образ врага. М., 2005, и прежде всего в открывающей сборник общей статье Л. Гудкова, а также в статьях А. Левинсона и Г. Зверевой о коллективных образах кавказцев и чеченцев.

ководства страны начала в массовом сознании россиян как раз с этого времени заметно снижаться. Значение любого отдельного имени, даже самого признанного, становилось, как видно по приведенным выше данным 1998 г., все ниже и ниже. Символическое целое российского социума и общественного мнения, в значительной мере сплоченных мобилизационными усилиями прореформаторской власти и солидарных с ней в этом масс-медиа на рубеже 1990-х годов, начало теперь слабеть, крошиться, распадаться.

Примерно одинаковый и сравнительно невысокий уровень согласия относительно ведущих фигур символического пантеона российской власти сохранялся несколько лет — до появления на политической авансцене фигуры В. Путина. С тех пор в структуре массового сознания стала быстро складываться и вскоре установилась иная констелляция символических авторитетов. Однако при этом над прежним низким уровнем значимости не возник другой, новый, выше его (как было бы при укреплении на общественной сцене новых авторитетных групп или формировании новых институциональных структур в социальной системе общества). Произошло совсем иное: наметилась единственная точка апогея — «полюс» или «фокус» практически всеобщего согласия. Предельно высокий уровень доверия и поддержки фигуре Путина в абсолютном большинстве групп российского населения сопровождался и продолжает поныне сопровождаться сравнительно и даже крайне низкой оценкой *всех остальных* политических деятелей России и институтов российского общества, за исключением нескольких, наиболее «традиционных» и модельных для него — армия, ФСБ, РПЦ¹.

Однако и никаких других хоть сколько-нибудь известных, признанных, влиятельных сил и фигур, кроме чиновных представителей исполнительной и, в меньшей мере, законодательной власти, в сознании всех групп россиян на нынешний день нет. Поэтому самой большой в количественном отношении группой среди респондентов (если

Таблица 6

Самый выдающийся политик XX века? (1998, N=1600)

И. Сталин	11
В. Ленин	9
М. Тэтчер	5
М. Горбачев	5
.....	
Затруднились ответить	34

¹ См. об этом статью «Модельные институты и символический порядок» в настоящем сборнике.

Таблица 7

С какими из следующих мнений о Сталине Вы бы скорее согласились?

	1998, N=1600	1999, N=1600	2003, N=1600	2005, N=1600
Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	16	20	20	21
Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	27	32	27	29
Какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное — что под его руководством народ вышел победителем в Отечественной войне	31	32	36	32
Политика Сталина привела к тому, что страна оказалась неподготовленной к войне в 1941 году	14	18	18	18
Сталин продолжил дело, которое начато было Лениным и другими революционерами-большевиками	6	6	5	8
Сталин искажил идеи Ленина, создал строй, далекий от идеалов подлинного социализма	10	8	8	9
Только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в тех условиях острой классовой борьбы и внешней угрозы	15	20	20	22
Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа как Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок	12	18	16	15
Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства	4	5	6	4
Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях	27	30	27	34
Затрудняюсь ответить	10	8	6	5

Выберите из настоящего списка фамилии пяти-шести общественных и политических деятелей, которые оказали наибольшее влияние на историю мира в XX веке (1999, N=1600)

В. Ленин	65
И. Сталин	51
А. Гитлер	51
М. Горбачев	42
Б. Ельцин	16
Н. Хрущев	14
Мао Цзедун	13
У. Черчилль	11
Дж.Кеннеди	10
М.Тэтчер	10
Ф.Кастро	10
.....	
Затруднились ответить	12

речь идет об «открытых» вопросах по поводу влиятельных политических лидеров или популярных фигур сегодняшней России и интервьюеры не предлагают опрашиваемым подсказок, заранее сформулированных социологами) устойчиво выступают теперь «затруднившиеся с ответом». Сцена воображаемого театра символических авторитетов сегодняшнего россиянина, можно сказать, обезлюдела.

Соответственно, в оценках россиян второй половины и конца 1990-х гг. уже преобладают положительные оценки фигуры Сталина как руководителя страны. Генералиссимус входит теперь в круг наиболее значимых фигур не только новейшей отечественной, но и мировой истории всех времен. Прежнее негативное отношение и акцентированная двойственность его образа в той мере, в какой они усвоены массовым сознанием и стали для него привычными, фоновыми, переозначиваются. Они относятся теперь исключительно к «личным качествам» Сталина, а они в сознании респондентов отделяются и даже противостоят его качествам национально-государственного лидера. Больше того, респонденты наделяют отрицательные оценки фигуры Сталина значениями всего лишь своих собственных индивидуальных симпатий и антипатий.

Характерно, что именно Сталин — та фигура, чей потенциал символического авторитета в сознании россиян за 1990-е гг. самым серьезным образом изменился. Доля людей, причисляющих его к мировому пантеону великих, выросла втрое (рост авторитетности, например, Пушкина и Гагарина заметно ниже). Показатели значимости остальных фигур либо остались практически прежними (как у фельдмаршала Суворова), либо снизились, как у Циолковского. А.Д.Сахаров во-

Таблица 9

Назовите десять наиболее выдающихся людей всех времен и народов (опросы по программе «Советский человек»; данные по затруднившимся с ответом не приводятся; можно было указать несколько позиций, поэтому сумма ответов превышает 100%)

<i>1989, N=1250</i>		<i>1994, N=3000</i>		<i>1999, N=2000</i>	
Ленин	75	Петр I	41	Петр I	45
Петр I	41	Ленин	34	Ленин	43
Пушкин	27	Пушкин	23	Пушкин	42
Ломоносов	22	Сталин	20	Сталин	35
Суворов	18	Суворов	18	Гагарин	26
Г. Жуков	18	Наполеон	14	Г. Жуков	20
Л. Толстой	15	Г. Жуков	14	Наполеон	18
Менделеев	14	А. Сахаров	13	Суворов	18
Циолковский	14	Ломоносов	13	Ломоносов	18
Сталин	12	М. Кутузов	11	Менделеев Л. Толстой	12

Таблица 10

Как бы вы оценили...

(2000, N=1600, данные по затруднившимся с ответом не приводятся)

	<i>лидерские качества Сталина, его способность руководить страной</i>	<i>личные качества Сталина</i>
Низко*	11	29
Средне	18	26
Высоко*	60	29

*Суммированы ответы «ниже среднего» и «очень низко», «выше среднего» и «очень высоко».

шел в общий пантеон на волне своей посмертной легенды, которая питалась у части общества чувством вины за недооценку и слабую поддержку сахаровских инициатив, самой его независимой позиции при жизни ученого и правозащитника¹. Но за отсутствием социальных

¹ См. материалы специального всесоюзного опроса ВЦИОМ в марте 1991 г.: Человек и легенда. Образ А.Д. Сахарова в общественном мнении. М., 1991.

**Какой из перечисленных ниже периодов отечественной истории XX века, по вашему мнению, принес стране, народу больше хорошего, а какой — больше плохого?
(Без указания затруднившихся с ответом)**

<i>Периоды принесли больше...</i>	<i>1994, N=3000</i>		<i>1999, N=2000</i>		<i>2003, N=2000</i>	
	<i>хорошего</i>	<i>плохого</i>	<i>хорошего</i>	<i>плохого</i>	<i>хорошего</i>	<i>плохого</i>
Время революции	27	38	28	36	28	39
Время Сталина	18	57	26	48	29	47
Время Хрущева	33	14	30	14	28	25
Время Брежнева	36	16	51	10	47	15
Время Горбачева	16	47	9	61	14	60
Время Ельцина	—	—	5	72	10	63

и культурных механизмов поддержки подобной памяти, при эрозии и распаде слоя интеллигенции, после утраты фигурами и символами общественных реформ позитивной окраски в общественном сознании, и легенда, и вина потеряли значимость, а имя Сахарова выпало из области наиболее авторитетных для населения России.

Сравнительно более позитивно оценивается к концу девяностых годов не только фигура Сталина, но и вся сталинская эпоха. Однако еще выше, параллельно с этим, оценивается россиянами эпоха брежневская. При этом сам Л.И. Брежнев и как личность, и как политический лидер котируется как раз не очень высоко. Другое дело — шеф КГБ в 1967—1982 гг., в ту же брежневскую эпоху, борец с диссидентами, а затем с прогульщиками и несунами, еще позже сменивший Брежнева на посту генсека ЦК КПСС Юрий Андропов¹.

Затем, по мере роста державно-патриотических настроений, симпатий к «твердой руке» Сталин как политический и государственный лидер выходит для значительной части россиян даже на первое место. Он вплотную «приближается» к Ленину, а по данным некоторых опросов и «обгоняет» его; к ним двоим характерным образом «примыкает» опять-таки Андропов.

¹ Согласно данным опроса 1991 г., упоминавшегося в начале статьи, среди людей, о которых будут говорить спустя десятилетия, россияне особенно выделили именно Андропова. Его фамилию в данном контексте — причем без подсказки социологов — назвали 32% россиян. Следующий за ним М. Булгаков получил 15% голосов, В. Ленин — 11%, М. Горбачев — 9%, Б. Ельцин — 7%, А. Сахаров — 6%.

Таблица 12

Кого из политиков, которые возглавляли наше государство в XX веке, вы бы назвали самым выдающимся? (2000, N=1600)

И. Сталин	19
В. Ленин	16
Ю. Андропов	11
Николай II	9
Л. Брежнев	9
М. Горбачев	7
Б. Ельцин	4
Н. Хрущев	3
.....	
Затруднились ответить	21

Таблица 13

Если говорить о великих людях всех стран и народов за последнюю тысячу лет, кого бы вы назвали самым великим политиком, государственным деятелем? (2000, N=1600)

Никого	17
И. Сталин	14
В. Ленин	13
...	
Затруднились ответить	24

Таблица 14

Можете ли вы назвать человека, который является для вас «моральным авторитетом», на которого вы хотели бы походить, по которому хотели бы сверять свои поступки? (2001, N=1600)

Затруднились с ответом	46
Нет таких людей	15

(в % к назвавшим ту или иную фамилию)

.....	
А. Сахаров	3
В. Ленин	5
И. Сталин	5
В. Путин	6
Петр I	7

Уровень «моральной авторитетности» фигуры Сталина — при крайней, как уже отмечалось, узости набора, если вообще не отсутствии каких бы то ни было общезначимых моральных образцов для нынешних россиян — сегодня высший из возможных. Он близок к путинскому (правда, по стилю руководства россияне чаще всего сближа-

Таблица 15

Как вы относитесь к Сталину?

	<i>1994, N=1800</i>	<i>2001, N=1600</i>
С положительными чувствами (восхищение, уважение, симпатия)	26	39
Безразлично	25	12
С отрицательными чувствами (неприязнь, страх, ненависть)	45	43
Затруднились ответить	4	5

Таблица 16

**Как вы считаете, какую роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?
(март 2003, N=1600)**

В целом положительную	53
В целом отрицательную	33
Затруднились ответить	14

ют Путина в первую очередь с Андроповым и лишь в меньшей мере — со Сталиным). Те, кто к середине девяностых годов еще относились к фигуре Сталина, по их признанию, с безразличием, с тех пор заметно определились в своих симпатиях. Так что сегодня баланс положительных и отрицательных чувств, которые вызывает у населения Сталин, выглядит как 1:1.

К 2003 г. положительная часть в балансе коллективных оценок сталинской исторической роли стала у россиян преобладающей.

Устройство социума и функция «вождя»

Для российского, а затем советского общества, для идеологии традиционалистской, или традиционализирующей, модернизации в России определяющими являются критерии коллективной принадлежности, формы нормативной идентификации с социетальным целым, с интегративным «мы». Осью структуризации подобного уравнительного целого выступает вертикаль простейшего иерархического контроля, возглавляемого внеконкурентной фигурой вождя. Иными словами, структура социума в России Нового времени, а затем в советской России фиксирует принципиальный разрыв между горизонтальным и вертикальным измерениями — массой и властью. Модернизацию по-русски можно в данном плане назвать институционализацией несостоятельности.

Она подразумевает отстранение, подавление, а то и прямое устранение «первых», даже кандидатов в первые — наиболее инициативные, успешные — и, напротив, поддержку и даже возвеличивание «скромных», «незаметных», «простых» людей (Сталин в конце 30-х прославлял их как «средняков»¹). Соответственно, образцовые, парадигмальные формы организации, модельные институты в подобных условиях — по своей конструкции и механизмам властно-иерархические.

Базовым, ведущим среди них выступает армия². Причем в трех смысловых планах, актуальных для массового респондента. Это армия как воплощенная слава страны, олицетворение ее героических побед, могущества СССР, иными словами, как несущая деталь национально-исторической легенды о великой, мощной и непобедимой державе; армия как простейший вид социальной организации, который соединяет в себе известные, близкие всем и каждому значения равенства, единства равных в их подвластности началам столь же простой, а потому понятной иерархии властных полномочий; наконец, армия как воплощение образцового порядка повседневного существования с его однозначной четкостью ролей и беспрекословным подчинением дисциплине, сравнительной гарантированностью и устроенностью быта — как модель всеобщего образа жизни³.

Исследователи новой и значительно более молодой советской номенклатуры 1930-х гг. не раз отмечали характерную для нее «закрытость» сознания, отражающую закрытый характер самого советского общества. Так, руководители разных уровней не знали иностранных языков, никогда не бывали за границей. Они крайне напряженно — таков, например, случай В. Молотова — воспринимали необходи-

¹ Речь на закрытой встрече 8 ноября 1937 г. с членами Политбюро и еще рядом лиц, среди которых был Георгий Димитров, в одной из реплик поставивший Сталина рядом с Лениным. На это Сталин призвал выпить «за середняка» и добавил: «Умейте видеть и ценить середняков офицерского состава». Цит. по: *Такер Р.* Сталин у власти. История и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 440. Тогда же он в характерном самоуничижительном тоне объяснил причины успехов — собственных и своих сотоварищей по поколению, таких же «замухрышек»: «... вот что решало, боязнь провалиться, и мы вышли в лидеры» (Там же).

² Виктор Заславский говорит в этой связи о «военно-индустриальном обществе» и «милитаристской модернизации». См.: *Заславский В.* Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения..., 2002. № 1, особенно с. 49—52 и указанные там работы автора и других исследователей.

³ Исторический материал о милитаризации повседневной жизни и массового сознания в пореволюционные десятилетия см.: *Pethybridge R.* The Social Prelude to Stalinism. N.Y., 1974, p.73—131. В более общем социологическом плане проблема образцово истолкована в: *Zanep M.* Диффузная воинственность в России // Неприкосновенный запас. 1999. № 1. С. 10—21.

мость даже в официальной обстановке общаться с представителями других государств и культур. В их представлениях, в публичной риторике характерным образом господствовали конфронтационные, защитно-наступательные стереотипы. С другой стороны, они всячески отстаивали идею необходимости и эффективности военизированной организации страны, военной дисциплины на производстве, в политической системе, в общественной жизни. Кроме того, стоит учесть, что значительная доля (до четверти) руководителей и пропагандистов нового поколения получили военное образование¹.

Поскольку дифференциация подобной системы выступает в простейшей форме вертикальной властной иерархии, то ведущее место в ней принадлежит не прагматичным деятелям-специалистам, экспертам в своей области, не сравнительно квалифицированным и соответственно сертифицированным, эффективно работающим чиновникам и не публичным лидерам, вышедшим из кругов элиты, политических клубов, рядов различных партий и т.п., а персонализированному символу единой мощи. Точнее говоря, фигура «вождя» здесь даже не столько продолжает и завершает собою инструментально-исполнительскую иерархию, не просто суммирует в себе реальную власть, сколько воображаемо господствует над самой иерархической лестницей. Она пребывает как бы вне ее, над государством и над обществом².

Признаками упорядоченности для сознания советских людей и наследующих им в данном отношении россиян будут обладать именно такие организации, структуры такого типа (советский коллектив как форма социального заложничества и «самоконвоирования» представляет собой использование механизмов контроля в закрытом традиционном сообществе для нужд бюрократической власти и воспроизводит то же принципиальное, горизонтально-вертикальное устройство всего целого на более низких уровнях системы³). Они сегодня выступают для большинства населения, особенно его старших групп, воплощением порядка, метафорой общества как такового. Но они же —

¹ См. об этом: *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление и механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

² См.: *Davies S.* The «Cult of the Vozhd»: Representations in Letters, 1934–1941// *Russian History*, 1997, vol. 24, N1–2 (spring-summer), p.131–147; *Idem.* The Leader Cult// *Idem.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997, p. 147–182.

³ Такого рода институции, в том числе — род и семья, не противостоят иерархической власти (как бы это было возможно в тоталитарном государстве?), а в определенной степени — как экономические и социальные механизмы — допускаются ею. Но в еще большей мере они ею используются. См.: *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 66–96.*

мера оценки социального отклонения, «беспорядка», «хаоса», «бардака» в массовых мнениях. Через соотнесение с ними, но уже исключительно негативным образом, от противного, в массовое сознание входят значения устроенности и стабильности. Отсюда — высокая согласованная оценка силы, ее понятность и приемлемость для большинства, фактическое принятие ее массой населения как базового феномена общественной жизни и решающего аргумента в социальном взаимодействии («чтобы боялись»). Отсюда же — всегдашний символический престиж силовых структур, но не их реальная власть. Например, не инструментальная эффективность армии — напротив, высокую символическую оценку населением силовые структуры сохраняют даже в отсутствие подобной эффективности.

Одномерная «простота» устройства социального целого и предопределяет функциональную потребность низших уровней иерархии, всего подопечного населения в фигуре сверхвласти — в образе вождя. Тоталитарное общество, которое соединяет в себе «внутренний» изоляционизм, «внешнюю» экспансию и одномерную иерархию господства-подчинения, увенчанную символической фигурой сверхполномочного и сверхвластного вождя, не может быть организовано иначе, как по принципу территориально-ведомственного деления власти с дальнейшим «клеточным» умножением уровней и участков контроля уже внутри каждого ведомства и территории (некоторые исследователи говорят при этом о «диффузном авторитаризме»¹). Подобное умножение инстанций контроля, понятно, не в силах сделать его более эффективным. Но оно делает гораздо более ощутимым присутствие контролирующих фигур и многократно усиливает символическую значимость «вождя», этой воплощенной управы на любую реальную власть. Сверхвласть (то есть произвол — от прямого насилия до телефонного права) — это такая же необходимая составляющая всей громоздкой и неэффективной советской системы управления и контроля, как демпфирующая *корпоративная солидарность* на низовых уровнях номенклатурных ведомств и как дополнительная по отношению к внешним давлениям и ограничениям, защитная, *адаптивная привычка* на уровне неформальных связей семьи и родства, соседства и знакомства, на уровне индивидуального выживания.

Государство, власть воспринимаются массовым сознанием прежде всего как инстанции контроля, источник негативных санкций за потенциальное или реальное нарушение индивидом любой нормы из

¹ См., например: *Аксютин Ю.В., Журавлев В.В.* От Сталина к Брежневу. Авторитарно-бюрократическая система: генезис, эволюция, механизмы функционирования // *Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики.* М., 2002. С. 325.

**Должно ли государство контролировать положение вещей
в следующих областях? (2001 г., N=1600, позиции ранжированы
по убыванию позитивных ответов, данные по затруднившимся
не приводятся)**

	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
Цены на жилищно-коммунальные услуги, электричество, газ	96	2
Цены на основные продукты питания	93	5
Деятельность основных отраслей промышленности, крупные предприятия	91	5
Учебно-воспитательный процесс в вузах и школах	88	9
Общественную мораль	79	14
Предпринимательскую деятельность граждан	73	21
Крупные расходы граждан	67	28
Работу телевидения	63	32
Деятельность прессы	58	36
Зарубежные контакты граждан	51	40

свода ведомственных правил, писанных и неписанных. Привычка на каждом шагу встречать представителей подобного контроля и быть окруженным всякого рода инструкциями, привычка к внешнему надзору и гиперопеке — значимая часть социального опыта каждого советского, а во многом и сегодняшнего российского человека. Она сохраняется и воспроизводится в окружающей его жизни, в его собственном сознании. В качестве одного из свидетельств приведем данные из недавних опросов общественного мнения¹. См. материалы, представленные в табл. 17–19.

Отметим, что на протяжении 1990-х гг. более строгого уравнительного контроля государства за ростом доходов населения стали требовать даже наиболее молодые, работоспособные россияне — группы, казалось бы, с повышенной социальной активностью, явными видами на профессиональную карьеру, статусный подъем.

Как известно, так называемые «развитые» общества исторически складывались, осознавались, поддерживались и пропагандировались

¹ Подробнее см.: *Общественный договор: Социологическое исследование* / Под ред. Д. Драгунского. М., 2001, а также: *Гудков Л., Дубин Б.* «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // *Мониторинг общественного мнения...* 2002. № 3 (59). С. 24–39.

Таблица 18

Должно ли государство напрямую ограничивать рост частных доходов, и если да, то в каких пределах? (В % ко всем опрошенным и к молодежной подгруппе в каждом исследовании)

	1991 г.		2000 г.	
	<i>Молодежь до 24 лет</i>	<i>В среднем по выборке</i>	<i>Молодежь до 24 лет</i>	<i>В среднем по выборке</i>
Вообще не должно ставить ограничений	53	45	50	38
Должно ограничивать доходы, чтобы разница была не более чем в 3–4 раза	7	11	31	32
Должно ограничивать только в той мере, чтобы у нас не было «миллионеров»	10	19	16	20
Затруднились ответить	29	25	3	10

их ведущими группами и слоями в качестве «современных» (модерных) именно по мере того, как экономические и политические институты, основополагающие для самого существования подобных обществ, для уровня и образа жизни, образа мысли основной массы их граждан, освобождались от функций социального и морального контроля. Эти функции переходили к правовой и судебной системам, к публичной сфере, общественному мнению, средствам массовой коммуникации. Соответственно менялся и сам характер подобного контроля, все большую часть которого со временем стали составлять универсальные нормы ценностной регуляции, принципы формального права.

Напротив, системы советского типа характеризуются экспансией персонализированного государственного контроля и прямого репрес-

Таблица 19

Сможет ли большинство людей в нашей стране прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?

	1990, N=1650	1997, N=1600
Да	20	17
Нет	63	72
Затрудняюсь ответить	17	11

сивного воздействия на большинство сфер социальной жизни, а в пределе — на все общество, на каждого его члена. При этом гиперконтроль «сверху» порождает, при всем недовольном брюзжании населения на власть, массовое встречное ожидание гиперопеки «снизу».

Установка индивида на опеку сверху, равно как его же расчет на использование ресурсов контролирующего государства или ведомства в собственных целях вместе с ожиданием негативных санкций за это, входит в конструкцию «привычки» — основного устройства регуляции повседневного, адаптивного по своему характеру поведения людей в обществах описываемого типа¹. Воспроизводимые в массовом масштабе, такие социальные установки, сам подобный тип социальности (социальная инертность, пассивная адаптация, понижающая уровень жизни, самооценок и запросов; тактика избегания «другого» как нежелательного, раздражительная зависть и предупредительная агрессивность по отношению к окружающим, если индивид от них не зависит или они не в силах ответить ему превосходящей агрессией) дисфункциональны. С течением времени, через одно-два поколения, они приводят к разложению общества на горизонтальном уровне.

Но точно так же дисфункциональна и установка власти на чрезвычайные меры в экстраординарных ситуациях (ситуации при этом создаются, доводятся до края или определяются, обозначаются как крайние). Если, к примеру, как все чаще утверждали российские респонденты во второй половине 1990-х гг., всё вокруг «прогнило», все институты общества и государства «коррупционированы», то необходимо экстренное вмешательство самых высоких инстанций и надеяться можно только на «чудесного спасителя». Подчеркнем, что в подобных случаях имеется в виду не инструментальное вмешательство специалиста, ограниченного квалификацией и полномочиями, в рамках которых он и берет на себя персональную ответственность. Речь идет о навязанном всем альтернативном определении ситуации как таковой и, стало быть, о радикальной смене для участников критериев их принадлежности, самопонимания, норм поведения. С индивида здесь снимаются все метки частного. Он полностью определяется как принадлежащий целому. Подобный «новый» порядок выстроен как предельно упрощенный, он держится на элементарных и понятных всем оппозициях: «мы—они», «черное—белое», «соратник—враг». Соответственно, определенная в таких терминах ситуация предстает предрешенной и безальтернативной: действовать в ней можно только так, а не иначе. И либо каждый отдельный человек подчинится диктуемому ему особым правилам для всех, либо окажется вне целого, будет от него отлучен.

¹ Более подробные соображения об этом механизме см. в нашей статье: О привычном и чрезвычайном// Неприкосновенный запас. 2000. № 5(13). С. 4—10.

«Чрезвычайность» и есть такой способ определить ситуацию действия, который однозначно задает характер и границы социального целого, жестко предписывает всем участникам без исключения элементарные роли и требует от них беспрекословного подчинения и исполнения. Беда, однако, в том, что экстренная ситуация по определению исключительна. А потому сложившийся в ее рамках «порядок» (даже если он и вправду сложился, чего в отечественных условиях, как правило, не бывает, и введение чрезвычайного положения лишь многократно увеличивает неразбериху, размывает критерии персональной и даже ведомственной ответственности) не поддается репродукции. Чрезвычайность может фигурировать как нормативный горизонт действия, его страховочный предел («красная черта»). Но она не образует системы и, значит, невоспроизводима. Расчет на подобные спецсредства — тем более на регулярное, а впоследствии все более частое их использование вне каких бы то ни было экстренных случаев, в качестве повседневной практики управления — так же разрушает социальную систему «сверху», как привычка и двоемыслие — «снизу».

Скучность и простота исключительно горизонтальных связей в социуме, как уже говорилось, влекут за собой функциональную необходимость единоличного вождя, «железной руки». Но эксплуатация чрезвычайности и произвола делает общество еще более упрощенным и плоским (не говорим сейчас о человеческих потерях и социальной цене каждого последующего эксперимента, каждого спазма экстренной мобилизации, сверхконцентрации сил, ресурсов и т.п.). Человек привычки, общество привычных людей, привыкших привыкать и живущих, выживающих силой привычки, в конце концов привыкает и к чрезвычайности. Так что ни малейшего позитивного эффекта, если говорить о сколько-нибудь протяженной временной перспективе, подобные меры не дают. Решить какие бы то ни было серьезные, современные задачи подобная власть и подобное общество, конечно, не в состоянии.

Мифологизация прошлого, синдром «особого пути» и фигура вождя

По данным ряда международных сравнительных исследований, в которых участвовал ВЦИОМ, показатели приверженности россиян к национальному целому (сознание себя россиянином) высоки. В то же время их гордость за свою страну очень низка. К нескольким исключениям относятся такие моменты, как успехи российских спортсменов, достижения в литературе и, наконец, прошлое страны, ее «история», — ими гордятся, по их признанию, несколько больше трети граждан России. По доле же населения, гордящегося, например, демо-

кратическими институтами и политическим влиянием своей страны, ее научными, техническими и экономическими достижениями, уровнем благосостояния жителей и системой социального обеспечения, Россия — вместе с прежними членами социалистического лагеря — занимает последние места в списке более чем 40 обследованных стран.

Именно отсутствие в стране современных институтов и успешных, авторитетных лидерских групп, дифференцированных элит (а не ведомственной номенклатуры), их позитивно оцененных обществом достижений концентрирует сознание россиян на прошлом. Коллективное самоопределение возможно и значимо здесь исключительно через отсылку к общему прошлому¹. А в образе этого прошлого, с одной стороны, опять-таки выделяются фигуры вождей и военачальников, с другой же подчеркиваются перенесенные народом тяготы и его терпение. Эмоционально-смысловым фоном, или рамкой, подобной картины выступает ностальгическое чувство утраты — это практически всегда «Россия, которую мы потеряли» (название фильма Станислава Говорухина, 1992, отсылающее к известной книге английского историка Питера Ласлетта «Мир, который мы потеряли», 1971).

Но иначе, как в негативной модальности такое мифологизированное прошлое не может быть предъявлено и воспринято. Субъекты истории — самостоятельный и деятельный, ответственный и ориентированный на значимых других *индивид*, инициативные, социально значимые, оформленные *группы*, способные ставить общие цели и вырабатывать средства (программы) их достижения, автономные *институты* и базовые для них ценности — в реальности отсутствуют или крайне слабы, неавторитетны. Сама идея субъективности, начало позитивной социальности если и переживаются какими-то маргинальными фракциями интеллектуального слоя, то лишь в горизонте невозможного — как сожаление о потере или томление по несбыточному.

¹ Об этой ретроспективной работе общественного сознания на разных его уровнях — от массового до специализированного исторического — в последнее десятилетие см.: Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999; Историки читают учебники истории: Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 2002; Берелович В. Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея? // Неприкосновенный запас. 2002. №4 (24); Зверева Г.И. Присвоение прошлого в постсоветской историософии России // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 540–556; Каспэ И. Представление истории и представления об истории в русском Интернете // Исторические исследования в России. Вып. 2. М., 2003. Эмпирические данные опросов общественного мнения по данной проблеме см. в статьях автора и его коллег, указанных ниже.

Согласны ли вы с тем, что Россия к настоящему времени утратила в мире роль великой державы? (май 2002, N=1600)

Согласен	68
Не согласен	30
Затруднились ответить	2

Когда, по вашему мнению, Россия утратила роль великой державы? (май 2002, N=1600)

После революции, при Ленине	2
При Сталине	2
При Хрущеве	1
При Брежневе	5
При Черненко	2
При Горбачеве	51
При Ельцине	32
При Путине	0,5
Россия никогда не была великой державой	2

Казалось бы, сосредоточенность на прошлом и отсутствующем, на том, что не здесь и не сейчас (что «глубоко скрыто», «потайно», «не может быть высказано», «уже не то или еще не то, что на самом деле ищется и необходимо»), представляет собой попытку коллективно-самососредоточения. Но это лишь усилие стать собой, поскольку содержательных значений, смысловых императивов осмысленного действия, которые могли бы стать обобщенными образцами, ни в «глубинке» страны, ни в «глубинах прошлого» нет. Обнаруживаемые там смысловые образования, символические фигуры снова отсылают к той же неуниверсальности («особости», «неповторимости») коллективного самоопределения. Они выступают еще одним тавтологическим обозначением непринадлежности страны к какому-либо общему смысловому порядку, ее замкнутости на себе, закрытости от мира, «исключительности».

Таков один, чисто отрицательный полюс представлений о прошлом в России — ее «сути», которая «скрыта», «утаена», «утрачена». Другой, с ним связанный, контрастный по отношению к нему и компенсаторный по отношению к негативным чувствам недостижимости и потери, можно в этом плане условно назвать позитивным. Вокруг него формируется легенда о России как великом и мощном военном целом. Отечественная история в положительном залоге может быть представлена по преимуществу как прошлое российской «дер-

жавы»¹. В подобном комплексе разнородных и разнофункциональных представлений соединяются значения интегрированного коллективного целого, которое устроено наиболее простым и понятным для россиян образом — оно соединяет равенство всех по горизонтали с полным подчинением их простейшей властной вертикали, вождю и его ближайшим соратникам, прежде всего — военачальникам. Консолидация всех вокруг единоличной фигуры определяется исключительными обстоятельствами предельных испытаний, угрожающими самому данному устройству социума, существованию коллективного целого, «народа». Все его наличные ресурсы активируются в ключевой, потому и называемый «историческим» момент под угрозой гибели и подчинены единой для всех, единственной цели — выжить, выстоять. Помимо прочего, подобный смысловой мотив чрезвычайной мобилизации сил и средств еще раз указывает на дефицит политивного целеполагания в данном типе сообщества, на слабость в нем самостоятельных смыслотворческих групп.

Идеологический каркас описываемой здесь легенды (неомифологического комплекса) начал складываться в работах отечественных историков 1850–80-х гг. — С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского и др. — на стадии формирования национальной государственности России. При этом учитывались элементы риторики национального сплочения, выработанные на предыдущих этапах отечественной истории и историографии — по следам наполеоновских войн Карамзиным, затем в публицистике ранних славянофилов, Гоголя и др. Несущие элементы легенды о великой державе и избранном народе были в определенной мере усвоены Сталиным, внимательно читавшим перечисленных авторов и знавшим всю эту линию рассуждений². После идеологии прямого и резкого раз-

¹ Речь идет о коллективном мифологизированном представлении. Оно не может, да и не должно, быть эмпирически верифицировано, поскольку его функция принципиально иная — символически репрезентировать не существующую, но (пользуясь заглавием статьи Федора Степуна 1936 г.) «чаемую Россию». Иногда в таких случаях говорят об «империи», «имперском целом», что неточно. Империя подразумевает социальную открытость наднационального целого, в данном же случае речь идет об общественном устройстве принципиально закрытого типа. Это лишь на самых ранних, миссионерских стадиях революционной истории в идеологии победителей педалировались символы всемирной революции, «мирового пожара» и т.п., но они-то как раз были нацелены против царской России и империй вообще. С переходом же к собственному советскому, реставраторскому этапу в идеологическом самообосновании изоляционистского целого на правах знаков «высокого» стали использоваться символы дореволюционного прошлого и некоторые символы имперской власти.

² См. об этом: *Илизаров Б.С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 204. Сталинский

рыва с «наследием царизма» в годы революции и пореволюционное десятилетие эти риторические моменты, начиная, по меньшей мере, с 1934 г.¹, были реанимированы сталинской пропагандистской машиной. Предвоенные годы ознаменовались в работе всего идеологического аппарата последовательным насаждением культа вождя вместе с перiorитацией на державную символику дореволюционного прошлого, усилением патриотических мотивов, идей национальной исключительности — против «интернационализма» и даже «космополитизма» революционных лидеров первого набора. Перечисленные идейные моменты, сопровождавшиеся институциональными сдвигами и жесточайшими кадровыми перетрясками, среди прочего, обозначили переход от мифологии революционного перелома с ее героизацией образа комиссара, спецуполномоченного и противостоящих ему «враждебных классов» и «отсталой массы» к идеологии индустриально-развитой, военизированной державы во главе с военизированной же фигурой вождя (в годы войны — верховного главнокомандующего, а с 1945 г. — генералиссимуса), к традиционалистским мифологемам «народа» как «дружной семьи» и т.п.

Вся эта реставраторская конструкция легитимационной легенды власти окончательно закрепились в годы Отечественной войны («священной войны», по названию стихотворения В.Лебедева-Кумача 1941 г., ставшему прославленной песней) и в послевоенный период².

взгляд середины 1930-х гг. на историю, в том числе — отечественную, вскоре стал предметом массового распространения: включивший его высказывания и партийно-государственные постановления сборник «К изучению истории» вышел в 1937 г. тиражом в 125 тыс. (!) экземпляров; см. об этом: *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 32. О сталинском понимании истории и его воздействии на советскую историографию см.: *Мерцалов А.Н.* Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. М., 1991. С. 382–447.

¹ Условное «начало» процесса идеологической традиционализации — постановление ЦК «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (май 1934 г.) и письмо Сталина по поводу статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (июль 1934, распространялось в партийной верхушке, опубликовано в 1941 г.); см. об этом: *Бордюгов Г., Бухараев В.* Цит. соч. С. 29–36.

² О сталинском понимании войны и ее идеологической трактовке в те годы см.: *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. Парадигматическое значение для меняющейся системы пропагандистских оценок русского и советского, мифологии «старшего брата», «первого среди равных» и проч. имела, конечно, книга самого Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». На фоне новой легенды и применительно к образу конституированного ею целого относительно смягчилась, отойдя на более дальний план, идеология «непримиримой и беспощадной» борьбы классов и даже риторика партии как «воинствующего ордена меченосцев».

Победа СССР в войне и фигура «возглавившего» эту победу вождя соединились с мифологизированным державным целым прошлого России. Так сложился опорный идеологический образец, образно-символический комплекс, который через систему школьного и институтского преподавания, массовую литературу, кино, театр, музейное дело и т.д. был положен в основу самых основных и наиболее широко распространенных представлений советских людей о государственно-национальном целом в его прошедшем и нынешнем состоянии. Он выступил нормативным барьером или фильтром для любых значений, относящихся к прошлому, матрицей «исторического сознания» для самых широких масс. Историей для них стало и по нынешний день является то, что укладывается в формы данной легенды о великой и непобедимой державе. Явные колебания и неуверенность в державной идентификации сегодня, даже временное признание большинством того, что Россия теперь не может считаться «великой державой», компенсируются или снимаются отсылкой к неисчерпаемым ресурсам и уникальным возможностям страны. Признаки величия модально переозначиваются, переносятся в область потенциального.

В рамках легенды о великой державе был выстроен пантеон выдающихся исторических деятелей в его принципиальной структуре вза-

Таблица 22

С каким из приведенных ниже высказываний о путях развития России вы бы скорее согласились?

	1989	2000
Россия отстала от большинства передовых стран	72	50
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	2	10
Россия развивается по своему, особому пути	11	34
Затрудняюсь ответить	14	6

Таблица 23

Является ли Россия в настоящее время великой державой?

	1999, N=1600	2000, N=1600	2001, N=1600	2005, N=1600
Да	31	53	40	30
Нет	65	43	56	66
Затруднились ответить	4	4	4	4

Суммированы ответы «определенно да» и «скорее да»; «скорее нет» и «определенно нет».

На какое отношение со стороны других стран мира может сегодня претендовать Россия? (2001, N=1600)

К России должны относиться на равных, как к великой державе, считаясь с ее интеллектуальным потенциалом, богатством ресурсов	67
К России должны относиться с пониманием и, учитывая ее нынешнее положение, оказывать ей поддержку	31

имодополнительных ролей. Сюда вошли избранные, отмеченные и переозначенные в державной перспективе и в смысле национальной «исключительности» фигуры представителей военного ведомства, науки и культуры — прямых соратников вождя, его «ослабленных» (лишенных власти) смысловых дублеров и, наоборот, противников. Для каждой из ведущих, скажем так, позитивных символических фигур (ролевых масок) в данном пантеоне, его «действующих лиц», «исполнители» (носители имен) которых могут от периода к периоду незначительно меняться, можно было бы построить целое «семейство» двойников-дублеров.

Представляющие различные ведомства, разные, но одинаково подначальные вождю участки его власти и различающиеся по функциям относительно главного лица, они выступают условными заместителями центральной фигуры, как бы «синонимами» ключевого имени. Таковы позитивный и/или негативный предшественник; явный и тайный противник; соратник или помощник-исполнитель и т.д.¹ Герои-

¹ О формировании соответствующего ролевого репертуара, набора взаимодополнительных идеологических масок в культуре и словесности эпохи «высокого сталинизма» см.: *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 107–112 (амер. изд. 1981); *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2001. С предельной, уже эпигонской четкостью подобная система смысловых валентностей прочерчена в воображаемом пространстве позднесоветской и постсоветской исторической прозы 1970–1990-х гг., пользующейся достаточно широким читательским признанием и разрабатывающей разные этапы и эпизоды базового сюжета — становления, расцвета, эрозии и распада могучего имперского целого русской державы. Ролевой и исполнительский репертуар здесь несколько более широк, поскольку включает целое семейство врагов и вредителей («внешних» и «внутренних»), верных помощников (в том числе, преданную жену) и, наконец, важнейшие образы жертв, как «невинных», так и допустивших «слабость». Подробнее обо всем этом см. нашу статью: Риторика преданности и жертвы. Вождь и слуга, предатель и враг в современной историко-патриотической прозе// *Знамя.* 2002. № 4. С. 202–212, а также: *Marsh R.J.* History and Literature in Contemporary Russia. London, 1995.

ческая, даже военно-героическая компонента и в определении исторической реальности, и в образе главной фигуры, и в характеристиках его помощников и соперников (могучая держава, военизированный вождь, аскетизм, терпение и жертвенность народа) — несущая для всей конструкции. Она, пусть и в ослабленном виде, будет входить в массовую оценку даже, условно говоря, мирных периодов сравнительно недавнего прошлого.

Причем таковы будут не только нормативные ожидания масс. На нее станут ориентироваться или как-то ее учитывать и сами вожди, их пропагандистский аппарат, разрабатывающий соответствующую символику и риторику. Скажем, военная (системная, модельная) или дополнительная к ней по функции репрессивная составляющая значима для массового восприятия и оценки не только образа Андропова (а ретроспективно — Держинского), но и, например, эпохи Брежнева и даже его персонального имиджа, пусть уже изрядно прозаизированного. В образе Брежнева и обобщенных оценках брежневского периода на первый план выходит составляющая социальной стабильности и относительного благополучия жизни (семантика «повседневности»), тогда как в образе Сталина и оценках сталинского времени — составляющая испытаний и величия державы (семантика «воинской героики»). Так что в широко распространенный образ «эпохи Брежнева» второй половины 1990-х гг. входят, хотелось бы подчеркнуть, не только и даже не столько ностальгия «работяг» по дешевой водке и колбасе или по доступности курортов Крыма и Кавказа для среднеобеспеченного слоя квалифицированных рабочих, технической интеллигенции, обслуживавшей ВПК, специалистов, работавших на Севере и т.п., но и представление о могучей военной державе, подкрепленное мифологией биполярного мира, гонкой вооружений и пафосом борьбы за мир. (Лишь на фоне этих последних можно оценить и риторику «разрядки», и лозунговые стереотипы «формирования новой исторической общности людей — советского народа», как лишь в этих рамках становятся понятно педалирование военных эпизодов брежневской биографии, какими бы карикатурными они не выглядели и тогда, и сейчас)¹.

¹ Показательно, что первые демонстративные шаги к «реабилитации» Сталина, встреченные овациями аудитории, Брежнев сделал именно в торжественной речи на праздновании двадцатилетия победы в Отечественной войне, тогда же опубликованной (Брежнев Л.И. Великая победа советского народа. М., 1965). За этим последовал вал маршальских и генеральских мемуаров о войне, которые — в необъявленной полемике и прямой борьбе с «лейтенантской прозой» конца 1950-х — начала 1960-х гг. (ранний Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Быков, В. Курочкин, В. Семин, Е. Носов, не опубликованный в те годы К. Воробьев и др.) внесли решающий вклад в укрепление новой героической мифологии войны. Мемуары военачальников, как свидетельствуют данные тогдашних

Что из перечисленного, по Вашему мнению, прежде всего должно быть в стране, чтобы она считалась великой?

	1998, N=1600	1999, N=1600	2000, N=1600	2002, N=1600
Высокоразвитая промышленность	70	74	69	56
Высокий уровень благосостояния граждан	62	72	64	76
Соблюдение прав и свобод человека	32	41	39	40
Богатые природные ресурсы	16	24	29	29
Великое культурное наследие	24	27	27	32
Ядерное оружие	14	27	27	18
Обширная территория	6	8	11	9
Другое	1	0	1	2
Затруднились ответить	4	4	2	1

Отсюда понятна компенсаторная ностальгия россиян 1990-х гг. по прошлому «великой державы» и «благополучию» брежневской эпохи, по соответствующим героям и символам из курса средней школы. По функциональному месту в пантеоне (по своей роли) это, как уже говорилось, прежде всего императоры — Петр I, полководцы — Суворов, Кутузов, Жуков; поэты и ученые, воплощающие превосходство России — Пушкин, Менделеев. Наконец, это Ю.Гагарин и С.Королев, чьи фигуры символизируют «народ», «людей из народа», «глубинки» в образе властителей уже не просто «одной шестой земли», а надмирного, космического пространства¹. По происхождению и функциональному приложению описываемая легенда, которая входит в «русский миф», конституирующий весь современный российский социум, связана не с национально-культурным сообществом, а с завоеватель-

зондажей социологов, в немалой степени составили основу массового читательского спроса в библиотеках и широкого чтения 1970-х гг., а параллельно были подкреплены панорамно-героической версией войны в киноэпопее Юрия Озерова «Освобождение» (1970–72) и т.п.

¹ Подробнее об этом пантеоне, его структурной устойчивости и смысловой динамике см: Советский простой человек... С. 167–197, 283–284, 293; Левинсон А. Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей, 1996. С. 252–267; Дубин Б. Национализированная память (О социальной травматике массового исторического сознания) // Человек. 1991. № 5. С. 5–13; Он же. Конец века // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 4. С. 13–18, а также статью «Прошлое в сегодняшних оценках россиян» в настоящем сборнике.

**Выберите из указанных две–три позиции, по которым Россию
в первую очередь следовало бы считать великой державой
(2001, N=1600)**

Соблюдение прав и свобод граждан	1
Высокий уровень благосостояния граждан	1
Высокий культурный уровень населения	1
Высокое историческое предназначение России	5
Богатое культурное наследие	8
Особые таланты и величие духа народа	12
Великая история	14
Военная мощь, ядерное оружие	20
Огромная территория	23
Богатые природные ресурсы	28
Не считают Россию великой державой, затруднились ответить	60

но-державным целым России и, затем, СССР. Характерно, что в обобщенном идеальном образе великой страны россияне выделяют такие «дефицитные» для российского и советского общества характеристики, как развитая промышленность, высокий уровень благосостояния, гарантированные и защищенные права и свободы граждан, тогда как в представлениях о величии собственно России упор делают на территорию и ресурсы, военно-ядерную мощь и «великую историю».

При дефиците других универсально значимых достижений страны, которыми можно было бы гордиться ее гражданам, в сознании россиян укрепляется чувство принадлежности к «органическому» национальному целому («народу»), а вместе с тем становятся более актуальными представления об «особом пути» России. Вместе с ними растет значимость «военной» составляющей в образе России как великой державы, усиливаются настроения ксенофобии — по отношению как к этническим и вероисповедным «чужакам» (чеченцы, «лица кавказской национальности»), так и к традиционному со времен холодной войны образу стратегического противника, Соединенных Штатов¹.

¹ Подробно об этом последнем диагностическом моменте см.: *Гудков Л.* Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения..., 2002. № 2. С. 32–48, а также: *Левада Ю.* Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября 2001 г. в общественном мнении России и мира // Там же. 2002. № 5. С. 7–18.

Таблица 27

**Будут ли в мире уважать нашу страну, если она, достигнув
высокого уровня благосостояния граждан, перестанет
быть сильной военной державой? (2001, N=1600)**

Да, будут	51
Нет, не будут	46
Затруднились ответить	3

Добавим, что между ориентациями на национальную исключительность, надеждами на «твердую руку» и предпочтениями в отечественном прошлом таких фигур, как Ленин и особенно Сталин, есть определенная связь. При этом образ Петра — опорный в сталинской идеологической пропаганде второй половины 1930-х — 1940-х гг. — сейчас все же несколько чаще ассоциируется россиянами с открытостью страны, недопустимостью сосредоточения государственной власти в одних руках.

Таблица 28

**Кого бы вы назвали самым выдающимся государственным
деятелем России настоящего или прошлого? (1995, N=2983;
в % к числу опрошенных в группах по типу политических ориентаций)**

	<i>В среднем по выборке</i>	<i>«Общий путь»</i>	<i>«Особый путь»</i>	<i>«Сторонни- ки автори- таризма»</i>	<i>«Противни- ки автори- таризма»</i>
Петр I	47	58	47	44	50
В. Ленин	10	6	12	13	10
И. Сталин	7	3	8	11	4
Ю. Андропов	6	5	7	8	5

Условные обозначения:

«Общий путь» — выбор позиции «России следует идти путем других развитых стран, влиться в мировое сообщество».

«Особый путь» — выбор позиции «России нужно идти своим особым путем».

«Сторонники авторитаризма» — выбор позиции «Нашему народу постоянно нужна “сильная рука”».

«Противники авторитаризма» — выбор позиции «Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы власть была сосредоточена в руках одного человека».

Функциональные и модальные трансформации легенды

В ситуации подъема новых социальных слоев в советской России второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. официальная идеология, обращаясь к массам, выдвигала вперед, заостряла, педалировала чисто мобилизационные аспекты инструментального достижения социальных целей, как бы совсем уже близких по времени и понятных всем по смыслу. Отсюда прокламировавшаяся «сверху» и во многом принимаемая массами, особенно более молодыми, выходцами с социальной и культурной периферии, уверенность в возможности быстрых, волевых, «политических», как тогда говорилось, решений любой проблемы. Отсюда же — преобладание в тогдашней государственной риторике на темы современности таких смысловых моментов, как «сроки», «планы», «техника» (в широком смысле слова — имелись с виду любые относительно рациональные, стандартизированные умения, вырабатывающиеся на начальных этапах модернизации, индустриализации, цивилизации, неважно, касайся они умения управлять машинами или языковых компетенций, умения «выражать свои мысли», грамотно писать и проч.).

Вторая половина 1930-х гг. — период прокламированной стабилизации и символического оформления достигнутого Страной Советов. На этом этапе (в формулировках К. Маннхейма его можно было бы назвать переходом от утопии к идеологии) и складывается легенда о великой державе, ее завоевательно-объединительной миссии, воплощенной в фигуре верховного вождя и военачальника. В дальнейшем — в годы войны и послевоенное десятилетие — она выступает основной рамкой коллективной идентификации советских людей¹.

Относительно иная социокультурная ситуация складывается в конце 1960-х — начале 1980-х гг., в «брежневскую эпоху». Это годы внеш-

¹ Увенчивающий легенду сталинский образ ретроспективно индуцирует соответствующие значения, фигуры державных правителей и военачальников в «историческом прошлом». Так складывается новый образ Петра I (в 1934 г. на сцену страны выходит одноименная пьеса А.Н. Толстого, в 1937–38 гг. — двухсерийный фильм В. Петрова по сценарию того же А.Н. Толстого; первая серия фильма получила приз Парижской Международной выставки 1937 г., публикуются — после 1929 г. — новые тома толстовского романа «Петр I», роман В. Костылева «Питирим» и др.), фигуры Наполеона (напрямую заказная книга Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», 1938), Александра Невского (одноименный фильм С. Эйзенштейна, музыка С. Прокофьева, 1938, книга А. Козаченко «Ледовое побоище» того же года) и т.д. Вошедшие в этой новой огласовке во множество учебников для средней и высшей школы, они, естественно, воспроизводятся затем из поколения в поколение на массовом уровне уже в модусе общепринятых и общеизвестных фигур «выдающихся людей всех времен и народов».

ней и относительной, вполне элементарной по уровню и набору «благ» бытовой стабильности при углубляющемся коллапсе советской экономической системы, разложении социально-политического устройства, измельчании и распаде обосновывавшей и подкреплявшей их идеологической легенды. Официальная риторика «новой исторической общности людей — советского народа», лишенная решающих признаков победоносной завоевательности, волевой активности, пыталась теперь лишь пассивно обозначить фиктивные контуры общего, но уже не существующего целого. Здесь можно говорить о функции исключительно символической интеграции без малейшего мобилизационного заряда. В этих рамках, но на более низких уровнях системы, в относительно узких, замкнутых группах и кружках образованного сословия активизировались такие неофициальные идеологическо-символические ресурсы, как гуманистические ценности (у более либерально-реформистски настроенной, но адаптированной в советскую систему интеллигенции), защита гражданских прав и поиски нефальсифицированной истории (диссидентство, часть культурного андерграунда), наконец почвеннические поиски «корней» и «истоков», державно-националистические идеи (идеологи журналов «Молодая гвардия», впоследствии — «Наш современник» и «Москва», — от различий в оттенках их взглядов сейчас отвлекаюсь).

Однако ни в официальной идеологии, ни в дополнительных или частично альтернативных по отношению к ней коммуно-националистических и почвеннических поисках проблема новых, универсалистских ценностей существования, целей социокультурного развития, а значит, и задача новой антропологии современности практически не вставала. Способами как-то удержать распадающийся общий смысловой космос служили, с одной стороны, символы традиционалистского, партикулярно-национального целого (тавтологические конструкции родины, почвы, истоков, начал, риторика национальной исключительности, особого «народного» характера, воображаемого «своего» пути), с другой — образы внешнего и внутреннего врага (от США до «инородцев» и «иноверцев»). И те и другие конструкции фактически несли одну, уже не миссионерскую, активно-мобилизационную, а пассивно-защитную функцию — все более фиктивного обозначения границ распадающегося социального и идеологического целого.

От периода к периоду меняется ценностный заряд, смысловое напряжение базовой легенды как системы символов коллективной идентификации, представленной в формах воображаемого пантеона (музея, панорамы), «драматического» представления (кинозрелища) или словесного нарратива (учебника по истории или исторического романа, книги мемуаров). Но смещаются, передвигаются, приближаясь к проблемной точке «настоящего», и границы актуального прошлого

в сознании большинства, основных взрослых поколений населения страны. События-вехи предшествующего периода при этом не исчезают. Их включают в более объемный контекст, так что они переходят на другие уровни значимости, меняют модальный смысл. Теперь они внесены в контурную рамку базовой легенды и наделяются санкционирующими значениями мифологизированной «истории».

Так для военного (воевавшего) и ближайшего к нему послевоенного поколений произошло с образом Октябрьской революции, которую «заместила» Отечественная война. Так для последующих поколений произошло — и на наших глазах продолжает происходить — уже с войной, которую в роли актуального прошлого отчасти заместила, а отчасти замещает сейчас, в последние годы ельцинского и первые годы путинского правления, предперестроечная, брежневская эпоха.

Как уже говорилось, сама фигура Л.И.Брежнева, его личные и лидерские качества оцениваются сегодняшними россиянами невысоко. Много позитивнее, выше всего они ставят способность руководить страной Ленина и Сталина (их лидерские данные сочли достаточно и весьма высокими три пятых россиян, опрошенных ВЦИОМ в 2000 г., брежневские же — лишь четверть опрошенных)¹. В подобной не педалированной, спокойной оценке есть определенный смысл. В ностальгической ретроспективе героический образ великой эпохи в виде брежневского периода, конечно, утрачивает — по сравнению со сталинскими временами — значения образцового «порядка»². Здесь ориентиром для нынешних россиян выступает символическая фигура Ю.Андропова, недолгое время его правления.

¹ При этом подавляющая часть сегодняшнего населения России (и, соответственно, наших опрошенных) родились или выросли после смерти Сталина. Поэтому речь, строго говоря, должна была бы идти не столько об их «памяти», сколько о структурах актуальной коллективной идентификации, один из планов которой составляют стереотипизированные, в частности — полученные через школу, масс-медиа и т.д., значения «прошлого», «исторического прошлого». Они не знали сталинской эпохи, как многие из них знают брежневскую, на собственном опыте. Уже в опросе 1989 г. «Советский человек» 28% опрошенных граждан СССР признались, что знают о сталинских репрессиях лишь по рассказам очевидцев, а вдвое больше — вообще только читали об этом (Советский простой человек... С. 284–285). Сегодня количество первых фактически сократилось (непосредственные свидетели уходят), тогда как число вторых должно было бы потенциально возрасти. Однако их возможности и желание читать об этих проблемах стали существенно ниже, чем 12–15 лет назад. А сложившаяся в соответствующих институтах и подсистемах общества — сегодняшней прессе, масс-медиа — картина и оценки сталинской эпохи все больше расходятся с тем, что в 1980-х гг. могли передать живые очевидцы.

² 30% опрошенных в 1996 г. (N=1600) признавали, что основой порядка в советские годы выступал, среди прочих факторов, страх людей перед властью.

**Кто из следующих руководителей обеспечивал такой порядок
в стране, который сегодня устроил бы Вас больше всего?
(1996, N=1600)**

Ю. Андропов	19
И. Сталин	12
Л. Брежнев	11
.....	
Ни один из них	25
З/о	16

Однако вместе с тем в образе Брежнева и мифологизированной картине его времени решающим образом смягчены, если не вовсе исключены, те трудно переносимые для «среднего человека», угрожающие для его близких значения принудительности и безальтернативности, тотальной репрессивности, личной опасности, которые были во многом связаны с образом сталинской эпохи. Характерно, что в образе Брежнева нет ничего зловещего, и россияне не относят его к «самым страшным» фигурам в истории страны. Политико-идеологическая рутина и моральная двусмысленность брежневских десятилетий, вместе с семантикой относительной бытовой устроенности и устойчивости, входят сейчас в смысловое целое «эпохи стабильности», «мирного времени» (всеобщий дефицит, преследования инакомыслящих, афганская война, понятно, устранены массовым сознанием из этой идеализированной картины).

В отличие от фигуры Сталина, которая в базовой легенде и массовом сознании как бы возвышается над своим временем, брежневский образ, можно сказать, равновелик, синонимичен годам его правления. Поэтому его хоть и причисляют к кругу выдающихся политиков, возглавлявших российское государство в XX в., но не включают в перечень «кумиров» населения, так же как не числят и среди «злых гениев» России (тогда как Ленин, а особенно Сталин фигурируют на значимых местах во всех трех перечисленных списках).

В какое время Вы хотели бы жить? (1993, N=1800)

Во времена Брежнева	26
В наши дни	15
В далеком будущем	14
Во времена Андропова	9
До революции	6
В далеком прошлом	5

Таблица 31

Когда жизнь в России была лучше? (1994, N=1700)

Во времена Брежнева	41
До революции	18
При Сталине	8
Во время перестройки	4
После августа 1991	4
Затруднились ответить	24

Таблица 32

Когда вы, ваша семья жили лучше всего? (1996, N=2400)

Во времена застоя (до 1985 г.)	60
В перестройку (1985–1991)	13
С начала рыночных реформ (после 1991)	10
Затруднились ответить	16

Таблица 33

Кого из политиков, возглавлявших наше государство в XX веке, вы бы назвали самым выдающимся? (январь 2000 г., N=1600, в % к соответствующим социально-демографическим группам)

	<i>В целом</i>	<i>18–24 года</i>	<i>25–39 лет</i>	<i>40–54 года</i>	<i>55 и старше</i>	<i>Высшее образ.</i>	<i>Среднее образ.</i>	<i>Ниже среднего</i>
И. Сталин	19	14	17	18	25	14	17	24
В. Ленин	16	15	12	18	20	15	13	22
Ю. Андропов	11	6	12	14	10	11	14	7
Николай II	9	15	13	10	3	10	12	6
Л. Брежнев	9	8	10	7	11	6	8	12
М. Горбачев	7	9	9	6	4	14	6	4
Б. Ельцин	4	5	4	3	4	7	4	3
Н. Хрущев	3	1	2	3	4	2	3	3

Как видим, возглавляющие нынешний список Сталин и Ленин (вместе с Л. Брежневым) обязаны своей популярностью прежде всего самым пожилым и наименее образованным россиянам. Однако нельзя не заметить, что эти предпочтения — равно как и оценка Ю.Андропова, героя «среднего поколения», популярного у россиян со средним образованием, — в большой мере разделяются теперь и молодежью, образованными респондентами. Один набор символических фигур прошлого значим в принципе для всех больших групп и слоев нынешнего населения России. Популярность последнего российского императора среди молодежи — видимо, феномен воздействия массовых коммуникаций и, в частности, нового русского кино вроде фильмов Карена Шахназарова («Царевыйца», 1991), Никиты Михалкова («Сибирский цирюльник», 1999), сенсационных телепередач, а затем романизированных биографий Эдварда Радзинского («Николай II», «Последняя из Романовых»)¹. Символические фигуры инициаторов крупномасштабных социальных перемен в стране — относительной либерализации, демократизации, перестройки, чью авторитетность должна была бы задавать и воспроизводить интеллигенция, — поддерживались ею на протяжении 90-х гг. все меньше и меньше. В результате они как разрушители державного целого, вместе с реформатором предыдущего исторического этапа Хрущевым, оттеснены в самый низ списка². Напротив, фигуры тех, кто воплощал, создавал и укреплял легенду о великой державе — России и СССР, — выдвинуты теперь на первый план коллективной памяти.

Вместе с уходом прореформаторской идеологии и риторики времен ранней перестройки, самих наиболее видных фигур тогдашней публичной сцены более приемлемой для российского населения выступает теперь и обобщенная фигура «большевиков».

Напротив, образы тех деятелей революции, с которыми в конце 1980-х гг. связывались возможные, как кому-то тогда казалось, альтернативы Сталину и сталинизму³, стали оцениваться населением сегод-

¹ К кругу этих трудов Радзинского 1990-х гг., издающихся и переиздающихся большими тиражами, продаваемых в общедоступных киосках, на книжных прилавках у станций метро и вокзальных площадях больших городов, принадлежит и биографическая книга «Сталин» (1997).

² По ответам на несколько иной по форме и смыслу вопрос о фигурах, оказавших наибольшее влияние на историю в XX в. (ноябрь 1999 г., N=1600), выявились четыре лидера: Ленин (65%), Сталин (51%), Гитлер (51%), Горбачев (42%). Активнее других групп все эти четыре фигуры называли наиболее образованные (а в случае Сталина и Гитлера — и более молодые) россияне.

³ Обзор и оценку подобных поисков «альтернативы» см. в главах «Бухаринский бум» и «Возвращение Троцкого» упоминавшейся монографии Г. Бордюгова и В. Козлова (Цит. соч. С. 51–136 и 319–344).

Таблица 34

Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на Ваших глазах. Что бы Вы стали делать?

	<i>октябрь 1997, N=1600</i>	<i>октябрь 2002, N=1600</i>	<i>октябрь 2003, N=1600</i>
Активно поддержал бы большевиков	15	23	23
Кое в чем сотрудничал бы с большевиками	16	20	19
Постарался бы переждать это время, не участвуя в событиях	27	28	27
Боролся бы против большевиков	6	8	10
Уехал бы за рубеж	15	16	16
Другое	2	5	—
Затрудняюсь ответить	18	0	5

Таблица 35

Кто из следующих деятелей времен революции вызывает у вас наибольшую симпатию или антипатию?

	<i>Симпатию</i>		<i>Антипатию</i>	
	<i>Окт. 1997, N= 1600</i>	<i>Окт. 2002, N= 1600</i>	<i>Окт. 1997, N= 1600</i>	<i>Окт. 2002, N= 1600</i>
Н. Бухарин	13	9	4	3
Ф. Дзержинский	25	28	6	6
А. Керенский	4	4	12	10
А. Колчак	8	8	12	15
В. Ленин	28	36	12	11
Н. Махно	3	4	22	26
П. Милюков	1	1	3	3
Николай II	17	18	7	6
И. Сталин	15	22	36	30
Л. Троцкий	5	8	13	10
Затрудняюсь ответить	26	19	25	26

ня более сдержанно. Главное же и самое заметное то, что в контексте подобных передвижек и переакцентировок растут позитивные оценки Сталина. Напротив, уровень негативного отношения к его фигуре, командной политике, репрессивным действиям в массе опрошенных падает. Можно сказать, снижается «общественный иммунитет» к соответствующим значениям и образцам.

Если в 1997 г. соотношение респондентов, выразивших симпатии и антипатии к фигуре Сталина, равнялось 0,42, то теперь оно равно 0,73. Удельный вес симпатий и антипатий в обществе перераспределился, и объем обеих групп за пять лет заметно сблизились. Раньше они отчетливей противостояли друг другу, мнения и оценки в обществе были поляризованы резко. Эти перемены тем более явны, что доля всех остальных респондентов — и относящихся к образу Сталина вообще без определенных чувств, и затрудняющихся с определенным ответом на этот вопрос — сохранилась за те же пять лет практически неизменной. В период обоих замеров она составляла чуть меньше половины населения (48–49%).

Даже массовое отношение к репрессиям сталинских десятилетий стало за девяностые годы, особенно — за вторую их половину, гораздо менее напряженным. Эти события утратили значение главных. Они не просто «забылись» — изменилась структура того, что можно было бы назвать «запоминательным сообществом» («социальные рамки памяти», как это называл Морис Хальбвакс). Размылось, что особенно важно, «ядро» этого сообщества, берущееся и способное вырабатывать, задавать, поддерживать образцы принципиальных отношений и оценок. Поэтому такое явление, как репрессии 1930–50-х гг. (говорю сейчас лишь об этом периоде), потеряло для массового сознания свою знаковую, семантический потенциал, ценностную заостренность. Вместе с закатом публичной критики сталинизма они перестали служить смысловым центром, фокусом оценок советского прошлого. Так если в 1989 г. 31% интервьюируемых причислил массовые репрессии к самым значительным событиям в истории страны (пятая по уровню значимости позиция из 25 названных), в 1994 г. эта цифра снизилась до 18%, а в 1999 г. — до 11% (десятая позиция из восемнадцати)¹.

При этом отношение к террору государства против населения в прошлом смягчилось и переозначилось в массовых оценках именно за счет тех, кто прежде затруднялись с ответом. Как можно предполагать, они и раньше не поддерживали четкую антисталинскую позицию, но не решались тогда в этом крайне болезненном вопросе от-

¹ *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 450.

Таблица 36

Как вы относитесь к тому, что сталинский террор это выдумка, цель которой — оболгать вождя и опорочить наше славное прошлое? (1996, N=3000)

Не согласны	56
Согласны	16
Затруднились ответить	28

Таблица 37

С каким из следующих мнений по поводу сталинских репрессий вы бы скорее согласились? (2000, N=1600)

Это были годы массового террора против всего народа	58
Репрессии были связаны с чистками в партии и касались в основном «верхов»	14
Репрессии касались в основном действительных врагов народа	10
«Сталинские репрессии» это миф, который раздут некоторыми средствами массовой информации	8
Затруднились ответить	11

крыто примкнуть к просталинскому «меньшинству», — оно в период перестройки ассоциировалось с приверженцами КПРФ, «противниками реформ». Соответственно, понятие реформ, через отношение к которому раньше и выстраивались полюса «демократов» и «консерваторов», за вторую половину 1990-х гг., после краткой реанимации его во время ельцинской кампании на президентских выборах 1996 г., почти полностью потеряло смысловую определенность.

Завершая разговор о формировании и трансформациях базовой легенды власти на протяжении советских десятилетий постсоветских лет, можно сказать, что годы, которые отмечены для россиян именем Путина и в оценках многих респондентов противопоставлены «ельцинской эпохе», не порывают с тогдашними, как и более давними, державными, реставраторскими акцентами в публичной риторике, в символике национально-государственного целого. Скорее нынешняя социально-политическая ситуация, напротив, продолжает и проясняет прежние тенденции. В этом смысле фигура Путина для массового сознания — на другом, более общем уровне оценок — встраивается в рамки базовой для советских людей легенды о великодержавной России. Она включается в цепочку таких правителей, как Ленин, Сталин, Андропов, Брежнев, — в противоположность фигурам Ельцина и Горбачева, которые выступают теперь в массовом сознании образа-

ми государственных деятелей, разрушавших и эту легенду, и СССР как таковой¹.

С другой стороны, сам Путин, стоящая за ним команда, обслуживающие ее журналисты, «аналитики» и проч. учитывают данную легенду, демонстрируя в тех или иных публичных акциях, в отдельных устных выступлениях президента знаки, к ней отсылающие. Хотелось бы отметить лишь несколько черт, характерных для нынешней фазы функционирования легенды, примыкающих к ней оценочных моментов.

Путин — в отличие, например, от Ельцина, инициировавшего (безрезультатные, впрочем) «экспертные» поиски и некоторый публичный шум вокруг обсуждения «национальной идеи», — кажется, не выражает заинтересованности в какой бы то ни было артикулированной идеологии, потребности в идейном, ценностном обосновании своей власти и складывающегося при нем социально-политического порядка. Как будто предполагая, что мифы и легенды советской эпохи в той или иной степени усвоены большинством россиян, избранными ими парламентариями, средствами массовой информации, президент время от времени демонстрирует лишь опорные символы, которые имеют в виду показать преемственность нынешнего строя, страны в ее сегодняшнем виде по отношению к российской, но в гораздо большей степени — к советской державе².

В отношении к символике советского строя, среди прочего, как раз и состоит одно из главных и реальных отличий Путина от Ельцина. Ельцин, близкие к нему люди, группы могли — особенно в последние годы, период ельцинского ослабления и заката — ориентироваться или показывать, что ориентируются, на определенные моменты державной символики дореволюционной России. Но от знаков советского как коммунистического, от СССР как системы и от партийной монополии на управление страной Ельцин в любом случае резко и недвусмысленно дистанцировался. Путин же, его окружение адаптируют советскую символику для публичного формления своих знаковых акций, представляя и возвышая этим советское как державное. (В чем,

¹ В вынесенном на обсуждение в 2002 г. «Проекте федерального компонента государственного образовательного стандарта основного общего образования по истории» имя В.Путина фигурирует именно в разделах программы, ответственных вопросам развития российской государственности на рубеже XX и XXI веков.

² Не касаюсь здесь прагматических аспектов подобной демонстрации, среди прочего адресованной — как, например, в ситуациях с гербом и гимном России, с пятиконечной звездой на красном знамени и др. — российскому генералитету, руководству других силовых ведомств.

надо сказать, не расходятся, как Ельцин, а, напротив, вплотную смыкаются с идеологами нынешней КПРФ.)

Те или иные публичные акции и высказывания нынешнего президента существуют и обретают смысл в безальтернативных условиях фактической монополии правящей власти на средства массовой коммуникации, по крайней мере — на каналы наиболее широкого воздействия, то есть телевизионные¹. Даже саму проблему политического и идеологического выбора сегодня в обществе, кажется, некому ставить, не с кем и негде обсуждать. Сколько-нибудь значимые, социально весомые и пользующиеся публичным авторитетом группы, движения, партии на современной российской сцене отсутствуют². Никаких других публичных авторитетов, кроме фигур действующих политиков, уже находящихся у или при власти, в массовом сознании россиян сегодня тоже как будто нет. Но при этом образы всех остальных политиков, кроме единственной в данном плане фигуры президента (выступающего не столько как реальная и эффективная власть, сколько в традиционной для российского-советского подопечного сознания функции потенциальной, символической управы на представителей других властей, беспомощных в той или иной «чрезвычайной» ситуации), мало что значат для россиян. В массовых опросах они собирают в лучшем случае по несколько процентов симпатизирующих или доверяющих им.

Идет дальнейшая дегероизация институтов и представителей власти. Такая прозаизация отношения к политикам могла бы, кажется, даже успокаивать, давая некую надежду на более взвешенный, относительно рациональный политический выбор массы российского населения. Но на подобном сером фоне, в условиях повторяющихся и даже учащающихся экстренных ситуаций в военном, экономическом, экологическом отношении, сохраняется, как уже говорилось, высокое доверие россиян к силовым институтам. Продолжает удерживаться на самом высоком уровне и значимость единоличной фигуры символического сверхавторитета.

¹ Подробней об этом см.: *Гудков Л., Дубин Б.* Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов//Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 31–45.

² Диагностику возникновения подобной ситуации и подходы к анализу сложившегося социополитического порядка, его отражений и преломлений в массовом сознании см.: *Левада Ю.* Общественное мнение на переломе эпох. (К социологии политического перехода)// Мониторинг общественного мнения..., 2000. № 3. С. 7–18; *Гудков Л., Дубин Б.* Российские выборы: время «серых»// Там же. 2000. № 2. С. 17–29; Они же. Все едино// Итоги. 2001. № 3. С. 12–17; Они же. Конец 90-х годов: Затухание образцов// Мониторинг общественного мнения... 2001. № 1. С. 15–30.

**Какими словами вы бы могли обозначить свое отношение
к Владимиру Путину? (Ранжировано по убыванию
показателя в 2000 г.)**

	<i>2000, N=1600</i>	<i>2001, N=1600</i>	<i>2002, N=1600</i>	<i>2003, N=1600</i>	<i>2005, N=1600</i>
Не могу сказать о нем ничего плохого	34	41	36	34	36
Симпатия	29	29	30	34	32
Настороженное, выжидательное	14	12	11	9	5
Нейтральное, безразличное	11	10	10	12	11
Не могу сказать о нем ничего хорошего	5	4	5	4	8
Восхищение	3	2	4	3	4
Антипатия	2	1	2	2	2
Отвращение	Меньше 1				
Затруднились ответить	4	3	2	1	2

Добавлю, что сегодняшние россияне получают доступ к политике и формируют представления о политическом исключительно через телеэкран. Сохраняя обезлюдившую политическую авансцену на расстоянии, управляемом с помощью ручного пульта, десятки миллионов регулярных телезрителей воспроизводят по отношению к проблемам общества, стоящим перед ним задачам и целям, выбору тех или иных путей пассивную позицию безответных очевидцев, созерцателей со стороны. Характерно, что в 2000 г. 52% россиян оценили лидерские способности новоизбранного президента как «довольно» и «очень высокие». И вместе с тем в массовом образе Путина до нынешнего дня преобладает отсутствие какой бы то ни было содержательной оценки, признаки бесцветности, выжидательное отношение людей, их незаинтересованность происходящим на политическом «Олимпе».

В этом смысле сегодняшнее «общество телезрителей» выступает продолжением, разложением, перерождением прежнего общества единогласного одобрения. Во многих значимых чертах оно может напомнить брежневские времена, по идеализированному образу кото-

Лично для вас какая власть лучше? (2001, N=1600)

Нынешняя, во главе с президентом Путиным	42
Времен Брежнева	25
Ни та, ни другая	22
И та, и другая	10

Когда, по вашему мнению, люди в России в большей степени ощущали себя полноправными гражданами своей страны? (2001, N=1600)

В СССР времен Брежнева	36
В России времен Путина	33
Ни тогда, ни сейчас	28

рых массовое сознание так ностальгически тоскует и с которыми, надо сказать, само нередко сближает путинские годы.

Вместо заключения

Общим предметом внимания в настоящей статье были проблемы символической идентификации россиян в постсоветский период их коллективного существования. В качестве одной из несущих деталей довольно громоздкой конструкции современной российской идентичности («русского мифа») была рассмотрена спроецированная в прошлое легенда о великой российской державе. Она описывалась и понималась здесь как механизм консервации культуры и общества в условиях особого типа запоздалой и «догоняющей», традиционализирующей модернизации — механизм, который поддерживает закрытый и защитный характер российской социальной системы. Символ Сталин — а наиболее подробно в статье исследовались именно символические планы сталинской фигуры, вовсе не его деятельность практического политика, военачальника, идеолога или руководителя страны — получает свое значение в пределах этой конструкции, в зависимости от ее модального устройства и смыслового наполнения. Державная, воинская семантика сталинского символа (героика коллективных испытаний) — лишь один, но ключевой и определяющий план его массового образа. С ним соотнесен производный и зависящий от него план значений стабильности, порядка, относительного благополучия людей и страны (коллективная повседневность). Кроме этой конститутивной роли для всего комплекса представлений о повседневной социальной жизни, план героических испытаний и побед

имеет функцию своеобразного символического оператора, соединяющего коллективный образ советской страны и России с миром и мировой историей («народ-освободитель» Европы от фашизма, как несколькими веками ранее — от угрозы татаро-монгольского нашествия). Иными словами, план героики сталинского образа и образа отечественного прошлого в целом, собственно, и несет на себе значение *истории* для массового сознания, для всех процессов коллективной идентификации (истории повседневности для подобного социального воображения, понятно, не существует). Историческое здесь редуцировано к героическому и только в этом качестве может наделяться универсальным смыслом, стать всеобщим, *мировым*.

Выше были аналитически выделены и на материале эмпирических опросов общественного мнения вкратце рассмотрены такие компоненты массовой значимости сталинского образа, как Сталин и советское государство (держава); Сталин и Отечественная война, победа СССР; Сталин и «особый путь» России; Сталин и авторитарное руководство («железная рука», «твердый порядок»); Сталин как сверхвласть (экстраординарная управа на власть, освобожденная от закона). Особое место было уделено такой форме негативной значимости фигуры Сталина, как соединение в его массовом образе, в отображающих и поддерживающих этот образ литературе и искусстве взаимоисключающих и взаимоотрицающих характеристик.

С одной стороны, подобная парадоксальная двойственность выступает, на наш взгляд, едва ли не единственной формой утверждения значений «предельного» и «высокого» в советском и постсоветском обществе, точнее — формой указания на их важность, необходимость и вместе с тем на их недоступность или утрату¹. Это и понятно. В идеологии таких обществ демонстративно отрицаются ценности традиционной аристократии. Но вместе с тем здесь отсутствуют или подавляются самостоятельные элиты, чей авторитет был бы основан на общезначимом достижении и универсально признанном успехе. Здесь не была ни выработана, ни принята программа культуры как рафини-

¹ Именно поэтому в сколько-нибудь строгом смысле слова говорить о сакрализации власти, вообще о сакральном в подобных условиях, на наш взгляд, неуместно: впрямую понятийный аппарат Марселя Мосса или Рудольфа Отто здесь неприменим. В любом случае это не более чем эвристическая метафора. Она может лишь отсылать к самым отдаленным генетическим слоям соответствующих значений. Но показ того, откуда произошло, не отвечает на вопросы, зачем и кому понадобилось, как работает. Указание на генезис, если оно вообще имеет хоть какой-то актуальный смысл для субъектов действия, должно быть лишь началом анализа реальной структуры и функционирования легенды, ее функционального назначения, механизмов ввода, поддержания и распространения, соответствующих социальных сил и агентов и т.д.

рования самосозидающего и самоответственного индивида в совокупности его интеллектуальных способностей и добровольных социальных связей. И если отделить в фигуре «гениального вождя», «великого стратега» и прочих образов сверхвласти мифологические гиперболы от смыслового содержания, то окажется, что демонизируется, превозносится, делается недостижимым для обычного человека и разумного суда во всех таких случаях, можно сказать, одно свойство — сила действовать, решимость поступать (направленность и характер действий сейчас не обсуждаю).

С другой стороны, такое сочетание несочетаемого и даже запрещенного для «маленьких людей» выступает в репрессивном обществе символической проекцией всеобщего двоемыслия, виртуальной формой парализованной социальности, когда фигуры и значения обобщенного партнера вытеснены и подвергнуты снижению, очернению как черты «врага». Они допустимы лишь для экстраординарной фигуры воображаемого сверхвластителя, тогда как «нормальному человеку» как бы оставлено существование без альтернатив, больше того — без самой идеи выбора и ценностных критериев возможного сравнения и взвешивания поведенческих стратегий. Наконец, подобная двойственность указывает на особый, высокий символический потенциал образа вождя и выступает формой воспроизводства, поддержания, даже накопления его массовой значимости, в том числе — в условиях временной запретности, недоговорённости, закулисных секретов, возбуждаемых ими слухов и толков.

Символическая конструкция могучей и победоносной державы, увенчанная фигурой сверхполномочного и сверхзаконного вождя, включает в себя несколько рядов (серий) фигур условных двойников. Они в той или иной мере дублируют основное качество ключевого образа, самостоятельную силу (ума, проницательности, предвидения, коварства, злопамятности — неважно) или представляют данный семантический момент в полярно-противоположных образах слабости, измены, противоборства и проч. Так в описываемой легенде, в построенных на ней формах квазисторического повествования или художественной репрезентации, устанавливается связь между образами и значениями вождя и народа, державы и войны. Так в форме конфликтов и столкновений, драматизированных на страницах мемуаров и романов, на кино- и телеэкранах, представляются взаимоотношения между основными «действующими лицами», идет поляризация и интерференция значений, которые эти образы несут. Одной из сквозных задач статьи было проследить воспроизводство этой многосоставной семантики сталинского образа и скрепляемых им значений «великой державы», «особого пути» — их структурную устойчивость, смысловые подвижки (дегероизацию, прозаизацию), модальные трансформации

(вытеснение в отдаленное прошлое) — на материале массовых представлений о различных эпохах советской и постсоветской истории, применительно к образам руководителей страны после Сталина. Причем проследить в относительной неизменности и сравнительной динамике самих данных представлений на протяжении уже почти пятнадцати лет между 1989 и 2002 годами.

Речь при этом не шла о прагматических ориентирах массовых респондентов или описанных здесь фигур политиков, их команд, о работе политической системы как таковой. Как не рассматривалась и реальные итоги деятельности этих последних, непомерная социальная цена многодесятилетней постройки «Великого Тупика», как его назвал в свое время Ю. Левада¹. Анализировалось лишь социальное функционирование (на массовом уровне, в массовых масштабах) одного символического образца. К тому же этот символический образец и его условные знаки, шифры, среди которых и само сталинское имя, могли выступать в реальной работе политических механизмов власти, в риторике руководителей страны после Сталина, в деятельности тех либо иных массмедиа постсоветской эпохи еще и как атрибуты многоадресной и многофункциональной политической, идеологической демонстрации.

Так они могли со специальным прагматическим расчетом быть обращены к массовым приверженцам базовой легенды (скажем, в определенных обстоятельствах предвыборной кампании — к не таким уж многочисленным в стране сторонникам «коммунистической альтернативы»). Или могли использоваться в оправдание конкретных силовых акций власти, для «успокоения» руководителей военного ведомства и проч. (не приходится забывать, что с 1994 года в стране с небольшими перерывами идет многолетняя война). В других аспектах подобные демонстрации могли иметь в виду обобщенные «Восток» или «Запад» в их политических шагах и видах по отношению к России и друг к другу, среди прочего — в предупредительном или дезориентирующем плане и проч.

Но речь здесь, повторяем, вообще не шла о чьих-либо прагматических ориентирах, шагах или уловках. Ни легенда великой державы, ни мифология особого русского пути не могут, понятно, ни стать основой для реальной консолидации общества, ни дать опору для практических решений в области политики, экономики, социальной или культурной жизни, ни лечь в основу политических программ, консти-

¹ *Левада Ю.* Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 459. Напомню, что в тогдашней статье рассматривались реальные итоги сталинских «простых» и всегда наихудших, наиболее расходных и наименее результативных решений трех ключевых для страны альтернатив — перехода от революционного переворота к мирной жизни, модернизации общества и его основных институтов, самоопределения в современном мире.

тулирующих ту или иную партию либо движение. Статистическая «масса», ее представления никогда и не выступают движущей силой общества. Уж скорей они, если пользоваться аналогиями из физики, являются мерой его инертности. Несущие элементы в системе коллективной идентификации большинства, представленные в статье на основе многолетних опросов общественного мнения, консервируют, на наш взгляд, именно те моменты массовых установок, ориентаций, оценок ситуации, себя, других, которые не просто препятствуют решению серьезных экономических и политических задач, но вообще исключают сколько-нибудь активную позицию. Они сводят представления о социальной жизни к моментам индивидуальной и семейной адаптации, к принудительному ограничению самым необходимым, минимумом, который «положен всем» и потому может ожидаться только от власти.

Бесцветность и безальтернативность нынешней социально-политической, да и социокультурной ситуации в России — производные от подобных мнений и оценок, принятых большинством. В этом смысле правомочно видеть в повседневных мнениях, установках и оценках россиян, рутинных формах их социальной жизни, коллективных связей, мотивов существования не только настроения, *питающие и поддерживающие* описанную здесь легенду о державе и ее вожде, — ее, так сказать, *почву* или *истоки*. Может быть, это еще и один из *результатов* воздействия данного символического комплекса, всей стоящей за ним и кристаллизующейся вокруг него совокупности идей и представлений. И не исключено, что таков даже главный результат массового бытования базовой легенды на протяжении десятилетий советской истории. Разумеется, речь идет о массовом воображении, а не о политической реальности (тем более что две трети сегодняшних респондентов Левада-Центра родились уже после смерти «вождя всех народов»). Но, во-первых, характерно, что и в низах, и в верхах общества востребовалась на конец 1990-х гг. именно такая мифология и героика. Во-вторых же, прошлое, как показывает история, мифологизируется тогда, когда у людей и социальных групп сокращаются возможности реально воздействовать на свое настоящее и сужаются альтернативные возможности будущего. А это уже относится к диагностике вполне реальных, сегодняшних процессов в обществе и культуре.

Стоит учесть и то, что в социальную и политическую жизнь России сейчас приходит, уже пришло поколение людей, ничего всерьез не выбиравших и не выбирающих в настоящем (а соответственно, и мало что помнящих о сколь-нибудь отдаленном — дальше вчерашнего дня — прошлом). Едва ли не единолично стоящий у них перед глазами, безальтернативный образец и герой для значительной, хотя и не преобладающей части нового поколения — действующий президент.

30% из 2500 молодых россиян, опрошенных Левада-Центром в октябре—ноябре 2002 г., назвали его человеком, «чья жизнь может служить ориентиром для других»; все другие вспомнившиеся молодежи имена упомянуты, в лучшем случае 3—4% опрошенных. Свыше трети молодых граждан России, по их утверждению, будут голосовать на предстоящих выборах за «партию власти» (из остальных партий ни одна не собрала среди молодых потенциальных избирателей больше 5—6% голосов). Однако более половины опрошенной молодежи либо вообще не видит в современной России людей, которые могли бы служить образцами для других, либо затрудняется с ответом на данный вопрос. Свыше 50% опрошенной молодежи не симпатизируют ни одной из партий и политических сил, не верят никому из политиков. Они сегодня либо пока что не знают, кому отдать свой избирательный голос, либо, скорее всего, не станут участвовать в предстоящих выборах, либо утверждают, что, даже в случае своего участия, проголосуют против всех.

ЛИЦО ЭПОХИ. БРЕЖНЕВСКИЙ ПЕРИОД В СТОЛКНОВЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ОЦЕНОК*

Жизнью человеческих обществ управляет принцип забывания. Некоторые факты, а особенно их аура и климат, позже не удается воссоздать и даже вообразить. Это относится не только к молодым поколениям, которые не могут знать из первых рук. Участники и свидетели событий тоже отодвигают память о них от себя и не уверены, происходило ли это на самом деле.
Чеслав Милош «Порабощенный разум»

Все они теперь хотят, чтобы вернулись прежние времена, а сами черт-те что делают с сегодняшними. С тех пор как наступили новые времена, все они вдруг захотели вернуться назад. А кто, спрашивается, сотворил эти новые времена, как не те самые люди, которые так хотят вернуться назад.
Андреас Майер «Духов день»

Уже пять лет назад отмечалось, что ретроспективная привлекательность брежневского времени в массовом российском сознании не ослабевает¹. Тогдашний диагноз вполне подтверждается данными последующих, уже сегодняшних социологических опросов общественного мнения.

Для сравнения — несколько более ранних цифр². 34% опрошенных в 1995 г. (N=1700) и 36% (N=1700) — в 1997-м признавали, что жизнь

* Опубликовано: Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3. С. 25—32.

¹ См.: *Левада Ю.* Рубежи и рамки семидесятых. Размышления соучастника// Неприкосновенный запас. 1998. № 2. С. 72—78.

² Более подробные данные о динамике массовых оценок Брежнева и брежневских лет из предыдущих опросов ВЦИОМ, в том числе — по сравнению с иными государственными и политическими лидерами России и СССР, см. в настоящем сборнике статью «Сталин и прочие». Среди молодежи баланс положительных и отрицательных оценок брежневского периода (например, по данным специального молодежного опроса 1998 г.) выглядит примерно как 1:1 при 40% ничего не знающих об этом периоде и затрудняющихся с его оценкой.

Таблица 1

**Как вы в целом относитесь к Брежневу?
(2001, N=1600, в % к числу опрошенных)**

В целом положительно (с восхищением, уважением, симпатией...)	44
Безразлично	36
В целом отрицательно (с неприязнью, страхом, отвращением...)	13
Затруднились ответить	7

Таблица 2

**Когда таким людям, как вы, в нашей стране жилось лучше всего?
(2002, N=4500, в % к числу опрошенных)**

До Октябрьской революции	4
При Сталине	4
При Хрущеве	3
При Брежневе	49
При Горбачеве	4
При Ельцине	2
При Путине	22
Затруднились ответить	12

в России была лучше всего, опять-таки при Брежневе¹. И тогда, и сейчас имеется в виду вовсе не фигура главы государства — ее и прежде, и теперь оценивают скорее сдержанно. Так, в 2000 г. (N=1600) половина опрошенных дали среднюю и низкую оценку роли Брежнева в истории, три пятых — его личным качествам, 62% — лидерским способностям. Речь идет именно об обобщенном образе тех лет как воображаемого целого. Временные рамки послехрущевского периода могут при этом очерчиваться различными группами несколько по-разному, однако сами по себе хронологические расхождения не слишком велики и по смыслу достаточно понятны.

Если принять за разметку политический календарь (а в тоталитарных и авторитарных режимах именно он задает циклы и ритмы социального целого), то нижнюю границу периода допустимо привязать к середине шестидесятых с некоторым заходом на вторую их полови-

¹ Более или менее выраженные положительные оценки эпох, обозначенных именами других лидеров массовых симпатий — Николая II и Юрия Андропова, — колебались тогда на уровне всего лишь 10%, оценки же остальных практически не выходили за пределы допустимой статистической погрешности. Наиболее отрицательные оценки в 1995 г. (N=1700) были даны эпохам Ельцина, то есть настоящему (32%), Сталина (22%) и Горбачева, иными словами — ближайшему прошлому (12%).

ну. Значимые точки здесь — празднование в 1965 г. двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне с первой попыткой реабилитации фигуры и роли Сталина в торжественной речи Брежнева, которая дала начало пропагандистскому процессу ретроспективной героизации войны¹; процесс над Даниэлем и Синявским в 1966 г., ставший решительным толчком к оформлению правозащитного движения в СССР, практики «подписанства» среди научной и художественной интеллигенции; ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г., обозначивший конец либеральных шестидесятнических надежд, утвердивший новый, авторитарный стиль руководства в стране и покончивший с просоветскими иллюзиями и симпатиями в кругах международного левого движения. Тогда условную «середину», перелом или перевал, можно приурочить к середине 70-х с их новыми акцентами во внутренней и внешней политике СССР (Хельсинкские соглашения, политика разрядки), во-первых, и высылкой диссидентов, разворачиванием более широкого эмиграционного движения, во-вторых. Наконец, верхний рубеж проходит через первую половину и середину 80-х — между началом афганской войны в 1979 г., смертью Высоцкого, «Олимпиадой вместо коммунизма» в 1980 г. и кончиной Брежнева в 1982-м (с последовавшей затем чехардой политических лидеров страны вплоть до 1985 г.). Сложнее вопрос об оценке самого этого пятнадцати-, двадцатилетия условных «семидесятых», точнее — о понимании их как *структуры* в ее статике и динамике, во взаимодействии, взаимоналожении процессов и сил, различавшихся по масштабу, направленности, результатам.

Здесь социальному аналитику приходится учитывать как минимум три обобщенные, исторически сложившиеся точки зрения. Они артикулированы в относительно разное время различными группами внутри советского, а позднее — российского социума. Эти группы занимали несходное положение в обществе, отбирали, синтезировали, оценивали феномены окружавшего их настоящего или недавнего прошлого в разной перспективе и, так или иначе фиксируя какую-то (по их пониманию) коллективную реальность, шли при этом от разных смысловых ориентиров. Причем необходимость многосторонней оценки, стереоскопичность видения в данном случае не индивидуальная особенность чьего-то исследовательского зрения. Ей по-своему соответствует неоднородность (причем, как будет отчасти показано дальше, нарастающая неоднородность, многофокусность) самой

¹ См.: Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены... 1997. № 5. С. 12–19 (особенно с. 15–17); Tumarkin N. The Living & the Dead: the Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. N.Y.: Basic Books, 1994.

брежневской «эпохи». Кроме того, указание на многосоставность прошлого выступает для аналитика еще и своего рода методологической вакцинацией от той идеологически единообразной картины брежневского ли, иных ли периодов отечественной истории, которая, кажется, опять устанавливается сейчас в массмедиа и массовом мнении.

Первую точку зрения — официальную газетно-телевизионную идеологию самих 1970-х гг. — можно грубо резюмировать тогдашним же заклинательным словом «расцвет». Вторую, едва ли не целиком ей противоположную (смысловым ядром здесь была позиция правозащитников и деятелей «второй культуры» тех же семидесятых), очень приблизительно обозначу ходовым слоганом несколько более позднего времени, периода ранней перестройки и гласности 1987–1988 гг. — «застой»¹. Наконец, третья кристаллизовалась в массовом общественном мнении уже первой половины девяностых, к 1993–1994 гг., и укладывается в ностальгическое представление об ушедшем «золотом веке стабильности и порядка». Что имели или имеют в виду типовые сторонники каждой из подобных оценок, казалось бы, *одного и того же* времени? Какие аспекты коллективной советской жизни, скажем условно, «семидесятых годов» они с разной временной дистанции выделяют и подчеркивают? Убеждая при этом — кого? Споря — с чем?

Официозная оценка на свой лад фиксирует уровень *общего* в тогдашнем социальном и культурном существовании советских людей. Ее казенно-отчетный характер сейчас понятен, как не был он, впрочем, особенно уж скрыт и прежде, — важнее, что она показывает, а что скрывает. Суконными тогдашними словами о «новой исторической общности людей — советском народе» обозначались и опознавались феномены не поверхностные, не выдуманные и совсем немаловажные. К середине-концу шестидесятых страна стала, в массе и в среднем, образованной — точнее, грамотной на уровне школы. В среднем и в массе же — городской (вернее, уже не деревенской). Опять-таки в среднем и относительно — благополучной, то есть имеющей в каждой типовой семье некоторый, пусть очень скромный, достаток без сколько-нибудь серьезного стратегического ресурса и некоторый, пусть очень ограниченный, досуг. Принцип хоть и небольшой, но отдельной квартиры, идея «образа и стиля жизни» для множества семей становятся реальностью именно в этот период. Население, в его большинстве если и не начало набирать жирок, то все-таки перестало затягивать пояса: дешевый хлеб, пресловутые колбаса и водка, по крайней мере в центре, конечно, не исчерпывают общее достояние той эпохи, но входят в нее неотменимо, а об очередях в провинции и колбасных

¹ См.: Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991.

поездах в Москву тогда если и говорили, то далеко не все и лишь между своими, да и то вполголоса.

Больше того, Советский Союз тех лет стал страной, которая одной ногой как будто вступила в массовое общество — общество массовых коммуникаций, печатных (подписка на прессу, домашние библиотеки) и аудиовизуальных (телевизор), общество быта, цивилизованности, моды, техники и даже «технической эстетики». Элементы импорта в тогдашней городской и столичной жизни, реальные и символические разом (одежда, обувь, мебель, торшеры, бра, люстры вместо прежних одинаковых голых лампочек и оранжевых абажуров, косметика и детские товары из Чехии, Венгрии, ГДР, экзотическая керамика и более качественная радиотехника, магнитофоны из Прибалтики) — вещь неслучайная. Они, как и тогдашние «Березки» в крупнейших городах, были, конечно, только вкраплениями, но они *уже были*¹.

Все эти феномены проступали и накапливались, понятно, не один год. Однако к исходу шестидесятых они начали давать суммарный эффект. И будь общество семидесятых (допустим такое невероятное предположение) более открытым, этот эффект был бы не просто многократно больше. Казалось, он мог бы стать *системным*, перейти в динамическое качество всего устройства коллективной жизни. К тому же в стране несколько десятилетий (тоже с оговорками, но не о них сейчас речь) не было войны — ни обрушивавшейся извне, ни самоубийственной внутренней. Именно потому и как раз тогда, в те негероические годы, прошедшую «отечественную» (не «мировую»!) войну начали официально и всенародно героизировать, причем этот новый, отретушированный и национализированный ее образ устраивал как верхи, так и низы. От всемирного миссионерства и устрашающей воинственности времен классического сталинизма и холодной войны власть перешла пусть к демагогической и половинчатой, но все же политике разрядки во внешнеполитических отношениях. Ни обожествлением либо демонизацией вождей, ни мифологией великих свершений общество уже не жило, зато и прямой давежки на человека стало, казалось, меньше.

Людей, можно сказать, оставили в покое, как тогда выражались — «дали дышать». Власть и население как будто приноровились: разошлись по своим углам, поладили на основе взаимной незаинтересованности. Максимализм солженицынского «Жить не по лжи» (1973) не стал и не мог стать жизненной максимой масс, годами привыкавших *выживать*, изворачиваясь и существуя на два ума.

¹ Некоторые дополнительные соображения об этом см.: Дубин Б. Быт, бытовщина, обыденность: К исторической социологии идей повседневности в России// Социология и современная Россия/ Под ред. А.Б.Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 124–136.

Неудобно государство предпочитало теперь не убивать миллионами, а единицами высылать силой за рубеж или сотнями постепенно выдавливать в эмиграцию (со второй половины 70-х она мерялась уже на тысячи). Даже из сознания выживших, не говоря о более молодых поколениях, стал уходить повседневный страх за себя и близких. Вполне понятно, с чем при этом, в условиях фактической и идеологической закрытости от Запада и отсеченности от более далекого прошлого (общей или хотя бы родовой памяти двадцатых годов, дореволюционных эпох), сравнивал свою жизнь обычный человек, на каком самоубийственном и людоедском фоне советского XX века вырисовывались для него эти — конечно же, очень относительные, по сути же и вовсе нищенские — достоинства полутора-двух десятилетий и как они, по контрасту, были оценены большинством, чья зрелость (30–40-летие) пришлась на описанные годы. А подобное сравнение каждый средний человек, семья, микрогруппа вели, стоит отметить, ежедневно. Они оценивали свое положение, обобщенно говоря, по двум осям: сопоставляя его со своим же ближайшим прошлым — послевоенным периодом, излетом сталинской эпохи, с одной стороны, и жизнью своих родителей (в абсолютном большинстве жителей насильственно раскулаченной, обобранной и бесправной сталинской же деревни) — с другой. Мерой, критерием при этом выступало положение большинства современников — других, но «таких же, как мы», новая норма, социальный стабилизатор, сдерживающий и нивелирующий уровень начавшей складываться общей привычки, некоего аморфно-коллективного жизненного обихода.

Конечно же, так выглядела лишь одна сторона, *казовая* — феномены внешней однородности и внешнего же единства на уровне «всей страны». За ними, подспудным, оставался тот факт, что во многом те же перечисленные выше процессы (урбанизация; образовательная криптореволюция, повлекшая за собой новый статус и престиж «интеллигенции»; столь же замаскированные по идеологическим резонам революции досуга и массовых коммуникаций) обострили и проявили *дефициты* советского общества, его системного устройства. Я имею в виду слабость и зависимость составляющих развитое общество групп со своими интересами и ценностями, прежде всего — групп лидерских, первопроходческих. А также отсутствие собственно современных общественных институтов — будь то экономические, политические, правовые. Добавлю к этому фактическое убожество тогдашней публичной сферы, зачаточного общественного мнения, которое должно было бы открыто выражаться на межгрупповом языке, вернее — в гибкой системе различных, общих и специализированных, языков. Должно было бы, но не выражалось, поскольку этих языков, как и са-

могó публичного пространства, не возникало (цену этой немоты пришлось оплатить позднее, уже в условиях гласности).

Вот этот придонный, полузадавленный групповой план взаимодействия людей, соответствующий полупризнанный уровень общества и начал проступать в семидесятые годы. Но проступать в неизбежно и неузнаваемо трансформированном, даже изуродованном виде. Так, будто бы «вдруг» для общественного сознания, дали о себе знать феномены «второй экономики» (начальственного сговора, негласной межведомственной сделки, повсеместного блата, подпольного производства). «Другой политики» (политического, национального и религиозного диссидентства, правозащитного движения). «Второй культуры» («полочного кино», спецхрановской науки, нонконформистского изобразительного искусства, журнального и книжного сам- и тамиздата в художественной литературе, философии, гуманитарных и общественных дисциплинах). «Крипто-публичной сферы» в городской жизни («магнитофонный самиздат», квартирное видео, распространение самодельных ксерокопий и машинописей обо всем на свете от сыроедения и теософии до восточных единоборств и сексуальных техник и проч.). Все это «второе», закулисное и непризнаваемое «общество» (не говорю сейчас о «третьем», об эмиграции) включало в себя, как теперь стало видней, разные по форме, масштабу и функции социальные феномены.

С одной стороны, здесь так или иначе оформлялись процессы расслоения и дробления общества, его групп, их интересов и ресурсов, которые не признавались, в упор не виделись официальной идеологией¹. Расслоения доходного, имущественного, властного, а далее связанного и с разными образами жизни, наборами благ и символов. В силу той или иной степени закрытости «большого» общества, как и его локальных ярусов и отсеков, эти различия неизбежно перерождались в систему присвоенных либо прихваченных привилегий, разных уровней доступа к тем или иным ресурсам (включая информационные), не афишируемых, но могущественных связей и проч. Часть подобных отношений, сложившихся в кругах и для обслуживания правящей бюрократии, получала институциональное и в этом смысле «документированное» оформление (ведомственные и региональные продуктовые рас-

¹ До некоторой степени их пыталась фиксировать социология, см., в частности, ретроспективную публикацию нескольких тогдашних исследований: *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4-х кн. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева. М., 2003. Положение самой социологии в те годы — предмет особого разговора, который пока лишь начат; см., например: *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах/ Отв. ред. Г.С. Батыгин.* СПб, 1999.

пределители, книжные экспедиции и др.). Остальные отношения не-начальственного большинства либо напрямую, но нелегально использовали связи и ресурсы данной закрытой и упорядоченной сферы, либо пытались копировать и пародировали ее устройство (еженедельные продуктовые заказы на предприятиях и в организациях, премиальные талоны к праздникам на всевозможное «спецобслуживание», всевозможные допуски и пропуски на каждом углу и на что бы то ни было)¹.

С другой стороны, в такой наполовину допущенной или вовсе за-прещенной форме пытались заявить о себе, обозначить себя, хоть в какой-то степени реализоваться собственно лидерские, инновационные, поисковые группы творческих интеллектуалов (писателей, людей искусства, философов, историков культуры, социальных ученых), которые отчасти смыкались с более квалифицированными кругами служащей интеллигенции и в той или иной мере поддерживались ею. Здесь опять-таки шел свой процесс расслоения и дробления. В ходе его одни подгруппы или фракции интеллектуального, творческого сообщества радикализировались, а значит, полностью уходили в социальную «тень»²; наиболее радикальные — выезжали или вытеснялись за границу, впрочем, граница эта стала теперь не такой уж непреодолимой (люди могли уехать на Запад, информация — радиоголосами и тамиздатом вернуться на Восток). Другие, напротив, включались в нормальную, системную науку, искусство, литературу, бюрократические структуры, обслуживающие власть различных ведомств и уровней (вплоть до закрытых структур типа шарашек, спецгородов, спецхранов и проч.). Третьи балансировали на грани открытости-закрытости, соединяя институциональную деятельность — плановую, отчетную, переходящую в плановые же, открытые, цензурированные публикации, с полузакрытой, типа квартирных семинаров, чтений или выставок, а то и вовсе нелегальной, подсудной — не прошедшие советскую цензуру публикации за рубежом и т.п.³

¹ См. об этом: *Левада Ю., Левинсон А.* «Похвальное слово» дефициту // Горизонт. 1988. № 10. С. 26—38.

² Подробнее см.: *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Вильнюс; Москва, 1992; Самиздат Ленинграда. 1950—1980-е / Под общ. ред. Д. Северюхина. М., 2003; «Вегетарианская эпоха»: Диссиденты 1960—80-х годов / Сост. и предисл. Г.С. Померанца. М., 2003, и др.

³ См.: *Эггелинг В.* Политика и культура при Хрущеве и Брежнев, 1953—1970. М., 1999; *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970—1985. М., 1997. На материале словесности и печатной культуры подробнее см.: *Гудков Л., Дубин Б.* Параллельные литературы: Попытка социологического описания // Родник. 1989. № 12. С. 24—31; позднее перепечатано в их книге «Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях» (Москва; Харьков. 1995. С. 42—66).

Эти формы интеллектуальной жизни, феномены разных ярусов и отсеков «большого» общества нередко соприкасались, смешивались, переходили друг в друга. Границы разрешенного/запрещенного были зыбки и подвижны. В открытом, развернутом виде они не формулировались и не объяснялись, а потому зачастую перетолковывались каждой стороной в свою пользу. К тому же расслоение в данной сфере шло не только по оси «новое-старое», «пионеры-консерваторы» (первопроходцы — их восприимчивики и адапторы — рутинизаторы — эпигоны и т.д.), но и по отношению к определенным ценностям и символам. Таким, например, как символы национальной и религиозной принадлежности¹, ценности познания, гражданского действия и другие.

Кроме того, эти процессы дробления по-своему проходили в центре общества и в его «глубинке», в Москве, Ленинграде и в национальных республиках. Наконец, важным их фактором выступал образ Запада, действия и реакции определенных сил, общественных групп на Западе в контексте процессов так называемой разрядки 1970-х гг., включая ширившуюся эмиграцию. Официальные власти, политические, культурные, экономические институты советского общества вступали с данными местными и зарубежными силами, группами в свои отношения, опять-таки двойственные, люди и кружки «второй культуры» — в свои, тоже неоднозначные. И у тех, и у других игра шла, можно сказать, на нескольких площадках, к тому же ее правила нередко менялись по ходу дела. Все эти переплетенные, склеенные, спрес-

¹ Прикровенное оформление, а потом и официальное узаконение державных и почвенно-националистических взглядов на историю России, перспективы СССР и его место в мире происходят в общественном мнении страны именно за 1970-е гг. (подробнее см.: *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы. М., 2003). Это относится к разным уровням тогдашнего общества — кругам диссидентов (самиздат, письма вождем, начиная с солженицынского 1973 г.), журнальной публицистике отдельных идеологических групп («Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и др.), массовой аудитории изобильно тиражируемых романов-эпопей (секретарской прозы, начавшей в эти годы не только широко публиковаться, но и отмечаться государственными премиями, сопровождаться кино- и телеэкранизациями). Взаимоотношения и напряжения между разными фракциями интеллигенции, уровнями власти и массы по данному пункту сейчас не обсуждаю, укажу лишь на полемическую, но неразрывную связь национализма с официальной идеологией «новой исторической общности людей» — «советским народом». Отдельной стороной этого процесса выступает формирование как в центре, так и на городской периферии страны радикальных молодежных группировок (территориальных, спортивно-фанатских и др.), в протестном переосмыслении и целях самодемонстрации использующих, в частности, некрофильскую и нацистскую символику.

сованные явления и процессы определяли в сумме довольно значительную сложность, насыщенность, а для кого-то даже и своеобразное «богатство» социально-культурной жизни во «втором обществе», с точки зрения его членов. Характерно, что позднее многие интеллектуалы не поддержали плоскую, на их взгляд, оценочную квалификацию семидесятых годов как «эпохи застоя»¹.

Наконец, с третьей стороны, на «втором», полуполюгальном уровне закрытого советского общества стали складываться элементы опосредующих структур и обменных отношений — и внутри данной сферы, а отчасти даже и во взаимодействии с «открытой» сферой. Разумеется, возникающие рынки всевозможных товаров, благ, услуг оказывались при этом «черными» и «серыми». Элементы универсальности, формализации, обобщенной таксации действий участников были в них вынужденными, изменчивыми, непрочными. Однако к концу 1970-х — началу 1980-х гг. некоторые из таких «подпольных» форм опосредования разных действий, образов жизни, наборов ценностей и благ советская система была вынуждена относительно, с двусмысленными оговорками и безо всяких гарантий стабильности, все-таки признать и легализовать в открытой или ограниченно открытой сфере. Так — перечислю лишь некоторые из относящихся сюда разнопорядковых феноменов — заметно развернулась информационная (библиографическая, реферативная и публикаторская) деятельность ИНИОН. Так на географической периферии стали возможны независимые формы научной и художественной самоорганизации (школы, как, скажем, Тартуская; конференции — например, Тыняновские). Так, во многом минув механизмы идеологической давешки и прямого цензурного контроля, сложились формы массового книгообмена в магазинах и по почте, а затем — практика приобретения книг в обмен на талоны за сданную макулатуру². Так в различных спортивных клубах и обществах, при ЖЭКах и проч. появились секции восточных единоборств, туризма и т.п. на платной и получастной основе. Так были разрешены и даже поддержаны определенными узкими силами «на местах» отдельные феномены рок-культуры и молодежной субкультуры вообще, кружки и объединения «альтернативной» литературы.

Все перечисленные процессы и оставшиеся сейчас не названными феномены, к ним примыкавшие, свидетельствовали об относительном ослаблении и постепенном развале централизованного, военизи-

¹ См.: Миф о застое. Л., 1991; Семидесятые как предмет истории русской культуры. Москва; Венеция, 1998.

² См.: Левинсон А. Г. Макулатура и книги: анализ спроса и предложения в одной из сфер современной книготорговли // Чтение: проблемы и разработки. М., 1985. С. 63–83.

рованного, ведомственно-иерархического общественного устройства советского типа. Свидетельствовали о развале — и ускоряли развал. Они выступали устройствами по одомашниванию распада, утилизации его продуктов, которые создавали в нем очажки выживания, исподволь подтачивавшие дальше весь разваливающийся механизм. Полученные, присвоенные, случайно доставшиеся или прихваченные ресурсы и формы собственно советских институций использовались группами и слоями социума для других по смыслу отношений, в других функциях. И наоборот: нормы и механизмы функционирования советской системы обрастали качественно другими, непривычными для них формами, иным «человеческим материалом» и проч.

Однако все подобные устройства — сегодня это выявилось с полной очевидностью, хотя границы их возможностей, пределы соответствующего человеческого типа начали ощущаться десятилетием раньше, уже в начале девяностых — были по характеру чисто реактивными и адаптивными. Иначе говоря, зависимыми от системы, которую использовали и одновременно подтачивали. Опыт вынужденного приспособления к навязанным обстоятельствам, по-своему напряженный, для кого-то, не исключая, увлекательный и даже относительно разнообразный, — вот что вынесло из «семидесятых» большинство людей, которые начали в те годы работать, заводить семью, устраиваться с квартирой, а затем как-то повышаться по службе, обзаводиться «вторым жильем» (дачей, приусадебными участком) и т.д.

Вместе с тем, приходится признать, что все эти феномены были возможны лишь при одряхлении и развале тоталитарной системы советского общества. Они выступали сопровождением, проявлением и ускорением этого распада, растянувшегося на несколько десятилетий и, вообще говоря, не завершенного по сей день. Их конструктивный, тем более инновационный, потенциал был, как выяснилось уже в начале 1990-х гг., далеко не так велик (говоря метафорически, такие устройства, как самодельные «жучки», тем более искусственные клапаны или шунты, могут быть технически даже очень изобретательными и на какое-то время весьма эффективными — они только неспособны к самостоятельному существованию и к самоусовершенствованию, развитию).

Главное — в том, что они не породили принципиально новых, автономных форм социального действия и общественной самоорганизации. Иначе говоря, не породили автономных институтов. Тем более, институциональной системы, которая могла хотя бы отчасти продвинуть в решении главных проблем, стоявших перед советским обществом еще в его начале, — переходе от чрезвычайщины к обыденности, модернизации базовых систем и гражданских институтов общества, определении места и связей страны в современном мире. Ни узко кружковые

формы сплочения и взаимовыручки, ни партикулярные связи родства, ни рутинная повседневность массового существования на остаточных ресурсах советской социально-экономической машины, балансирования в зазорах и на гранях ее возможностей, допусков и упущений не создают нового, динамичного и системного, общественного качества. До их уровня можно в трудных условиях спуститься. Можно, сберегая силы, отступить на их линию. Но с нее нельзя стартовать.

Умения устраиваться и выживать, снижая запросы и минимизируя собственный вклад (запасы слишком малы!), не дают и не могут дать основу даже для рывка, тем более — для устойчивого роста. Наращивание и воспроизводство подобных полупризнанных форм социального симбиоза оказалось в конце восьмидесятых и в девяностые годы — причем вроде бы в условиях свободы — невозможным. А без них, без опоры на реальные сообщества людей и их действительные коллективные интересы, все волевые попытки обновления страны «сверху» свелись, по большей части, к однократным безрезультатным воздействиям, словесным закланиям и судорожным порывам.

Среди прочего, еще и поэтому массовое сознание — отчасти по памяти, отчасти — по реакции на непривычность и непонятность социального мира середины 90-х, отчасти под воздействием масс-медиа и стоящих за ними властных клик — стало возвращаться и, наконец, вернулось от словесной поддержки реформ, от воплощавших их фигур и символов, известной героики и даже эйфории на исходе 80-х к ностальгической идеализации брежневских лет. В социальном порядке конца 1990-х «вдруг» опознали и признали хорошо знакомый по застойным временам основной лейтмотив поведения — задачу адаптироваться к предлагаемым и безальтернативным обстоятельствам. Как видно, уроки привыкания не проходят и не прошли даром. Такое — в отличие от мучительного, страшного, убийственного — действительно не забывается. И уже с середины 1990-х гг. сначала относительное, а затем и абсолютное большинство российского населения, по данным опросов ВЦИОМ, стало считать брежневскую эпоху лучшей в жизни России за весь двадцатый век, выделять самого Брежнева как государственного деятеля, принесшего стране гораздо «больше хорошего, чем плохого», а самым светлым в своей жизни и жизни своей семьи временем называть брежневское.

Сегодняшние оценки брежневских лет, сохраняя прежнюю, «советскую» *конструкцию* коллективной самоидентификации, сместили *вектор* и, в этом плане, выступают своего рода негативом тогдашних. Точкой отсчета, уровнем факта для большинства теперь, по сравнению с собственно брежневскими временами, стала низкая оценка своего сегодняшнего положения, но в еще большей степени — ближайшего прошлого, горбачевского, а особенно — ельцинского периодов.

**Какой уровень благосостояния вы хотели бы иметь?
(1998, N=1600, в % к числу опрошенных)**

Как сегодня у большинства на Западе	50
Как в СССР времен Брежнева	36
Затруднились ответить	14

При этом примерно для половины опрошенных фокусом ориентаций, по крайней мере — в том, что касается благосостояния, стал теперь обобщенный образ Запада. Определилось и направление другого, «своего», «особого пути», доля сторонников которого в конце 1990-х гг. колебалась в России, при разных формулировках соответствующих вопросов, от 34 до 60%¹. Если судить по только что приведенной таблице, этот вполне мифологический путь, опять-таки, примерно для половины опрошенных, ведет в столь же воображаемое советское прошлое. Однако это прошлое, по сравнению с его коллективными образами в сами брежневские годы и в первый постсоветский период, — уже иное.

Сознанию большинства, по контрасту с «вдруг» обнаружившимися «недавно» и поныне окружающими людей неразберихой, преступностью, коррупцией и т.п., рисуется уже не классическая сталинская эпоха, когда были созданы основные мобилизационные институты тоталитарно-репрессивного общества, его *система*, а период ее относительного, но мирного *распада*, процесс и продукты которого большинству населения удалось тем или иным образом освоить и использовать. Советское сегодня, можно сказать, равно не столько сталинскому, сколько брежневскому². С одной поправкой: эти «эпохи» — не исторические данности, а мысленные конструкции, и они не противостоят, а скорее «отсвечивают» друг другу или выступают измерениями друг друга. «Сталинская» эпоха в коллективном сознании несет на себе семантику принудительно-аскетического, но и героического (война!), в этом смысле — *высокого*; «брежневская» — значения относительно устроенного и менее управляемого, бесхозного, даже просто безалаберного, но потому более безопасного и удобного для жизни советских людей, в этом плане — *повседневного, обычного*.

¹ Подробнее о нем см.: Мониторинг общественного мнения. 2000. № 6. С. 25—35, и статью «Запад для внутреннего употребления» в настоящем сборнике.

² Эти последние соображения прояснились и уточнились для автора при обсуждении первоначального наброска данной статьи с Алексисом Береловичем, которому я приношу глубокую благодарность. Позже он изложил свое понимание проблематики, см.: *Берелович А. Семидесятые годы XX века// Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4. С. 59—65.*

Как бы там ни было, перед нами здесь — один из следов перемены в обобщающих оценках *всего* советского прошлого, все большим количеством людей оцениваемого и принимаемого теперь как «свое». Таков, видимо, шаг восприятия социальных перемен на массовом уровне, в форме привыкания. Он превосходит размерности одного и даже двух соседних поколений. Это перемены не в умах сверстников Ленина или Сталина либо их, условно говоря, «детей» и даже «внуков». За понятием «поколение» стоит принципиально другой — по размерностям, носителям, механизмам, смысловым ресурсам — процесс социального взаимодействия и его *группового* осознания-опознания¹. Процесс межпоколенческого конфликта и разрыва можно, со всеми оговорками, диагностировать как *современный*, приурочив его возникновение, осознание, разворачивание к начальным периодам эпохи модерности, самому рубежу XVIII—XIX вв. и первой половине девятнадцатого столетия. Процессы же адаптации к распаду структур тоталитарного общества, по масштабам *массовые*, но по механизмам чисто *традиционные* (привычка) или *превращенные* из прежних традиций (негативная идентификация и проч.), проходят, как можно предположить, вообще вне сферы современных институтов.

Тоталитарное общество-государство, особенно — в его советском варианте, фиксирует и консервирует, сколько может и насколько хватает его сил, принципиальный разрыв между властью и массой. Все остальные его социальные установления только на этом и построены, на это и направлены (тоталитарный=тотальный). Разрыв между данными уровнями, допустимо сказать, в социальном плане не обжит, он не «заполнен» исторически складывающейся системой самостоятельных институтов, даже промежуточных и опосредующих. Соответственно, при распаде данной системы по причинам внутреннего, а еще чаще — внешнего порядка (но не выходе из нее!) массовая адаптация к эрозии и развалу возможна лишь в негативной и понижающей форме, поскольку в рамках этой негативной конструкции сохраняется базовая система индивидуальной и коллективной референции, самоидентификации и саморепрезентации массового человека тоталитарного (в частности советского) типа.

Процесс адаптации к распаду растягивается в таком случае или случаях на несколько поколений. Фактически это означает, что он недоступен как систематическому индивидуальному контролю, так и сколько-нибудь направленному групповому воздействию — силовому, идеологическому либо иному. Вне системы реально действующих современных институтов, а значит, и без соответствующего антропологического

¹ См. об этом подробнее: Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2. С. 11—15.

ческого субстрата, без образа, галереи образов самостоятельного и ответственного индивида, которые тоже создаются не одним поколением, всякая воля к разовым переменам сверху, сколь бы благой она ни была и какой бы концентрацией власти ни обеспечивалась (рассчитывать на то и другое, тем более в совокупности, строго говоря, не приходится и вряд ли возможно) только еще и еще раз воспроизведет тот же синдром исторического тупика.

О КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И «СЛАБЫЕ» ФОРМЫ*

Я бы хотел, почти не приводя новых опросных данных, продолжить ту линию концептуальных размышлений о специфике коллективного самоопределения в постсоветском социуме, которая была намечена в недавних публикациях рабочей группы исследовательского проекта «Советский человек»¹. Мой предмет сейчас — обобщенные конструкции массовой идентификации россиян, поскольку именно коллективная идентичность является центральной (и нерешаемой) проблемой модернизации по-российски, синдромом модернизации советского типа.

В самом общем плане специфика советской, а теперь вновь «российской» идентификации на массовом уровне связана с тем, что контур, целостность и семантика коллективного «мы-образа» заданы здесь «извне», через отсылку к «иному» и «чуждому»: они определяются устойчивым, традиционным по смысловой структуре представлением о непреодолимом рубеже между «своими» и «чужими». Это один момент, он характеризует *конструкцию* идентичности. С другой стороны, важно, какие именно значения закрепляются в качестве «чужих», а какие, в обратной перспективе, осознаются «своими», — то есть, *семантическая составляющая* коллективной идентичности. В названных работах коллег автора и его собственных не раз показывалось, что отрицательно оцененными, вытесненными из автостереотипа и перенесенными на других выступают при этом значения «модерного».

* Опубликовано в кн.: Пути России. М., 2004. С. 233–238.

¹ См.: Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 35–44; Левада Ю. Координаты человека: к итогам изучения «человека советского» // Там же. 2001. № 1. С. 7–15; Он же. Человек советский: проблема реконструкции исходных форм // Там же. 2001. № 2. С. 7–16; Дубин Б. Массовые коммуникации и коллективная идентичность // Вестник общественного мнения. 2003. № 1(67). С. 17–27.

К данной области «чужого» относятся антропологические свойства и социальные отношения, характеризующиеся открытостью и универсальностью, достижительностью и состоятельностью, имеющие условный, договорной характер, а потому предполагающие относительную свободу индивидуального выбора и решения. Они — при всех своих идеальных ориентирах — направлены на практические стороны жизни, а значит, связываются с ответственностью индивидов и групп за окружающую их и создаваемую ими коллективную реальность — личное и совместное существование. Между подобными значениями, олицетворяющими их фигурами, социальными образованиями, с одной стороны, и значениями, которые вкладываются в коллективное «мы» и принимаются в качестве самоопределений, с другой, поддерживается и подчеркивается принципиальный зазор, разрыв.

Для современного и постсовременного общества подобный невроз границы выглядит, конечно, архаизмом. Однако я бы связывал его не с фольклорно-мифологическими реликтами племенной архаики и прочими «константами русской культуры», не с собиранием и строительством централизованного государства Иваном III или IV, не с державно-патриотическими построениями, церемониями и учреждениями екатерининской эпохи и даже не с идейными спорами русской интеллигенции 1840—1850-х годов или позднейших десятилетий. В основе этого заботливо охраняемого и постоянно подновляемого архаизма лежит, на мой взгляд, национал-государственная доктрина зрелого и позднего сталинизма с ее культом военно-бюрократической власти, пирамиду которой возглавляет фигура единоличного вождя, и с ее идеей глобального противостояния СССР, стран «социалистического лагеря» враждебному «капиталистическому окружению».

Важно, что эти идеи и представления были воплощены в структуре и практике всех базовых институтов тоталитарного социума, доживших до теперешнего времени — от семьи и школы, работы и зарплаты до репрессивных систем, секретных служб и внешнеполитических ведомств, — растворены в повседневной жизни сотен миллионов. Модельные институты советского социального целого — а это институты силовые, иерархические, закрытые — полностью сохранили на нынешний день структуру и масштаб, приданные им прежде, а в кадровом, количественном плане даже значительно расширились¹. Новейшая история страны, по меньшей мере с 1993—1994 гг., октябрьского путча в Москве и первой чеченской войны, тем более после 1999—2000 гг., де-

¹ См.: *Дубин Б.* Модельные институты и символический порядок // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1(57). С. 14—19; *Гудков Л.* Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 28—44; № 2. С. 35—51.

монстрирует все большее бюрократическое разрастание подобных социальных образований, расширение их влияния на высшие органы политической власти, экономику, масс-медиа, подбор протагонистов публичной сцены, механизмы их действия и поддержки, официальную риторику, социальную жизнь в целом. Но «силовые» в данном случае вовсе не значит «сильные», и закулисное расширение их влияния подразумевает, как раз напротив, слабость общества, очерчивает зоны, в которых собственно социальные, ценностные мотивы, аргументы, формы поведения не действуют.

Как известно, массовое «доверие» в нынешнем российском обществе перенесено на институты и фигуры, которые олицетворяют авторитарно-иерархическое господство. Уточню. Они воплощают не власть и не порядок, а обобщенные значения бесконтрольной и экстраординарной силы: нереальную, но желанную для бесправной и беспомощной массы управу на власть и презумпцию жесткого порядка по принципу «и для вас срок придет», «ужо вам всем» («Ужо тебе», — как говорил Медному всаднику бедный пушкинский Евгений)¹. Таковы силовые структуры РФ, такова нынешняя Русская православная церковь. В точном смысле слова здесь следует говорить не о реальном доверии, характерном для развитых и сложных современных обществ, а о традиционалистском и воображаемом уповании на желаемый результат. Так, действующего и переизбранного на новый срок президента Путина по-прежнему ценят не за то, что он «справляется с решением проблем страны», а потому что «люди надеются, что он в дальнейшем сможет с ними справиться»; так свыше двух третей взрослого населения считают себя православными, но вера — не говоря уж о внушенных верой делах — занимает в их жизни «небольшое место» и проч.

Однако представляемые таким образом властные полномочия и их воображаемое применение, как предполагается респондентами, совершенно не касаются их самих и не относятся к их повседневной жизни. Такая дистанцированная идентификация с воображаемыми

¹ Этот ход мысли характерен, насколько можно судить, и для самих носителей высшей власти, символически объединяя их с «народом». Так другой «душевный бедняк», намучившийся в хождениях по совбюрократическим властям Макар у Платонова с чувством повторяет за книжкой слова Ленина о том, что однажды всему этому придет конец: «...я не теряю надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят» (*Платонов А. Государственный житель. М., 1988. С. 106*). Ср. сознание ненадежности своей власти — или подыгрывания подобному сознанию — в устной реплике Сталина 1937 г., когда, говоря о себе и товарищах по поколению как «замухрышках» и «среднячках» («среднячках офицерского состава»), вождь добавляет: «...вот что решало, боязнь провалиться, и мы вышли в лидеры» (*Такер Р. Сталин у власти. М., 1997. С. 440*).

инстанциями, все более укрепляющаяся во второй половине девяностых годов и ставшая устойчивым стереотипом в последнее пятилетие, тем сильнее, чем менее эти инстанции и фигуры реальны для респондента, чем менее они вообще связаны с его повседневной жизнью. Можно сказать — чем менее они ему доступны и чем более дают возможность увильнуть, остаться в стороне, не участвовать (может быть даже, чем более они наделены значениями экстраординарного, но далекого и скрытого). Это образы «иног» в полноте его потенций и сил (некие «они»), к тому же образы эти сформированы в отношении «других» (тех или иных «чужаков», «нарушителей»). Вместе с тем, они имеют в виду и «нас» в качестве поднадзорных: «С нами по-другому (без палки, без кнута и т.п.) нельзя», — однако из числа этих последних как будто бы исключен сам респондент. Иными словами, проблемой, вызывающей постоянную тревогу для описываемого типа сознания, является «другой». Мы имеем дело с процедурами вытеснения и переноса «вовне» проблематичности собственного определения. Поэтому во всех подобных фигурах коллективной идентификации как бы отсутствует «я» — своего рода «слепое пятно», «черное зеркало», взгляд, не видящий себя.

Зоны и инстанции коллективного самоопределения для такого сознания вынесены либо в условное и недостижимо утраченное *прошлое*, которое «было», но которое «невозможно вернуть», или в сослагательное *будущее*, которое невозможно приблизить и к которому невозможно прийти, но которое «ужо настанет» (столь же неопределенная граница, долженствующая положить символический «конец», но и только — что дальше, опять-таки не обсуждается). Подобные фигуры и конструкции воплощают непереносимость реальности, отторжение от нее, можно сказать, бегство от настоящего — от времени и пространства реальных, сегодняшних совместных действий, от взрослой взаимности расчетов и ответственности поступков. Наименьшим «доверием» (или наибольшим недоверием) со стороны массового сознания облечены сегодня в России именно *современные* системы и институты, которые в развитых обществах обеспечивают порядок *повседневного* взаимодействия граждан (право, суд, прокуратуру, милицию, профсоюзы, потребительские ассоциации, общественные движения и объединения). Напротив, образы и фигуры дистанцированной, симулятивной идентификации в их неизменности, отделенные от индивида символическими барьерами «времени» и «пространства», принципиально защищенные от сопоставления, сравнительной оценки, воздействия и трансформации, а значит, минимально доступные рационализации, и составляют рамку восприятия реальности, общую для большинства россиян. Только отсылка к ним контражуром дает массовому респонденту условное и нестойкое ощущение своего социального «я».

Фигуры и конструкции такого воображаемого *прошлого* и *будущего* (точнее, прошлого как будущего) — это «ослабленные», остаточные контуры прежней мобилизационной идеологии тоталитарного образца. В постмобилизационной фазе, на стадии деидеологизации постсоветского общества они все больше выступают уже анонимными и ничейными, «само-собой-разумеющимися» рамками реальности, горизонтами ориентаций и ожиданий. Для их «подновления», для поддержания индивидов в состоянии условной готовности достаточно теперь легких уколов напоминания, будут ли они вызваны угрозой массовых терактов или обидами за олимпийские неудачи страны. Самое недавнее прошлое демонстрирует действие подобных «слабых» механизмов с удивительной частотой, мало того — с известной регулярностью.

В этом плане, общий смысл социальных и культурных изменений, обозначившийся к концу 1990-х гг. и полностью проявившийся за пять последних лет, можно видеть, с одной стороны, в массовизации общества без его модернизации — иначе говоря, в усреднении и атомизации социального «вещества» без его социального «уплотнения», институционализации и дифференциации различных ценностей, идей, программ, форм действия. С другой стороны, он состоит в массовом принятии советского опыта, «освобожденного» от коммунистической идеологии, от памяти о массовых репрессиях, военных и гражданских потерях, от сознания исторической цены (уж не говорю «вины»), в качестве «нашего общего прошлого», привычного и «хорошего» образа жизни, который был в реальности утрачен, но теперь признан в воображении; об особенностях такого дистанцированного признания говорилось выше.

В последние годы в России наблюдается все более явная сегрегация сфер повседневного адаптивного поведения в одиночку или семьей, с одной стороны, и виртуальных пространств обобщенной символической идентификации — с другой¹. Перенос центра тяжести в семантике «коллективного» именно на эти последние, зоны воображаемого и демонстративного поведения «всех» в отношении «всех других», ведет к тому, что область общего («общественность» или «публичная сфера», пользуясь старым понятием Ю. Хабермаса) все больше приравнивается к государственно инсценированным ритуалам массовой солидарности. Разрастающаяся церемониализация «общественной» жизни в последние годы выступает симптомом ее деидеологизации во внешней, демонстрируемой зоне (за кулисами и под ковром идет вполне прагматическая борьба различных фракций военно-бюрократической власти). Но тем самым для рядовых россиян увеличивается

¹ См.: *Левада Ю.* Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 7—13.

содержательная неопределенность коллективной идентификации, ее общих рамок, — эти рамки становятся для них все более далекими и все менее осмысленными, смыслонесущими.

Наряду с этим власть в ходе самооговаривания все больше отдаляется от практических нужд населения и от коллективной реальности нынешнего дня, что, видимо, и делает ее все беспокойнее, хотя ни публичных конкурентов, ни различных опасностей для нее вроде бы нет. Отсюда, на уровне административных действий, множатся перетасовки, перестановки и перестраховки в верхах. На символическом же уровне идет все больший нажим именно на образы «единого целого» — разработку «более адекватных», патриотических версий истории, демонстративную озабоченность первых лиц «здоровьем нации» и проч. И чем значительнее со временем становится разрыв между сферами массовой адаптации и массовой идентификации (говоря проще, отчуждение людей от власти, а стало быть, политическое, гражданское неучастие), тем выше церемониализация публичной жизни и тем активнее идет ее огосударствление. За вторую половину девяностых, но особенно за последние пять лет, в центр общего социального мира, как уже говорилось в начале статьи, снова выдвигается проблема коллективной идентификации.

Область условного симулятивного согласия тех, кто так или иначе принимает предлагаемые официальными инстанциями, зависимыми от них публичными политиками и массмедиа символы общей идентичности, охватывает сегодня, по нашей приблизительной оценке, около 40% населения; примерно столько же россиян образуют еще более атомизированную зону «равнодушных» (что не значит, будто они — по крайней мере наполовину — не могут в том или ином отношении присоединиться к первым). Область поведения, выходящего за границы привычного конформизма или пассивной адаптации, в сумме достигает, вероятно, порядка 15%, но доля сколько-нибудь реальных и сознательно действующих групп, в конечном счете не согласных с устанавливающимся социально-политическим режимом, вряд ли выходит за пределы минимум 3–4 и максимум 10–12% (речь идет о порядке величин, а не об их номинальном значении). Точечные пространства современности сейчас — это зоны нерепрессивного и нетрадиционного взаимодействия, области выбора, конкуренции и партнерства. В этом смысле путь в сколько-нибудь реальное будущее, если он вообще возможен сегодня для тех или иных кругов и групп, связан в первую очередь с обращением к настоящему.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
I. ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ ОБЩЕСТВА	9
СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВИЧЕЙ	9
РОССИЯНЕ И МОСКВИЧИ	23
II. ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ПЕРЕМЕНАМ ..	36
СЕМЬЯ ИЛИ УСПЕХ?	36
УСПЕХ ПО-РУССКИ	46
ВРЕМЯ И ЛЮДИ: О МАССОВОМ ВОСПРИЯТИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	58
III. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ	85
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ РЕПРОДУКЦИЯ И РАЗРЫВ ПОКОЛЕНИЙ	85
К ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБИХОДА	97
О ПОКОЛЕНЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СДВИГОВ	113
О ПОКОЛЕНЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРАХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН	123
МОЛОДЕЖЬ И ИДЕОЛОГИЯ СЕГОДНЯ	130
ЖИЗНЬ ПО ПРИВЫЧКЕ: БЫТЬ ПОЖИЛЫМ В РОССИИ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ	144

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	168
ПРАВОСЛАВИЕ, МАГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В СОЗНАНИИ РОССИЯН	168
СТРАНА ЗРИТЕЛЕЙ: МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ	187
МОДЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК	202
МАССОВОЕ ЧТЕНИЕ И ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА: ПЕРЕМНЫ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ	219
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ КАПИТАЛЫ СЕМЬИ И СИСТЕМНЫЕ ДЕФИЦИТЫ СОЦИУМА	246
СПОРТ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ПРИМЕР РОССИИ	276
V. ГРАНИЦЫ И СИМВОЛЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	297
ПРОШЛОЕ В СЕГОДНЯШНИХ ОЦЕНКАХ РОССИЯН	297
ЗАПАД ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ: ОБРАЗ «ДРУГОГО» В СТРУКТУРЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	312
СТАЛИН И ПРОЧИЕ ФИГУРЫ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В КОНСТРУКЦИИ «ПРОШЛОГО» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	332
ЛИЦО ЭПОХИ. БРЕЖНЕВСКИЙ ПЕРИОД В СТОЛКНОВЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ОЦЕНОК	384
О КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИНЦИПАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И «СЛАБЫЕ» ФОРМЫ	399

Борис Дубин

Жить в России на рубеже столетий
Социологические очерки и разработки

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1
Печ. л. 25,5. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон (095) 245-49-03

ISBN 5-89826-216-4

9 785898 126216 7